

ISSN 2949-2483

Volume

Number

2

1

JOURNAL OF DIGITAL TECHNOLOGIES AND LAW

2024

ELECTRONIC
SCIENTIFIC
AND PRACTICAL
JOURNAL

Редакционная коллегия

Шеф-редактор

Бегишев Ильдар Рустамович – доктор юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Татарстан, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института цифровых технологий и права, профессор кафедры уголовного права и процесса Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова (Казань, Российская Федерация)

Главный редактор

Жарова Анна Константиновна – доктор юридических наук, доцент, директор Центра исследований киберпространства, ассоциированный член международного научно-образовательного центра «Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук (Москва, Российская Федерация)

Заместители главного редактора

Громова Елизавета Александровна – кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора Юридического института по международной деятельности, доцент кафедры предпринимательского, конкурентного и экологического права Южно-Уральского государственного университета (Национального исследовательского университета) (Челябинск, Российская Федерация)

Залоило Максим Викторович – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (Москва, Российская Федерация)

Филипова Ирина Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры трудового и экологического права Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Шутова Альбина Александровна – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института цифровых технологий и права, доцент кафедры уголовного права и процесса Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова (Казань, Российская Федерация)

Редакция

Заведующий редакцией – Дарчинова Гульназ Язкарвна

Выпускающий редактор – Аймурзаева Оксана Анатольевна

Ответственный секретарь – Лапшина Анастасия Денисовна

Редактор – Тарасова Гульнара Абдулахатовна

Технический редактор – Каримова Светлана Альфредовна

Художник-дизайнер – Загреддинова Гульнара Ильгизаровна

Переводчик – Беляева Елена Николаевна, кандидат педагогических наук, член Гильдии переводчиков Республики Татарстан

Специалист по продвижению журнала в сети Интернет –

Гуляева Полина Сергеевна

Адрес: 420111, Российская Федерация,

г. Казань, ул. Московская, 42

Телефон: +7 (843) 231-92-90

Факс: +7 (843) 292-61-59

E-mail: lawjournal@ieml.ru

Сайт: <https://www.lawjournal.digital>

Telegram: <https://t.me/JournalDTL>

ВКонтакте: <https://vk.com/JournalDTL>

Яндекс.Дзен: <https://dzen.ru/JournalDTL>

Одноклассники: <https://ok.ru/JournalDTL>

Учредитель и издатель

Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова. Адрес: 420111, Российская Федерация, г. Казань, ул. Московская, 42. Телефон: +7 (843) 231-92-90. Факс: +7 (843) 292-61-59. E-mail: info@ieml.ru. Сайт: <https://ieml.ru>

© Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, оформление и составление, 2023.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации: ЭЛ № ФС 77-84090 от 21 октября 2022 г. Территория распространения: Российская Федерация; зарубежные страны.

Статьи находятся в открытом доступе и распространяются в соответствии с лицензией Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал при условии, что оригинальная работа процитирована с соблюдением правил цитирования.

Важно!

16+

При цитировании любых материалов журнала ссылка обязательна. Ответственность за изложенные в статьях факты несут авторы. Высказанные в статьях мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции и не налагают на нее никаких обязательств.

Возрастная классификация: Информационная продукция для детей, достигших возраста шестнадцати лет.

Дата подписания к публикации – 15 марта 2024 г. Дата онлайн-размещения на сайте <https://www.lawjournal.digital> – 20 марта 2024 г.

Международные редакторы

Галлезе-Нобиле Кьяра – доктор наук, научный сотрудник (постдок) по управлению исследовательскими данными Эйндховенского технологического университета (Эйндховен, Королевство Нидерландов), научный сотрудник (постдок) департамента математики и наук о земле Университета Триеста (Триест, Итальянская Республика)

Джайшанкар Каруппаннан – доктор наук, директор и профессор Международного института исследований в сфере криминологии и безопасности (Бенгалуру, Республика Индия)

Кастилло Парилла Хосе Антонио – доктор наук, магистр новых технологий и права (Севилья, Королевство Испания), научный сотрудник Гранадского университета (Гранада, Королевство Испания)

Мохд Хазми бин Мохд Русли – доктор наук, доцент факультета шариата и права Международного исламского университета Малайзии (Куала-Лумпур, Федерация Малайзия)

Члены редакционной коллегии

Арзуманова Лана Львовна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (Москва, Российская Федерация)

Бажина Мария Анатольевна – доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры предпринимательского права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург, Российская Федерация)

Бахтеев Дмитрий Валерьевич – доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева, руководитель группы проектов CrimLib.info (Екатеринбург, Российская Федерация)

Беликова Ксения Михайловна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (Москва, Российская Федерация)

Берсей Диана Давлетовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь, Российская Федерация)

Будник Руслан Александрович – доктор юридических наук, профессор, заместитель директора международного научно-образовательного центра «Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация)

Дремлюга Роман Игоревич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора по развитию Института математики и компьютерных технологий, профессор Академии цифровой трансформации Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Российская Федерация)

Егорова Мария Александровна – доктор юридических наук, профессор, начальник Управления международного сотрудничества, профессор кафедры конкурентного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (Москва, Российская Федерация)

Ефремов Алексей Александрович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного и евразийского права Воронежского государственного университета (Воронеж, Российская Федерация)

Ефремова Марина Александровна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Казанского филиала Российского государственного университета правосудия (Казань, Российская Федерация)

Камалова Гульфия Гафиятовна – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой информационной безопасности в управлении Удмуртского государственного университета (Ижевск, Российская Федерация)

Ковалева Наталия Николаевна – доктор юридических наук, профессор, руководитель департамента права цифровых технологий и биоправа факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация)

Лопатина Татьяна Михайловна – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Смоленского государственного университета (Смоленск, Российская Федерация)

Минбалеев Алексей Владимирович – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (Москва, Российская Федерация)

Миронова Светлана Михайловна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры финансового и предпринимательского права Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Волгоград, Российская Федерация)

Наумов Виктор Борисович – доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора информационного права и международной безопасности Института государства и права Российской академии наук (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Пашенцев Дмитрий Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, главный научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (Москва, Российская Федерация)

Петренко Сергей Анатольевич – доктор технических наук, профессор, профессор кафедры информационной безопасности Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» имени В. И. Ульянова (Ленина), профессор Университета Иннополис (Иннополис, Российская Федерация)

Полякова Татьяна Анатольевна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, и. о. заведующего сектором информационного права и международной информационной безопасности Института государства и права Российской академии наук (Москва, Российская Федерация)

Пономарева Карина Александровна – доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник Центра налоговой политики Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов Российской Федерации, профессор департамента публичного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация)

Рожкова Марина Александровна – доктор юридических наук, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, советник по науке декана юридического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук, президент IP CLUB (Москва, Российская Федерация)

Рускевич Евгений Александрович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (Москва, Российская Федерация)

Сидоренко Элина Леонидовна – доктор юридических наук, доцент, директор Центра цифровой экономики и финансовых инноваций, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, генеральный директор платформы забизнес.рф (Москва, Российская Федерация)

Степанян Армен Жоресович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (Москва, Российская Федерация)

Стрельцов Анатолий Александрович – доктор юридических наук, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, член-корреспондент Академии криптографии Российской Федерации, ведущий научный сотрудник Центра проблем информационной безопасности Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация)

Талапина Эльвира Владимировна – доктор юридических наук, доктор права (Франция), главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук, ведущий научный сотрудник Центра технологий государственного управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Российская Федерация)

Терентьева Людмила Вячеславовна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного частного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (Москва, Российская Федерация)

Томашевский Кирилл Леонидович – доктор юридических наук, профессор, заместитель декана юридического факультета по научной работе, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова (Казань, Российская Федерация)

Харитоновая Юлия Сергеевна – доктор юридических наук, профессор, руководитель Центра правовых исследований искусственного интеллекта и цифровой экономики, профессор кафедры предпринимательского права Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация)

Хисамова Зарина Илдузовна – кандидат юридических наук, начальник отделения планирования и координации научной деятельности научно-исследовательского отдела Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации (Краснодар, Российская Федерация)

Чеботарева Анна Александровна – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой правового обеспечения государственного управления и экономики Российского университета транспорта (Москва, Российская Федерация)

Шугуров Марк Владимирович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры международного права Саратовской государственной юридической академии, главный научный сотрудник Алтайского государственного университета (Саратов, Российская Федерация)

Иностранные члены редакционной коллегии

Абламейко Мария Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь)

Аванг Низам Мухаммад – доктор наук, профессор факультета права и шариата Международного исламского университета (Негери-Сембилан, Федерация Малайзия)

Айсан Ахмет Фарук – доктор наук, профессор и координатор программы Исламских финансов и экономики Университета имени Хамада бин Халифа (Доха, Государство Катар)

Ападхьяй Нитиш Кумар – доктор юридических наук, доцент факультета права Университета Галготиас (Большая Нойда, Республика Индия)

Банкио Пабло – доктор наук, профессор Университета Буэнос-Айреса, постдок в области фундаментальных принципов и прав человека, член центра изучения частного права Национальной академии наук Буэнос-Айреса (Буэнос-Айрес, Аргентинская Республика)

Басарудин Нур Ашикин – доктор наук, старший преподаватель Университета технологий МАРА (Синток, Федерация Малайзия)

Бахрамова Мохинур Бахрамовна – доктор наук, старший преподаватель кафедры права интеллектуальной собственности Ташкентского государственного юридического университета (Ташкент, Республика Узбекистан)

Ван Розалили Ван Росли – доктор наук, преподаватель факультета права Брэдфордского университета (Брэдфорд, Соединенное королевство Великобритании, Шотландии и Северной Ирландии)

Варбанова Гергана – доктор наук, доцент Университета экономики (Варна, Республика Болгария), доцент Университета мировой экономики (София, Республика Болгария)

Вудро Барфилд – доктор наук, приглашенный профессор Туринского университета (Турин, Итальянская Республика)

Гозстоный Гегели – доктор наук, кафедра истории венгерского государства и права Университета Эотвос Лоранд (Будапешт, Венгрия)

Гостожич Стеван – доктор наук, доцент, глава цифровой криминалистической лаборатории Университета Нови Сад (Нови Сад, Республика Сербия)

Гош Джаянта – доктор наук, научный сотрудник Западно-Бенгальского национального университета юридических наук (Калькутта, Республика Индия)

Гудков Алексей – доктор наук, старший преподаватель Вестминстерского международного университета в Ташкенте (Ташкент, Республика Узбекистан)

- Дауд Махауддин** – доктор наук, доцент кафедры гражданского права Международного исламского университета Малайзии (Куала-Лумпур, Федерация Малайзия)
- Дахдал Эндрю** – доктор наук, доцент факультета права Катарского университета (Доха, Государство Катар)
- Дэнни Тэйм Даниэль Мендес** – доктор наук, научный сотрудник Азиатско-Тихоокеанского центра экологического права Национального университета Сингапура (Сингапур, Республика Сингапур)
- Иванц Тяша** – доктор наук, доцент кафедры гражданского, международного частного и сравнительного права Мариборского университета (Марибор, Республика Словения)
- Иоаннис Револидис** – доктор наук, преподаватель кафедры медиаправа и права технологий Мальтийского университета (Мсида, Республика Мальта)
- Йованич Татьяна** – доктор наук, доцент факультета права Белградского университета (Белград, Республика Сербия)
- Карим Ридоан** – доктор наук, профессор кафедры предпринимательского и налогового права Университета Монаша (Санвэй, Федерация Малайзия)
- Кастро Дуглас** – доктор наук, профессор международного права школы права Ланьчжоуского университета (Ланьчжоу, Китайская Народная Республика)
- Кера Решеф Дениза** – доктор наук, профессор Центра исследований технологий распределенного реестра Мальтийского университета (Мсида, Республика Мальта)
- Кипурас Павлос** – доктор наук, профессор Школы судебной графологии (Неаполь, Итальянская Республика)
- Мараньяо Альбукерке де Соуза Джулиано** – доктор наук, доцент факультета права Университета Сан-Паулу (Сан-Паулу, Федеративная Республика Бразилия)
- Мелипатаки Габор** – доктор наук, профессор кафедры аграрного и трудового права Университета Мишкольца (Мишкольц, Венгрия)
- Мехрдад Райеджиан Асли** – доктор наук, профессор Института исследований и развития в области гуманитарных наук, доцент кафедры ЮНЕСКО по правам человека, мира и демократии, заместитель декана по науке Университета имени Алламеха Табатабаи (Тегеран, Иран)
- Морина Менсур** – доктор наук, доцент, заместитель декана факультета права Университета бизнеса и технологий (Приштина, Республика Сербия)
- Мохсин Камшад** – доктор наук, доцент юридического факультета Международного университета Махариши (Махариши, Республика Индия)
- Муратаев Серикбек Алпамысович** – кандидат юридических наук, заведующий кафедрой теории государства и права Ташкентского государственного юридического университета (Ташкент, Республика Узбекистан)
- Нуреддин Мухамад** – доктор наук, старший преподаватель кафедры публичного права Университета Байеро (Кано, Федеративная Республика Нигерия)
- Праюди Юди** – доктор наук, профессор кафедры компьютерных наук и электроники Университета Гаджа Мада (Булаксур, Республика Индонезия)
- Рахметов Бауржан Жанатович** – доктор наук, ассистент-профессор Международной школы экономики Университета КАЗГЮУ имени М. С. Нарикбаева (Нур-Султан, Республика Казахстан)
- Тран Ван Нам** – доктор наук, директор факультета права Национального экономического университета (Ханой, Социалистическая Республика Вьетнам)
- Феррейра Даниэл Брантес** – доктор наук, старший научный сотрудник Южно-Уральского государственного университета (Челябинск, Российская Федерация), профессор Университета АМБРА (Орландо, Соединенные Штаты Америки), исполнительный директор Центра альтернативного разрешения споров (Рио-де-Жанейро, Федеративная Республика Бразилия)
- Чен Чао Хан Кристофер** – доктор наук, доцент факультета права Тайваньского национального университета (Тайпэй, Китайская Народная Республика)
- Шахновская Ирина Викторовна** – кандидат юридических наук, заведующий кафедрой конституционного права и государственного управления Полоцкого государственного университета (Новополоцк, Республика Беларусь)
- Эллул Джошуа** – доктор наук, директор Центра исследований технологии распределенного реестра Мальтийского университета (Мсида, Республика Мальта)
- Юхневич Эдвард** – доктор наук, профессор кафедры финансового права Гданьского университета (Гданьск, Республика Польша)

Содержание

Бегишев И. Р., Жарова А. К., Громова Е. А., Залоило М. В., Филипова И. А., Шутова А. А. «Цифровой поворот» в правовых исследованиях	7
Лонская С. В. Цифровая история права: начала методологии	14
Галиндо Аюда Ф. Алгоритмы, социология права и правосудие	34
Филипова И. А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: опыт Китая	46
Спозини Л. Влияние новых технологий на экономическое поведение и свободу выбора потребителя: от нейромаркетинга к нейроправам	74
Попова С. С. Применение искусственного интеллекта в деятельности религиозных объединений и контроле за ними	101
Ильин И. Г. Персональные данные в системах искусственного интеллекта: технология обработки естественного языка	123
Сапи Э. Моральные права автора в цифровой среде	141
Лютова О. И. Цифровая трансформация принципов налогового права	163
Кучина Я. Правовые подходы и методы регулирования финтеха в регионе Большого залива Гуандун – Гонконг – Макао	181
Ситников М. С. Финансово-правовое развитие общественных отношений с использованием цифровых валют в метавселенных	200
Коррейя П. М. А. Р., Перейра С. П. М., Билхим Ж. А. де Ф. Исследования инноваций и цифровой трансформации в правосудии: систематический обзор	221

От редакции

УДК 34:004

EDN: <https://elibrary.ru/iwwubp>

DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.1>

«Цифровой поворот» в правовых исследованиях

Ильдар Рустамович Бегишев

Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, Казань, Россия

Анна Константиновна Жарова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Елизавета Александровна Громова

Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия

Максим Викторович Залоило

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Ирина Анатольевна Филипова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

Альбина Александровна Шутова

Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, Казань, Россия

В академическую правовую среду прочно вошла и быстро стала главенствующей тема цифровизации и технологизации общественных отношений и государственного управления, обусловленных развитием научно-технического прогресса. Это заметно по стремительному росту публикаций и проводимых научных мероприятий во всем мире, объемам финансирования исследований и разработок в сфере инноваций в развивающихся и передовых государствах, разрабатываемым и принимаемым законам в области индустрии высоких технологий, программно-стратегическим документам, утверждаемым на высоком национальном и международном уровне и направленным на развитие информационного общества, технологий искусственного интеллекта, иных технологий. Цифровизация стала актуальным и перспективным направлением в развитии ряда областей. В орбите влияния этого «цифрового поворота» оказалась также и наука, традиционные методы и инструменты которой обогатились цифровыми технологиями, что заметно сказалось на системе и способах исследования общественных и гуманитарных наук.

Востребованность научного поиска и новых результатов в этом направлении подтверждается высоким интересом к Journal of Digital Technologies and Law

и представленным на его страницах публикациям, охватывающим проблематику цифровых технологий и права. За первый год работы журнала опубликовано четыре номера первого тома, куда вошли 48 научных статей. Их авторами стали доктора наук (30), кандидаты наук (12) и специалисты, практикующие юристы, эксперты, молодые ученые (15). В целом в 2023 г. 57 авторов из 19 стран мира (Австралии, Беларуси, Болгарии, Великобритании, Венгрии, Египта, Индии, Ирана, Испании, Италии, Казахстана, Китая, Малайзии, Нигерии, Нидерландов, России, США, Узбекистана и ЮАР) смогли опубликовать свои оригинальные статьи в научном издании. Сайт журнала в течение первого года работы посетили представители более 120 стран (рис. 1).

Рис. 1. География посетителей сайта журнала Journal of Digital Technologies and Law (по состоянию на 1 марта 2024 г.)

Издание стремится к активному взаимодействию с ведущими отечественными и зарубежными учеными и специалистами, разрабатывающими методологические, методические и технологические вопросы формирования и развития новых направлений исследований в области права и цифровизации, этапов их эволюции и возможных перспектив трансформации в будущем.

Результаты анализа публикационной активности в Journal of Digital Technologies and Law показывают, с одной стороны, разнообразие представленных научных подходов к изучению цифровых технологий и права, их конвергенции, с другой – доминирование нескольких базовых направлений исследований. Среди них можно назвать алгоритмизацию регулирования, предполагающую расширение использования в социальной регуляции и при принятии управленческих решений алгоритмов на основе искусственного интеллекта. С этим доминирующим направлением тесно сопряжено другое – персонализация регулирования, обусловленная внедрением автоматизации в обработку данных, включая персональные, на основе цифровых технологий,

в том числе технологии больших данных. Следует отметить, что вопросы кибербезопасности и предотвращения утечек данных будут остро стоять на повестке дня, особенно в условиях дальнейшего развития искусственного интеллекта. Наблюдаются конкуренция и конвергенция гуманитарного и технического (технологического) знаний.

Новые технологические достижения, полученные решения и продукты, ожидаемые в этом году, могут привести к дальнейшим изменениям нашего мира и представлений о нем. Сложившиеся и урегулированные на основе права общественные отношения меняются под воздействием технологического фактора, и данные изменения продолжатся в будущем, что приведет к возникновению новых сфер общественных отношений, а соответственно, и возможных предметов правового регулирования. Это неминуемо сподвигнет ученых-юристов искать ответы на вновь возникающие вопросы о правовом реагировании, оптимальных путях и эффективных средствах упорядочения отношений, защиты от негативного влияния цифровых технологий, минимизации рисков. Правовая доктрина активно откликается на это и готова предложить новые идеи и концепции в контексте формирующихся тенденций развития общества и государства.

В свете цифровых и технологических трендов меняется и само право. Уместно будет вспомнить недавние дискуссии об идее создания цифрового (инфокоммуникационного) кодекса в ряде государств, проектируемых и принятых стратегиях и законах об искусственном интеллекте, экспериментальных и специальных правовых режимах для инноваций и новых регуляторных песочницах, цифровых валютах и децентрализованных финансах, токенизации и пр.

Ученые на основе обобщения отечественной и зарубежной литературы исследуют методологические аспекты формирования и развития новых междисциплинарных направлений, обусловленные «цифровым поворотом» в фундаментальной юридической науке. Отрадно отметить, что такой поворот становится привлекательным для историков права, использующих перспективные научные подходы. Первый выпуск 2024 г. открывает статья «Цифровая история права: начала методологии» (**Светлана Лонская, Россия**), посвященная новым направлениям изучения прошлого права и государства с помощью цифровых информационно-коммуникационных технологий и инструментов. Проведенное исследование будет интересно не только историкам, но и теоретикам права, поскольку здесь на теоретическом уровне обоснованы основные начала методологии нового междисциплинарного направления в социогуманитаристике – цифровой истории права, показан эвристический потенциал цифровых технологий в историко-правовых науках, сформированы контуры научно-исследовательской программы историко-правового (историко-юридического) источниковедения и продемонстрированы возможности для расширения представлений и знаний об историко-правовых фактах, явлениях, процессах.

Многие знают, что самыми главными словами 2023 г. стали «нейросеть» и «искусственный интеллект». Появление генеративного искусственного интеллекта сильно повлияло на жизнь человека. Широкую известность получил ChatGPT, продемонстрировавший впечатляющие способности по самообучению, производственной деятельности и умению понимать естественный язык, что заставило более тысячи экспертов, среди которых глава Tesla и SpaceX Илон Маск и один из основателей Apple Стив Возняк, опубликовать открытое письмо, в котором авторы призвали разработчиков ChatGPT – компанию Open AI – наложить мораторий на дальнейшее обучение искусственного интеллекта. 2024 г. продолжится бурным ростом подобных

технологий и, соответственно, будут возникать новые вопросы по регулированию в данной сфере вследствие возникновения новых проблем и рисков в развитии генеративного искусственного интеллекта и появления более сложных моделей других типов искусственного интеллекта.

Тема искусственного интеллекта по-прежнему остается центральной для юристов. В настоящем выпуске журнала раскрываются вопросы правового регулирования искусственного интеллекта, возможности использования алгоритмов в профессиональной деятельности юристов. Последние продолжают спорить о том, могут ли высокотехнологичные алгоритмы заменить высокопрофессионального юриста или они должны выполнять лишь факультативные (вспомогательные) функции, каковы возможности использования алгоритмов в правосудной (правоприменительной) деятельности и можно ли автоматизировать последнюю. Этим и многим другим вопросам посвящена статья «Алгоритмы, социология права и правосудие» (**Фернандо Галиндо, Испания**), в которой через принципы коммуникативной и коммуникационной теорий права раскрываются достижения социологии права, лежащие в основе создания системы или программ, помогающих решать правовые конфликты. Подчеркиваются сложность процесса выработки правовых решений на основе искусственного интеллекта при отправлении правосудия, а также проблемы, возникающие при применении достижений социологии права в процессе создания и толкования законов.

Специальное исследование посвящено вопросам регуляторики искусственного интеллекта в Китае, ее преимуществам и недостаткам по сравнению с основными правовыми моделями, сложившимися в современном мире (**Ирина Филипова, Россия – Узбекистан**). Гонка за лидерство в области индустрии искусственного интеллекта определяет высокий интерес к изучению и сравнению передовых подходов стран по уровню развития цифровых технологий и уровню их правового регулирования. Китайский подход в этом смысле играет значимую роль, поскольку создает основу для экспорта искусственного интеллекта по всему Глобальному Югу и в странах, участвующих в инициативе «Один пояс – один путь». Заслуживает внимания сопоставление китайского подхода с иными конкурирующими моделями, получившими распространение на европейском, американском, азиатском пространстве.

Развитие искусственного интеллекта стимулировало переход от товарной экономики к экономике впечатлений как новой социально-экономической ступени общества, сфокусированной на создании положительных и незабываемых эмоций у клиентов как источнике ценности и конкурентного преимущества компании. Новые и более эффективные методы продаж, используемые крупными компаниями, стали учитывать данные, полученные и обработанные при помощи технологий эмоционального искусственного интеллекта. Порождаемые на их основе практики продаж вызывают неоднозначные оценки этико-правового характера, поскольку могут влиять на процесс принятия решений покупателем, что особенно важно в условиях, когда действующее законодательство оставляет возникающие вопросы без ответа. В статье «Влияние современных технологий на экономическое поведение и свободу выбора потребителя: от нейромаркетинга к нейроправам» (**Людовика Спозини, Италия**) определяются тенденции развития искусственного эмоционального интеллекта и оцениваются возможные риски ограничения свободы экономического поведения и принятия решения. В работе подробно рассматривается процесс принятия решений потребителями сквозь призму новых подходов в экономике, психологии

и праве, определяются этические проблемы, возникающие при использовании методов нейромаркетинга в отношении базовых человеческих ценностей. Основной упор делается на защиту потребителя от необоснованных влияний современных цифровых технологий.

Продолжает эстафету исследований междисциплинарных аспектов цифровых технологий другая статья – «Применение искусственного интеллекта в деятельности религиозных объединений и контроле за ними» (**Светлана Попова, Россия**), в которой затрагиваются основные направления взаимодействия права, религии, этики и цифровизации в контексте применения искусственного интеллекта. Исследованы базовые этические принципы в использовании цифровых технологий в деятельности религиозных организаций, выявлены пробелы правового регулирования миссионерской деятельности в условиях цифровой модернизации жизнедеятельности, определена роль контрольно-надзорной и управленческой деятельности в религиозной сфере посредством установления юридической ответственности за последствия принятых искусственным интеллектом решений и минимизации рисков его применения.

Статья о технологиях обработки естественного языка и персональных данных в системах искусственного интеллекта (**Илья Ильин, Россия**) знакомит читателей с определением и правовым режимом персональных данных в составе лингвистического корпуса; вопросами квалификации голоса в качестве персональных данных в разных юрисдикциях; пределами обеспечения законности обработки персональных данных в составе технологии обработки естественного языка; механизмами использования персональных данных для оплаты цифровых продуктов на базе технологии обработки естественного языка.

Цифровизация экономики, финтех, цифровые валюты государств, децентрализованные финансы и кроссплатформенность продолжают оставаться в центре внимания исследователей разных стран. Так, свыше 100 стран рассматривают варианты создания государственных цифровых валют. В большинстве из них вопрос обсуждается на экспертном уровне, ряд государств находятся на стадии исследования или разработки, некоторые – на этапе тестирования. Сегодня цифровые валюты полноценно внедрены более чем в 10 странах, преимущественно это небольшие государства Карибского бассейна, Нигерия и др. Известны пилотные версии цифровых валют в Индии (цифровая рупия), Китае (цифровой юань), Уругвае (цифровой песо) и др. В 2024 г. пилотных платформ государственных цифровых валют станет еще больше, поскольку их планируют запустить Сингапур, Бразилия, Гонконг, Таиланд и др.

В текущем выпуске журнала этим вопросам посвящено несколько исследований, в которых сопоставляются различные подходы к регулированию финансовых технологий с учетом уровня инноваций и траекторий развития рынка финтеха. Интерес в этом плане представляют стремительно развивающиеся регионы, к которым можно отнести специальные административные районы Большого залива – Гуандун – Гонконг – Макао Китайской Народной Республики, где выстраивается своеобразная система подходов и методов правового реагирования, не имеющая аналогов в современном мире. Анализу этого уникального опыта регуляторной политики и системы регулирования, сформированной на юге Китая, посвящено специальное сравнительно-правовое исследование (**Ярослава Кучина, Китай**).

Конвергенция финансового права и цифровых технологий подталкивает государства к поиску совершенствования механизмов финансово-правового регулирования общественных отношений в условиях формирующихся новой реальности

и современных концепций. Одной из них, набирающей все большую популярность, является концепция метавселенных, которая в перспективе, как прогнозируют специалисты, будет обладать собственной экономической системой в условиях использования цифровых валют. В свете этой концепции уже сейчас начинает изменяться финансово-правовая политика отдельных государств в целях развития собственного социально-экономического потенциала и закрепления в будущем лидерских позиций по уровню цифрового развития. На страницах номера журнала можно ознакомиться с размышлениями о перспективах правового регулирования совершения транзакций в метавселенных с точки зрения финансового контроля и мониторинга (**Максим Ситников, Россия**).

На возможностях информационно-коммуникационных технологий основаны близкие к отмеченному выше механизм налогового мониторинга и рискориентированный подход как его характеристика, особенности организации и проведения предварительного налогового контроля. Наряду с этим развитие иных, в том числе новых институтов налогового права и налогового законодательства в целом, будет обусловлено темпами развития процессов создания и применения новых информационно-коммуникационных технологий, используемых в налоговых и смежных с ними отношениях. Сохраняющие свое теоретическое значение в условиях цифровизации экономики вопросы налогово-правовой доктрины призваны продолжить дискуссию в заданном направлении, что и предпринимается в статьях отдельных исследователей (**Ольга Лютова, Россия**).

В одной из статей номера (**Эдит Сапи, Венгрия**) тесно переплетается целый комплекс вопросов, связанных с развитием платформ социальных сетей, искусственным интеллектом и токенизацией, рассматриваемых через призму творчества и моральных прав автора. Авторское право также часто сталкивается с проблемами технологического прогресса. Особенно это относится к моральным правам автора, защита которых характеризуется двойственностью: на международном уровне она слабо гармонизирована, в то же время это предполагает большее отражение на уровне национального законодательства, что и происходит в ряде стран. Вместе с тем часто дискутируется вопрос об эффективности защиты таких прав. Нарушение моральных прав автора гораздо сложнее поддается количественному определению размера причиненного ущерба в отличие от более простой количественной оценки экономических прав. В этой статье можно найти ответы на такие вопросы, как соответствие личных неимущественных прав автора в цифровой среде их первоначальному назначению; сущность моральных прав; взаимосвязи между моральными правами автора и платформами социальных сетей, моральными правами автора и технологией искусственного интеллекта, моральными правами автора и невзаимозаменяемым токеном.

Завершает выпуск журнала систематический обзор исследований инноваций и цифровых трансформаций в правосудии (**Педро Коррейя, Сандра Перейра, Жоао Билхим, Португалия**), где предпринята успешная попытка адаптации и применения к юридической области эвристической модели изучения инноваций в государственном секторе, что позволило представить карту исследований и основные тренды в сфере цифровизации правосудия за 2001–2022 гг. с опорой на современные теории и подходы в соответствии с протоколом PRISMA, определяющим порядок, критерии и параметры исследования.

Надеемся, что представленный очередной номер Journal of Digital Technologies and Law будет интересен широкому кругу читателей, а статьи, прошедшие рецензирование,

научное редактирование и увидевшие свет, послужат примером для тех потенциальных авторов, которые готовы продемонстрировать свои перспективные научные результаты и разработки в области инноваций и права на страницах нашего журнала. В целях дальнейшего формирования международного диалога и коммуникативного научного пространства мы открыты для сотрудничества с ведущими и молодыми отечественными и зарубежными учеными, экспертами, практикующими юристами для публикации их идей по вопросам совершенствования существующих и выработки новых подходов к решению проблем правового регулирования и охраны общественных отношений, связанных с цифровыми технологиями.

В предыдущем году Journal of Digital Technologies and Law получил знак отличия **DOAJ Seal**, присуждаемый научным журналам, демонстрирующим передовой опыт публикации в открытом доступе. Это дополнительно подчеркивает, что журнал соответствует принятым издательским стандартам и прилагает усилия для обеспечения прозрачности и воспроизводимости результатов исследований. За короткий период журнал получил полноценную индексацию в базах крупнейших библиотек и ведущих университетов планеты, вошел в каталоги высококачественных рецензируемых журналов с открытым доступом, стал размещаться на порталах научных электронных библиотек и на платформах научных публикаций. Электронные версии издания также доступны на сайте интернет-версии базы данных справочно-правовой системы «Гарант» (рис. 2).

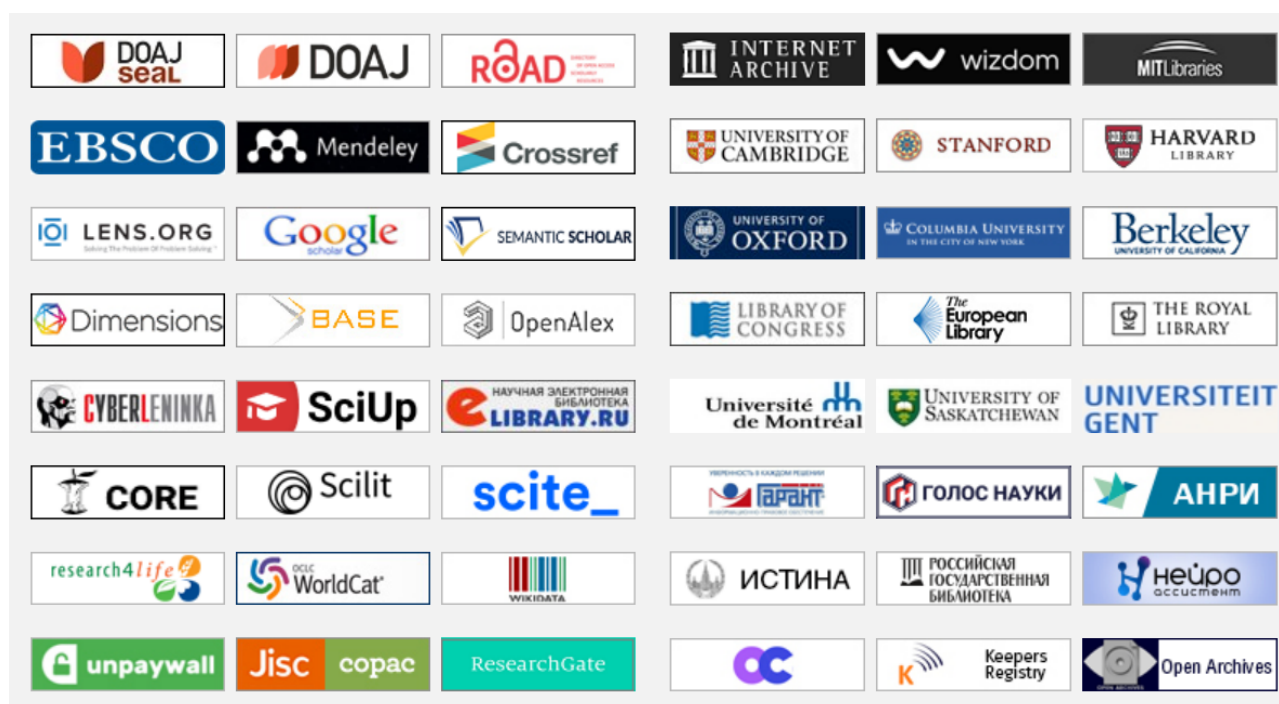

Рис. 2. Индексация журнала Journal of Digital Technologies and Law в крупнейших международных и российских базах цитирования, каталогах, библиотеках и в открытых репозиториях (по состоянию на 1 марта 2024 г.)

Благодарим авторов, рецензентов, сотрудников редакции, амбассадоров журнала, членов международной редакционной коллегии и читателей за сотрудничество и растущий интерес к нашему периодическому изданию, они являются важными показателями успеха нашей работы.

Научная статья

УДК 34:004:930:001.8

EDN: <https://elibrary.ru/cfnahc>

DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.2>

Цифровая история права: начала методологии

Светлана Владимировна Лонская

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград, Россия

Ключевые слова

история права,
кодирование
(декодирование)
информации,
методология юридической
науки,
оцифровка источников,
право,
цифровая гуманитаристика,
цифровая история права,
цифровая квалификация
исследователя,
цифровые технологии,
юридическое
источниковедение

Аннотация

Цель: теоретически обосновать основные начала методологии нового междисциплинарного направления в социогуманитаристике – цифровой истории права и продемонстрировать эвристический потенциал цифровых технологий в историко-правовых науках.

Методы: исследование основано на системном, формально-логическом, сравнительном общенаучных методах.

Результаты: сделан вывод, что методология цифровой истории права основана, во-первых, на источникоцентричном подходе, рассматривающем источник как макрообъект наук о человеке и обществе, через который совершается информационный обмен (концепция когнитивной истории О.М. Медушевской), и, во-вторых, на сочетании традиционных методов истории права с цифровыми техниками и технологиями и основанными на них методиками – в рамках научно-исследовательской программы историко-правового (историко-юридического) источниковедения. Предпринята попытка обобщить существующие цифровые технологии и основанные на них методы и методики в приложении к историко-правовым наукам. На примерах конкретных исследований показан их эвристический потенциал.

Научная новизна: впервые в отечественной историко-правовой науке обосновывается методология цифровой истории права как междисциплинарного направления, изучающего прошлое права и государства с помощью цифровых информационно-коммуникационных технологий и инструментов.

Практическая значимость: в условиях актуальных в последние годы «поворотов» в социогуманитарных науках (цифровом, лингвистическом, визуальном и др.), развития цифрового типа социальной коммуникации, изменяются и методологические подходы к получению нового знания, появляются новые междисциплинарные отрасли научного знания, а также и новые требования к квалификации исследователей. Происходящие изменения затрагивают и историко-правовые науки: цифровая история права формируется как междисциплинарное направление в рамках цифровой гуманитаристики, на стыке с историей,

© Лонская С. В., 2024

Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал при условии, что оригинальная работа упомянута с соблюдением правил цитирования.

юриспруденцией и информатикой. Понимание и применение цифровых технологий и основанных на них методах научного познания в историко-правовых исследованиях открывает новые возможности для историков права в определении направлений своих научных изысканий, получении новых научных результатов, что в конечном счете расширяет наши представления об историко-правовых фактах, явлениях и процессах.

Для цитирования

Лонская, С. В. (2024). Цифровая история права: начала методологии. *Journal of Digital Technologies and Law*, 2(1), 14–33. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.2>

Содержание

Введение

1. Модель структуры методологического знания в приложении к отдельной научной дисциплине
2. Философский и общенаучный уровни методологии цифровой истории права
3. Конкретно-научный и инструментально-операциональный уровни методологии цифровой истории права
 - 3.1. Методология цифровой истории права в аспекте предмета и источников исследования
 - 3.2. Терминология и структура инструментально-операционального уровня методологии цифровой истории права
 - 3.3. Методология цифровой истории права в действии: как это работает?

Заключение

Список литературы

Введение

Понимание науки как сферы человеческой деятельности, где происходят производство и обмен новыми знаниями, позволяет рассматривать этот процесс в ракурсе информационного подхода: ведь информация и есть сведения, знания о мире¹. Давно установленная в науке связь между способами хранения, обработки и передачи информации, с одной стороны, и формами человеческого восприятия и мышления – с другой (Маклюэн, 2018) дает основание утверждать, что типы передачи информации в социуме оказывают влияние и на научное знание в части его методологии. Поэтому цифровой поворот в науке мы понимаем как состояние изменения методологических подходов к получению нового знания в результате появления электронного (цифрового) типа социальной коммуникации.

¹ ISO/IEC 10746-2: 2009. Information technology – Open distributed processing – Reference model: Foundations – Part 2. <https://clck.ru/37zw3i>

В последние десятилетия дисциплинарная структура науки в мире пополнилась комплексом цифровых наук. Цифровая гуманитаристика, как пример такого комплекса научных дисциплин на базе цифровых технологий, уже приобрела достаточное влияние, сформировала широкое сообщество, развивается с точки зрения разработки теоретических проблем, несмотря на определенный скептицизм ряда исследователей (Goebel, 2021).

В рамках цифровой гуманитаристики постепенно вызревает и цифровая история права. Оставаясь в рамках своего предмета (изучения прошлого права и государства), цифровая история права получает новые знания с помощью цифровых информационно-коммуникационных технологий и инструментов, что в дисциплинарной структуре науки выводит ее в круг междисциплинарности с точки зрения методологии. Сформулировать начала этой методологии для историков права становится важной научной проблемой, которая в последние годы начинает решаться (Birr, 2016; Robertson, 2016; Tanenhaus & Nystrom, 2016b; Küsters et al., 2019; Volkaert, 2021). Ниже мы определим основные уровни методологического знания и их содержание применительно к цифровой истории права, обобщим и продемонстрируем эвристический потенциал современных цифровых технологий и основанных на них методов в применении к историко-правовым наукам.

1. Модель структуры методологического знания в применении к отдельной научной дисциплине

Обоснование методологии цифровой истории права можно представить в виде модели, основывающейся на общих представлениях о структуре методологии (методологического знания). Согласно философу Э. Г. Юдину (Юдин, 1978), здесь выделяются четыре уровня:

- философская методология: общие принципы познания, предпосылки и ориентиры познавательной деятельности, категориальный строй науки;
- общенаучная методология: концепции, воздействующие на группу фундаментальных научных дисциплин, относительно безразличные к конкретной предметной области;
- конкретно-научная методология: совокупность методов, принципов исследования и процедур, применяемых в той или иной специальной научной дисциплине, с соответствующей предметной интерпретацией и разработкой;
- методика и техника научного исследования: набор процедур, обеспечивающих получение и первичную обработку эмпирического материала при условии соблюдения требований достоверности и единообразия.

Примерно такая же четырехуровневая структура воспроизводится и правоведом Н. Н. Тарасовым: философские средства, общенаучные средства, специально-юридические средства, методики и техники исследований (Тарасов, 2001).

У Д. А. Керимова выделяются также четыре уровня: диалектико-мировоззренческий, общенаучный (междисциплинарный), частнонаучный, переходный от познавательно-теоретической к практически-преобразовательной деятельности (Керимов, 2001). При этом он не соглашается с включением в ряд уровней методик и техник исследования, поскольку они «не отражают объективных закономерностей познания и поэтому лишены методологического значения» (Керимов, 2001).

С. В. Кодан, обосновывая методологию историко-юридического источниковедения как отдельной научной дисциплины, исходит из пяти уровней методологических средств: методологических принципов, методологических подходов, конкретно-научных методов, методики исследования, техники исследования (Кодан, 2018). Он же выделяет два обобщенных уровня методологического знания: конкретно-научную методологию (принципы, подходы, методы) и процедурно-научную методологию, в которую включает методики, техники (ресурсы и средства) и технологии (приемы использования техник и способы организации деятельности). Первый уровень содержит общие требования и определяет набор познавательных инструментов, а нижестоящий уровень носит операционный характер, выступает как набор методологических инструментов-операций (Кодан, 2022а).

Это, однако, не означает, что два вышестоящих уровня (философский и общенаучный) выпадают из общей картины. Они остаются, поскольку «относительно безразличны», по Э. Г. Юдину (Юдин, 1978), к конкретной предметной области, но в целом задают парадигму исследований, или научно-исследовательскую программу (Котенко, 2006; Кун, 2003; Лакатос, 1995). Включение же методик, техник и технологий в методологию научного познания нам представляется оправданным именно в силу их обособления как инструментально-операциональной компоненты (уровня) методологии научного исследования, тем более в контексте применения информационных (компьютерных, цифровых) технологий. Представляется, что истоки генезиса методологии цифровых исследований находятся именно в техниках и технологиях, которые получили ученые с середины прошлого столетия, когда началась компьютерная эра. Информационно-коммуникационные техники и технологии, в свою очередь, сформировали новые методики и методы или привнесли существенные трансформации в уже существующие.

Фактически философский, общенаучный и конкретно-научный уровни методологии имеют аналогичную структуру и могут быть объединены в единый макроуровень, который мы бы назвали парадигмальным (нормативным), поскольку на этом уровне определяются принципы, подходы и методы исследования (общенаучная парадигма, общенаучная и конкретно-научная исследовательская программа). Методики, техники и технологии, как мы уже заметили, в совокупности образуют не просто процедурный, а инструментально-операциональный уровень методологии. Из этой структуры методологического знания мы и будем исходить далее.

2. Философский и общенаучный уровни методологии цифровой истории права

Э. Г. Юдин определяет методологический подход как «принципиальную методологическую ориентацию исследования, как точку зрения, с которой рассматривается объект изучения (способ определения объекта), как понятие или принцип, руководящий общей стратегией исследования» (Юдин, 1978). Отметим еще одно важное замечание философа: научное исследование строится, как правило, на совокупности подходов при условии, что они не взаимоисключают друг друга и адекватны определенным типам исследовательских задач (Юдин, 1978).

Философский уровень определяет самые общие мировоззренческие позиции исследователя – и онтологические, и эпистемологические. В рамках этой статьи мы не будем вдаваться в подробный анализ и описание философско-мировоззренческих

оснований научного исследования, а ограничимся лишь констатацией того факта, что традиционно в научно-методологической и учебной литературе на этом уровне выделяют противопоставляемые метафизический и диалектический подходы², хотя современная постклассическая наука уходит от этой дихотомии (Честнов, 2012).

Спускаясь на уровень общенаучных концепций, воздействующих на группу научных дисциплин и служащих переходным звеном от общемировоззренческих материй к конкретным наукам, мы, очевидно, попадаем в круг концепций в рамках цифровых социогуманитарных наук (цифровой гуманитаристики) и общих исследовательских задач, которые решаются в рамках цифрового поворота в гуманитарном знании. Научный статус цифровой гуманитаристики как очень молодого направления все еще окончательно не определен. Метафора некоего методологического или технологического «зонтика» над гуманитарными науками, полагаем, не может рассматриваться как научная категория. Однако основные направления исследований в области цифровых гуманитарных наук, а значит и задачи, уже ясны, и есть главное, что их объединяет: цифровые исследования – это работа с данными при помощи цифровых инструментов³.

Но откуда же берутся данные (data)? Ответ очевиден: из разнообразных источников. Поиск, обработка и интерпретация источников, получение из них новой информации, дальнейшая работа с этой информацией, перекодированной в данные, и другая научная работа – в этом состоят базовые исследовательские процедуры, осуществляемые с помощью цифровых методик, техник и технологий. Отсюда полагаем, что в качестве ведущей общенаучной методологической концепции цифровой гуманитаристики может быть принята основанная на феноменологической парадигме концепция когнитивной истории О. М. Медушевской (Медушевская, 2008). Источник здесь рассматривается как эмпирическая данность, макрообъект всех наук о человеке и обществе, через который совершается информационный обмен в социуме. Такой «источникоцентричный» методологический подход, а в его рамках и общенаучный источниковедческий метод и задают, на наш взгляд, парадигму цифровых социогуманитарных исследований; С. В. Кодан называет ее источниковедческой парадигмой (Кодан, 2022b).

Источникоцентричный подход, определяемый как главный ориентир исследования, сочетаем и с другими известными общенаучными принципами и подходами: объективности, историзма, системным, сравнительным, структурно-функциональным, антропологическим, деятельностным, сетевым, институциональным и т. д. Непосредственное сочетание общенаучных принципов, подходов и методов (теоретических и эмпирических) будет зависеть от предмета, проблем и задач конкретного исследования, которые формулируются уже на следующем уровне методологического знания, а также от тех данных, которые окажутся в распоряжении исследователя.

² Немытина, М. В., Михеева, Ц. Ц., Лапо, П. В., Гуляева, Е. Е. (2022). История и методология юридической науки = History and Metodology of Legal Science: учебное пособие для магистрантов (2-е изд.). Москва: РУДН.

³ Пучковская, А. А., Зимина, Л. В., Волков, Д. А. (2021). Введение в цифровые гуманитарные исследования: учебно-методическое пособие. Санкт-Петербург: Университет ИТМО. <https://clck.ru/37zwUL>

3. Конкретно-научный и инструментально-операциональный уровни методологии цифровой истории права

3.1. Методология цифровой истории права в аспекте предмета и источников исследования

История права – изначально междисциплинарная наука, находящаяся на стыке истории и юриспруденции. Цифровая история права по определению еще далее раздвигает свои границы. Мы рассматриваем ее как междисциплинарное направление в рамках цифровой гуманитаристики, на стыке с историей, юриспруденцией и информатикой. В то же время цифровая история права остается в пределах своего традиционного предмета – изучения правовых фактов, явлений и процессов прошлого, синтеза исторического анализа правовых ситуаций и правового анализа исторических ситуаций. Связь с цифровой гуманитаристикой и информатикой на цифровом повороте обогащает историю права не с точки зрения предмета, а с точки зрения методологии.

На уровне конкретно-научной методологии историко-правовых исследований общенаучные источникцентричный подход и источниковедческий метод (источниковедческая парадигма) переходят в основном в русло методологии (научно-исследовательской программы) историко-правового (историко-юридического) источниковедения (Кодан, 2018, 2022а, 2022b). Историк права имеет дело с историко-правовыми источниками, через которые познается история государственно-правовых явлений и процессов. В силу этого комплекс традиционных принципов, подходов и методов, присущих историко-правовой науке, сохраняется. Историко-генетический, сравнительно-исторический, сравнительно-правовой, формально-юридический методы, метод толкования права и другие продолжают оставаться в арсенале и цифрового историка права, особенно на этапе первичной обработки и интерпретации источников. Но подход к самой проблеме источников для цифрового историка права меняется, поскольку на этом методологическом уровне исследователь работает уже не просто с источниками, но и с данными (data).

Гуманитарные данные бывают разными. Авторы пособия «Введение в цифровые гуманитарные исследования»⁴ приводят такие примеры: текстовые файлы; данные, собранные с помощью парсинга и API из сети Интернет; цифровые изображения предметов; геопространственные данные; аудиофайлы; метаданные. Главное свойство данных, с которыми можно работать с помощью цифровых технологий, заключается в их формализованности. Некоторые данные должны быть предварительно преобразованы, чтобы приобрести формализованный машиночитаемый вид. Например, текстовые файлы получают специальную разметку (этот процесс носит название аннотирования данных), аккумулируются в корпуса текстов, и далее они уже пригодны для обработки и получения новой информации с помощью, например, методов математической лингвистики и компьютерных средств.

Могут ли гуманитарные данные быть историко-правовым источником? Думается, развитие современного историко-правового источниковедения дает положительный ответ на этот вопрос. Данные извлекаются из источников, источники преобразуются в данные. Наверное, важнее рассматривать проблему в технологической плоскости: как осуществлять процедуры кодирования «текстов» (историко-правовых

⁴ Пучковская, А. А., Зимина, Л. В., Волков, Д. А. (2021). Введение в цифровые гуманитарные исследования: учебно-методическое пособие. Санкт-Петербург: Университет ИТМО. <https://clck.ru/37zwUL>

источников в самом широком смысле) в «данные», как применять компьютерные средства в своих исследованиях и т. д. Это, безусловно, требует достаточного уровня цифровой квалификации исследователя.

3.2. Терминология и структура инструментально-операционального уровня методологии цифровой истории права

Выше мы не давали отдельных определений для методологических принципов и методов исследования, полагая, что, невзирая на многообразие существующих дефиниций, смысл этих понятий читателю ясен. Определение методологического подхода мы привели по Э. Г. Юдину (Юдин, 1978), оно прошло проверку временем и не устарело. Можно спорить, например, что первичней – принципы или подходы, однако здесь мы не стремимся разрешать этот спор. Авторская позиция, надеемся, понятна: принципы как исходные идеи, положения мы ставим первыми. Подробная разработка методологических принципов цифровой истории права – отдельный большой вопрос, его мы вывели за рамки настоящей статьи. Как представляется, в дополнение к традиционным принципам истории права речь в первую очередь может идти о принципах, связанных с информационными технологиями и данными: например, о принципах качества данных (их полноты, достоверности, сопоставимости), принципах интерпретации, визуализации и т. д.

При описании содержания инструментально-операционального уровня методологического знания различными авторами, как мы уже видели, используются в основном категории «методика» и «техника». С. В. Кодан добавляет к этому технологию (Кодан, 2022а). В сильно упрощенном виде мы бы свели все к методикам и средствам, но требования достаточности и полноты заставляют расставить все по своим местам, по крайней мере, в контексте данной работы.

В отличие от метода методика – это реализация метода на деле. Если метод определяет путь достижения научного результата, то методика – это последовательность, алгоритм действий и процедур, направленных на достижение научного результата. Например, если вы применяете метод корреляционного анализа, то методика будет включать сбор данных, выбор типа и меры связи признаков, сами числовые вычисления.

Отдельные элементы методики предполагают, что при их выполнении будут привлечены некоторые инструменты познания, с помощью чего осуществляется исследование. Это необязательно могут быть какие-то материальные вещи (компьютеры, например). Инструментом познания является язык, с помощью которого мы называем явления и вводим однозначные понятия и определения. Инструментом будет логика, которая помогает строить суждения и умозаключения. Инструментами могут быть компьютерные программы, измерительные шкалы и т. д.

Инструменты, а также ресурсы допустимо, на наш взгляд, объединить понятием «средства», тем более что философская энциклопедия определяет технику через родовое понятие «средства», упоминая и «инструменты», и делает оговорку, что к технике относят также знания и навыки, с помощью которых люди эти средства используют⁵. Однако в методологической литературе чаще используется термин «техника», чего будем придерживаться и мы.

Инструментом можно действовать, используя различные приемы, т. е. особые способы применения. Например, для визуализации и анализа данных вы выбрали

⁵ Розин, В. М. (2010). Техника. Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. IV. Москва: Мысль.

инструмент «диаграмма». Выбор типа диаграммы, подписи данных на диаграмме и другие операции – часть приемов использования этого инструмента. Для построения диаграммы выбирается еще один цифровой инструмент – специальная компьютерная программа (редактор), приемы работы с которым также надо освоить. Приемы – уже не инструментальная, а операциональная компонента исследования, которая связывается с понятием технологии.

Ситуация со значением понятия «технология» и его соотношением с техникой выглядит весьма неоднозначно. Философ Е. В. Ушаков отмечает этот факт и использует понятие «техника» в узком смысле как совокупность технических объектов, специально созданных и применяемых человеком артефактов (орудий, инструментов, приспособлений, машин и пр.)⁶. В отношении же технологии Е. В. Ушаков насчитывает не менее пяти ее этимологических значений, в том числе, в соответствии с подходом философа К. Митчема, как объект, процесс, знание, вид деятельности и волевое устремление⁷. С. В. Кодан рассматривает технологию в конкретном смысле – как исследовательский, методологический, инструмент, систему познавательных средств (Кодан, 2022а). В этом он солидаризируется с Р. Г. Валиевым, определяющим юридическую технологию как «организационно-функциональный механизм реализации инструментального арсенала юридической техники» (Валиев, 2016).

Следует отметить, что в юридической доктрине понятия юридической техники и юридической технологии получили подробную разработку. Историю развития этих доктринальных представлений обстоятельно описывает, например, М. В. Залоило⁸. Так, С. С. Алексеев юридическую технику представлял как совокупность средств (собственно технику) и методов, приемов (технологий)⁹. Деятельностного подхода в определении юридической технологии придерживаются В. М. Баранов¹⁰, Н. А. Власенко (Власенко и др., 2013), А. Н. Миронов (Миронов, 2008).

Возвращаясь к философскому определению технологии, укажем ее существенные принципы: рациональность, целенаправленность, воспроизводимость, результативность, эффективность. Согласно определению Е. В. Ушакова, «наличие технологии в современном смысле для той или иной деятельности означает, как правило, существование структурированного способа действий, поддержанного эффективными материально-техническими средствами»¹¹.

Таким образом, инструментально-операциональный уровень методологии цифровой истории права включает:

- методики: описание последовательности, алгоритма действий и процедур, направленных на достижение научного результата;
- техники: инструменты (средства) и ресурсы, с помощью которых осуществляются методики;
- технологии: приемы использования техник и способы организации исследовательской деятельности.

⁶ Ушаков, Е. В. (2023). Философия техники и технологии: учебник для вузов. Москва: Юрайт.

⁷ Там же.

⁸ Залоило, М. В. (2022). Современные юридические технологии в правотворчестве: научно-практическое пособие. Москва: ИЗиСП: НОРМА: Инфра-М. <https://clck.ru/37zz7W>

⁹ Алексеев, С. С. (1982). Общая теория права: курс лекций (В 2 т. Т. 2). Москва: Юридическая литература.

¹⁰ Баранов, В. М. (2000). Предисловие. В сб. *Проблемы юридической техники*. Нижний Новгород: Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации.

¹¹ Ушаков, Е. В. (2023). Философия техники и технологии: учебник для вузов. Москва: Юрайт.

3.3. Методология цифровой истории права в действии: как это работает?

Как мы уже указывали, новые научные проблемы и задачи, которые формулирует цифровой историк права, влекут за собой и расширение методологических основ, использование, наряду с традиционными, новых методов и методик исследования, связанных с применением цифровых технологий. Научные проблемы и задачи при этом могут касаться всех трех компонент (направлений) цифрового поворота (Гарскова, 2019): ресурсного (создание баз данных, оцифровка источников), аналитического (получение новых знаний) и прикладного (применение цифровых платформ). Примерный алгоритм деятельности исследователя в цифровой среде будет включать шаги по сбору и первичной обработке информации (созданию баз данных, переводу «текста» в «данные», ее структурированию, визуализации и т. п.) и непосредственно получению новой информации, которую необходимо проанализировать, интерпретировать, сохранить и снова декодировать в привычный «текст» научной статьи, доклада и т. п.

Вот, например, каким образом описывает конкретно-научный уровень методологии своего исследования по теме «Внедрение свободной торговли. Регулирование международной торговли в Бельгии (1860–1865)» бельгийский исследователь Ф. Фолькарт¹². В рамках исследования им были поставлены три проблемы (исследовательских вопроса): установить ключевые положения европейских торговых соглашений; установить содержание доктрины международного торгового права; описать дипломатическую практику. Если для решения этих проблем использовать традиционные методы, то можно остановиться на текстуальном анализе (толковании права) и историко-генетическом методе. Если же применить и цифровые методы, которые дополняют (а не заменяют!) традиционные, то исследователь останавливает свой выбор на методах сетевого анализа (дискурсивном сетевом анализе, библиометрическом анализе) и методе математической лингвистики (обработке естественного языка). Безусловно, использование указанных цифровых методов основывалось на соответствующих методиках, техниках и технологиях, составляющих инструментально-операциональный уровень методологии данного исследования: создание базы данных договоров, визуализация цитирований, качественный контент-анализ, использование языка программирования R и др.

Попробуем обобщить, что из всего этого арсенала может применяться цифровыми историками права.

К перспективным и уже апробированным (Hitchcock & Turkel, 2016; Romney, 2016; Tanenhaus & Nystrom, 2016a, 2016b; Ward & Williams, 2016; Küsters et al., 2019; de Jong & van Dijck, 2022) методам цифровой истории права могут быть отнесены:

- количественные (статистические) методы;
- методы сетевого анализа;
- методы корпусной (математической) лингвистики;
- методы компьютерного моделирования.

Нетрудно заметить, что почти все эти методы восходят к математической обработке источников. Квантитативная история, благодаря научной школе

¹² Volkaert, F. (2021). Embedding free trade (1860–1865): visualising networks and arguments through discourse network analysis. In *Digital Methods and Resources in Legal History, Abstracts*. Frankfurt. <https://clck.ru/37zz5a>

И. Д. Ковальченко, активно развивалась сначала в СССР, а затем и в России, на этой базе начинала свое становление и цифровая историческая наука. Вычисления и их визуализация стали намного проще с появлением компьютеров.

Количественные исследования в истории права с использованием методов контент-анализа, корреляционно-регрессионного анализа и других вполне уместны, тем более что массовые источники (статистика, делопроизводственная документация и т. п.) входят в предмет научных интересов историков права. Например, одним из количественных методов, примененных автором этой статьи в своей докторской диссертации, был статистический метод анализа динамических рядов¹³. Подробно распишем ход исследования через методологические категории, начав для краткости с конкретно-научного уровня методологического знания.

Гипотеза (исследовательский вопрос, задача) состоит в том, что периодизация истории мировой юстиции требует уточнения хронологических рамок второго периода («ревизии Судебных уставов 1864 г.»). Разные авторы привязывали его к разным временным точкам, укладывавшимся в период от начала 1870-х до конца 1880-х гг. Основным критерием периодизации выступает правотворческая динамика как внешний фактор воздействия на систему. Если принятие правового акта рассматривать как переменную, изменяющуюся ежегодно, то для такого типа данных метод анализа временных динамических рядов может обнаружить искомые закономерности. Итак, поставлен вопрос, выбран метод. Переходим на инструментально-операциональный уровень.

На основе историко-правового источника – Полного собрания законов Российской империи (хронологический и предметный указатели к нему) – получаем материал для обработки: количество принятых правовых актов по годам (с 1864 по 1912 г.), предметом регулирования которых выступала мировая юстиция. Далее моделируем временной динамический ряд: выбирается тип ряда (простой, интервальный), данные заносятся в таблицу, строится график (в программе Microsoft Excel), вычисляется линия тренда (поскольку данные нестабильные, выбирается полиномиальный тип линии). Перед нами – методика, техника и технология: алгоритм действий, набор ресурсов (текст Полного собрания) и средств (компьютер, софт, график), приемы работы с ресурсами и средствами (построение таблицы, графика, линии тренда).

Полученные результаты интерпретируются. На графике (рис. 1) мы видим несколько максимумов правотворческой деятельности, а линия тренда (пунктиром) показывает, что именно с конца 1870-х гг. динамика набирает рост, достигая максимума около 1890 г. Таким образом, аналитически установленные хронологические рамки второго периода истории мировой юстиции в России, когда правотворческая деятельность оказалась наиболее интенсивной, нашли свое подтверждение количественно. Традиционные логические, историко-сравнительный, формально-юридический методы, метод периодизации дополнены количественными методами и цифровыми технологиями.

¹³ Лонская, С. В. (2016). Институт мировой юстиции в России: историко-теоретическое правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург. <https://clck.ru/37zwxF>

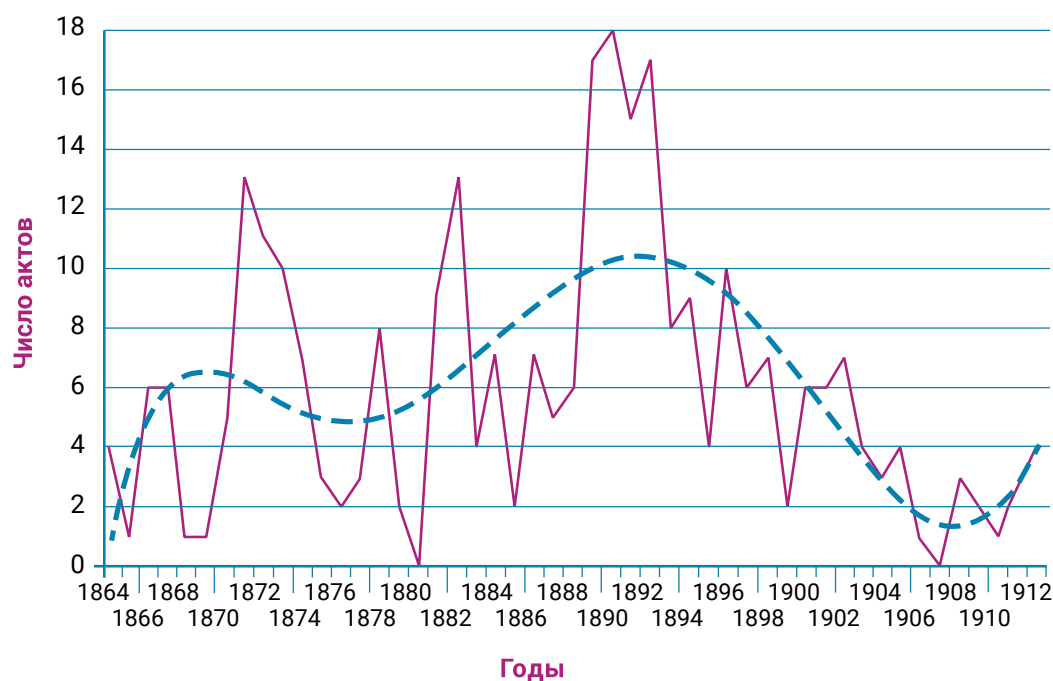

Рис. 1. Динамика принятия правовых актов Российской империи 1864–1912 гг. по вопросам мировой юстиции

Пример применения сетевого анализа и методов компьютерной лингвистики мы могли видеть выше в исследовании Ф. Фолькарта. Ниже приведем результат собственных исследований – сетевой анализ правовых позиций Уставного суда Калининградской области, действовавшего с 2003 по 2021 г.

Узлами сети выступают постановления суда (они обозначены индексами) и правовые принципы, которые в этих постановлениях упоминаются. Из рис. 2 видно, что в своей правовой аргументации суд чаще всего опирался на принципы равенства, правовой определенности и справедливости (эти узлы имеют наибольший размер на схеме). Немало постановлений содержат ссылки сразу на несколько правовых принципов. Схема выполнена автором статьи с помощью пакета программного обеспечения для сетевого анализа и визуализации Gephi на основе базы данных, подготовленной коллективом исследователей Балтийского федерального университета имени И. Канта по итогам систематизации постановлений и правовых позиций Уставного суда Калининградской области. Большая часть правовых позиций была опубликована в 2020 г. (Лонская и др., 2020), недавно завершена работа над электронной базой постановлений.

Смоделировать пространственную динамику историко-правовых явлений и процессов, локализацию их во времени и пространстве (хронотопе), где происходит правовая коммуникация, помогут пространственное и 3D-моделирование (использование технологии геоинформационных систем, картирования («маппинга») и т. д.). Сошлемся здесь на несколько любопытных исследовательских проектов, демонстрирующих, каким образом можно использовать метод компьютерного моделирования в истории права: 3D-модель «Старого суда» Олд Бейли¹⁴, карту преступлений

¹⁴ Voices in the Courtroom. Digital panopticon. <https://clck.ru/3829gF>

Отметим также еще одну сферу приложения усилий цифровых историков права – ресурсное направление цифрового поворота (оцифровка источников, создание баз данных). Это важно не только для сохранения существующих источников и в целом для облегчения их доступности. Это имеет значение и для создания массива данных, с которыми будут работать исследователи. Речь идет не просто о конвертации печатных публикаций в формат электронного файла (хотя и это необходимо), а о создании корпусов юридических текстов, цифровых коллекций, библиотек, поисковиков и т. п. Обратим внимание на ряд важных, как нам представляется, достижений в этой области.

Во-первых, назовем наверняка известное историкам права Полное собрание законов Российской империи в цифре, подготовленное Национальной электронной библиотекой¹⁸. Будем надеяться, что проект получит свое развитие, и тексты великого памятника российского права станут пригодны и для их машинной обработки. Во-вторых, корпус правовых текстов RusLawOD (Институт проблем правоприменения ЕУСПб)¹⁹. Это уже проект из области корпусной лингвистики. Он охватывает новейшую историю России, но когда-нибудь в таком формате цифровые историки права будут работать и с законодательством более ранних времен. В-третьих, проект Академии наук в Гамбурге и Гамбургского университета *Formulae – Litterae – Chartae* – исследование средневековых формул в правовых документах и сборниках, их оцифровка и пополнение базы данных²⁰. Возможно, такой банк юридических формул из памятников российского права со временем появится и у нас. Этими примерами работа в рамках ресурсного направления не исчерпывается; подобных проектов появляется все больше, а поле деятельности здесь обширное. Мы только лишь привлекли внимание читателей к данной проблематике цифровых исследований истории права (в особенности внешней истории права).

Цифровые инструменты – ключевая часть методологической техники – развиваются стремительнее, чем ученые получают новые знания. Это не только «железо» – компьютеры и периферийные устройства, но и в большей степени софт – программное обеспечение: от элементарных приложений, входящих в офисные пакеты, до целых интеллектуальных систем. За рынком и предложениями в этой сфере необходимо постоянно следить, потому что одни инструменты появляются и исчезают, другие постоянно совершенствуются в новых версиях. Необходимо понимать возможности этого инструментария, пригодность для решения научных задач, уметь выбирать (а может быть, и создавать) релевантные средства для конкретного научного исследования и уметь работать с ними. Повторим, что это предъявляет дополнительные требования к цифровым историкам права: надо обладать не только высокой квалификацией исследователя, но и соответствующей цифровой компетентностью.

Эвристический потенциал цифровых методов и технологий заключается в том, что они открывают новые возможности для извлечения информации из источников, а в сочетании с традиционными методами исследования создают кумулятивный эффект, расширяя границы наших представлений о прошлом государства и права.

¹⁸ Полное собрание законов Российской империи. Электронная библиотека РНБ. <https://clck.ru/37zyAE>

¹⁹ Корпус правовых текстов RusLawOD. GitHub. <https://clck.ru/37zyCJ>

²⁰ *Formulae – Litterae – Chartae*. <https://clck.ru/37zyDS>

Рассуждая об охвате «замещения» человеческого интеллектуального научного творчества цифровыми технологиями (а с развитием искусственного интеллекта опасения в неконтролируемом и избыточном таком «замещении» высказываются все чаще), заметим: не следует придавать искусственному интеллекту и подобным сущностям субъектность. Это лишь инструменты, технологии. Безусловно, на этапах поиска, отбора, обработки источников они уже незаменимые помощники. Но в деле интерпретации полученной новой информации, ее аксиологизации субъектен человек – ученый, исследователь, занимающийся творческой научной деятельностью.

Заключение

Мы попытались лишь в самых общих чертах сконструировать методологию цифровой истории права, опираясь на традиционную структуру методологического знания, разработанную в отечественной философской и юридической науке. Парадигмальный (нормативный) макроуровень методологии, включающий философский, общенаучный и конкретно-научный уровни, задает принципы, подходы и методы исследования. Методики, техники и технологии составляют инструментально-операциональный уровень методологии.

Исходя из представлений о том, что источник – это макрообъект социогуманитарных наук (концепция когнитивной истории О. М. Медушевской), мы пришли к выводу, что цифровая история права методологически в общенаучном плане опирается на источниковедческую парадигму («источникоцентричный» подход и источниковедческий метод). На конкретно-научном и инструментально-операциональном уровнях методологии цифровая история права сочетает традиционные подходы и методы истории права с цифровыми техниками и технологиями и основанными на них методиками в рамках научно-исследовательской программы историко-правового (историко-юридического) источниковедения. Непосредственное комбинирование традиции и цифры зависит от предмета, проблем, задач конкретного исследования.

Таким образом, для цифрового историка права, работающего на стыке истории, юриспруденции и информатики, меняется не предмет исследования, а методология, в центре которой взгляд на историко-правовые источники как на носители информации, данные (data), откуда новое научное знание добывается с помощью цифровых инструментов и технологий. Полнота и объективность новых научных результатов достигается только в условиях использования комплекса традиционных и цифровых познавательных средств. И для получения таких результатов нужен исследователь, обладающий, помимо квалификации историка-правоведа, необходимыми знаниями и умениями работы в цифровом мире.

Список литературы

- Валиев, Р. Г. (2016). О некоторых теоретических и практических аспектах юридической техники и технологии. *Ученые записки Казанского филиала Российского государственного университета правосудия*, 12, 3–12. <https://elibrary.ru/xbhvfh>
- Власенко, Н. А., Абрамова, А. И., Арзамасов, Ю. Г., Иванюк, О. А., Калмыкова, А. В. (2013). *Нормотворческая юридическая техника*: монография. Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. <https://elibrary.ru/suier>
- Гарскова, И. М. (2019). «Цифровой поворот» в исторических исследованиях: долговременные тренды. *Историческая информатика*, 3, 57–75. <https://doi.org/10.7256/2585-7797.2019.3.31251>

- Керимов, Д. А. (2001). *Методология права (предмет, функции, проблемы философии права): монография* (2-е изд.). Москва: Аванта+.
- Кодан, С. В. (2022a). Научная деятельность в сфере юриспруденции методологические проблемы технологизации и технологий. В кн. *Юридическая деятельность: содержание, технологии, принципы, идеалы: монография*. Москва: Проспект. <https://elibrary.ru/nkaohi>
- Кодан, С. В. (2018). Методология историко-юридического источниковедения: целевые установки, функциональная направленность, уровни организации познавательных средств. *Генезис: исторические исследования*, 12, 67–80. EDN: <https://elibrary.ru/snxeal>. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-868x.2018.12.28474>
- Кодан, С. В. (2022b). Источниковедческая парадигма в современной юриспруденции: от изучения источников и форм права к научной дисциплине. *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*, 4(60), 12–21. EDN: <https://elibrary.ru/glrssb>. DOI: <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-4-12-21>
- Котенко, В. П. (2006). Парадигма как методология научной деятельности. *Библиосфера*, 3, 21–25. <https://elibrary.ru/htlyan>
- Кун, Т. (2003). *Структура научных революций*. Москва: Прогресс.
- Лакатос, И. (1995). *Фальсификация и методология научно-исследовательских программ*. Москва: Медиум.
- Лонская, С. В., Герасимова, Е. В., Ландау, И. Л., Кузнецов, А. В. (2020). *Правовые позиции Уставного Суда Калининградской области. 2003–2018 гг.: научно-практическое издание*. Москва: Проспект. <https://elibrary.ru/optcus>
- Маклюэн, М. (2018). *Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего*. Москва: Академический проект.
- Медушевская, О. М. (2008). *Теория и методология когнитивной истории: монография*. Москва: РГГУ.
- Миронов, А. Н. (2008). Юридическая технология. *Юридическая техника*, 2, 63–66. <https://elibrary.ru/rbrqud>
- Тарасов, Н. Н. (2001). *Методологические проблемы юридической науки: монография*. Екатеринбург: Издательство Гуманитарного университета. <https://elibrary.ru/izfrzl>
- Честнов, И. Л. (2012). *Постклассическая теория права: монография*. Санкт-Петербург: Издательский дом «Алеф-пресс». <https://elibrary.ru/qssdiv>
- Юдин, Э. Г. (1978). *Системный подход и принцип деятельности. Методологические проблемы современной науки*. Москва: Наука.
- Birr, C. (2016). Die geisteswissenschaftliche Perspektive: Welche Forschungsergebnisse lassen Digital Humanities erwarten? *Rechtsgeschichte – Legal History*, 24, 330–334. <https://doi.org/10.12946/rg24/330-334>
- de Jong, H., & van Dijck, G. (2022). Network analysis in legal history: an example from the Court of Friesland: Remarks on the benefits. *Tijdschrift voor Rechtsgeschiedenis / Revue d'histoire du droit / The Legal History Review*, 90(1–2), 250–262. <https://doi.org/10.1163/15718190-20220004>
- Goebel, M. (2021). Ghostly Helpmate: Digitization and Global History. *Geschichte Und Gesellschaft*, 47(1), 35–57. <https://doi.org/10.13109/gege.2021.47.1.35>
- Hitchcock, T., & Turkel, W. J. (2016). The Old Bailey Proceedings, 1674–1913: Text Mining for Evidence of Court Behavior. *Law and History Review*, 34(4), 929–955. <https://doi.org/10.1017/S0738248016000304>
- Küsters, A., Volkind, L., & Wagner, A. (2019). Digital Humanities and the State of Legal History. A Text Mining Perspectiv. *Rechtsgeschichte – Legal History*, 27, 244–259. <http://dx.doi.org/10.12946/rg27/244-259>
- Robertson, S. (2016). Searching for Anglo-American Digital Legal History. *Law and History Review*, 34(4), 1047–1069. <https://doi.org/10.1017/S0738248016000389>
- Romney, C. W. (2016). Using Vector Space Models to Understand the Circulation of Habeas Corpus in Hawai'i, 1852–92. *Law and History Review*, 34(4), 999–1026. <https://doi.org/10.1017/S0738248016000353>
- Tanenhaus, D. S., & Nystrom, E. C. (2016a). "Let's Change the Law": Arkansas and the Puzzle of Juvenile Justice Reform in the 1990s. *Law and History Review*, 34(4), 957–997. <https://doi.org/10.1017/S0738248016000341>
- Tanenhaus, D. S., & Nystrom, E. C. (2016b). The Future of Digital Legal History: No Magic, No Silver Bullets. *American Journal of Legal History*, 56(1), 150–167. <https://doi.org/10.1093/ajlh/njv017>
- Volkaert, F. (2021). OK Computer? The digital turn in legal history: a methodological retrospective. *Tijdschrift voor Rechtsgeschiedenis / Revue d'histoire du droit / The Legal History Review*, 89(1–2), 1–46. <https://doi.org/10.1163/15718190-12340011>
- Ward, R., & Williams, L. (2016). Initial views from the Digital Panopticon: Reconstructing Penal Outcomes in the 1790s. *Law and History Review*, 34(4), 893–928. <https://doi.org/10.1017/S0738248016000365>

Сведения об авторе

Лонская Светлана Владимировна – доктор юридических наук, доцент, профессор образовательно-научного кластера «Институт управления и территориального развития», Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта

Адрес: 236006, Россия, г. Калининград, ул. Фрунзе, 6

E-mail: slonskaya@kantiana.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0500-6132>

WoS Researcher ID: <https://www.webofscience.com/wos/author/record/V-9227-2017>

Google Scholar ID: <https://scholar.google.com/citations?user=gGpufQ4AAAAJ>

РИНЦ Author ID: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=370137

Конфликт интересов

Автор сообщает об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование

Исследование не имело спонсорской поддержки.

Тематические рубрики

Рубрика OECD: 5.05 / Law

Рубрика ASJC: 3308 / Law

Рубрика WoS: OM / Law

Рубрика ГРНТИ: 10.07.45 / Право и научно-технический прогресс

Специальность ВАК: 5.1.1 / Теоретико-исторические правовые науки

История статьи

Дата поступления – 28 августа 2023 г.

Дата одобрения после рецензирования – 12 сентября 2023 г.

Дата принятия к опубликованию – 15 марта 2024 г.

Дата онлайн-размещения – 20 марта 2024 г.

Research article

UDC 34:004:930:001.8

EDN: <https://elibrary.ru/cfnahc>

DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.2>

Digital History of Law: Principles of Methodology

Svetlana V. Lonskaya

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Keywords

coding (decoding)
of information,
digital history of law,
digital humanities,
digital qualification
of a researcher,
digital technologies,
digitization of sources,
history of law,
juridical source studies,
law,
methodology of legal studies

Abstract

Objective: to theoretically substantiate the basic principles of methodology of a new interdisciplinary area of socio-humanities – the digital history of law; to demonstrate the heuristic potential of digital technologies in legal historical sciences.

Methods: the study is based on systemic, formal-logical, and comparative general scientific methods.

Results: it is concluded that the methodology of the digital history of law is based, first of all, on the source-centric approach, which considers a source as a macro-object of humanitarian and social sciences, through which information exchange takes place (O.M. Medushevskaya's concept of cognitive history). Secondly, it is based on the combination of traditional methods of legal history with digital techniques and technologies and methods based on them – within a research program of historical-legal (historical-juridical) source studies. The article attempts to summarize the existing digital technologies and techniques, as well as methods based on them, as applied to legal historical sciences; their heuristic potential is shown in case studies.

Scientific novelty: for the first time in the Russian legal history science, the author substantiates the methodology of the digital history of law as an interdisciplinary field that studies the past of state and law using digital information and communication technologies and tools.

Practical significance: under the shifts in socio-humanities (digital, linguistic, visual ones, etc.), which have become relevant in recent years, and the development of the digital type of social communication, methodological approaches to obtaining new knowledge are changing, new interdisciplinary branches of scientific knowledge are emerging, as well as new requirements for the qualification of researchers. The ongoing changes affect legal historical sciences: digital history of law is formed as

© Lonskaya S. V., 2024

This is an Open Access article, distributed under the terms of the Creative Commons Attribution licence (CC BY 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>), which permits unrestricted re-use, distribution and reproduction, provided the original article is properly cited.

an interdisciplinary area within digital humanities, at the confluence of history, legal science, and information science. The understanding and application of digital technologies and the scientific cognition methods based on them in legal historical research open up new opportunities for legal historians in determining the directions of their scientific research and obtaining new scientific results. This ultimately expands our understanding of historical and legal facts, phenomena and processes.

For citation

Lonskaya, S. V. (2024). Digital history of law: principles of methodology. *Journal of Digital Technologies and Law*, 2(1), 14–33. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.2>

References

- Birr, C. (2016). Die geisteswissenschaftliche Perspektive: Welche Forschungsergebnisse lassen Digital Humanities erwarten? *Rechtsgeschichte – Legal History*, 24, 330–334. <https://doi.org/10.12946/rg24/330-334>
- Chestnov, I. L. (2012). *Postclassical Theory of Law*: monograph. Saint Petersburg: Alef-Press. <https://elibrary.ru/qssdiv>
- de Jong, H., & van Dijck, G. (2022). Network analysis in legal history: an example from the Court of Friesland: Remarks on the benefits. *Tijdschrift voor Rechtsgeschiedenis / Revue d'histoire du droit / The Legal History Review*, 90(1–2), 250–262. <https://doi.org/10.1163/15718190-20220004>
- Garskova, I. M. (2019). The “Digital Turn” in Historical Research: Long-term Trends. *Historical informatics*, 3, 57–75. <https://doi.org/10.7256/2585-7797.2019.3.31251>
- Goebel, M. (2021). Ghostly Helpmate: Digitization and Global History. *Geschichte Und Gesellschaft*, 47(1), 35–57. (In Russ.). <https://doi.org/10.13109/gege.2021.47.1.35>
- Hitchcock, T., & Turkel, W. J. (2016). The Old Bailey Proceedings, 1674–1913: Text Mining for Evidence of Court Behavior. *Law and History Review*, 34(4), 929–955. <https://doi.org/10.1017/S0738248016000304>
- Kerimov, D. A. (2001). *Methodology of law (subject, functions, issues of the philosophy of law)*: monograph (2nd ed.). Moscow: Avanta+. (In Russ.).
- Kodan, S. V. (2018). Methodology of historical-legal source studies: goal orientations, functional focus, level of organization of cognitive resources. *Genesis: Historical research*, 12, 67–80. (In Russ.). <https://doi.org/10.25136/2409-868x.2018.12.28474>
- Kodan, S. V. (2022a). Research activity in jurisprudence: methodological problems of technologization and technologies. In: *Juridical activity: content, technologies, principles, ideals*: monograph. Moscow: Prospekt. (In Russ.).
- Kodan, S. V. (2022b). Source study paradigm in modern jurisprudence: from the study of sources and forms of law to a scientific discipline. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 4(60), 12–21. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-4-12-21>
- Kotenko, V. P. (2006). Paradigm as a methodology of scientific activity. *Bibliosphere*, 3, 21–25. (In Russ.).
- Kun, T. (2003). *Structure of scientific revolutions*. Moscow: Progress. (In Russ.).
- Küstners, A., Volkind, L., & Wagner, A. (2019). Digital Humanities and the State of Legal History. A Text Mining Perspectiv. *Rechtsgeschichte – Legal History*, 27, 244–259. <http://dx.doi.org/10.12946/rg27/244-259>
- Lakatos, I. (1995). *Falsification and methodology of scientific-research programs*. Moscow: Medium. (In Russ.).
- Lonskaya, S. V., Gerasimova, E. V., Landau, I. L., & Kuznetsov, A. V. (2020). *Legal position of the Charter Court of Kaliningrad oblast. 2003–2018*: scientific-practical edition. Moscow: Prospekt. (In Russ.).
- MacLuhan, M. (2018). *The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man*. Moscow: Akademicheskii proekt.
- Medushevskaya, O. M. (2008). *Theory and methodology of cognitive history*: monograph. Moscow: Russian State University for the Humanities. (In Russ.).
- Mironov, A. N. (2008). Juridical technology. *Juridical Techniques*, 2, 63–66. (In Russ.).
- Robertson, S. (2016). Searching for Anglo-American Digital Legal History. *Law and History Review*, 34(4), 1047–1069. <https://doi.org/10.1017/S0738248016000389>
- Romney, C. W. (2016). Using Vector Space Models to Understand the Circulation of Habeas Corpus in Hawai’i,

- 1852–92. *Law and History Review*, 34(4), 999–1026. <https://doi.org/10.1017/S0738248016000353>
- Tanenhaus, D. S., & Nystrom, E. C. (2016a). "Let's Change the Law": Arkansas and the Puzzle of Juvenile Justice Reform in the 1990s. *Law and History Review*, 34(4), 957–997. <https://doi.org/10.1017/S0738248016000341>
- Tanenhaus, D. S., & Nystrom, E. C. (2016b). The Future of Digital Legal History: No Magic, No Silver Bullets. *American Journal of Legal History*, 56(1), 150–167. <https://doi.org/10.1093/ajlh/njv017>
- Tarasov, N. N. (2001). *Methodological issues of juridical science*: monograph. Yekaterinburg: The Liberal Arts University Publishers. (In Russ.).
- Valiev, R. G. (2016). On some theoretical and practical aspects of legal technique and technology. *Uchenye zapiski Kazanskogo filiala Rossiiskogo gosudarstvennogo universiteta pravosudiya*, 12, 3–12. (In Russ.).
- Vlasenko, N. A., Abramova, A. I., Arzamasov, Yu. G., Ivanyuk, O. A., & Kalmykova, A. V. (2013). *Rule-making juridical technique*: monograph. Moscow: The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. (In Russ.).
- Volkaert, F. (2021). OK Computer? The digital turn in legal history: a methodological retrospective. *Tijdschrift voor Rechtsgeschiedenis / Revue d'histoire du droit / The Legal History Review*, 89(1–2), 1–46. <https://doi.org/10.1163/15718190-12340011>
- Ward, R., & Williams, L. (2016). Initial views from the Digital Panopticon: Reconstructing Penal Outcomes in the 1790s. *Law and History Review*, 34(4), 893–928. <https://doi.org/10.1017/S0738248016000365>
- Yudin, E. G. (1978). *Systemic approach and the principle of activity*. *Methodological issues of modern science*. Moscow: Nauka. (In Russ.).

Author information

Svetlana V. Lonskaya – Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the educational-research cluster “Institute of Management and Territorial Development”, Immanuel Kant Baltic Federal University

Address: 6 Frunze Str., 236006 Kaliningrad, Russian Federation

E-mail: slonskaya@kantiana.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0500-6132>

WoS Researcher ID: <https://www.webofscience.com/wos/author/record/V-9227-2017>

Google Scholar ID: <https://scholar.google.com/citations?user=gGpufQ4AAAAJ>

RSCI Author ID: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=370137

Conflict of interest

The author declare no conflict of interest.

Financial disclosure

The research had no sponsorship.

Thematic rubrics

OECD: 5.05 / Law

PASJC: 3308 / Law

WoS: OM / Law

Article history

Date of receipt – August 28, 2023

Date of approval – September 12, 2023

Date of acceptance – March 15, 2024

Date of online placement – March 20, 2024

Научная статья

УДК 34:004:316:004.8

EDN: <https://elibrary.ru/uunzfp>

DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.3>

Алгоритмы, социология права и правосудие

Фернандо Галиндо Аюда

Университет Сарагосы, Сарагоса, Испания

Ключевые слова

алгоритм
искусственный интеллект,
коммуникативная теория
права,
лигалтех (LegalTech),
право,
правоприменение,
правосудие,
социология права,
цифровые технологии,
юридический (правовой)
конфликт

Аннотация

Цель: определение возможности автоматизации профессиональной юридической деятельности и выявление ограничений, которые в демократическом обществе связаны с использованием компьютерных программ, способных генерировать эффективные правовые решения в конфликтных ситуациях.

Методы: проведенное эмпирическое исследование опирается на методологию общественных наук, социологию права, принципы коммуникативной и коммуникационной теорий права, формально-юридический анализ правовых документов.

Результаты: в работе представлены примеры функционирования компьютерных систем, имитирующих некоторые специфические аспекты человеческого интеллекта при принятии решений. Определены понятие алгоритма и основные характеристики задач, выполняемых системами искусственного интеллекта. Обозначена актуальность, методы и достижения социологии права, на основе которых были созданы системы или программы, помогающие в решении правовых конфликтов. Выявлено, что исследовательский инструментарий, разработанный в качестве методологии в рамках социологии права с момента ее появления, получит в дальнейшем более широкое применение, что связано с ростом использования информационно-коммуникационных технологий в юридической деятельности. Показано, что в сфере отправления правосудия невозможно генерировать решения только лишь на основе искусственного интеллекта, поскольку право в демократическом обществе и процесс принятия на его основе юридических решений обладает более сложными характеристиками. Подчеркнуто, что получение нужного юридического результата не ограничивается процессами алгоритмизации, категоризации или формальной экзегетикой правовых текстов, а заключается в понимании и размышлениях в соответствии с принятыми ценностями, смыслами, оценочными критериями, стратегиями, перспективами и др.

Научная новизна: выявлено значение принципов коммуникативной и коммуникационной теорий права в условиях развития информационно-коммуникационных технологий в юридической деятельности; установлены основные ограничения использования программ искусственного интеллекта в юридической деятельности, и в частности в правосудии.

© Галиндо Аюда Ф., 2024

Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал при условии, что оригинальная работа упомянута с соблюдением правил цитирования.

Практическая значимость: сформулированные положения позволяют в ходе совершенствования правового регулирования избежать недостаточно обоснованных решений по автоматизации правоприменительной деятельности, а также учесть возрастающее значение принципов коммуникативной и коммуникационной теорий права в таких видах юридической деятельности, как создание, толкование и применение законов.

Для цитирования

Галиндо Аюда, Ф. (2024). Алгоритмы, социология права и правосудие. *Journal of Digital Technologies and Law*, 2(1), 34–45. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.3>

Содержание

Введение

1. Алгоритмы и искусственный интеллект

2. Социология права и юриметрика

3. Правосудие

Заключение

Список литературы

Введение

Использование информационно-коммуникационных технологий во всех видах деятельности, в том числе и в юридической, привело к тому, что исследовательский инструментарий, разработанный в качестве методологии в рамках социологии права с момента ее появления, имеет в настоящее время и, как можно предположить, будет иметь и в дальнейшем широкое применение. Как показано в данной работе, сегодня информационно-коммуникационные технологии позволяют узнать в отношении определенного вопроса или конфликта, входящего в профессиональную сферу юриста, например, следующее: а) решения, принятые в определенной юрисдикции по аналогичным вопросам; б) возможное содержание решения, если данный судья ранее принимал решения по аналогичным делам; в) аргументы адвоката другой стороны процесса, если этот адвокат ранее участвовал в аналогичном деле, и содержание решения, принятого соответствующим судьей; г) среднее время вынесения решения по аналогичным делам судьями или судами соответствующей юрисдикции; и многое другое.

Чтобы это стало возможным, была проведена большая эмпирическая работа, опираясь на методологию общественных наук, в данном случае социологии права. При этом осуществлялись отбор, хранение, сравнение и извлечение необходимой информации по аспектам, приведенным в качестве примера. Также использовался соответствующий алгоритм, то есть программа, обеспечивающая получение указанных результатов, была снабжена инструкциями, необходимыми для решения рассматриваемых вопросов, или, более конкретно, для достижения поставленной цели (Heitkemper & Thurman, 2022; Ojiako et al., 2018; Milchram et al., 2018; Nagtegaal, 2021).

Уровень развития так называемых программ искусственного интеллекта позволяет предположить, что в результате работы соответствующих алгоритмов может быть автоматически сгенерировано предложение по разрешению рассматриваемого конфликта, учитывающее такие условия, как эквивалентность или неэквивалентность дел, вероятность вынесения решения в пользу интересов лица, делающего запрос, предполагаемая продолжительность процедуры и другие. Эта тема неоднократно обсуждалась в публикациях юристов из сферы LegalTech, действующих в Испании и в других странах¹.

В данной работе мы попытаемся определить, возможно ли автоматизировать эту деятельность, не нарушая принципов законности и справедливости. С этой целью в исследовании, во-первых, представлены примеры функционирования компьютерных систем, рассмотрено, что представляют собой алгоритмы и основные характеристики задач, выполняемых системами искусственного интеллекта. Во-вторых, обозначены актуальность, методы и достижения социологии права, на основе которых были созданы системы или программы, помогающие разрешать правовые конфликты. В-третьих, показано, что в сфере отправления правосудия невозможно генерировать решения или продукты искусственного интеллекта, учитывая сложные характеристики права и процесса выработки правовых решений в демократическом обществе.

1. Алгоритмы и искусственный интеллект

Компьютерные программы, в частности программы искусственного интеллекта, осуществляют выполнение вычислений для решения задач. Эти вычисления выполняют, следуя соответствующему алгоритму и используя информацию, хранящуюся в так называемых базах данных в Интернете (Papagianneas & Junius, 2023; Swofford & Champod, 2022). Алгоритм – это набор инструкций, которым необходимо следовать, чтобы решить проблему или выполнить задачу. Дональд Кнут, считающийся отцом современного программирования, определяет алгоритм как «конечный набор правил, который дает последовательность операций для решения определенного типа задач» (Knuth, 1997). Алгоритмы используются в самых разных областях: в науке, инженерном деле, вычислительной технике, бизнесе. Применяются они и в программах, которые используются в качестве вспомогательного инструмента в профессиональной деятельности юриста.

¹ Эта позиция раскрывается в вышедшем в Испании справочнике: Guide LegalTECH. (2022). Madrid: Derecho Práctica. <https://clck.ru/38fG9Q>. В нем представлена информация о 150 компьютерных программах, используемых юристами в повседневной практике. Книга имеет подзаголовок: «Анализ инструментов и платформ, изменяющих юридическую деятельность». В ее составлении приняли участие более 30 испанских экспертов, в основном юристов. В частности, речь идет о приложениях, разработанных юридическими компаниями как в Испании, так и за ее пределами. Описываемые в книге системы помогают в анализе и пересмотре договоров, защите кибербезопасности и конфиденциальности, использовании правовых баз данных, автоматизации документов и процессов, обучении, расширении коммерческих предложений юридических услуг, выполнении юридических услуг, решении претензий онлайн, а также в использовании программного обеспечения для управления юридической деятельностью. Таким образом, программы помогают специалистам во всех видах юридической деятельности и даже могут заменить их. Следует отметить, что многие из этих приложений построены: 1) в основном на английском языке и 2) на принципах общего, то есть прецедентного, права, которое значительно отличается от «гражданского права», используемого в Испании и странах Европейского союза. Об актуальности обращения к искусственному интеллекту достаточно сказать, что из 184 страниц справочника 26 содержат упоминания ИИ.

Как же работают инструменты искусственного интеллекта? В литературе указаны, например, следующие направления: машинное обучение, обработка естественного языка, компьютерное зрение и робототехника (Russel & Norvig, 2021). Другими словами, это инструменты, которые используются для создания программ, конструкций, формул, расчетов, информации, чисел, алгоритмов, текстов, баз данных.

В статье 3.1 проекта Европейского регламента по искусственному интеллекту² уточняется: «Система искусственного интеллекта (система ИИ) – это программное обеспечение, которое разработано с использованием одного или нескольких методов и подходов, перечисленных в Приложении I, и может для заданного набора целей, определенных человеком, генерировать такие результаты, как содержание, прогнозы, рекомендации или решения, влияющие на среду, с которой они взаимодействуют». В Приложении 1 к регламенту перечислены: «а) подходы к машинному обучению, включая контролируемое, неконтролируемое и подкрепляющее обучение, с использованием широкого спектра методов, включая глубокое обучение; б) подходы, основанные на логике и знаниях, включая представление знаний, индуктивное (логическое) программирование, базы знаний, механизмы вывода и дедукции, (символические) рассуждения и экспертные системы; в) статистические подходы, байесовское оценивание, методы поиска и оптимизации»³.

Эти формулировки показывают, что искусственный интеллект лишь имитирует некоторые специфические аспекты человеческого интеллекта, однако не выполняет всех его задач, которые заключаются не только в вычислениях и быстром принятии решений, но также в понимании и размышлении в соответствии с ценностями, смыслами, критериями, жизненными перспективами или взглядами. Поэтому с помощью этих программ невозможно разрешать конфликты, в которых необходимо соблюдать правила и процедуры, принятые в демократическом обществе. Как в конфликте, так и в его решении обязательно участие юристов, официальных лиц и граждан.

2. Социология права и юриметрика

Социология права исследует отношения между правом и обществом. В ней методами социологических исследований изучаются происхождение, эволюция, функции и влияние права на общество. Наиболее значимыми методами, используемыми в данной дисциплине, являются включенное наблюдение, интервью, опросы и анализ документов.

Социология права применяется еще с начала XX в. Инициаторами ее создания являются в США судья Оливер Уэнделл Холмс (Holmes, 1897), а в Европе – Ойген Эрлих (Ehrlich, 1913). Говоря о необходимости разработки методов социологии права, они заявляли: «Право – это возможность предсказать, какое решение вынесет суд, и ничего более» (Holmes, 1897) и «Нам нужно просто открыть глаза и уши, чтобы узнать все, что имеет значение для права в наше время» (Ehrlich, 1913; Ferreira & Gromova, 2023).

² European Parliament. (2023, June 14). Proposal for a regulation of the European Parliament and of the Council laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial intelligence act) and amending certain Union legislative Acts COM/2021/206 final. <https://clck.ru/349gqF>

³ Там же. <https://clck.ru/349gqF>

На этой основе в 1959 г. Американской ассоциацией юристов был основан журнал «Jurimetrics» («Юриметрика»), в 1966 г. получивший название Jurimetrics, The Journal of Law, Science, and Technology («Юриметрика, журнал права, науки и технологии»), который издается и сегодня⁴.

Развитие информационных технологий позволило компании La Ley в сотрудничестве с Google Spain создать программу Jurimetría. По словам разработчиков, «это мощная веб-платформа, которая позволяет юристу изучать и анализировать простым и интуитивно понятным способом ранее недоступную информацию. Это такие значимые параметры конкретного судебного процесса, как его продолжительность, вероятность апелляции и прогноз ее исхода, позиция судьи, юридические тонкости поднятой темы, возможные аргументы сторон, а также характеристики противоположной стороны или судебных процессов по аналогичным делам». Таким образом, программа позволяет автоматизировать юридическую деятельность.

С другой стороны, на том же сайте разработчик говорит о программе нечто большее: «Благодаря программе Jurimetría и лучшим передовым технологиям в области искусственного интеллекта в сочетании со знаниями экспертов-юристов компании THE LAW уходит в прошлое дорогостоящая предварительная исследовательская работа по определению стратегии процесса»⁵. Означает ли это окончательный ответ на вопрос, который мы задали в начале этой работы? Другими словами, могут ли системы искусственного интеллекта, как они определены Парламентом и Европейской комиссией, генерировать выходную информацию для отправления правосудия, например, для вынесения приговора? Под выходной информацией такого рода мы понимаем содержание, прогнозы, рекомендации или решения в рамках процесса, которые влияют на среду, с которой они взаимодействуют.

Рассмотрим этот вопрос.

3. Правосудие

Мы предполагаем, что ответ на этот вопрос будет отрицательным. В основном это связано со следующими соображениями.

1. Многие сомневаются в верности позитивистского утверждения, высказанного в XVIII в. Монтескье, что текст закона совпадает с законом, являясь его единственной точкой отсчета (Montesquieu, 1964). Сегодня считается, что необходимо также учитывать содержание и характеристики конкретных конфликтов и различных видов юридической деятельности, осуществление которых необходимо для их разрешения.

2. Уже в течение некоторого времени общепринято, что следует опираться не только на текст закона, но и на условия, в которых этот текст конкретизируется гражданами и юристами посредством их различных заявлений и действий.

Этот подход, известный как коммуникативная теория права, подразумевает, что исполнение юридических действий на основе правовых текстов не противоречит

⁴ Сайт журнала Jurimetrics, The Journal of Law, Science, and Technology. <https://clck.ru/38fGJF>

⁵ La herramienta de analítica jurisprudencial predictive más innovadora del mercado. Jurimetria. <https://clck.ru/38fGLX>

деятельности юристов, соответствующей принципам демократии и нормам коммуникации. Это положение раскрывает, например, Гюнтер Тойбнер, ссылаясь на Умберто Матурана: «Правовая система, как и другие аутопоэтические системы, рассматривается не иначе как 'бесконечная взаимосвязь внутренних корреляций в тесной сети взаимодействующих элементов, структура которых постоянно модифицируется... многочисленными переплетенными доменами и метадоменами структурной связи'» (Teubner, 1993).

Указанный подход также объясняется в работах Грегорио Роблеса, особенно в его «Теории права» (Robles, 2021). В этой работе автор исследует юридические решения, принимаемые в правовом государстве. Он называет судебное решение образцом, поскольку именно оно разрешает конфликты, с которыми имеет дело правовая система. Поэтому в книге предлагается изучать право не по юридическим текстам, а по результатам коммуникации в каждом из видов юридической деятельности.

Роблес назвал этот подход коммуникационной теорией права, пояснив: «Коммуникационная теория права называется так потому, что она изучает феномен права с точки зрения коммуникации, а значит, и языка. Она не провозглашает, что право – это язык, что подразумевало бы онтологическую позицию, но утверждает, что право и все, что относится к этому понятию, проявляется через язык. Таким образом, язык является отправной точкой этого подхода» (Robles, 2018).

Важно учитывать, что эти подходы, если рассматривать их в единстве, определяют комплексную сферу деятельности через соответствующие действия специалистов в области права в любом типе общества, которое регулируется принципами и нормами правового государства. Все заставляет признать, что хотя соблюдение буквы закона является гарантией надлежащего функционирования правовой сферы, это не единственное требование, которому должна удовлетворять юридическая деятельность. Это связано с тем, что профессиональная деятельность, в силу закона, регулируется демократическими принципами. Другими словами, демократические нормы, включая правила участия граждан и нормы коммуникации, регулируют все виды деятельности, которые находятся в их юрисдикции.

Вышесказанное особенно верно в отношении правоприменительной деятельности в судебной сфере. На это указывает тот факт, что, как общепризнано с начала прошлого века, правоприменение должно осуществляться на основе коммуникации: комплексно (Ehrlich, 1903), в судебном процессе (Perelman & Olbrechts-Tyteca, 1989), с помощью таких механизмов (Engisch, 1996), как взвешивание, характеристики правовой сферы (Esser, 1956), эмпатия (Gadamer, 1977), темы (Viehweg, 1964), участие или аутопоэзис (Maturana & Varela, 1984) и консенсус (Habermas, 2016, 1981), что характерно для демократической формы правления (Carbonell, 2008).

Это противоречит позитивистскому применению юридического текста, осуществляемому в судебном процессе как простое, автоматическое отнесение к определённой категории. Текст может быть сведен к данным и поддержан техническими средствами, такими как алгоритм или программа искусственного интеллекта. Такой подход продвигает юридическое сообщество LegalTech, о котором упоминалось выше. Государственная политика также поддерживает его как эффективный метод разрешения конфликтов в сложных условиях современного общества.

Подход, принятый в коммуникативной теории, соответствует Целям устойчивого развития, утвержденным Организацией Объединенных Наций в сентябре 2015 г. Он особенно близок цели 16, которая сформулирована следующим образом: «Поощрение мирных и инклюзивных обществ в интересах устойчивого развития,

облегчение доступа к правосудию для всех и создание эффективных и инклюзивных подотчетных институтов на всех уровнях»⁶.

Указанный подход соответствует мерам, принимаемым Европейским союзом в отношении общего использования искусственного интеллекта, учитывая, что практика применения этой технологии «в области правоприменения связана с высоким риском»⁷.

Наконец, этот подход реализуется в ограничительных условиях использования систем, декларирующих использование искусственного интеллекта в правовой сфере при проведении торгов через программу Jurimetria⁸.

Заключение

Демократический принцип верховенства права должен рассматриваться в контексте его судебного применения. В этом случае он способен предложить более полные и комплексные решения, чем те, которые основаны исключительно на эффективности, категоризации, алгоритме или формальной экзегетике правовых текстов. Вышесказанное не мешает признать как неоспоримый факт, что технологии и Интернет могут способствовать реализации демократических политических систем. Для этого политики, технические специалисты, юристы и граждане должны обратить внимание на положения коммуникативной и коммуникационной теорий права. Как отмечалось, эти теории подчеркивают роль коммуникации в таких видах юридической деятельности, как создание, толкование и применение законов.

⁶ Следует иметь в виду, что цель 16 включает, в частности, следующие задачи: 16.3. Поощрять верховенство закона на национальном и международном уровнях и обеспечивать равный доступ к правосудию для всех. 16.6. Создавать эффективные и прозрачные подотчетные институты на всех уровнях. 16.7. Обеспечить принятие на всех уровнях инклюзивных, коллегиальных и представительных решений, отвечающих потребностям людей. 16.9. К 2030 г. обеспечить доступ к законному удостоверению личности для всех, в частности, путем регистрации рождения. 16.10. Обеспечить доступ общественности к информации и защиту основных свобод в соответствии с национальным законодательством и международными соглашениями. 16.a. Укреплять соответствующие национальные институты, в том числе путем международного сотрудничества, для создания на всех уровнях, особенно в странах, находящихся в процессе развития, потенциала для предотвращения насилия и борьбы с терроризмом и преступностью. 16.b. Поощрять и обеспечивать соблюдение законов и мер недопущения дискриминации в интересах устойчивого развития. Содержание документа см. по ссылке: <https://clck.ru/38fGTW>

⁷ Приложение III.6. к Европейскому регламенту по искусственному интеллекту, упомянутому выше в примечании 2, описывает системы искусственного интеллекта с высоким уровнем риска, занятые «вопросами правоприменения».

⁸ В коммерческом предложении программы Jurimetria подчеркивается новизна этой системы в связи с применением в ней искусственного интеллекта. В Условиях использования, однако, описан более простой функционал: «При использовании Программы компании LA LEY клиент получает доступ к инструментам для анализа судебной практики, статистики и прогнозирования. Это вспомогательные инструменты для поддержки профессиональной деятельности в юридической сфере, позволяющие определить, какая линия аргументации является лучшей и каковы ваши шансы на успех в конкретном юридическом контексте, в соответствии с функциональными возможностями этой версии. Программа не предназначена для использования ее статистических и прогнозистических функций в иных целях, в частности для распространения, передачи, оценки или цензуры профессиональной деятельности судей, мировых судей, прокуроров, адвокатов, обвинителей или любых других должностных лиц или специалистов, участвующих в деятельности по отправлению правосудия». Доступ к настоящим Условиям осуществляется в начале использования программы в соответствии с указаниями по ссылке: <https://clck.ru/38fGLX>

Следует помнить, что демократическая правовая система сегодня организована таким образом, чтобы гарантировать и поощрять решение проблем, дел или конкретных ситуаций посредством профессиональной юридической деятельности (толкование, применение, создание норм, создание догм и доступ к правовым текстам), используя следующие механизмы, раскрытые в работе Miguel Carbonell (Carbonell, 2008):

1. Фундаментальные правовые принципы, признанные в конституциях и законах, а также в реальной повседневной жизни государств.

2. Соблюдение предпосылок и условий для реализации этих механизмов и принципов, таких как доступ к информации.

3. Принципы демократического участия и доступа к информации, составляющие основу деятельности представителей юридических профессий.

Список литературы

- Carbonell, M. (2008). Funcionalidad de la Constitución y derechos sociales: esbozo de algunos problemas. *Estudios Constitucionales*, 6(2), 43–71. <http://dx.doi.org/10.4067/S0718-52002008000100003>
- Ehrlich, E. (1903). *Freie Rechtsfindung und freie Rechtswissenschaft*. Aalen: Scientia Verlag.
- Ehrlich, E. (1913). *Grundlegung der Soziologie des Rechts*. München und Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot.
- Engisch, K. (1996). *Sentido y alcance de la sistemática jurídica*. *Anuario de Filosofía del Derecho*, 3, 7-41.
- Esser, J. (1956). *Grundsatz und Norm in der richterlichen Fortbildung des Privatrechts*. Tübingen: Mohr.
- Ferreira, D. B., & Gromova, E. A. (2023). Hyperrealistic Jurisprudence: The Digital Age and the (Un)Certainty of Judge Analytics. *International Journal for the Semiotics of Law – Revue Internationale de Sémiotique Juridique*, 36(6), 2261–2281. <https://doi.org/10.1007/s11196-023-10015-0>
- Gadamer, H. (1977). *Verdad y Método. Fundamentos de una hermenéutica filosófica*. Salamanca: Ediciones Sígueme.
- Habermas, J. (1981). *Theorie des kommunikativen Handelns*. Vol. I. Frankfurt/M: Suhrkamp.
- Habermas, J. (2016). *En la espiral de la tecnocracia*. Madrid: Trotta.
- Heitkemper, E. M., & Thurman, W. (2022). Social justice informatics: A critical approach for the future. *Nursing Outlook*, 70(3), 374–376. <https://doi.org/10.1016/j.outlook.2022.02.008>
- Holmes, O. W. J. (1897). The path of the law. *Harvard Law Review*, 10(8), 457–478. <https://doi.org/10.2307/1322028>
- Knuth, D. (1997). *The art of computer programming: fundamental algorithms*. Reading: Addison-Wesley.
- Maturana, H., & Varela, F. (1984). *El árbol del conocimiento*. Santiago de Chile: OEA/Editorial Universitaria.
- Milchram, C., Hillerbrand, R., Van De Kaa, G., Doorn, N., & Künneke, R. W. (2018). Energy Justice and Smart Grid Systems: Evidence from the Netherlands and the United Kingdom. *Applied Energy*, 229, 1244–1259. <https://doi.org/10.1016/j.apenergy.2018.08.053>
- Montesquieu, C. (1964). *L'Esprit des Lois et la querelle de l'esprit des lois. Oeuvres complètes (1748)*. París: Ed. du Seuil.
- Nagtegaal, R. (2021). The impact of using algorithms for managerial decisions on public employees' procedural justice. *Government Information Quarterly*, 38(1), 101536. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2020.101536>
- Ojiako, U., Chipulu, M., Marshall, A., & Williams, T. (2018). An examination of the 'rule of law' and 'justice' implications in Online Dispute Resolution in construction projects. *International Journal of Project Management*, 36(2), 301–316. <https://doi.org/10.1016/j.ijproman.2017.10.002>
- Papagiannas, S., & Junius, N. (2023). Fairness and justice through automation in China's smart courts. *Computer Law & Security Review*, 51, 105897. <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2023.105897>
- Perelman, Ch., & Olbrechts-Tyteca, L. (1989). *Tratado de la argumentación. La nueva retórica*. Madrid: Gredos.
- Robles, G. (2018). *Cinco estudios de teoría comunicacional del derecho*. Santiago de Chile: Ediciones Olejnik.
- Robles, G. (2021). *Teoría del derecho. Fundamentos de teoría comunicacional del derecho*. Vol. III. Navarra: Aranzadi.
- Russell, S., & Norvig, P. (2021). *Artificial intelligence: a modern approach*. Hoboken: Pearson.
- Swofford, H., & Champod, C. (2022). Probabilistic reporting and algorithms in forensic science: Stakeholder perspectives within the American criminal justice system. *Forensic Science International: Synergy*, 4, 100220. <https://doi.org/10.1016/j.fsisyn.2022.100220>
- Teubner, G. (1993). *Law as an autopoietic system*. Oxford: Blackwell Publishers.
- Viehweg, T. (1964). *Tópica y Jurisprudencia*. Madrid: Taurus.

Информация об авторе

Фернандо Галиндо Аюда – PhD, профессор философии права, факультет уголовного права, философии права и истории права, Университет Сарагосы; член Испанской королевской академии юриспруденции и законодательства, секция философии права

Адрес: 50009, Испания, г. Сарагоса, ул. Педро Цербуна, 12

E-mail: cfa@unizar.es

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8339-1788>

Scopus Author ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=24324858600>

WoS Researcher ID: <https://www.webofscience.com/wos/author/record/I-3064-2018>

Google Scholar ID: https://scholar.google.com/citations?user=clc_O5YAAAAJ

Конфликт интересов

Автор сообщает об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование

Исследование не имело спонсорской поддержки.

Тематические рубрики

Рубрика OECD: 5.05 / Law

Рубрика ASJC: 3308 / Law

Рубрика WoS: OM / Law

Рубрика ГРНТИ: 10.07.45 / Право и научно-технический прогресс

Специальность ВАК: 5.1.1 / Теоретико-исторические правовые науки

История статьи

Дата поступления – 4 августа 2023 г.

Дата одобрения после рецензирования – 16 августа 2023 г.

Дата принятия к опубликованию – 15 марта 2024 г.

Дата онлайн-размещения – 20 марта 2024 г.

Research article

UDC 34:004:316:004.8

EDN: <https://elibrary.ru/uunzfp>

DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.3>

Algorithms, Sociology of Law and Justice

Fernando Galindo Ayuda

University of Zaragoza, Zaragoza, Spain

Keywords

administration of justice,
algorithm,
artificial intelligence,
communicative theory of law,
digital technologies,
justice,
legal conflict,
legal technologies,
(LegalTech),
sociology of law

Abstract

Objective: to determine the possibility of professional legal activity automation and to identify the limitations that in a democratic society are associated with the use of software capable of generating effective legal solutions in conflict situations.

Methods: the conducted empirical research is based on the methodology of social sciences, sociology of law, principles of communicative and communicational theories of law, and formal-legal analysis of legal documents.

Results: the paper presents examples of functioning of computer systems that imitate some specific aspects of human intelligence in decision-making. The concept of algorithm and the main characteristics of tasks performed by artificial intelligence systems are defined. The relevance, methods and achievements of sociology of law are outlined, which underlie the systems or computer programs helping to resolve legal conflicts. It is found that the research tools developed as a methodology within the sociology of law since its emergence will be more widely used in the future, due to the growing use of information and communication technologies in legal activities. It is shown that in the administration of justice it is impossible to generate solutions only on the basis of artificial intelligence, since law and the process of making legal decisions on its basis has more complex characteristics in a democratic society. It is emphasized that obtaining the desired legal result is not limited to the processes of algorithmization, categorization or formal exegesis of legal texts. It rather consists in understanding and thinking in accordance with the accepted values, meanings, evaluative criteria, strategies, perspectives, etc.

Scientific novelty: the article reveals the significance of the principles of communicative and communicational theories of law under the development of information and communication technologies in legal activity. The main limitations of the use of artificial intelligence in legal activity and, in particular, in justice are identified.

© Galindo Ayuda F., 2024

This is an Open Access article, distributed under the terms of the Creative Commons Attribution licence (CC BY 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>), which permits unrestricted re-use, distribution and reproduction, provided the original article is properly cited.

Practical significance: the formulated provisions help, while improving legal regulation, to avoid insufficiently justified decisions on the automation of law enforcement, as well as to take into account the increasing importance of the principles of communicative and communicational theories of law in such types of legal activities as creation, interpretation and application of laws.

For citation

Galindo Ayuda, F. (2024). Algorithms, Sociology of Law and Justice. *Journal of Digital Technologies and Law*, 2(1), 34–45. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.3>

References

- Carbonell, M. (2008). Funcionalidad de la Constitución y derechos sociales: esbozo de algunos problemas. *Estudios Constitucionales*, 6(2), 43–71. <http://dx.doi.org/10.4067/S0718-52002008000100003>
- Ehrlich, E. (1903). *Freie Rechtsfindung und freie Rechtswissenschaft*. Aalen: Scientia Verlag.
- Ehrlich, E. (1913). *Grundlegung der Soziologie des Rechts*. München und Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot.
- Engisch, K. (1996). *Sentido y alcance de la sistemática jurídica*. *Anuario de Filosofía del Derecho*, 3, 7-41.
- Esser, J. (1956). *Grundsatz und Norm in der richterlichen Fortbildung des Privatrechts*. Tübingen: Mohr.
- Ferreira, D. B., & Gromova, E. A. (2023). Hyperrealistic Jurisprudence: The Digital Age and the (Un)Certainty of Judge Analytics. *International Journal for the Semiotics of Law – Revue Internationale de Sémiotique Juridique*, 36(6), 2261–2281. <https://doi.org/10.1007/s11196-023-10015-0>
- Gadamer, H. (1977). *Verdad y Método. Fundamentos de una hermenéutica filosófica*. Salamanca: Ediciones Sígueme.
- Habermas, J. (1981). *Theorie des kommunikativen Handelns*. Vol. I. Frankfurt/M: Suhrkamp.
- Habermas, J. (2016). *En la espiral de la tecnocracia*. Madrid: Trotta.
- Heitkemper, E. M., & Thurman, W. (2022). Social justice informatics: A critical approach for the future. *Nursing Outlook*, 70(3), 374–376. <https://doi.org/10.1016/j.outlook.2022.02.008>
- Holmes, O. W. J. (1897). The path of the law. *Harvard Law Review*, 10(8), 457–478. <https://doi.org/10.2307/1322028>
- Knuth, D. (1997). *The art of computer programming: fundamental algorithms*. Reading: Addison-Wesley.
- Maturana, H., & Varela, F. (1984). *El árbol del conocimiento*. Santiago de Chile: OEA/Editorial Universitaria.
- Milchram, C., Hillerbrand, R., Van De Kaa, G., Doorn, N., & Künneke, R. W. (2018). Energy Justice and Smart Grid Systems: Evidence from the Netherlands and the United Kingdom. *Applied Energy*, 229, 1244–1259. <https://doi.org/10.1016/j.apenergy.2018.08.053>
- Montesquieu, C. (1964). *L'Esprit des Lois et la querelle de l'esprit des lois. Oeuvres complètes (1748)*. París: Ed. du Seuil.
- Nagtegaal, R. (2021). The impact of using algorithms for managerial decisions on public employees' procedural justice. *Government Information Quarterly*, 38(1), 101536. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2020.101536>
- Ojiako, U., Chipulu, M., Marshall, A., & Williams, T. (2018). An examination of the 'rule of law' and 'justice' implications in Online Dispute Resolution in construction projects. *International Journal of Project Management*, 36(2), 301–316. <https://doi.org/10.1016/j.ijproman.2017.10.002>
- Papagiannenas, S., & Junius, N. (2023). Fairness and justice through automation in China's smart courts. *Computer Law & Security Review*, 51, 105897. <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2023.105897>
- Perelman, Ch, & Olbrechts-Tyteca, L. (1989). *Tratado de la argumentación. La nueva retórica*. Madrid: Gredos.
- Robles, G. (2018). *Cinco estudios de teoría comunicacional del derecho*. Santiago de Chile: Ediciones Olejnik.
- Robles, G. (2021). *Teoría del derecho. Fundamentos de teoría comunicacional del derecho. Vol. III*. Navarra: Aranzadi.
- Russell, S., & Norvig, P. (2021). *Artificial intelligence: a modern approach*. Hoboken: Pearson.
- Swofford, H., & Champod, C. (2022). Probabilistic reporting and algorithms in forensic science: Stakeholder perspectives within the American criminal justice system. *Forensic Science International: Synergy*, 4, 100220. <https://doi.org/10.1016/j.fsisy.2022.100220>
- Teubner, G. (1993). *Law as an autopoietic system*. Oxford: Blackwell Publishers.
- Viehweg, T. (1964). *Tópica y Jurisprudencia*. Madrid: Taurus.

Author information

Fernando Galindo Ayuda – PhD, Full Professor of Philosophy of Law, Department of Criminal Law, Philosophy of Law and History of Law, University of Zaragoza; Member of the Spanish Royal Academy of Jurisprudence and Legislation, Section of Philosophy of Law

Address: 12, Pedro Cerbuna, 50009 Zaragoza, Spain

E-mail: cfa@unizar.es

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8339-1788>

Scopus Author ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=24324858600>

WoS Researcher ID: <https://www.webofscience.com/wos/author/record/I-3064-2018>

Google Scholar ID: https://scholar.google.com/citations?user=clc_O5YAAAAJ

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Financial disclosure

The research had no sponsorship.

Thematic rubrics

OECD: 5.05 / Law

PASJC: 3308 / Law

WoS: OM / Law

Article history

Date of receipt – August 4, 2023

Date of approval – August 16, 2023

Date of acceptance – March 15, 2024

Date of online placement – March 20, 2024

Научная статья

УДК 34:004:004.8:34.096

EDN: <https://elibrary.ru/awefay>

DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.4>

Правовое регулирование искусственного интеллекта: опыт Китая

Ирина Анатольевна Филипова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия;

Самаркандский государственный университет имени Ш. Рашидова, Самарканд, Узбекистан

Ключевые слова

генеративный
искусственный интеллект,
законопроект,
закон,
искусственный интеллект,
итеративность,
комплексный подход,
отраслевой подход,
право,
риск-ориентированность,
цифровые технологии

Аннотация

Цель: проследить траекторию развития правового регулирования в сфере искусственного интеллекта в Китайской Народной Республике, выявив достоинства и недостатки китайского подхода к регулированию искусственного интеллекта и обозначив перспективы национального регулирования на ближайшее будущее с учетом мирового опыта.

Методы: в основе исследования лежат общенаучные методы анализа и синтеза, классификации, системный и функциональный подходы. Также использовались формально-юридический, сравнительно-правовой и историко-правовой методы.

Результаты: проведенное исследование демонстрирует обоснованность китайских притязаний на мировое лидерство в создании правового регулирования искусственного интеллекта, так как именно в Китае приняты первые, уже вступившие в силу нормативные правовые акты, правда, каждый из них касается узкого круга вопросов, пока отсутствует закон, который бы устанавливал некоторые общие правила для индустрии искусственного интеллекта. Среди характерных черт китайского подхода, в первую очередь, названы его итеративность, позволяющая с каждым новым шагом корректировать регулирование, и отраслевой характер регулирования.

Научная новизна: в процессе исследования выделены и описаны этапы развития правового регулирования искусственного интеллекта в Китае, выявлены и аргументированы достоинства и недостатки китайского подхода к правовому регулированию, произведено сравнение данного подхода с подходами основных соперников Китая, конкурирующих с ним по уровню развития технологий и по уровню их правового регулирования. Все вышеперечисленное позволило прийти к выводам относительно последующего развития правового регулирования в Китае и в мире в целом.

© Филипова И. А., 2024

Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал при условии, что оригинальная работа упомянута с соблюдением правил цитирования.

Практическая значимость: ознакомление с материалами исследования дает возможность интересующимся правоведам, и не только им, получить четкое представление о достигнутом Китаем уровне регулирования в сфере искусственного интеллекта. Опыт Китая представляет значительный интерес для остального мира, позволяя убедиться на практике в правильности или ошибочности возможных вариантов регулирования в новой и сложной области. Результаты исследования могут быть использованы не только в практике правового регулирования в сфере искусственного интеллекта, но и при подготовке лекций по учебным курсам соответствующей направленности, создании учебных пособий для студентов-юристов.

Для цитирования

Филипова, И. А. (2024). Правовое регулирование искусственного интеллекта: опыт Китая. *Journal of Digital Technologies and Law*, 2(1), 46–73. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.4>

Содержание

Введение

1. Этапы развития регулирования искусственного интеллекта в Китае
 - 1.1. Начальный этап
 - 1.2. Текущий этап
2. Особенности регулирования искусственного интеллекта в Китае
 - 2.1. Характеристика китайского подхода к регулированию искусственного интеллекта
 - 2.2. Достоинства и недостатки китайского подхода к регулированию искусственного интеллекта
3. Сравнительный анализ китайского подхода к регулированию искусственного интеллекта с иными подходами
 - 3.1. Сравнение с европейским подходом к регулированию искусственного интеллекта
 - 3.2. Сравнение с американским подходом к регулированию искусственного интеллекта
 - 3.3. Сравнение с подходами ведущих стран Азии к регулированию искусственного интеллекта

Заключение

Список литературы

Введение

Искусственный интеллект быстро развивается, с каждым днем все интенсивнее влияя на жизнь людей, что требует учета правовым регулированием (Ван, Ван, 2022). Об этом свидетельствует активизация процессов по созданию новых норм права на уровне государственных органов в разных странах и на уровне межгосударственных органов в различных регионах мира. Китай претендует на роль лидера в сфере правового регулирования искусственного интеллекта, стараясь опередить других субъектов мировой политики и тем самым глобально повлиять на вектор развития регулирования. Следует упомянуть, что стоит различать как минимум три момента, по которым соперничают разные государства и их объединения. Это, во-первых, уровень развития искусственного интеллекта, во-вторых, темпы его развития и, в-третьих, уровень развития правового регулирования в данной области. Китай устойчиво занимает вторую позицию по первому показателю – уровню развития искусственного интеллекта, уступая лишь США и значительно опережая остальные страны мира¹ как по проводимым исследованиям, так и по коммерциализации их результатов, по развитию соответствующей инфраструктуры. По темпам развития Китай опережает США, за счет чего ставит задачу к 2030 г. обогнать США по первому показателю, этому сильно способствует китайское преимущество в объемах данных, доступных для алгоритмического анализа. По третьему показателю – уровню развития правового регулирования – Китай претендует на лидерство, конкурируя в этом с Европейским союзом, который также стремится стать первопроходцем в создании законов, регулирующих отношения, связанные с использованием искусственного интеллекта. Ведь, несмотря на растущее в мире число инициатив по регулированию, «количество новых режимов искусственного интеллекта с устоявшейся структурой все еще относительно невелико» (Dixon, 2023), в то время как необходимость в этом регулировании растет, причиной чего являются увеличивающиеся риски, связанные с внедрением искусственного интеллекта.

1. Этапы развития регулирования искусственного интеллекта в Китае

1.1. Начальный этап

Первый этап связан с формированием основ для регулирования в сфере искусственного интеллекта, он является подготовительным и включает создание документов программного характера, фиксирующих в том числе складывающиеся этические нормы, от которых можно было бы отталкиваться при подготовке актов законодательства в последующем.

В 2015 г. Китай начал реализацию комплексной программы развития Китайской Народной Республики (далее – КНР) под названием «Сделано в Китае – 2025»², несколько позже, в июле 2017 г., был опубликован «План развития искусственного интеллекта нового поколения»³, официально утвержденный Государственным советом КНР.

¹ The Global AI Index. <https://goo.su/ENE2B>

² 中国制造2025. <https://goo.su/60obk4r>

³ Webster, G., Creemers, R., Kania, E., & Triolo, P. (2017, August 1). China's 'New Generation Artificial Intelligence Development Plan'. Stanford University. <https://goo.su/hdBfR>

В «Плане развития искусственного интеллекта нового поколения» разработки в сфере искусственного интеллекта обозначены как приоритетные и в общем виде сформулирована национальная стратегия, цель которой – вывести Китай к 2030 г. в мировые лидеры в указанной области. Если предыдущие политические инициативы, содержащие заявления о развитии искусственного интеллекта, рассматривали его лишь как один из инструментов для достижения другой цели, то «План развития искусственного интеллекта нового поколения» стал первой национальной инициативой, сфокусированной на развитии искусственного интеллекта и «призванной стать основой для создания полноценной экосистемы искусственного интеллекта в стране» (Wu F. et al., 2020).

Реализуемый в настоящее время Китаем «План развития искусственного интеллекта нового поколения» разбит на три этапа. Первый этап связан с занятием Китаем конкурентоспособной позиции на мировом рынке (до 2020 г.), второй – с прорывом в теоретических разработках и с активным внедрением искусственного интеллекта в различные сегменты китайской экономики (до 2025 г.), а третий – с достижением КНР мирового лидерства в индустрии искусственного интеллекта (до 2030 г.).

Руководство осуществлением плана возложено на Консультативный комитет по стратегии искусственного интеллекта, сформированный в ноябре 2017 г., координаторами выступают Министерство науки и технологий КНР, Управление по продвижению плана искусственного интеллекта и ряд других органов. Несмотря на централизованное руководство, план содержит «список пожеланий», стимулирующий местные органы власти и частный сектор к инновациям, которые помогут реализовать амбициозные задачи Китая в трех стратегически важных областях, отмеченных в плане, ими являются международная конкуренция, экономический рост и социальное управление (Roberts et al., 2021).

Начало создания регулирования в сфере искусственного интеллекта хронологически соответствует первому этапу реализации китайской национальной стратегии, сформулированной в «Плане развития искусственного интеллекта нового поколения». Основы для последующего регулирования стали закладываться как минимум с 2017 г., ведь для достижения заявленной в китайской стратегии цели предусмотрено выполнение целого ряда государственных задач. «План развития искусственного интеллекта нового поколения» включает установление национальных стандартов и проведение исследований по юридическим вопросам для построения правовой основы, способствующей ускоренному применению новых технологий, особое внимание уделяется регулированию беспилотного транспорта и сервисных роботов.

1 июня 2017 г. вступил в силу Закон КНР о кибербезопасности от 7 ноября 2016 г.⁴, направленный на защиту критически важных сетей, на обеспечение национального «киберсуверенитета» и ставший первым кирпичиком, положенным в основу будущего правового регулирования искусственного интеллекта.

В 2018 г. Китай опубликовал «Белую книгу по стандартизации искусственного интеллекта»⁵, в которой описаны технические стандарты, уже созданные к этому

⁴ Creemers, R., Webster, G., & Triolo, P. (2018, June 29). Cybersecurity Law of the People's Republic of China. Stanford University. <https://clck.ru/38Qivf>

⁵ Triolo, P., & Ding, J. (2018, June 20). Excerpts from China's 'White Paper on Artificial Intelligence Standardization'. Stanford University. <https://goo.su/plUop>

моменту в Китае и других странах, плюс предложена система разработки международных стандартов. Документ был подготовлен к первому заседанию технического комитета по искусственному интеллекту Международной организации по стандартизации и преследовал цель приблизить конструируемые международные стандарты к существующим китайским. Такое систематизированное изложение накопленного опыта в техническом регулировании способствовало формулированию основ этического регулирования в рассматриваемой сфере, предшествовавших, в свою очередь, правовому регулированию.

В 2018 г. правительство КНР поручило Китайской ассоциации искусственного интеллекта (CAAI) разработку руководящих этических принципов в сфере искусственного интеллекта. Для этого была создана целая коалиция, участниками которой стали Китайская академия наук, Пекинская академия искусственного интеллекта, Пекинский университет, иные научные организации и ряд китайских лидеров индустрии искусственного интеллекта (IT-гигантов). В мае 2019 г. были опубликованы «Пекинские принципы искусственного интеллекта»⁶. Среди сформулированных принципов: служение человеческим ценностям, таким как неприкосновенность частной жизни, достоинство и свобода, постоянное внимание к безопасности искусственного интеллекта, инклюзивность, открытость, поддержка международного сотрудничества, долгосрочное планирование и т. д. Китайскими исследователями, как и учеными из иных стран мира, обосновывалась необходимость «регулировать развитие искусственного интеллекта в соответствии с этикой и ценностями человечества» (Wu W. et al., 2020).

Еще одним документом, посвященным этическому регулированию, стал опубликованный Министерством науки и технологий КНР в сентябре 2021 г. «Кодекс этики искусственного интеллекта нового поколения»⁷. В документе отмечается, что искусственный интеллект должен быть заслуживающим доверия и контролируемым, обеспечивающим честность и справедливость, повышающим человеческое благополучие, защищающим приватность и безопасность. Люди вправе сохранить возможность выбора – пользоваться услугами, предоставляемыми с помощью искусственного интеллекта, либо отказаться от взаимодействия с системами искусственного интеллекта в любой период взаимодействия.

Начальный этап создания регулирования в сфере искусственного интеллекта длился несколько дольше времени, отведенного на реализацию первого этапа китайской национальной стратегии, а именно до 2021 г., когда появился целый ряд актов законодательства в этой области.

1.2. Текущий этап

Второму этапу китайской стратегии – осуществлению прорыва в теоретических разработках и активном внедрении искусственного интеллекта в различные сегменты китайской экономики, по плану длящемся до 2025 г., в целом соответствует и второй этап формирования регулирования – переход от программных документов, включающих правила этического характера, к созданию законодательства по вопросам использования искусственного интеллекта.

⁶ Beijing Artificial Intelligence Principles. (2019). International Research Center for AI Ethics and Governance. <https://goo.su/mkRid1y>

⁷ 新一代人工智能伦理规范》发布. 2021年09月26日. 来源: 科技部 <https://goo.su/Gk6ta>

За 2021 г. была принята и вступила в силу группа нормативных правовых актов, имеющих отношение к искусственному интеллекту, в первую очередь речь идет:

- о Законе КНР о безопасности данных от 10 июня 2021 г., действующем с 1 сентября 2021 г.⁸;

- Законе КНР о защите личной информации от 20 августа 2021 г., действующем с 1 ноября 2021 г.⁹;

- Регламенте о защите безопасности критической информационной инфраструктуры от 17 августа 2021 г., действующем с 1 сентября 2021 г.¹⁰

Для примера, Закон КНР о защите персональной информации – это рамочный закон, который устанавливает основные принципы, цели, полномочия и ответственность в области защиты персональных данных, ценность которых в эпоху искусственного интеллекта возрастает, при этом законом не регулируются отдельные частные вопросы. Детальное регулирование, обеспечивающее применение закона, осуществляется государственными регуляторами, главным из них в сфере искусственного интеллекта стало Управление киберпространства Китая (CAC), именно им, как правило, публикуются подзаконные нормативные акты.

Упоминая подзаконные акты, следует назвать «Положение об управлении алгоритмическими рекомендациями в информационных службах Интернета» от 31 декабря 2021 г., получившее юридическую силу с 1 марта 2022 г.¹¹ Целью данного акта является недопущение монополистического поведения платформ с искусственным интеллектом для защиты прав пользователей. В документе содержится требование проявлять особую осторожность для удовлетворения потребностей пожилых пользователей, в том числе для предотвращения мошенничества, а также присутствуют запреты на алгоритмическое создание фейковых новостей, на использование дискриминационных или предвзятых пользовательских тегов в алгоритмических рекомендательных системах, на применение алгоритмов для участия в монополистических действиях или неправомерной конкуренции. «Положение об управлении алгоритмическими рекомендациями в информационных службах Интернета» обязывает поставщиков услуг не допускать дискриминации, эксплуататорских условий труда для работников платформ (обычно курьеров и водителей), требует работать над смягчением распространения негативной информации, а также предоставляет потребителям право отключения алгоритмических рекомендаций и получения объяснений в случаях, когда алгоритм существенно влияет на их интересы.

25 ноября 2022 г. было опубликовано «Положение об администрировании информационных служб Интернета Deep Synthesis»¹² (иногда именуемое «Правила регулирования дипфейков»). Документ, вступивший в силу с 10 января 2023 г., содержит

⁸ Data Security Law of the People's Republic of China. (2021, June 29). Stanford University. <https://goo.su/yUFiOA>

⁹ Creemers, R., & Webster, G. (2021, August 20). Personal Information Protection Law of the People's Republic of China. Stanford University. <https://goo.su/Fkeic>

¹⁰ Creemers, R., Sacks, S., & Webster, G. (2021, August 18). Critical Information Infrastructure Security Protection Regulations. Stanford University. <https://goo.su/DS6o>

¹¹ Provisions on the Management of Algorithmic Recommendations in Internet Information Services. (2021). China Law Translate. <https://goo.su/338U65>

¹² Provisions on the Administration of Deep Synthesis Internet Information Services (2022). China Law Translate. <https://clck.ru/38Qr2i>

требования к предоставлению услуг глубокого синтеза при создании изображений, видео, аудио и текстов. Генерируемый контент должен соответствовать правилам контроля за информацией, быть помечен как синтетически созданный, его поставщики обязаны принимать меры для предотвращения неправильного использования и регистрировать свои алгоритмы (запрещается публикация контента, созданного искусственным интеллектом, без специальной маркировки).

Кроме актов национального уровня, публикуемых Управлением киберпространства Китая, появляются акты, принимаемые на муниципальном уровне, но играющие важную роль, так как муниципальными образованиями, в которых изданы такие акты, обычно являются многомиллионные высокотехнологичные мегаполисы:

- «Положение о содействии развитию индустрии искусственного интеллекта в Шанхае» от 22 сентября 2022 г.¹³, направленное на мобилизацию суперкомпьютерной инфраструктуры, центров обработки данных и на применение технологий искусственного интеллекта в муниципальном управлении (действует с 1 октября 2022 г.);

- «Правила продвижения индустрии искусственного интеллекта в Шэньчжэне» от 30 августа 2022 г.¹⁴, нацеленные на продвижение искусственного интеллекта с обеспечением соблюдения этических принципов использования искусственного интеллекта для недопущения дискриминации или нарушения частной жизни (действуют с 1 ноября 2022 г.) и т. д.

В 2023 г. Управлением киберпространства Китая совместно с еще несколькими национальными ведомствами было издано «Положение о временных мерах по управлению услугами генеративного искусственного интеллекта» от 10 июля 2023 г.¹⁵, вступившее в силу 15 августа 2023 г. Данный акт, как указано в его ст. 1, разработан в целях содействия здоровому развитию и регулируемому использованию генеративного искусственного интеллекта, сохранения национальной безопасности и учета общественных интересов, а также для защиты прав граждан и юридических лиц. В документе содержится призыв к административным органам и судам всех уровней занять осторожную и толерантную позицию в отношении искусственного интеллекта. Примером отклика на этот призыв является вынесенное в 2023 г. решение интернет-суда Пекина о том, что контент, сгенерированный искусственным интеллектом, может быть защищен авторским правом¹⁶, хотя ранее отказывал в защите (Wan & Lu, 2021). Признание авторских прав на определенные произведения, созданные с помощью искусственного интеллекта, не только стимулирует его использование, повышая коммерческую ценность продуктов и услуг на основе искусственного интеллекта, но также ставит вопрос о соответствующем пересмотре законодательства об авторских правах и противоречит позициям, принятым в других крупных юрисдикциях, включая США (Huyue Zhang, 2024).

¹³ Regulation of the Shanghai Municipality on Promoting the Development of the Artificial Intelligence Industry (2022). <https://clck.ru/38Qr3Z>

¹⁴ Regulations for the Promotion of the Artificial Intelligence Industry in Shenzhen Special Economic Zone (2022). <https://clck.ru/38Qr4H>

¹⁵ Interim Measures for the Management of Generative Artificial Intelligence Services (2023). <https://clck.ru/38Qr5D>

¹⁶ Deng, I. (2023, December 1). Beijing court's ruling that AI-generated content can be covered by copyright eschews US stand, with far-reaching implications on tech's use. South China Morning Post. <https://clck.ru/38Qr6K>

Еще один нормативный правовой акт, проект которого был опубликован Управлением киберпространства Китая в августе 2023 г., должен быть принят в 2024 г., речь идет о «Правилах по регулированию технологий распознавания лиц»¹⁷. Цель данного акта – упорядочить применение подобных технологий, защищая право на информацию личного характера, но одновременно поддерживая общественный порядок и безопасность. Документ запрещает использование технологий распознавания лиц для анализа расовой и этнической принадлежности, религиозных убеждений и состояния здоровья. Исключение составляют случаи, когда лицо дало свое согласие или это требуется в интересах национальной безопасности. Тем самым, хотя китайская правоохранительная система и органы государственной безопасности широко применяют технологии распознавания лиц, новые правила ограничивают использование таких технологий негосударственными структурами: банками, аэропортами, отелями и т. д. В целях безопасности в общественных местах должно быть установлено оборудование по сбору изображений и идентификации личности, но у управляющих объектами (зданиями и сооружениями) отсутствует необходимость использовать распознавание лиц для контроля входов и выходов на объектах, они должны обеспечить желающим применение альтернативных способов проверки личности.

Среди проектов, находящихся в разработке, отдельного внимания заслуживает проект закона об искусственном интеллекте, призванный более полно урегулировать отношения в сфере искусственного интеллекта. Вопрос о создании проекта был внесен в план законодательной работы Государственного совета КНР на 2023 г.¹⁸ В августе 2023 г. предварительный проект закона, подготовленный группой исследователей Китайской академии социальных наук, опубликован как «Модельный закон об искусственном интеллекте, версия 1.0 (проект экспертного предложения)»¹⁹. Специалисты из Стэнфордского университета подчеркивают, что в пояснении к проекту упоминается о его подготовке под руководством заместителя директора научного отдела кибер- и информационного права Китайской академии социальных наук, параллельно являющегося руководителем исследовательского проекта по этике и регулированию искусственного интеллекта. Это дает основание заключить, что проект поддерживается рядом влиятельных китайских политиков и, хоть не носит правительственного характера, будет «служить справочником для законодательной работы»²⁰. Главная задача проекта – сконструировать механизм, позволяющий поддерживать баланс между безопасностью и развитием. Основными принципами, на которых базируется регулирование, предлагаемое в рамках проекта закона, в нем названы:

- ориентированность на благо людей (ст. 4);
- обеспечение безопасности исследований и продуктов на основе искусственного интеллекта (ст. 5);
- открытость, прозрачность и объяснимость (ст. 6);
- подотчетность и юридическая ответственность тех, кто занимается исследованиями, разработками, предоставлением или использованием искусственного интеллекта (ст. 7);

¹⁷ Ministry of Justice of the People's Republic of China. (2023). China mulls first nationwide comprehensive guidelines for use of facial recognition technology. <https://goo.su/zJ0ODV1>

¹⁸ 国务院办公厅关于印发 国务院2023年度立法工作计划的通知. <https://goo.su/rTEAe0X>

¹⁹ 人工智能法（示范法）1.0》（专家建议稿）. <https://clck.ru/38QrG3>

²⁰ Webster, G., Zhou, J., Shi, M., Dorwart, H., Costigan, J., & Chen, Q. (2023, August 23). Analyzing an Expert Proposal for China's Artificial Intelligence Law. Stanford University. <https://clck.ru/38QrHZ>

- справедливость и равенство (ст. 8);
- эффективность использования ресурсов и защита экологии (ст. 9);
- поощрение инноваций (ст. 10);
- международное сотрудничество (ст. 11);
- законность и легитимность, а также обязанность придерживаться социалистических ценностей (ст. 14).

Согласно проекту, основная часть ответственности будет лежать на поставщиках (продавцах), но от разработчиков потребуются предоставление необходимой помощи, например, в объяснении алгоритмов и оценке рисков модели, что не позволит им уклониться от ответственности, включив это в условия договора с продавцом или под предлогом защиты коммерческой тайны.

Помимо этого, в проекте упоминается так называемый негативный список. Действия, которые будут перечислены в списке, потребуют специального административного одобрения, тогда как для совершения действий, не включенных в него, нужно будет лишь пройти регистрацию в регулирующих органах. Сам список в проекте отсутствует. Не обнаруживается и дифференциации регулирования в отношении моделей с открытым исходным кодом. Такие модели искусственного интеллекта имеют огромное значение для распространения знаний и создают конкурентные ограничения для доминирующих компаний, обычно не раскрывающих коды своих моделей. Зато в ст. 43 проекта предусмотрен более строгий надзор за «базовыми моделями», которые могут использоваться во множестве приложений с искусственным интеллектом.

Принятие закона об искусственном интеллекте с большой степенью вероятности откроет следующий этап развития правового регулирования искусственного интеллекта в Китае, предпосылки к этому будут названы при перечислении и пояснении характеристик китайского подхода ниже.

2. Особенности регулирования искусственного интеллекта в Китае

2.1. Характеристика китайского подхода к регулированию искусственного интеллекта

Прежде чем охарактеризовать китайский подход к регулированию искусственного интеллекта, следует обратить внимание на некоторые моменты, объясняющие национальную стратегию развития искусственного интеллекта. Она базируется на четырех основных факторах, способствующих развитию. Первым из них являются фундаментальные технологии, речь идет о разработках по созданию микросхем, которые Китай пока вынужден закупать за рубежом, испытывая зависимость от иностранных технологий. Среди стран, поставляющих Китаю микросхемы и оборудование для их производства, превалировали США, Тайвань, Южная Корея, Япония и Нидерланды, но с началом в 2018 г. «торговой войны» между США и Китаем, цель которой – помешать Китаю сохранить первенство по темпам технологического развития, происходит спад возможностей по импорту чипов и обостряется потребность в технологическом суверенитете. Вторым фактором, способствующим развитию искусственного интеллекта, являются данные, здесь Китай, благодаря большой численности населения, обладает огромным преимуществом. Третий фактор – квалифицированные кадры, которые способны заниматься созданием необходимых алгоритмов, в этом Китай пока проигрывает США. Четвертым фактором может быть названа коммерческая экосистема искусственного интеллекта и смежных технологий, которую в Китае формируют

IT-гиганты, доминирующие на рынке искусственного интеллекта (Keller et al., 2024), являющиеся частными компаниями, но при этом тесно связанными с государством. Подобные IT-гиганты могут быстро внедрять новые разработки в свои продукты за счет масштабов деятельности²¹. Как видим, Китай обладает рядом преимуществ (объемы данных, инфраструктура, возможности коммерциализации), при этом испытывает недостаток в разработках микросхем и в необходимых кадрах. Стремясь преодолеть недостатки, Китай разрабатывает соответствующие программы и направляет значительные ресурсы на научные разработки и обучение специалистов.

Для того чтобы сфера искусственного интеллекта продуктивно развивалась и расширялась, для инвесторов и предпринимателей необходимы четкие «правила игры», именно их и должно устанавливать право. Китайский подход к регулированию искусственного интеллекта отражает эти «правила игры». Как и любому подходу, ему присущи следующие характеристики:

- стремление содействовать ускорению технологического развития на своей территории;
- нацеленность на предотвращение злоупотреблений со стороны доминирующих игроков рынка;
- признание первичности этических правил как фундаментальной основы для правового регулирования искусственного интеллекта;
- декларирование приоритета прав человека (антропоцентризм), тем самым соответствие наиболее общим принципам в сфере искусственного интеллекта (Floridi & Cowls, 2019), провозглашенным на уровне Организации Объединенных Наций в 2022 г.²²

Кстати, в ноябре 2022 г. в Китае был опубликован официальный документ «Позиция по укреплению этического управления в сфере искусственного интеллекта»²³, содержащий призыв Китая к международному сообществу прийти к соглашению по вопросам этики искусственного интеллекта и работать над формулированием общих международных рамок и стандартов, т. е. конкретизацией общих принципов и достижением «глобального консенсуса, взаимного уважения и действий на благо человечества»²⁴. В документе подчеркивается, что Китай выступает за ответственный подход к искусственному интеллекту, включающий разделение ответственности и совместное управление множеством заинтересованных сторон. К таким сторонам отнесены как правительство, так и научные организации, промышленность, общественность и т. д.

²¹ Ковачич, Л. (2020, 7 июля). Китайский опыт развития отрасли искусственного интеллекта: стратегический подход. <https://clck.ru/U8Egn>

²² Principles for the Ethical Use of Artificial Intelligence in the United Nations System (10 принципов одобрены Координационным советом руководителей системы Организации Объединенных Наций в сентябре 2022 г. на основе Рекомендации ЮНЕСКО об этических аспектах искусственного интеллекта 2021 г.).

²³ Permanent mission of the People's Republic of China to the United Nations office at Geneva and other International organizations in Switzerland (2022, November 16). Position Paper of the People's Republic of China on Strengthening Ethical Governance of Artificial Intelligence. <https://goo.su/0D2F02Q>

²⁴ Zeng, Yi. (2022, November 23). China responsible on AI ethical governance. China Daily Global. <https://goo.su/vHFVlp>

Основными чертами, отличающими китайский подход к регулированию искусственного интеллекта, являются:

1) оперативность регулирования (быстрое реагирование на технологические вызовы, когда создается документ, включающий некоторые общие принципы, позволяющие понять разработчикам, инвесторам и пользователям, как относиться к соответствующей технологии);

2) итеративность регулирования (государственные органы принимают акт, «проверяют» его на практике, через некоторое время принимают новый акт либо новую версию прежнего акта в зависимости от полученных результатов, постепенно конкретизируя правила);

3) секторальность регулирования (отсутствует закон, охватывающий нормы, комплексно регулирующие всю сферу, для решения разных проблем в сфере искусственного интеллекта принимаются отдельные нормативные правовые акты);

4) идеологический контроль (наличие цензуры, в частности, цензурирование алгоритмов);

5) наличие широких полномочий у органов государственного управления по изданию подзаконных нормативных актов, устанавливающих множество исключений и изъятий из норм права, содержащихся в законах.

В китайском подходе делается акцент на стимулирование инноваций в сфере искусственного интеллекта при одновременном обеспечении государственного контроля над технологиями. Обладая обширной территорией со множеством различий между регионами, Китай позволяет каждому из них развивать свои собственные стратегии (Yang & Huang, 2022), это нисколько не противоречит национальному «Плану развития искусственного интеллекта нового поколения», который включает «список пожеланий», подталкивающий местные власти к внедрению новых технологий в интересах достижения общенациональных целей.

Если использовать классификацию подходов к регулированию искусственного интеллекта, предложенную европейским исследователем Н. Пети, входившим в созданную Европейской комиссией в 2018 г. междисциплинарную группу экспертов высокого уровня по искусственному интеллекту, то все подходы можно поделить на две группы – юридические и технологические. Подходы первой группы нацелены на системное решение вопросов, возникающих из-за применения искусственного интеллекта, подходы второй группы отталкиваются от технологических изменений, точно решая возникающие проблемы (Petit, 2017). В этом смысле китайский подход должен быть отнесен ко второй группе.

Подходы, включенные в первую группу, демонстрируют комплексность, предлагая «горизонтальное» регулирование, где положения одного закона распространяются на широкий круг вопросов в регулируемой им области. В подходах второй группы, включая китайский, присутствует «вертикальность» регулирования: отдельными законодательными актами решаются достаточно узкие проблемы, что свидетельствует не просто о секторальности регулирования, а о его фрагментарности. В то же время разработка проекта закона об искусственном интеллекте, учитывая уже имеющийся неофициальный проект, созданный в Китае, позволяет с осторожностью прогнозировать некоторое изменение вектора с точечного на комплексное регулирование (чему способствует итеративность китайского подхода), а значит появление «горизонтальности» в регулировании искусственного интеллекта.

2.2. Достоинства и недостатки китайского подхода к регулированию искусственного интеллекта

С учетом перечисленных выше черт, присущих китайскому подходу, можно выделить его основные преимущества.

Во-первых, к достоинствам подхода, вытекающим из оперативности регулирования, относится то, что Китай смог первым в мире урегулировать ряд вопросов в сфере искусственного интеллекта. В китайском законодательстве еще до истечения 2023 г. появились правовые нормы, не нашедшие к тому моменту отражения в законодательстве иных стран. Речь идет, в частности, о таких мерах, как:

- введение лицензирования (надзорное регулирование продвинутых моделей искусственного интеллекта, способных представлять угрозу для общественной безопасности);
- отказ от лицензирования компаний, которые исследуют, разрабатывают и используют генеративный искусственный интеллект, но не предоставляют услуги населению;
- выделение специализированного регулятора в сфере искусственного интеллекта – Управления киберпространства Китая;
- требование от регулятора к разработчикам генеративного искусственного интеллекта о принятии мер, повышающих точность обучающих данных.

Включение в законодательство ряда новых норм укрепило позиции Китая, претендующего на лидерство в регулировании искусственного интеллекта, и на трансляцию своих правил в международном пространстве ([Shaoxue, 2023](#)).

Во-вторых, будучи итеративным, китайский подход обладает гибкостью. Такая гибкость объясняется, с одной стороны, высокими темпами развития искусственного интеллекта, как следствие, быстрым изменением ситуации, с другой – прагматизмом китайских властей. К примеру, в общественных местах в Китае широко используются технологии распознавания лиц, входящие в подгруппу технологий искусственного интеллекта, что неоднократно вызывало упреки в нарушении прав граждан. Новые «Правила по регулированию технологий распознавания лиц», предложенные к принятию в 2024 г., ограничивают для негосударственных организаций возможность использовать распознавание лиц в целях контроля и требуют применения альтернативных способов проверки личности. Подготовке новых правил способствовала судебная практика, изобилующая примерами привлечения китайских компаний к ответственности в виде штрафов за чрезмерное использование упомянутых технологий.

О гибкости подхода свидетельствует и появление элементов комплексного регулирования, предлагаемое в проекте закона об искусственном интеллекте, действие которого будет распространяться на все исследования и разработки, поставки и использование искусственного интеллекта в пределах границ КНР, а также на указанную деятельность за пределами Китая, если она затрагивает или может затронуть национальную безопасность, общественные интересы или права китайских граждан и организаций. Как уже отмечалось, это позволяет предполагать постепенную трансформацию китайского подхода, по крайней мере, смещение вектора с секторальности или отраслевого подхода в сторону системности регулирования.

В-третьих, Китай готов учиться у других акторов мировой политики, к примеру, Закон КНР о защите личной информации 2021 г. был подготовлен после ознакомления

и отчасти под влиянием Общего регламента Европейского союза по защите данных (GDPR)²⁵, принятого 14 апреля 2016 г. и вступившего в силу 25 мая 2018 г.

Если говорить не только о достоинствах подхода, но и о доступных Китаю преимуществах, пользование которыми дополняют сильные стороны подхода, следует упомянуть о наличии масштабных наборов данных (датасетов), необходимых для эффективного обучения искусственного интеллекта. В этом аспекте Китай располагает огромными возможностями благодаря доступности данных, полученных в результате государственного надзора. Исследователи из стран, соперничающих с Китаем, порой сетуют на то, что авторитарность политического устройства Китая содействует увеличению количества и качества необходимых для обучения датасетов (Karpa et al., 2022).

Недостатком китайского подхода к регулированию искусственного интеллекта можно назвать имеющее место дублирование норм в различных нормативных правовых актах, являющееся следствием секторальности, а точнее даже фрагментарности регулирования. Такому дублированию способствует и наличие ряда ведомств, компетенция которых не имеет четкого разграничения, в результате чего они претендуют на регулирование и в сфере искусственного интеллекта (помимо Управления киберпространства Китая). Полномочия государственных органов очень широки и обычно не определены конкретно (Roberts et al., 2023), поэтому свою лепту в регулирование в новой области стремятся внести разные органы, в первую очередь это касается органов государственного управления, но иногда и судебных органов. К примеру, 27 июля 2021 г. Верховный народный суд Китая опубликовал «Положение по ряду вопросов, касающихся применения закона при рассмотрении гражданских дел, связанных с использованием технологий распознавания лиц для обработки личной информации»²⁶, вступившее в силу с 1 августа 2021 г. и применяемое к гражданско-правовым спорам, возникающим в связи с использованием технологий распознавания лиц при обработке информации.

Широкое распространение в Китае технологий распознавания лиц, с одной стороны, позволяет обеспечивать порядок и снижает риски совершения преступлений общеуголовной направленности, но с другой – ущемляет право на частную жизнь и делает возможным социальное рейтинговое граждан. Так как на технологиях искусственного интеллекта основана система контроля за поведением людей, то отслеживание правонарушений автоматизируется. За каждое обнаруженное правонарушение человеку начисляются баллы, чем их больше, тем ниже социальный рейтинг, а он влияет на уровень доступа к рабочим местам, различным услугам, путешествиям и иным благам (Liang et al., 2018). Тем самым общественными интересами оправдывается ущемление прав личности, в итоге получается, что регулирование искусственного интеллекта направлено не столько на защиту граждан как потребителей, сколько на социальный контроль и проецирование власти²⁷.

²⁵ Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation). <https://clck.ru/34U2FN>

²⁶ 关于 审理 使用 人脸识别 技术 处理 个人 信息 相关 民事案件 适用 法律 若干 问题 的 规定. <https://clck.ru/38QrVH>

²⁷ Qiu B., & Kwok, D. (2023, December 8). China's tightening grip on AI puts other nations at risk. Nikkei Asia. <https://clck.ru/38QrXm>

Не стоит забывать об идеологической составляющей регулирования в Китае, которая, с точки зрения ряда иностранных исследователей, выглядит существенным недостатком китайского подхода (Lucero, 2019). Впрочем, это не означает полного отсутствия влияния идеологии на формирование подходов в остальных странах мира. В то же время анализ китайских социальных сетей показывает, что, несмотря на партийно-государственный контроль над публичной сферой, «широкая общественность выражает чувство тревоги по поводу будущего, пронизанного искусственным интеллектом» (Mao & Shi-Kupfer, 2023), тем самым, наличие идеологии не исключает корректирующего воздействия общественного дискурса на формирование этического регулирования, под влиянием которого выстраивается правовое регулирование.

3. Сравнительный анализ китайского подхода к регулированию искусственного интеллекта с иными подходами

3.1. Сравнение с европейским подходом к регулированию искусственного интеллекта

Чтобы полнее пояснить перечисленные выше особенности, достоинства и недостатки китайского подхода, сравним его с иными существующими в мире подходами. Начнем с европейского, так как оба подхода сформировались в гораздо большей степени, чем позиции стран, о которых будет сказано дальше.

Итак, Европейский союз, как и Китай, претендует на роль мирового лидера в регулировании искусственного интеллекта. Их стратегии развития искусственного интеллекта выстраивались примерно в одно и то же время. Этическое регулирование, пожалуй, быстрее оформилось на европейском пространстве, то же можно сказать и о начале правового регулирования, если учитывать многочисленные европейские акты «мягкого права»²⁸. Тем самым Европейский союз получил некоторое преимущество, но, так как он является межгосударственным образованием, включающим 27 стран, позиции которых нередко отличаются и требуют согласования, то принятие актов европейского законодательства происходит медленнее, чем на национальном уровне (Филипова, 2023).

Китай, будучи единым государством, принимает законы и подзаконные акты быстрее. В КНР уже вступил в силу целый ряд нормативных правовых актов в сфере искусственного интеллекта, а Проект Регламента Европейского союза по искусственному интеллекту²⁹, вынесенный на рассмотрение в апреле 2021 г. и предполагавшийся к утверждению до конца 2022 г., спустя еще год после этого так и не был принят. 8 декабря 2023 г. руководство Европейского совета и Европейский парламент достигли предварительного соглашения по проекту. Даже после одобрения согласованного проекта Европейским парламентом, Европейским советом и Европейской комиссией в 2024 г.

²⁸ Первым актом «мягкого права» выступила Резолюция Европейского парламента о гражданско-правовых нормах по робототехнике от 16 февраля 2017 г. (European Parliament Resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2013(INL), подробнее о регулировании искусственного интеллекта в Европейском союзе см.: Филипова, И. А. (2023). Искусственный интеллект: европейский подход к регулированию. Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения, 19(2), 54–65.

²⁹ (2021, April 21). Proposal for a Regulation of The European Parliament and of the Council Laying Down Harmonised Rules on Artificial Intelligence (Artificial Intelligence Act) and Amending Certain Union Legislative Acts. COM/2021/206 final. <https://clck.ru/38QrYw>

до начала применения Регламента Европейского союза по искусственному интеллекту должно пройти еще два года, т. е. он вступит в силу не ранее 2026 г. Стоит уточнить, что отдельные положения обретут юридическую силу раньше, например, запреты в отношении моделей неприемлемого риска будут применяться уже через шесть месяцев.

Если Общий Регламент Европейского союза по защите персональных данных, принятый в 2016 г., смог сыграть роль глобального образца, на который стали ориентироваться большинство стран мира при создании собственного законодательства в данной области (он повлиял и на Китай, и на США, и на другие страны), то в сфере регулирования искусственного интеллекта такую же роль Регламент Европейского союза по искусственному интеллекту играть уже вряд ли сможет, в том числе и потому, что Китай опередил Европейский союз в создании правового регулирования.

Тщательно прорабатываемый европейский подход является комплексным, он предусматривает «горизонтальное» регулирование, где один нормативный правовой акт охватывает широчайший круг вопросов, положения данного акта распространяются практически на все виды искусственного интеллекта и на все области, в которых он задействован. В Китае же присутствует отраслевое, секторальное или «вертикальное» регулирование, когда принимаются многочисленные акты, каждый из которых устанавливает правила по достаточно узкому кругу вопросов. Отличительной чертой китайского законодательства, «контрастирующей с европейской правовой традицией, является широкая дискреция органов государственной власти, которые могут осуществлять чрезвычайно значительное регулирование и устанавливать своими подзаконными актами множество исключений и изъятий»³⁰.

Особенностью модели европейского регулирования в сфере искусственного интеллекта стала риск-ориентированность. Сложившийся подход основан на оценке рисков и предусматривает выделение четырех групп в зависимости от их уровня: неприемлемый, высокий, умеренный и минимальный риски. Критериями для определения уровня рисков от использования искусственного интеллекта являются область и характер этого использования. Например, к группе неприемлемого риска отнесены системы искусственного интеллекта, представляющие угрозу для безопасности граждан и их прав (в частности, позволяющие правительствам проводить «социальную оценку» и биометрическую идентификацию в общественных местах), к группе высокого риска – системы искусственного интеллекта, применяемые в критической инфраструктуре, в здравоохранении, в работе правоохранительных органов и т. д.

Проект Закона КНР об искусственном интеллекте, пусть пока и неофициальный, показывает потенциальную возможность трансформации китайского подхода, приобретения им большей системности в регулировании искусственного интеллекта, а также появления элементов риск-ориентированного подхода, предполагающего дифференциацию регулирования в зависимости от уровня рисков. О подобной дифференциации свидетельствует, к примеру, содержание ст. 43 проекта Закона КНР об искусственном интеллекте, устанавливающей более строгий надзор за «базовыми моделями» искусственного интеллекта, т. е. за моделями, обученными на больших объемах данных и используемыми в различных продуктах на основе искусственного интеллекта (Zhang, 2023), это говорит об учете Китаем европейского опыта.

³⁰ Садовников, Д. (2021, 17 сентября). Обзор Закона КНР о защите персональной информации (Personal Information Protection Law of the People's Republic of China (PIPL)). Zakon.ru. <https://clck.ru/38Qrag>

Важным различием в стратегиях развития искусственного интеллекта Китая и Европейского союза является то, что в Европе политические дискуссии по поводу регулирования искусственного интеллекта были вызваны, прежде всего, его широким распространением и желанием контролировать вероятные вредные последствия от использования (Cath et al., 2018). В Китае же отправной точкой послужило желание реализовать потенциал искусственного интеллекта, т. е., если Европейский союз изначально заботило снижение возможного вреда, то Китай – перспективы инноваций (Zeng, 2020). Правда, к настоящему моменту это отличие начало стираться, теперь и правительство Китая уделяет серьезное внимание проблеме возможного вреда³¹.

Что касается защиты основных прав человека, то европейский подход ориентирован на нее значительно сильнее, чем китайский, именно из-за приоритетности этих прав подход Европейского союза является жестким, чем отчасти препятствует инновациям. Модель, выстраиваемая на основе китайского подхода, в большей степени ориентирована на продвижение инноваций ради национальных и общественных благ (Roberts et al., 2023), права отдельной личности имеют меньшее значение. В этом контексте становится понятным, почему по китайскому законодательству «социальная оценка» граждан на основе технологий распознавания лиц вполне допустима. Тем не менее даже западные наблюдатели отмечают, что «в сочетании с новыми правилами в отношении генеративных моделей Китай демонстрирует более тонкий надзор, хотя по-прежнему отдает предпочтение прагматическому балансу, а не жестким ограничениям на инновации»³².

Итак, если европейскому подходу присущи «горизонтальность», жесткость регулирования и риск-ориентированность, то китайский подход является изначально «вертикальным», гибким и в силу последнего из указанных свойств более способным к трансформациям.

При всей разнице в подходах Китай и Европейский союз стараются вести диалог по вопросам регулирования технологий. Первый «цифровой диалог высокого уровня» состоялся в 2020 г., второй – в сентябре 2023 г., когда была поднята тема регулирования искусственного интеллекта и трансграничных потоков данных. По итогам очередного раунда диалога стороны согласились оперативно обмениваться информацией о небезопасных продуктах, продаваемых через Интернет, а также организовывать регулярные семинары для взаимного ознакомления с обновлениями законодательства и лучшими практиками³³.

3.2. Сравнение с американским подходом к регулированию искусственного интеллекта

Как уже было сказано, если Китай сегодня уступает по уровню развития искусственного интеллекта США, то по темпам развития превосходит все страны мира. Степень разработанности американского правового регулирования в сфере искусственного

³¹ Sun, X. (2022, April). Decoding China's "common prosperity" drive. <https://goo.su/FBDTqy>

³² Au, A. (2023, October 19). China vs US Approaches to AI Governance. The Diplomat. <https://clck.ru/38Qrem>

³³ European Commission. (2023, September 18). EU-China: Commission and China hold second High-level Digital Dialogue. <https://clck.ru/38Qrfq>

интеллекта отстает от Китая и Европейского союза. В США пока отсутствует целостное национальное законодательство по искусственному интеллекту, имеется лишь «лоскутное одеяло» из различных нормативных актов, главными из них по состоянию на начало 2024 г. являются два федеральных закона и три распоряжения президента США:

- Закон о национальной инициативе в области искусственного интеллекта от 28 декабря 2020 г.³⁴, ставящий в качестве целей обеспечение лидерства США в исследованиях и разработках по искусственному интеллекту, подготовку рабочей силы США к интеграции систем искусственного интеллекта во все отрасли экономики, а также координацию исследований и разработок в гражданской и военной сферах;

- Закон об обучении искусственного интеллекта в соответствии с Законом о наборе рабочей силы № 117-207 от 17 октября 2022 г.³⁵;

- Распоряжение Президента США № 13859 от 11 февраля 2019 г. «О сохранении американского лидерства в области искусственного интеллекта»³⁶, в котором впервые была представлена американская стратегия развития искусственного интеллекта;

- Распоряжение Президента США № 13960 от 3 декабря 2020 г. «О содействии использованию надежного искусственного интеллекта в федеральном правительстве»³⁷, зафиксировавшее принципы применения искусственного интеллекта в государственном управлении;

- Распоряжение Президента США № 14110 от 30 октября 2023 г. «О безопасной, надежной и заслуживающей доверия разработке и использовании искусственного интеллекта»³⁸, определившее стандарты защиты от потенциальных рисков искусственного интеллекта.

Есть также документы программного характера, не имеющие юридической силы, к примеру, план Билля о правах в области искусственного интеллекта³⁹, он опубликован в 2022 г. и является декларацией о принципах, выделяющей ключевые ценности в связи с распространением искусственного интеллекта.

Нормативная неопределенность в этой сфере сохраняется, многие законопроекты, внесенные в Конгресс США, были отклонены, примерами служат проекты законов о дипфейках, об искусственном интеллекте в государственном управлении, о его использовании в сфере труда. В ближайшей перспективе имеется шанс быть принятыми у нескольких новых законопроектов, но они также будут направлены на решение отдельных проблем: алгоритмической предвзятости, конфиденциальности данных, защиты от дезинформации, сгенерированной искусственным интеллектом.

³⁴ H.R.6216 – National Artificial Intelligence Initiative Act of 2020. <https://clck.ru/38Qrgs>

³⁵ Artificial Intelligence Training for the Acquisition Workforce Act or the AI Training Act Law No. 117-207 (2022, November, 17). <https://clck.ru/38QvAo>

³⁶ Maintaining American Leadership in Artificial Intelligence. Executive Order No. 13859. (2019, February 11). <https://clck.ru/38Qrhw>

³⁷ Promoting the Use of Trustworthy Artificial Intelligence in the Federal Government. Executive Order No. 13859. (2020, December 3). <https://clck.ru/38Qrix>

³⁸ WH.gov. (2023, October 30). Executive Order on the Safe, Secure, and Trustworthy Development and Use of Artificial Intelligence. No. 14110. <https://clck.ru/38Qrju>

³⁹ WH.gov. Blueprint for an AI Bill of Rights. <https://clck.ru/38Qrm3>

Все сказанное выше подтверждает, что американский подход к регулированию искусственного интеллекта менее проработан, чем китайский и европейский подходы, пока он демонстрирует крайнюю фрагментарность правового регулирования. Разработка американского законодательства отстает от китайского и европейского минимум на 1–2 года. Законодательство отдельных штатов, например Калифорнии, формируется быстрее, но акты, принимаемые на уровне штатов, также свидетельствуют об отсутствии комплексности подхода. Ряд инициатив дает основание говорить, что при создании правового регулирования будет учитываться уровень потенциального риска разных моделей искусственного интеллекта⁴⁰, т. е. риск-ориентированность, присущая европейскому регулированию, скорее всего, будет принята и американским подходом.

Если вернуться к обобщенной классификации подходов, предложенной Н. Пети, с делением всех подходов на две подгруппы – юридические и технологические подходы, то влияние американских IT-гигантов, таких как Amazon, Google, OpenAI и т. д., на регулирование в сфере искусственного интеллекта способствует формированию в США технологического подхода с сохранением точечности регулирования. Вместе с тем Распоряжение Президента США № 14110 от 30 октября 2023 г. «О безопасной, надежной и заслуживающей доверия разработке и использовании искусственного интеллекта» значительно полнее, чем изданные ранее акты, охватывает вопросы искусственного интеллекта, подталкивая к созданию комплексного регулирования, присущего юридическому подходу. Ключевые положения упомянутого акта требуют конкретных действий со стороны технологических компаний и федеральных агентств, к примеру, разработчики мощных систем искусственного интеллекта обязаны делиться результатами своих проверок на безопасность с правительством США.

Дальнейшее распространение генеративного искусственного интеллекта и принятие Регламента Европейского союза по искусственному интеллекту в 2024 г., как и появление в 2023–2024 гг. новых нормативных правовых актов, регулирующих отдельные вопросы в сфере искусственного интеллекта в Китае (плюс работа над законом по искусственному интеллекту), стимулируют развитие правового регулирования в США. На то, что 2024 г. станет для страны в этом плане знаковым, указывают многие специалисты: в Конгресс США внесена целая серия законодательных предложений.

Можно подытожить, что европейский и американский подходы ближе в самом понимании прав человека в силу принадлежности к одной, так называемой западной цивилизации. Китайский подход к искусственному интеллекту имеет принципиальные отличия от европейского и американского подходов, эти отличия основаны на концептуальной разнице в мировоззрениях и обусловлены несовпадающими социокультурными характеристиками, что не может не транслироваться правом. Зато у китайского и американского подходов общей является неготовность жертвовать открывающимися возможностями инновационного развития, поэтому в создании регулирования подход США еще осторожнее китайского и гораздо мягче, чем жесткий европейский. Вследствие этого некоторые китайские исследователи предлагают называть подход Китая нейтральным (Ли, 2023), хотя, возможно, логичнее было бы говорить об умеренности.

⁴⁰ European Commission. (2023, May 31). EU-U.S. Terminology and Taxonomy for Artificial Intelligence. <https://clck.ru/38Qrmi>

Несмотря на соперничество США и Китая в гонке за лидерство по искусственному интеллекту, одинаковым для всех является беспокойство за последствия неконтролируемого использования технологий. Тем самым не исключается некоторое сближение разных подходов при условии их достаточной гибкости. Попытки гармонизировать подходы предпринимаются на международном уровне. Так, 1 ноября 2023 г. была подписана Блетчлийская декларация⁴¹, посвященная признанию международного характера рисков и содержащая обязательства по сотрудничеству в целях поиска универсального подхода к ответственному использованию искусственного интеллекта. Декларация была подписана на первом глобальном саммите по безопасности искусственного интеллекта представителями 28 стран, включая Китай, США и государства – члены Европейского союза.

3.3. Сравнение с подходами ведущих стран Азии к регулированию искусственного интеллекта

Настало время соотнести китайский подход с регулированием искусственного интеллекта, формирующимся в иных азиатских странах, лидирующих в области развития технологий. Нужно подчеркнуть, что, если принадлежность стран к западной цивилизации не означает тесной близости складывающихся подходов, как это показано на примере США и Европейского союза, то применительно к государствам Азии надеяться на общность подхода в рамках единой цивилизационной модели еще менее оправданно из-за отсутствия последней. Рассмотрим примеры Японии, Южной Кореи и Сингапура, эти страны нередко упоминаются в научных статьях как вызывающие исследовательский интерес (Dremluga, 2022; Kubota, 2023; Шахназарова, 2021).

Япония придерживается мягкого подхода к регулированию искусственного интеллекта, преследуя цель стимулировать экономический рост. Страна стремится к укреплению своих позиций в рейтинге юрисдикций, дружественных к технологиям искусственного интеллекта. В 2019 г. в Японии были опубликованы «Социальные принципы человекоцентричного искусственного интеллекта»⁴², на которых основывается японская политика в этой сфере. В 2021 г. Министерство экономики, торговли и промышленности Японии опубликовало отчет об управлении искусственным интеллектом, в котором «юридически обязательные горизонтальные требования к системам искусственного интеллекта»⁴³ на данный момент были признаны ненужными из-за трудностей создания нормативных актов, которые соответствовали бы скорости и сложности инноваций в области искусственного интеллекта, а статичное и подробное регулирование может задушить инновации.

В апреле 2022 г. Совет по продвижению комплексной инновационной стратегии при кабинете министров Японии опубликовал «Стратегию искусственного интеллекта 2022», а уже через год, в апреле 2023 г., проектная группа по развитию и внедрению

⁴¹ Gov.UK. (2023, November 1). The Bletchley Declaration by Countries Attending the AI Safety Summit, 1–2 November 2023. <https://clck.ru/38Qro5>

⁴² Social Principles of Human-Centric AI. (2019). <https://clck.ru/38QrpG>

⁴³ Expert group on how AI principles should be implemented. (2021, July 9). AI Governance in Japan. Version 1.1. <https://clck.ru/38Qrq8>

искусственного интеллекта одной из ведущих японских партий (либерально-демократической) опубликовала предложение под названием «Белая книга по искусственному интеллекту: национальная стратегия Японии в новую эпоху искусственного интеллекта», в которой признается значительное влияние больших языковых моделей, включая ChatGPT, на общество и подчеркивается необходимость новой национальной стратегии. Весной 2023 г. правительство Японии учредило Стратегический совет по искусственному интеллекту и Стратегическую группу по искусственному интеллекту, которым было поручено формулирование обновленной национальной стратегии в области искусственного интеллекта.

В целом Японией приветствуется гибкость в подходе к регулированию, предполагающая сочетание добровольных усилий компаний по управлению искусственным интеллектом с одновременным предоставлением необязательных рекомендаций для руководства такими усилиями со стороны государственных органов. Япония старается выработать определенные правила, нацеленные на увеличение позитивного влияния искусственного интеллекта на общество, но не подавляя развития технологий «из-за переоцененных рисков»⁴⁴.

Схожим с предыдущим является подход Сингапура, где также пока отсутствует специальное законодательство. В 2019 г. Сингапур объявил о своей национальной стратегии, подобно китайской, направленной на достижение лидерства в сфере искусственного интеллекта к 2030 г. После утверждения стратегии Сингапур приступил к реализации национальных проектов по искусственному интеллекту в пяти областях, признанных важнейшими с точки зрения социально-экономического эффекта: в логистике, муниципальном обслуживании, персонализированном обучении, прогнозировании и лечении хронических заболеваний, а также в пограничном контроле.

Правительством Сингапура неоднократно указывалось на важность ответственного использования искусственного интеллекта, поэтому национальными ведомствами издаются документы программного характера, касающиеся применения искусственного интеллекта на практике. Например, в 2023 г. был опубликован документ под названием «Генеративный искусственный интеллект: последствия для доверия и управления», в котором определены шесть рисков и шесть путей по управлению рисками⁴⁵.

Как видим, ни Япония, ни Сингапур не считают необходимым форсировать принятие законов по искусственному интеллекту, что отличает их от Европейского союза и от Китая, но с учетом жесткости европейского подхода европейское регулирование наименее соответствует подходу этих стран, а вот американский подход заметно ближе.

Другой пример – Южная Корея, еще одна продвинутая в техническом отношении страна Азии, как раз в ней вопрос о создании правового регулирования в сфере искусственного интеллекта вынесен в повестку дня. В феврале 2023 г. профильный Комитет по науке, информационно-коммуникационным технологиям, телерадиовещанию и коммуникациям корейского парламента одобрил предлагаемый проект закона о развитии индустрии искусственного интеллекта и рамках создания надежного

⁴⁴ Habuka, H. (2023). Japan's Approach to AI Regulation and Its Impact on the 2023 G7 Presidency. Washington. Center for Strategic and International Studies. <https://goo.su/yqfL>

⁴⁵ Generative AI: Implications for Trust and Governance. (2023). <https://clck.ru/38QrsQ>

искусственного интеллекта⁴⁶. Голосование в корейском парламенте по законопроекту должно было состояться уже в 2023 г., но из-за политических сложностей, предшествовавших всеобщим выборам в апреле 2024 г., произошла задержка.

Предлагаемый закон призван стать нормативной основой для всестороннего регулирования индустрии искусственного интеллекта в Южной Корее. Как и в проекте Регламента Европейского союза по искусственному интеллекту, в нем предусмотрен риск-ориентированный подход, выделяются группы систем искусственного интеллекта «запрещенного риска», «высокого риска» и «низкого риска» (ст. 2), при этом провозглашается принцип «приоритетного разрешения и последующего регулирования» для разработки и использования искусственного интеллекта (ст. 5).

Кроме этого, в Южной Корее действует Закон о содействии развитию и распространению умных роботов от 28 марта 2008 г.⁴⁷, во многом благодаря которому к 2020 г. страна вошла в мировой топ-5 производителей робототехники. Уровень роботизации производства и сферы услуг в Южной Корее один из самых высоких. Продолжая конкурировать с мировыми лидерами, Южная Корея стремится опередить всех в сфере робототехники. В 2023 г. в данный закон были внесены поправки, нацеленные на повышение уровня локализации (объемов местного производства комплектующих) за счет смягчения требований к компаниям, специализирующимся на интеллектуальных роботах⁴⁸. Становится очевидным, что корейский подход имеет некоторые общие черты с европейским за счет учета уровня рисков для дифференциации регулирования искусственного интеллекта, но менее строг и, подобно китайскому подходу, больше ориентирован на инновации.

Заключение

Проследив уже пройденный Китаем путь развития правового регулирования в сфере искусственного интеллекта, можно констатировать, что Китай первым в мире смог ввести в действие нормативные правовые акты, регулирующие индустрию искусственного интеллекта, чем подтвердил свои претензии на лидерство в этой области.

Оперативность регулирования позволяет снять ряд вопросов, дискутируемых внутри китайского общества, по крайней мере, скорректировать повестку. Итеративность в создании регулирования дает возможность двигаться постепенно, совершенствуя регулирование шаг за шагом, в итоге определяются «правила игры», необходимые для бизнеса и общества в целом, чтобы повысилось доверие к искусственному интеллекту. Быстро наращивая регулирование, Китай «создает основу для экспорта искусственного интеллекта по всему Глобальному Югу и по странам, участвующим в его инициативе «Один пояс – один путь»⁴⁹.

Китайский подход к регулированию искусственного интеллекта является секторальным, как и американский, хотя, подобно европейскому подходу, проработан в гораздо большей степени, чем подход США. Китайский подход может быть назван

⁴⁶ 인공지능 책임 및 규제법안. <https://goo.su/JMr7Y>

⁴⁷ Intelligent Robots Development and Distribution Promotion Act No. 9014, March 28, 2008. <https://clck.ru/38QrvC>

⁴⁸ 새해, 주목할 만한 AI/ICT 관련 법개정 또는 입법(2-①). <https://clck.ru/38Qrvs>

⁴⁹ Heath, R. (2023, May 8). China races ahead of U.S. on AI regulation. <https://clck.ru/38Qrwa>

гибким, в отличие от европейского подхода, характеризующегося жесткостью и поэтому сдерживающего инновации, гибкость подхода дает возможность Китаю содействовать развитию искусственного интеллекта, а не препятствовать ему, устанавливая барьеры для разработчиков. Впрочем, это не означает, что барьеров в Китае нет, они есть и касаются соблюдения социалистических ценностей (барьеры идеологического характера).

Тем не менее Китай, подобно другим субъектам мировой политики, поддерживает межгосударственное сотрудничество и выступает за сближение подходов в рамках осуществимого. Именно прагматичность китайского подхода позволяет говорить о его влиянии на создаваемое правовое регулирование в других странах, наряду с влиянием Европейского союза, ограниченным в силу строгости применяемого им подхода. В свою очередь, китайский подход, скорее всего, несколько трансформируется со временем, учтя европейский опыт регулирования, об этом позволяют говорить «ростки» системности, проявляющиеся через разработку проекта китайского закона об искусственном интеллекте.

Подводя черту, можно заключить, что изучение китайского опыта регулирования в сфере искусственного интеллекта будет вызывать все больший интерес, потому как 2024 и 2025 гг. будут периодом бурного роста регулирования в данной сфере из-за всплесков в развитии генеративного искусственного интеллекта и появления значительно более сложных моделей других типов искусственного интеллекта, открывающих новые возможности, но также провоцирующих возникновение новых проблем.

Список литературы

- Ван, Ч., Ван, Ц. (2022). Правовой статус систем искусственного интеллекта. *Юридическая наука в Китае и России*, 5, 86–92. (На кит.). <https://doi.org/10.17803/2587-9723.2022.5.086-092>
- Ли, Яо. (2023). Нормативно-правовое регулирование генеративного искусственного интеллекта в Великобритании, США, Евросоюзе и Китае. *Право. Журнал Высшей школы экономики*, 16(3), 245–267. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2023.3.245.267>
- Филипова, И. А. (2023). Искусственный интеллект: европейский подход к регулированию. *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*, 19(2), 54–65. EDN: <https://elibrary.ru/exkkrp>. DOI: <https://doi.org/10.12737/jzsp.2023.022>
- Шахназарова, Э. А. (2021). Правовое регулирование отношений, возникающих по поводу объектов интеллектуальной собственности, созданных технологией искусственного интеллекта (опыт Республики Корея и Японии). *Хозяйство и право*, 6(533), 112–121. <https://elibrary.ru/anpmzx>
- Cath, C., Wachter, S., Mittelstadt, B., Taddeo, M., & Floridi, L. (2018). Artificial Intelligence and the 'Good Society': the US, EU, and UK approach. *Science and Engineering Ethics*, 24(2), 505–528. <https://doi.org/10.1007/s11948-017-9901-7>
- Dixon, R. B. L. (2023). A principled governance for emerging AI regimes: lessons from China, the European Union, and the United States. *AI and Ethics*, 3, 793–810. <https://doi.org/10.1007/s43681-022-00205-0>
- Dremliuga, R. I. (2022). Regulatory Principles of Development, Introduction and Use of Artificial Intelligence in Asian countries. *Legal Issues in the Digital Age*, 3(3), 100–119. <https://doi.org/10.17323/2713-2749.2022.3.101.119>
- Floridi, L., & Cows, J. (2019). A Unified Framework of Five Principles for AI in Society. *Harvard Data Science Review*, 1(1). <https://doi.org/10.1162/99608f92.8cd550d1>
- Huyue Zhang, A. (2024). *High Wire: How China Regulates Big Tech and Governs Its Economy*. Oxford University Press.
- Karpa, D., Klarl, T., & Rochlitz, M. (2022). Artificial Intelligence, Surveillance, and Big Data. In L. Hornuf (Eds.), *Diginomics Research Perspectives. Advanced Studies in Diginomics and Digitalization* (pp. 145–172). Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-04063-4_8

- Keller, A., Martins Pereira, C., & Pires, M. L. (2024). The European Union's Approach to Artificial Intelligence and the Challenge of Financial Systemic Risk. In H. S. Antunes, P. M. Freitas, A. L. Oliveira, C. M. Pereira, E. V. de Sequeira, & L. B. Xavier (Eds.), *Multidisciplinary Perspectives on Artificial Intelligence and the Law* (Law, Governance and Technology Series, vol. 58, pp. 415–439). Springer Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-41264-6_22
- Kubota, L. C. (2023). The Role of the Executive Branch in the Regulation of AI: The Experience of Japan, UK, USA, and Lessons for Brazil. *Radar: tecnologia, produção e comércio exterior*, 73, 7–12. <https://doi.org/10.38116/radar73art1>
- Liang, F., Das, V., Kostyuk, N., & Hussain, M. M. (2018). Constructing a Data-Driven Society: China's Social Credit System as a State Surveillance Infrastructure. *Policy & Internet*, 10(4), 415–453. <https://doi.org/10.1002/poi3.183>
- Lucero, K. (2019). Artificial Intelligence Regulation and China's Future. *Columbia Journal of Asian Law*, 33(1), 94–171. <https://doi.org/10.7916/cjal.v33i1.5454>
- Mao, Y., & Shi-Kupfer, K. (2023). Online public discourse on artificial intelligence and ethics in China: context, content, and implications. *AI & Society*, 38, 373–389. <https://doi.org/10.1007/s00146-021-01309-7>
- Petit, N. (2017). *Law and Regulation of Artificial Intelligence and Robots – Conceptual Framework and Normative Implications*. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2931339>
- Roberts, H., Cowls, J., Hine, E., Morley, J., Wang, V., Taddeo, M., & Floridi, L. (2023). Governing artificial intelligence in China and the European Union: Comparing aims and promoting ethical outcomes. *The Information Society*, 39(2), 79–97. <https://doi.org/10.1080/01972243.2022.2124565>
- Roberts, H., Cowls, J., Morley, J., Taddeo, M., Wang, V., & Floridi, L. (2021). The Chinese approach to artificial intelligence: an analysis of policy, ethics, and regulation. *AI & Society*, 36, 59–77. <https://doi.org/10.1007/s00146-020-00992-2>
- Shaoxue, J. (2023). Artificial intelligence governance and China's experience under the community of common destiny for mankind concept. *Legal Issues in the Digital Age*, 3, 81–96. <https://doi.org/10.17323/2713-2749.2023.3.81.96>
- Wan, Y., & Lu, H. (2021). Copyright protection for AI-generated outputs: The experience from China. *Computer Law & Security Review*, 42, Art. 105581. <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2021.105581>
- Wu, F., Lu, C., Zhu, M. et al. (2020). Towards a new generation of artificial intelligence in China. *Nature Machine Intelligence*, 2, 312–316. <https://doi.org/10.1038/s42256-020-0183-4>
- Wu, W., Huang, T., & Gong, K. (2020). Ethical principles and governance technology development of AI in China. *Engineering*, 6(3), 302–309. <https://doi.org/10.1016/j.eng.2019.12.015>
- Yang, Ch., & Huang, C. (2022). Quantitative mapping of the evolution of AI policy distribution, targets and focuses over three decades in China. *Technological Forecasting and Social Change*, 174, Art. 121188. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2021.121188>
- Zeng, J. (2020). Artificial intelligence and China's authoritarian governance. *International Affairs*, 96(6), 1441–1459. <https://doi.org/10.1093/ia/iiaa172>
- Zhang, L. (2023). The Legal Positioning and Hierarchical Governance of Generative AI. *Modern Law Science*, 45(4), 126–141. (In Chin.). <https://doi.org/10.3969/j.issn.1001-2397.2023.04.09>

Сведения об авторе

Филипова Ирина Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры трудового и экологического права, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского; руководитель Центрально-Азиатского исследовательского центра регулирования искусственного интеллекта, Самаркандский государственный университет
Адрес: 603922, Россия, г. Нижний Новгород, проспект Гагарина, 23;
140104, Узбекистан, г. Самарканд, Университетский бульвар, 15
E-mail: irinafilipova@yandex.ru
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1773-5268>
Scopus Author ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57327205000>
WoS Researcher ID: <https://www.webofscience.com/wos/author/record/R-1375-2016>
Google Scholar ID: <https://scholar.google.com/citations?user=opJc7fcAAAAJ>
РИНЦ Author ID: https://elibrary.ru/author_profile.asp?authorid=461586

Конфликт интересов

Автор является заместителем главного редактора журнала, статья прошла рецензирование на общих основаниях.

Финансирование

Автор выражает признательность Благотворительному фонду В. Потанина за предоставленный грант по проекту профессионального развития, в рамках которого стала возможной поездка в Китай с целью изучения особенностей правового регулирования искусственного интеллекта в КНР.

Тематические рубрики

Рубрика OECD: 5.05 / Law

Рубрика ASJC: 3308 / Law

Рубрика WoS: OM / Law

Рубрика ГРНТИ: 10.91 / Государство и право отдельных стран

Специальность ВАК: 5.1.2 / Публично-правовые (государственно-правовые) науки

История статьи

Дата поступления – 10 января 2024 г.

Дата одобрения после рецензирования – 25 января 2024 г.

Дата принятия к опубликованию – 15 марта 2024 г.

Дата онлайн-размещения – 20 марта 2024 г.

Research article

UDC 34:004:004.8:34.096

EDN: <https://elibrary.ru/awefay>

DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.4>

Legal Regulation of Artificial Intelligence: Experience of China

Irina A. Filipova

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhniy Novgorod, Russian Federation;
Samarkand State University named after Sharof Rashidov, Samarkand, Uzbekistan

Keywords

artificial intelligence,
comprehensive approach,
digital technologies,
draft of law,
generative artificial,
intelligence,
iterative character,
law,
risk-oriented approach,
sectoral approach

Abstract

Objective: to trace the development trajectory of legal regulation in the field of artificial intelligence in the People's Republic of China by revealing the advantages and disadvantages of China's approach to artificial intelligence regulation and to outline the prospects of national regulation for the nearest future, taking into account the world experience.

Methods: general scientific methods of analysis and synthesis, classification, systemic and functional approaches. Also, the formal-legal, comparative-legal, and historical-legal methods were used.

Results: the research demonstrates the validity of Chinese claims for world leadership in the creation of legal regulation of artificial intelligence, as it is in China that the first normative legal acts were adopted. These acts have already entered into force; however, each of them deals with a narrow range of issues, while there is no law to establish general rules for the artificial intelligence industry. Among the characteristic features of the Chinese approach we can name, first of all, its iterative nature, which allows adjusting the regulation with each new step. Another feature is the sectoral nature of the regulation.

Scientific novelty: in the course of the research, the development stages of artificial intelligence legal regulation in China were identified and described; the advantages and disadvantages of the Chinese approach to regulation were identified and argued; this approach was compared with the approaches of China's main rivals competing with it in terms

© Filipova I. A., 2024

This is an Open Access article, distributed under the terms of the Creative Commons Attribution licence (CC BY 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>), which permits unrestricted re-use, distribution and reproduction, provided the original article is properly cited.

of the technology development and its legal regulation. All of the above allowed making conclusions about the subsequent development of legal regulation in China and in the whole world.

Practical significance: familiarization with the research materials enables interested legal scholars, and not only them, to get a clear idea of the level of artificial intelligence regulation, achieved by China. China's experience is of significant interest to the rest of the world, showing the correctness or faults of possible regulatory options in the new and complex field. The study results can be used in the practice of legal regulation in the sphere of artificial intelligence, as well as in preparing lectures in the relevant courses and writing tutorials for law students.

For citation

Filipova, I. A. (2024). Legal Regulation of Artificial Intelligence: Experience of China. *Journal of Digital Technologies and Law*, 2(1), 46–73. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.4>

References

- Cath, C., Wachter, S., Mittelstadt, B., Taddeo, M., & Floridi, L. (2018). Artificial Intelligence and the 'Good Society': the US, EU, and UK approach. *Science and Engineering Ethics*, 24(2), 505–528. <https://doi.org/10.1007/s11948-017-9901-7>
- Dixon, R. B. L. (2023). A principled governance for emerging AI regimes: lessons from China, the European Union, and the United States. *AI and Ethics*, 3, 793–810. <https://doi.org/10.1007/s43681-022-00205-0>
- Dremliuga, R. I. (2022). Regulatory Principles of Development, Introduction and Use of Artificial Intelligence in Asian countries. *Legal Issues in the Digital Age*, 3(3), 100–119. <https://doi.org/10.17323/2713-2749.2022.3.100.119>
- Filipova, I. A. (2023). Artificial intelligence: European approach to regulation. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 19(2), 54–65. (In Russ.). <https://doi.org/10.12737/jzsp.2023.022>
- Floridi, L., & Cowls, J. (2019). A Unified Framework of Five Principles for AI in Society. *Harvard Data Science Review*, 1(1). <https://doi.org/10.1162/99608f92.8cd550d1>
- Huyue Zhang, A. (2024). *High Wire: How China Regulates Big Tech and Governs Its Economy*. Oxford University Press.
- Karpa, D., Klarl, T., & Rochlitz, M. (2022). Artificial Intelligence, Surveillance, and Big Data. In L. Hornuf (Eds.), *Diginomics Research Perspectives. Advanced Studies in Diginomics and Digitalization* (pp. 145–172). Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-04063-4_8
- Keller, A., Martins Pereira, C., & Pires, M. L. (2024). The European Union's Approach to Artificial Intelligence and the Challenge of Financial Systemic Risk. In H. S. Antunes, P. M. Freitas, A. L. Oliveira, C. M. Pereira, E. V. de Sequeira, & L. B. Xavier (Eds.), *Multidisciplinary Perspectives on Artificial Intelligence and the Law* (Law, Governance and Technology Series, vol. 58, pp. 415–439). Springer Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-41264-6_22
- Kubota, L. C. (2023). The Role of the Executive Branch in the Regulation of AI: The Experience of Japan, UK, USA, and Lessons for Brazil. *Radar: tecnologia, produção e comércio exterior*, 73, 7–12. <https://doi.org/10.38116/radar73art1>
- Li, Yao. (2023). Specifics of Regulatory and Legal Regulation of Generative Artificial Intelligence in the UK, USA, EU and China. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 16(3), 245–267. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2023.3.245.267>
- Liang, F., Das, V., Kostyuk, N., & Hussain, M. M. (2018). Constructing a Data-Driven Society: China's Social Credit System as a State Surveillance Infrastructure. *Policy & Internet*, 10(4), 415–453. <https://doi.org/10.1002/poi3.183>

- Lucero, K. (2019). Artificial Intelligence Regulation and China's Future. *Columbia Journal of Asian Law*, 33(1), 94–171. <https://doi.org/10.7916/cjal.v33i1.5454>
- Mao, Y., & Shi-Kupfer, K. (2023). Online public discourse on artificial intelligence and ethics in China: context, content, and implications. *AI & Society*, 38, 373–389 <https://doi.org/10.1007/s00146-021-01309-7>
- Petit, N. (2017). *Law and Regulation of Artificial Intelligence and Robots – Conceptual Framework and Normative Implications*. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2931339>
- Roberts, H., Cowls, J., Hine, E., Morley, J., Wang, V., Taddeo, M., & Floridi, L. (2023). Governing artificial intelligence in China and the European Union: Comparing aims and promoting ethical outcomes. *The Information Society*, 39(2), 79–97. <https://doi.org/10.1080/01972243.2022.2124565>
- Roberts, H., Cowls, J., Morley, J., Taddeo, M., Wang, V., & Floridi, L. (2021). The Chinese approach to artificial intelligence: an analysis of policy, ethics, and regulation. *AI & Society*, 36, 59–77. <https://doi.org/10.1007/s00146-020-00992-2>
- Shakhnazarova, E. A. (2021). Legal regulation of the relations emerging around intellectual property objects created by artificial intelligence (practice of Korea and Japan). *Khozyaistvo i pravo*, 6(533), 112–121. (In Russ.).
- Shaoxue, J. (2023). Artificial intelligence governance and China's experience under the community of common destiny for mankind concept. *Legal Issues in the Digital Age*, 3, 81–96. <https://doi.org/10.17323/2713-2749.2023.3.81.96>
- Wan, Y., & Lu, H. (2021). Copyright protection for AI-generated outputs: The experience from China. *Computer Law & Security Review*, 42, Art. 105581. <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2021.105581>
- Wang, Ch., & Wang, J. (2022). The construction of artificial intelligence private legal personality system. *Legal Science in China and Russia*, 5, 86–92. (In Chin.). <https://doi.org/10.17803/2587-9723.2022.5.086-092>
- Wu, F., Lu, C., Zhu, M. et al. (2020). Towards a new generation of artificial intelligence in China. *Nature Machine Intelligence*, 2, 312–316. <https://doi.org/10.1038/s42256-020-0183-4>
- Wu, W., Huang, T., & Gong, K. (2020). Ethical principles and governance technology development of AI in China. *Engineering*, 6(3), 302–309. <https://doi.org/10.1016/j.eng.2019.12.015>
- Yang, Ch., & Huang, C. (2022). Quantitative mapping of the evolution of AI policy distribution, targets and focuses over three decades in China. *Technological Forecasting and Social Change*, 174, Art. 121188. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2021.121188>
- Zeng, J. (2020). Artificial intelligence and China's authoritarian governance. *International Affairs*, 96(6), 1441–1459. <https://doi.org/10.1093/ia/iiaa172>
- Zhang, L. (2023). The Legal Positioning and Hierarchical Governance of Generative AI. *Modern Law Science*, 45(4), 126–141. (In Chin.) <https://doi.org/10.3969/j.issn.1001-2397.2023.04.09>

Author information

Irina A. Filipova – Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Labor and Environmental Law, National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod; Head of the Central Asia Research Center for artificial intelligence regulation, Samarkand State University named after Sharof Rashidov

Address: 23 prospekt Gagarina, 603922 Nizhniy Novgorod, Russian Federation; 15 Universitetskiy bulvar, 140104 Samarkand, Republic of Uzbekistan

E-mail: irinafilipova@yandex.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1773-5268>

Scopus Author ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57327205000>

WoS Researcher ID: <https://www.webofscience.com/wos/author/record/R-1375-2016>

Google Scholar ID: <https://scholar.google.com/citations?user=opJc7fcAAAAJ>

RSCI Author ID: https://elibrary.ru/author_profile.asp?authorid=461586

Conflict of interest

The author is a Deputy Editor-in-Chief of the Journal; the article has been reviewed on general terms.

Financial disclosure

The author is grateful to Vladimir Potanin Foundation for the professional development project grant which funded a trip to China to study the artificial intelligence legal regulation in the PRC.

Thematic rubrics

OECD: 5.05 / Law

PASJC: 3308 / Law

WoS: OM / Law

Article history

Date of receipt – January 10, 2024

Date of approval – January 25, 2024

Date of acceptance – March 15, 2024

Date of online placement – March 20, 2024

Научная статья

УДК 34:004:347.451:004.8

EDN: <https://elibrary.ru/nifbkj>

DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.5>

Влияние новых технологий на экономическое поведение и свободу выбора потребителя: от нейромаркетинга к нейроправам

Людовика Спозини

Школа перспективных исследований Сант'Анна, Пиза, Италия

Ключевые слова

биотехнологии,
европейское право,
защита прав потребителей,
искусственный интеллект,
нейромаркетинг,
нейроправа,
нейроэтика,
свобода выбора,
право,
цифровые технологии

Аннотация

Цель: выявить возможности адекватного ответа существующего правового режима на различные вызовы, которые системы искусственного интеллекта, лежащие в основе методов нейромаркетинга, ставят перед европейским правом.

Методы: исследование основано на риск-ориентированном подходе, формально-логическом, формально-юридическом и сравнительно-правовом методах, а также на методе правового прогнозирования, позволяющих выявить проблемы законодательства, обусловленные развитием технологий, способных распознавать человеческие эмоции и использовать их для управления поведением потребителей, и предложить пути их решения.

Результаты: в проведенном исследовании представлен краткий обзор наиболее широко распространенных методов нейромаркетинга, используемых алгоритмами и машинным обучением, позволяющим выявить точки когнитивной и эмоциональной уязвимости, собрать и обработать данные, а затем выстроить наиболее эффективные маркетинговые приемы, подталкивающие потребителя к выбору определенного товара или услуги. Проанализированы этические проблемы, возникающие при использовании методов нейромаркетинга в отношении некоторых базовых ценностей, таких как индивидуальная независимость, человеческое достоинство и свобода выбора. Показана тонкая грань между приемами, манипулирующими поведением потребителя (метод манипуляции), и теми приемами, которые, напротив, оказывают убеждающее воздействие, что само по себе не делает их противозаконными (метод убеждения). Представлен обзор существующей правовой базы, а также прецедентного права как Европейского суда, так и национальных судов государств-участников, с особым упором на Директиву о недобросовестной коммерческой практике, Общий регламент ЕС по защите персональных данных (жесткое право) и этические кодексы (мягкое право).

© Спозини Л., 2024

Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал при условии, что оригинальная работа упомянута с соблюдением правил цитирования.

Научная новизна: в работе отмечается трансформация традиционных правовых категорий и важные проблемные точки существующего регулирования, обусловленные ростом признания потенциала нейромаркетинга как инструмента, способного объяснить и спрогнозировать поведение потребителей, а также воздействовать на экономическое поведение субъектов отношений.

Практическая значимость: полученные выводы и предложения могут быть учтены при совершенствовании регулирования искусственного интеллекта в части его безопасности и надежности, повышения доверия к системе, с учетом обеспечения защиты этических принципов и сохранения фундаментальных человеческих ценностей.

Для цитирования

Спозини, Л. (2024). Влияние новых технологий на экономическое поведение и свободу выбора потребителя: от нейромаркетинга к нейроправам. *Journal of Digital Technologies and Law*, 2(1), 74–100. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.5>

Содержание

Введение

1. Появление нейромаркетинга и новые горизонты искусственного эмоционального интеллекта
2. Возможности нейромаркетинга и его потенциальная угроза фундаментальным человеческим ценностям
3. Защита потребителя от необоснованных влияний современных технологий на его экономическое поведение и свободу выбора

Заключение

Список литературы

Введение

Изначально потребитель рассматривался как абсолютно рациональный экономический субъект, всегда делающий наиболее эффективный выбор. Другими словами, согласно классической экономической теории, потребитель отождествляется с homo economicus, т. е. субъектом, наделенным совершенной рациональностью¹. Однако по концепции бихевиоризма человеческий разум – это «черный ящик» (Camerer et al., 2005), а значит, все процессы в нем происходят в результате воздействия внешних стимулов. Отсюда следует, что когнитивные процессы, не наблюдаемые извне, непознаваемы, т. е. не могут быть изучены².

¹ Более подробно об эволюции консьюмеризма см. (Bauman, 2010; Alpa & Catricala, 2016; Fabris, 2003).

² Эта теория была разработана в 1913 г. психологом Джоном Уотсоном из Чикагского университета и опубликована в журнале Psychological Review. См. (Watson, 1994).

Этот неоклассический подход начал оспариваться с 1970-х гг. во все большем числе научных исследований. В них же разрабатывалась новая экономическая модель, основанная на гипотезе об «ограниченной рациональности» человека³. По мнению их авторов, когда потребитель делает выбор в пользу той или иной покупки, на его сознание влияют различные внешние факторы (например, социальная и экономическая среда, в которой он находится в данный момент, или его эмоциональное состояние), и прежде всего, когнитивные ограничения самого разума.

Одно из наиболее значимых исследований в этом контексте принадлежит Дэниелу Канеману (Daniel Kahneman). Он показал, что человек использует эвристику – когнитивные упрощения, которые позволяют ему делать экономический выбор с наименьшими усилиями (затратами времени и энергии). Однако именно потому, что потребители используют эвристику для оптимизации времени принятия решений, они часто допускают ошибки в рассуждениях и оценках, называемые когнитивными предубеждениями⁴.

Благодаря этим исследованиям появилась новая концепция человеческого мозга, который рассматривается не как единое целое, а как две постоянно взаимодействующие системы (Kahneman, 2011; Shiv & Fedorikhin, 1999). Первая система, относящаяся к области интуиции, работает быстрее и сохраняет информацию в форме представлений, не прилагая никаких умственных усилий для ее обработки. Вторая система, представляющая более рациональную часть, обрабатывает полученную информацию, затрачивая значительные усилия. Если говорить конкретно о процессе принятия решения о покупке, то от идеи, что он полностью рационален (потребители всегда выбирают наиболее эффективное решение) ученые перешли к так называемой теории беспорядочного среднего⁵. Согласно этому подходу, процесс покупки состоит из нескольких беспорядочных и хаотичных фаз, когда люди пытаются найти информацию о продукте, но в итоге оказываются перегружены многочисленными доступными вариантами.

Эти открытия привели к появлению новой дисциплины – нейроэкономики, которая на основе психологии и нейробиологии пытается еще глубже изучить процессы принятия решений потребителями. В традиционных моделях эмоциональный аспект

³ Теория ограниченной рациональности была разработана Гербертом Саймоном в 1978 г. Более подробно см. (Viale, 2019; Damasio, 1994). В работе говорится: «Мы не думающие машины, которые чувствуют, мы чувствующие машины, которые думают». Тем самым подчеркивается, что эмоциональная часть действует раньше рациональной, т. е. «в начале была эмоция. Поэтому чувство не является пассивным процессом». См. также (Morin, 2011).

⁴ В работах (Tversky & Kahneman, 1974; Thaler, 2000; Ceschi et al., 2012) были сделаны попытки создания таксономии когнитивных предубеждений. В частности, были классифицированы основные эвристики, включая «предвзятость подтверждения» или «предвзятость убеждений», когда люди более склонны верить информации, которая подтверждает их убеждения; «фрейминг», когда на процесс принятия решений влияет контекст, т. е. «фрейм»; «предвзятость привязки», которая возникает, когда человек полагается на уже известное значение как на точку отсчета для определения другого значения неизвестной величины (ярким примером является восприятие цены); «предвзятость желания», когда личные желания влияют на решения людей; «предвзятость затрат», в том смысле, что потери и затраты воспринимаются как более значительные, чем на самом деле; наконец, «предвзятость выбора», когда по мере увеличения количества доступных вариантов выбора становится все труднее обработать всю информацию и принять окончательное решение.

⁵ Rennie, A., Protheroe, J., Charron, C., & Breatnach, G. (2020). Decoding Decisions: making sense of the messy middle. <https://clck.ru/bmxnd>

не имел никакого значения и, по сути, поведение человека рассматривалось как результат линейного процесса принятия решений, направленного на максимизацию индивидуальной полезности. В нейрoэкономике, напротив, эмоциональный аспект приобретает фундаментальное значение настолько, что поведение человека признается результатом автоматических и бессознательных когнитивных процессов, которые действуют ниже уровня осознания (Winkielman & Berridge, 2003; Zajonc, 1980, 1998; Bechara & Damasio, 2005)⁶.

1. Появление нейромаркетинга и новые горизонты искусственного эмоционального интеллекта

Указанные теории, несомненно, послужили благодатной почвой для «нейромаркетинга». Эта новая область исследований, появившаяся в 1990-х гг., направлена на разработку более эффективной продающей рекламы, способной влиять на покупательское поведение потребителей за счет изучения их мотивации и психических процессов⁷.

Стремительное развитие технологий привело к созданию множества методик в этой области. Результатом такого разнообразия стала невозможность прийти к единой и окончательной классификации, и до сих пор учеными было сделано лишь несколько тщетных попыток в этом направлении.

Одна из классификаций рассматривает этапы процесса принятия решения потребителем, на которых применяется нейромаркетинг. Так, первую группу составляют технологии, изучающие поведение потребителя до покупки и использующие инструменты для выявления глубинных причин, которые подталкивают потребителя к тому или иному выбору. К ним относятся все технологии, которые оценивают движение глаз (окулография), выражение лица и другие биометрические показатели, такие как уровень потоотделения или частота сердечных сокращений. Во вторую группу входят технологии, изучающие реакцию потребителя после покупки, чтобы усилить способность товара или рекламы вызывать у покупателя положительные эмоции. Для этих целей наиболее часто используются электроэнцефалография (далее – ЭЭГ⁸),

⁶ О влиянии этих технологий на науку в Италии см. (Seminara, 2020).

⁷ В настоящее время нет единого мнения относительно создателя термина «нейромаркетинг», но точно известно, что впервые его использовал профессор Але Сидтс в одной из своих самых известных работ, опубликованной в 2002 г. В ней нейромаркетинг определялся как «изучение механизмов мозга для понимания поведения потребителей с целью улучшения маркетинговых стратегий». Ср. (Smidts, 2002). Уже в следующем году профессор Рид Монтегю провел первое исследование в области нейромаркетинга, сканируя с помощью аппарата функциональной магнитно-резонансной томографии (фМРТ) мозг людей, пьющих пепси-колу и кока-колу. Однако началом практических исследований в области нейромаркетинга следует считать 1971 г., когда Герберт Э. Кругман, сотрудник компании General Electric, впервые измерил спонтанное расширение зрачков у покупателей, посчитав его показателем заинтересованности людей, которые искали товар или смотрели рекламу. Краткий обзор литературы по этому вопросу см. в работе (Lee et al., 2018).

⁸ Электроэнцефалограмма регистрирует электрическую активность мозга с помощью шлема, поверхность которого полностью покрыта маленькими электродами. Это неинвазивный метод, позволяющий выявить изменения в электрическом потоке мозговых волн в ответ на воздействие различных стимулов.

функциональная магнитно-резонансная томография (далее – фМРТ⁹) и магнитоэнцефалография (далее – МЭГ¹⁰), которые напрямую показывают активность человеческого мозга.

Согласно другой классификации, практики нейромаркетинга подразделяются в зависимости от объекта анализа (ср. Verhulst et al., 2019). По этому критерию можно выделить три большие категории: во-первых, это инструменты нейровизуализации, которые измеряют активность определенной области мозга. К ним относятся, например, ЭЭГ (поскольку она вычисляет колебания электрической активности мозга) и фМРТ (которая измеряет изменения кровотока в мозге). Особняком стоят инструменты, которые измеряют активность мозга не напрямую, а косвенно, т. е. получают информацию о когнитивных процессах через анализ реакции других частей тела на определенные маркетинговые стимулы. Таким образом, ко второй группе можно отнести окулографию, которая измеряет положение, движения глаз и расширение зрачка, и кардиоваскулярные методики, где вариабельность сердечного ритма используется как индикатор для определения импульсов человека. Кроме того, существуют технологии для изучения биохимических компонентов человеческого тела, например гормонов и нейромедиаторов – тестостерона, кортизола или дофамина, – выделяемых организмом при воздействии маркетинговых стимулов.

Наконец, нейромаркетинговые практики можно разделить в зависимости от их способности регистрировать сигналы мозга, а не неврологическую активность¹¹, выделив таким образом три группы. К первой относятся инструменты, которые связаны с регистрацией метаболической активности мозга: фМРТ, МЭГ и позитронно-эмиссионная томография (далее – ПЭТ¹²). Вторая группа – это методы, регистрирующие электрическую активность мозга. Среди них наиболее широко используется ЭЭГ, цель которой – спровоцировать изменения в электрической активности мозга с помощью различных визуальных и звуковых стимулов, чтобы проследить корреляцию между характером стимулов и соответствующими областями мозга, которые они активируют. Наконец, существуют приборы, которые лишь косвенно регистрируют активность мозга, фиксируя физические реакции. Это, например, электрокардиография (далее – ЭКГ), которая измеряет и регистрирует электрическую активность

⁹ Функциональная магнитно-резонансная томография измеряет активность мозга через наблюдение за кровотоком и насыщением кислородом рассматриваемых участков мозга. Было замечено, что воздействие маркетингового стимула приводит к повышению уровня насыщения крови кислородом в определенных областях мозга, что приводит к изменению его электромагнитного поля. Более подробное обсуждение см. в работе (Lim, 2018).

¹⁰ Неинвазивный медицинский метод, регистрирующий электрическую активность мозга. В отличие от ЭЭГ здесь измеряется магнитное поле, создаваемое внутричерепными токами. Используются сверхпроводящие квантовые интерференционные датчики (SQUID), которые способны измерять бесконечно малые изменения магнитного поля, благодаря чему можно с высокой точностью обнаружить источники магнитных сигналов в мозге.

¹¹ Эта классификация была предложена в работе (Bercea, 2012).

¹² Это инвазивный метод визуализации мозга, относящийся к области так называемой ядерной медицины, поскольку предполагает введение в организм вещества, испускающего позитронные частицы. Метод позволяет после воздействия маркетингового стимула измерить изменения уровня глюкозы в мозге испытуемого (его метаболическую активность), вызванные этим радиоактивным веществом.

сердца, помещая электроды на кожу испытуемого¹³, и прежде всего отслеживание глаз. В последнем случае с помощью датчиков определяются активность и размер зрачков, из чего можно извлечь информацию о том, как направить внимание испытуемого на нужный объект.

Несмотря на большое разнообразие вышеупомянутых практик, совершенно очевидны большие возможности – и опасность – применения искусственного интеллекта в этой области. Они заключаются в способности ИИ повысить точность предсказания поведения покупателей в такой степени, что «исследования, несмотря на небольшие размеры выборки, могут обеспечить прочную основу для прогнозирования рынка для более крупных групп населения» (Royo-Vela & Varga, 2022, Ramirez et al., 2021).

Особое направление ИИ, получившее развитие в последнее время, стало известно как «аффективные вычисления», или «искусственный эмоциональный интеллект» (далее – ИЭИ). Оно объединяет различные области, включая инженерные науки, нейробиологию и психологию поведения, с целью создания машин, способных не только интерпретировать, но и моделировать человеческие эмоции и таким образом адаптировать свою реакцию в зависимости от психологического состояния субъекта.

В настоящее время многие системы на основе ИЭИ используют технологии отслеживания глаз и выражения лиц, поскольку, согласно многочисленным исследованиям, лицо – это та часть человеческого тела, с помощью которой мы чаще всего выражаем свои мысли¹⁴.

В частности, на мобильном или стационарном устройстве можно поместить модуль для окулографии, который будет фиксировать расширение и сжатие зрачков (что считается показателем психической и когнитивной активности центральной нервной системы), а также траекторию движения глаз потребителя (показатель активности вегетативной нервной системы, отвечающей за эмоциональные реакции) при просмотре рекламы. Согласно этой гипотезе, зрительное внимание определяется факторами двух типов. Первые, так называемые восходящие факторы, воздействуют на области мозга; это такие качества, как цвет, образ и яркость, именно они схватываются первыми. Вторые, так называемые нисходящие факторы, – это то, что вызывает чувства, воспоминания и эмоции.

Таким образом, эта технология регистрирует огромное количество данных, как количественных (основанных на анализе числовых данных, таких как количество или продолжительность фиксаций), так и качественных (относящихся к графической визуализации поведения субъекта, например, тепловые карты или графики движения глаз). Именно по этой причине окулография и кодирование лица в основном

¹³ На частоту сердечных сокращений влияют два основных элемента: симпатическая нервная система, которая вызывает чувство возбуждения от маркетингового стимула, и парасимпатическая нервная система, которая, напротив, способствует расслаблению, снижая частоту сердечных сокращений.

¹⁴ Более подробное обсуждение этой технологии см. в работе (Cherubino et al., 2019). Ekman и Friesen разработали систему Facial Action Coding System (FACS) для измерения и классификации выражения лица. Система основана на распознавании семи «первичных эмоций», трех «универсальных чувств», нескольких «сложных эмоций» и 19 «единиц поведения». Более подробное обсуждение этой темы см. в работах (Ekman & Friesen, 1978; Ekman, 2004).

используются крупнейшими компаниями (Barnett & Cerf, 2015; Bellman et al., 2016)¹⁵. Например, компания Affectiva специализируется на разработке ИЭИ, с помощью технологий глубокого обучения и компьютерного зрения анализирующего выражение лица и эмоции субъекта, с которым взаимодействует¹⁶. Иными словами, это программное обеспечение, получившее название Affdex, выявляет все ключевые точки лица, а затем классифицирует их по «классам эмоций». В основном эта технология применяется в маркетинге, поскольку она позволяет оценить эмоциональную вовлеченность потребителей, вызываемую определенным рекламным продуктом. Это означает, что кодирование лиц при использовании искусственного интеллекта и видеоанализа позволяет измерить мельчайшие реакции, даже неосознанные, на процесс покупки и на рекламные стимулы. Таким образом, маркетинговые агентства могут фокусировать свои рекламные кампании на конкретных рекламных продуктах, определять параметры света, звука, изображения в зависимости от того, что наиболее интересно и привлекательно для потребителей, вплоть до предсказания их эмоциональной реакции, основываясь «всего лишь» на выражении лица¹⁷.

Поэтому неудивительно, что разработка и применение технологий, направленных на понимание и предвидение процессов принятия решений, привычек и эмоций потребителей, неизбежно порождает глубокие сомнения и вопросы. Мы должны спросить себя, «относимся ли мы к другим как к людям с их надеждами и желаниями? Или мы относимся к ним как к вещам, которыми мы можем манипулировать, основываясь на нашем понимании работы мозга?» (Garvey, 2016)¹⁸.

2. Возможности нейромаркетинга и его потенциальная угроза фундаментальным человеческим ценностям

Целью маркетинга всегда было побудить потребителя купить определенный товар, привлекая его внимание. Например, в рекламе сигарет Camel, транслировавшейся с 1936 по 1939 г., говорилось: «Ради хорошего пищеварения курите Camel»¹⁹. Это наглядно показывает, что не только нейромаркетинг, но и традиционные приемы всегда

¹⁵ McStay (2018) пишет: «Самое примечательное в кодировании лиц – это разнообразие и масштабы его применения. Например, более трети компаний из списка Fortune Global 500 используют кодирование лица для проверки эффективности рекламы перед ее запуском» (Cerf et al., 2015; Alexander et al., 2015; Hedgcock et al., 2012; Mesly, 2016; Shiv et al., 2005).

¹⁶ Подробно о том, как работает такое программное обеспечение, см. (McStay, 2018).

¹⁷ Авторы ссылаются на программу для распознавания эмоций Cognitive Services от Microsoft, которая дает представление не только о том, что доступно сегодня, но и о более широких возможностях использования вербальных и невербальных коммуникаций с помощью семантического анализа, анализа тона голоса и многого другого, а также распознавания эмоций по видео. Arthmann, C., & Li, I. P. (2017). Neuromarketing – The Art and Science of Marketing and Neurosciences Enabled by IoT Technologies. IIC Journal of Innovation, 1–10. <https://clck.ru/37rq8m>

¹⁸ Здесь также говорится: «...не нужно быть Кантом, чтобы задуматься о том, что некоторые методы, рекомендуемые нейромаркетологами, похоже, расценивают человека как объект, вещь, которую можно изучать и которой можно манипулировать ради финансовой выгоды, а не как личность со своими собственными целями, которую мы должны уважать».

¹⁹ Этот лозунг оказал настолько сильное воздействие на население, что некоторые авторы отмечали: «Кампания создала группу потребителей, которые в противном случае не стали бы курить табак и, возможно, пошли против своей интуиции, решив курить только благодаря убеждающему воздействию рекламы Camel». Ср. (Clark, 2017; Thomas et al., 2017; Peeler, 1996).

имели целью повлиять на потребителей, используя их когнитивные предубеждения и слабости, настолько, что уже в 1950 г. люди начали говорить о «скрытом маркетинге». Его определяют как «точку, в которой техники нейромаркетинга достигают критической эффективности и используются таким образом, чтобы манипулировать решениями потребителей без их ведома или согласия» (Murphy et al., 2008)²⁰. Такая практика появилась в США: Джеймс Викари признал, что увеличил продажи еды и напитков в кинотеатрах, вставляя в фильмы подсознательные сообщения, побуждающие потребителей пить кока-колу и есть попкорн (Vicary, 1951)²¹.

Таким образом, очевидно, что убеждение является естественным компонентом нейромаркетинга, однако проблема возникает, в частности, с некоторыми приемами, выходящими далеко за рамки простого убеждения человека. Это опасение всегда существовало в данной дисциплине и неоднократно высказывалось различными авторами (Cenizo, 2022)²². В частности, нейромаркетинг рассматривался как потенциальная угроза фундаментальным человеческим ценностям, поскольку он позволяет использовать слабости, неуверенность и эмоции в чисто коммерческих целях (Lungu, 2016; Durante & Arsena, 2015; Durante et al., 2011; Saad & Stenstrom, 2012).

Другие исследователи считают эти опасения чрезмерными, утверждая, что современный уровень развития технологий не настолько высок, чтобы влиять на этические вопросы. Они также не верят, что нейромаркетинг действительно может манипулировать человеческим сознанием, поскольку, по их мнению, возможность влиять на подсознание потребителей не обязательно означает, что они не контролируют свой выбор при покупке²³.

Однако что точно не подлежит сомнению, так это способность нейромаркетинга вызывать у потребителей желание покупать. Таким образом, реальный вопрос заключается в том, можно ли считать их выбор по-прежнему свободным, даже если на него существенно влияют физиологические факторы, которые они не могут контролировать (Stanton et al., 2016)²⁴.

²⁰ По мнению этих авторов, нейромаркетинг способен убедить потребителей «принять участие в связанной с продуктом деятельности, которую в противном случае они, вероятно, не выбрали бы», см. (Clark, 2017). Другие исследователи считают нейромаркетинг неэтичным (Lee et al., 2007).

²¹ Критику этого исследования см. в работе Karremans et al. (2006).

²² В том же смысле в работе Murphy et al. (2008) утверждается, что «сам факт того, что приходится вставлять такие оговорки, как “в настоящее время”, дает достаточно оснований для тщательного рассмотрения как возможных последствий такого развития событий, так и средств, с помощью которых им можно разумно управлять».

²³ Ряд исследователей считают, что нынешняя степень развитости нейробиологических практик не позволяет манипулировать поведением человека. В этом смысле работа Stanton et al. (2016) указывает, что «большинство новых этических опасностей, которые приписываются нейромаркетингу, нереалистичны, поскольку предполагают, что нейромаркетинг обладает полномочиями, которые он не сможет получить в ближайшем будущем». Схожей позиции придерживаются и такие авторы, как Renvoise & Morin (2007), Murphy et al. (2008).

²⁴ Также в работе Wilson et al. (2008) отмечается, что «когда потребитель покупает продукт на основании решения, при котором маркетинговые стимулы, не связанные с характеристиками продукта, заставляют аффективные нейронные системы преобладать над когнитивными процессами, конечный результат покупки не всегда отвечает интересам потребителя».

Хотя о манипуляции писали многие авторы, до сих пор не существует единогласно принятого определения этого феномена²⁵. Среди имеющихся точек зрения особенно интересна для нашего анализа теория манипуляции как «скрытого влияния»: практика может считаться манипулятивной, если она влияет на потребителей намеренно и скрытно, таким образом, что они не осознают или не могут легко осознать, что повлияло на процесс принятия решения» (Susser et al., 2019). Другими словами, различие между чисто убеждающей практикой и манипулятивной заключается в том, что последняя формирует мотивацию потребителей таким образом, что снижает их способность рационально управлять своими собственными мотивами, побуждая их создавать эмоциональные ассоциации между своим жизненным опытом и продуктом. В этом случае желание, возникающее в сознании потребителя, проистекает не из реальной потребности, а из стимула, который влияет на его независимость, поскольку «агент действует независимо, если его действия вызваны мотивом, приобретенным посредством соответствующего использования его способности рационально управлять своими собственными мотивами. В противном случае он действует менее независимо» (Cave, 2014)²⁶.

При всем этом нейромаркетинг может быть средством нарушения определенных фундаментальных человеческих ценностей, таких как индивидуальная автономия (Ulman et al., 2015; Stanton et al., 2016; Ariely & Berns, 2010; Murphy et al., 2008; Marcus, 2002), которую Р. Гиллон определяет как «способность думать, принимать решения и действовать на основе этих мыслей и решений свободно и независимо» (Gillon, 1985). Именно потому, что нейромаркетинг побуждает потребителя к покупке, стимулируя его эмоции, а не предоставляя ему точную информацию о продукте, он может нарушить способность человека определять и реализовывать свои предпочтения (Fisher et al., 2010)²⁷. Другими словами, страдает самостоятельность потребителя в принятии решений, поскольку его принуждают к предпочтениям и решениям без полного понимания, осознания и согласия²⁸.

Риск причинения вреда увеличивается в тех случаях, когда используются слабые места отдельных групп людей, считающихся особенно уязвимыми. Так, в ряде исследований было показано, что нейромаркетинг может подтолкнуть подростков к началу курения, а люди с компульсивными расстройствами, связанными с покупками, особенно чувствительны к сообщениям, побуждающим их совершать

²⁵ В работе Noggle выделены три возможных подхода к определению понятия манипуляции. См. Noggle, R. (2017). The ethics of manipulation. <https://clck.ru/37rwke>. Теории манипуляции см. в работах (Barnhill, 2014; Wilkinson, 2012; Susser et al., 2019; Klenk, 2021; Wood, 2016).

²⁶ В работе Garvey (2016) еще более категорично указывается, что «любой метод убеждения, который заставляет нас действовать, не предоставляя нам веских причин, уменьшает силу воздействия разумных доводов». См. также (Grant, 2011; Lewis, 2013).

²⁷ В работе Wilson et al. (2008) отмечено в этой связи, что «в той мере, в какой эти стимулы не связаны с характеристиками продукта, результатом является попытка манипулировать решением потребителя о покупке». Авторы утверждают, что «нейротехнологии позволяют маркетологам совершенствовать методы убеждения, используя неинформативный или дезинформативный контент, с возможностью вызывать у потребителей крайне позитивные аффективные реакции». Ср. также (Haggard, 2011).

²⁸ (Dierichsweiler, 2014), в которой цитируется работа (Wilson et al., 2008). Интересная точка зрения высказана в работе (Sunstein, 2015), согласно которой, если человек хочет подвергнуться манипуляции, его желание следует уважать.

покупки в Интернете (Henriksen et al., 2010). Подростки также особенно чувствительны и поддаются манипулированию: неравномерное развитие систем мозга, участвующих в когнитивном контроле, и чрезмерная реактивность так называемой системы вознаграждения – это факторы, связанные с эмоциональной гиперчувствительностью к стимулам вознаграждения, лицам и социально-эмоциональным стимулам (Steinberg, 2017; van Hoorn et al., 2016; Casey et al., 2008; Galvan et al., 2006; Hare et al., 2008; Gogtay et al., 2004; Shaw et al., 2008). Это может привести к развитию нездоровых привычек, сохраняющихся даже во взрослой жизни (Bault & Rusconi, 2020).

Специалисты по нейроэтике, по сути, обеспокоены не столько возможностью использования нейромаркетинга для воздействия на особо чувствительных людей, сколько его способностью создавать новые формы уязвимости. Поэтому представляется предпочтительным следующее подтвержденное фактами определение уязвимости потребителей: она «ситуативна, т. е. потребитель может быть более уязвим в одной ситуации, чем в другой, и некоторые потребители могут быть более уязвимы, чем другие»²⁹.

3. Защита потребителя от необоснованных влияний современных технологий на его экономическое поведение и свободу выбора

Следует решить еще ряд вопросов нейроэтики, чтобы нейромаркетинг не стал инструментом, с помощью которого компании смогут обойти независимость потребителей во всех ее различных смыслах и использовать слабости и уязвимости конкретных групп субъектов в коммерческих целях.

Решение этих вопросов затруднено, прежде всего, оттого, что стремительное развитие новых технологий не позволяет раз и навсегда определить эти фундаментальные ценности. Пока что для решения этой проблемы некоторые специалисты по биоэтике предлагают создать новые нейроправа, «специально разработанные с учетом особенностей информации о мозге и новых возможностей, открывающихся благодаря технологиям изучения мышления» (Ienca & Andorno, 2017), например, право на «психологическую конфиденциальность». Таким образом, стремление защитить «каждый бит информации или набор информации о мозге человека, записанный нейроустройством и распространяемый в цифровой экосистеме», отражает попытку адекватно отразить новые технологии в законе (Ienca & Andorno, 2017)³⁰.

²⁹ Consumer vulnerability across key markets in the European Union – документ, который дает определение уязвимости и выделяет пять ее условий. European Commission. (2016). European Commission, Consumers, Health, Agriculture and Food Executive Agency, Consumer vulnerability across key markets in the European Union – Executive summary. Publications Office. <https://clck.ru/37rtX3> См. также (Fineman, 2008), где говорится об уязвимости как онтологическом состоянии человека.

³⁰ Среди других предлагаемых прав – право на «психологическую цельность», которое направлено на сохранение личной идентичности и цельности психической жизни от внешних изменений со стороны третьих лиц; право на «психическую целостность», которое, будучи уже гарантированным ст. 3 Хартии ЕС по правам человека, должно быть расширено для защиты от незаконных и вредных манипуляций, осуществляемых с помощью нейротехнологий; и, наконец, право на «когнитивную свободу», которое направлено на защиту свободы принимать независимые решения.

Предложения о создании новых «нейроправ» основаны на все более распространенном убеждении, что существующая нормативная база недостаточна для адекватного охвата систем искусственного интеллекта, используемых в нейромаркетинге для воздействия на человеческие эмоции и когнитивные процессы.

Нейромаркетинг, несомненно, подпадает под широкое определение коммерческой практики, данное в Директиве 2005/29/ЕС³¹. В ст. 5 этого документа дается определение «недобросовестности»³², согласно которому практика считается недобросовестной и, следовательно, запрещенной, если она противоречит правилам профессиональной добросовестности, и прежде всего, если она существенно искажает или может существенно исказить экономическое поведение в отношении продукта со стороны усредненного потребителя, к которому она обращена, или усредненного члена группы, когда коммерческая практика направлена на определенную группу потребителей.

Наряду с общим запретом на недобросовестную коммерческую практику существуют две макрокатегории, а именно вводящая в заблуждение коммерческая практика³³ и агрессивная коммерческая практика³⁴, а также «черный список» практик, которые считаются недобросовестными в любом случае без возможности представить доказательства обратного.

Из этих положений ясно, что их целью является защита свободы потребителя от необоснованных влияний. В настоящее время принято считать, что положение Директивы о коммерческих практиках, способных «исказить» экономическое поведение человека, следует понимать в широком смысле, т. е. включая любую форму заметного изменения восприятия при принятии коммерческого решения.

Нейромаркетинг, используя когнитивные заблуждения потребителей, побуждающие их к определенному покупательскому поведению, вполне подпадает под определение тех влияний, которые скрытно изменяют восприятие и понимание потребителя. Хотя психологическое воздействие, препятствующее свободе потребителя в принятии решений, прямо не упоминается, агрессивная коммерческая практика также включает в себя поведение, которое путем «неправомерного влияния»³⁵ существенно ограничивает свободу выбора или экономическое поведение потребителя, побуждая его принять решение, которое в противном случае он бы не принял.

Кроме того, намерение европейского законодателя четко ограничено объявлением незаконными только тех видов практики, которые существенно препятствуют

³¹ Директива 2005/29/ЕС Европейского парламента и Совета от 11 мая 2005 г. о недобросовестных коммерческих практиках в отношениях между предприятиями и потребителями на внутреннем рынке. Коммерческая практика – это «любое действие, бездействие, образ действий или представление, коммерческая коммуникация, включая рекламу и маркетинг, со стороны торговца, непосредственно связанное с продвижением, продажей или поставкой продукта потребителям».

³² Статья 2 Директивы 2005/29/ЕС. Отмечается, что это законодательство имеет структуру «пересекающихся кругов». См. об этом (Fusi & Testa, 2006; Duivenvoorde, 2015).

³³ Статьи 6 и 7 о вводящем в заблуждение бездействии.

³⁴ Статья 8 Директивы о недобросовестных коммерческих практиках.

³⁵ Согласно статье 2(j) Директивы 2005/29/ЕС, оно определяется как использование «главенствующего положения по отношению к потребителю с целью оказания давления, даже без применения или угрозы применения физической силы, таким способом, который существенно ограничивает способность потребителя принять осознанное решение». Ср. (Strycharz & Duivenvoorde, 2021).

самоопределению³⁶, вследствие чего те формы психоэмоционального давления, которые не способны повлиять на свободу экономического выбора потребителя, исключаются из этого запрета.

Однако именно потому, что особенность нейромаркетинга заключается в использовании эмоциональных факторов для бессознательного управления процессами принятия решений экономическими агентами, потребителю нелегко, во-первых, отличить законную практику от той, которая превысила установленный законом предел «неправомерного влияния»³⁷.

Кроме того, с точки зрения интерпретации права, когда в определении неправомерного влияния говорится о практике, которая «значительно» ограничивает способность потребителя принять осознанное решение, не совсем понятно, каков предел, за которым можно говорить о достижении этого уровня, особенно когда речь идет о сложных инструментах ЭИИ³⁸.

Однако особое значение в этой области придается также инструментам «мягкого права», в частности этическим кодексам. Среди них «Этический кодекс применения нейробиологии в бизнесе», разработанный в 2013 г. Всемирной торговой ассоциацией Neuromarketing Science and Business Association. Он содержит ряд общих принципов, которые должна соблюдать каждая компания, проводящая исследования потребителей с использованием методов нейромаркетинга³⁹.

Несомненно, этические кодексы являются полезными инструментами саморегулирования, цель которых – сделать компании ответственными за соблюдение определенных этических принципов; однако некоторые авторы критикуют их за бесполезность по двум причинам.

С одной стороны, этические кодексы малоэффективны, поскольку основаны на принципе добровольного присоединения и, следовательно, не имеют обязательной силы⁴⁰. С другой стороны, компании, ставящие своей целью монетизацию приложений ИИ, руководствуются скорее экономическими, чем этическими соображениями (McNamara et al., 2018), поскольку «в бизнес-контекстах во многих случаях скорость – это все», а значит, «практика разработки, внедрения и использования приложений ИИ очень часто имеет мало общего с ценностями и принципами, постулируемыми этикой» (Hagendorff, 2020).

Осознавая эти трудности, Европейский союз принял Акт об ИИ для обеспечения «мирового лидерства в разработке безопасного, надежного и этичного искусственного интеллекта»⁴¹.

Практики нейромаркетинга, основанные на системах искусственного интеллекта, подпадают под широкое определение понятия «системы искусственного

³⁶ Ср. Recital 6 of directive 2005/29/EC. For a comment (Abbamonte, 2007).

³⁷ Следует отметить, что в работе Seminara (2020) было выдвинуто предположение, что предел, за которым реклама может быть признана агрессивной, можно определить по так называемому психологическому шоку.

³⁸ Ср. также (Strycharz & Duivenvoorde, 2021).

³⁹ NMSBA. Code of Ethics. <https://clck.ru/37rwiB>. См. также Probst, L., Frideres, L., Demetri, D., & Vomhof, B. (2014). Customer Experience. Neuro-marketing innovations. PwC Luxembourg. <https://clck.ru/37rzBE>.

⁴⁰ Критику эффективности этических кодексов см. (Sacconi, 1991; Trevino & Nelson, 2006; Rossi, 2006, 2005).

⁴¹ EU Artificial intelligence Act. <https://clck.ru/38x5h6>

интеллекта», предложенное в Проекте регулирования ИИ. Это любое «программное обеспечение, разработанное с использованием одного или нескольких методов и подходов, перечисленных в Приложении I, и способное для заданного набора целей, определяемых человеком, генерировать такие результаты, как контент, прогнозы, рекомендации или решения, влияющие на среду, с которой оно взаимодействует»⁴².

Как известно, Проект регулирования ИИ использует «подход, основанный на оценке риска», имея в виду риск, создаваемый системами ИИ в отношении основных прав и свобод. Таким образом, выделяются практики, которые создают «неприемлемый риск» и поэтому запрещены⁴³; «системы ИИ с высоким риском», которые разрешены, но только при определенных условиях⁴⁴; и, наконец, приложения с «низкой или минимальной степенью риска», условия применения которых состоят в основном в требовании прозрачности⁴⁵.

Статья 5(1) Проекта запрещает воздействия двух типов, которые считаются манипулятивными. Это системы ИИ, которые используют сублиминальные методы – методы «вне сознания человека с целью существенного искажения поведения, которое причиняет или может причинить этому или другому лицу физический или психологический вред» (подпункт «а»), а также «использующие какую-либо уязвимость определенной группы лиц в силу их возраста, физических или психических недостатков с целью существенного искажения поведения лица, относящегося к этой группе, которое причиняет или может причинить этому или другому лицу физический или психологический вред» (подпункт «б»)⁴⁶. Таким образом, это правило, по-видимому, относится исключительно к тем системам ИИ, которые, манипулируя поведением соответствующих лиц, причиняют (или могут причинить) физический или психологический вред. Это означает, что, если практика ИИ является манипулятивной, но не способна причинить физический или психологический вред, она сама по себе не будет считаться системой повышенного риска по смыслу раздела 5 Проекта регулирования ИИ⁴⁷.

Как уже отмечалось, не о каждой практике нейромаркетинга можно сказать, что она является манипулятивной, поскольку в противном случае вся эта область была бы незаконной. Тогда отражены ли эти системы в Проекте регулирования ИИ?

Еще одна категория «высокорисковых» ИИ регулируется разделом III Проекта регулирования ИИ. К этим системам предъявляются строгие обязательные требования, которые поставщики должны соблюдать уже на этапе проектирования⁴⁸.

⁴² Art. 3, para. 1 (European Commission, 2021). Критику чрезмерной обобщенности определения систем ИИ см. (Ebers et al., 2021).

⁴³ Статья 5 Проекта регулирования ИИ.

⁴⁴ Статья 6 Проекта регулирования ИИ и Приложение III.

⁴⁵ Статья 52 Проекта регулирования ИИ. Анализ Проекта см. (Stuurman & Lachaud, 2022; Veale & Zuiderveen Borgesius, 2021; Ebers et al., 2021; Smuha et al., 2021; Sovrano et al., 2022; Ebers et al., 2021; Ebers, 2021; Hupont et al., 2022a).

⁴⁶ Статья 5(1)(c) и (d) соответственно запрещает государственным органам использовать системы социальных баллов и системы биометрической идентификации, расположенные в общественных местах, в правоохранительных целях.

⁴⁷ STOA. (2022). Regulatory divergences in the draft AI Act: Differences in public and private sector obligations. <https://clck.ru/37ryK3>

⁴⁸ Обязательства, налагаемые на системы ИИ с высокой степенью риска, должны проходить проверку соответствия как до, так и после их выпуска на рынок (Mökander et al., 2022; Hupont et al., 2022b; Hof, 2022; Ali & Yu, 2021; Cooman, 2022).

Фактически поставщик обязан внедрить и задокументировать систему управления рисками для выявления и анализа возможных рисков, возникающих при использовании системы ИИ, и принять соответствующие меры для надлежащего управления ими⁴⁹, а также гарантировать качественный уровень управления базами данных⁵⁰. Кроме того, поставщик должен разработать и поддерживать в рабочем состоянии подробную, полную и актуальную техническую документацию и обеспечить проверяемость и отслеживаемость процессов, используемых системами искусственного интеллекта, предоставив инструменты как для целей регистрации, так и для адекватного человеческого контроля за их работой⁵¹. Другими словами, они должны быть спроектированы и разработаны таким образом, чтобы обеспечить высокий уровень точности, надежности и кибербезопасности, а также прозрачности за счет предоставления четких, кратких и понятных инструкций по использованию⁵².

Однако методы нейромаркетинга, как представляется, не подпадают даже под действие ст. 6(1) Проекта и тем более не входят в число систем, перечисленных в Приложении III (на которое ссылается ст. 6(2)), где в п. 1 говорится лишь о системах, используемых для биометрической идентификации и категоризации физических лиц. Но, поскольку целью нейромаркетинга не является идентификация физического лица ни в режиме реального времени, ни апостериори, такая практика не может быть включена в число систем ИИ с высоким уровнем риска⁵³.

В числе «низкорисковых» систем ИИ ст. 52(2) Проекта регулирования ИИ упоминает системы распознавания эмоций и биометрической категоризации⁵⁴. Однако, поскольку они считаются системами с низкой степенью риска, на их внедрение и применение распространяются лишь требования прозрачности, которые, однако, не представляются достаточными в отношении опасности этих практик. Между тем «эти системы основаны на весьма сомнительных доказательствах, но генерируют потенциально крайне вредные результаты (в виде решений или поведенческих актов)», что приводит к «ограничениям, отчуждению и неуважению к людям из групп, которые не вписываются в установленные категории»⁵⁵.

⁴⁹ Статья 9 Проекта регулирования ИИ.

⁵⁰ Статья 10 Проекта регулирования ИИ.

⁵¹ Статья 11–14 Проекта регулирования ИИ.

⁵² Статья 13(1) гласит: «Системы искусственного интеллекта с высокой степенью риска должны быть спроектированы и разработаны таким образом, чтобы обеспечить достаточную прозрачность их функционирования, чтобы пользователи имели возможность интерпретировать результаты работы системы и использовать их надлежащим образом».

⁵³ Hildebrandt, M. (2021). Commentary on the Proposal for an EU AI Act of 21 April 2021.

⁵⁴ Статья 52 Проекта регулирования ИИ.

⁵⁵ В работе Hildebrandt M. (2021). A brief commentary by Mireille Hildebrandt комментируется: «То, что в настоящее время системы распознавания эмоций и биометрической категоризации не всегда относятся к категории высокого риска, хотя в зависимости от вида их использования или контекста они могут быть отнесены к категории высокого риска или даже запрещены, запутывает и неоправданно усложняет ситуацию». Делается вывод, что «их следует если не запретить, то хотя бы включить в п. 1 Приложения III».

Заключение

В итоге следует отметить, что развитие технологий, способных распознавать человеческие эмоции и использовать их для управления поведением потребителей, требует наличия соответствующего законодательства для обеспечения надежной системы поддержки базовых ценностей. Хотя существующая нормативная база, включая, прежде всего, Директиву о недобросовестных коммерческих практиках, несомненно, обеспечивает эффективную защиту потребителя, тем не менее существует несколько проблемных точек, которые требуют более пристального внимания со стороны законодателя ЕС и обусловлены влиянием систем искусственного интеллекта на традиционные правовые категории. В этом смысле Проект регулирования ИИ может стать еще одним инструментом для создания безопасной, надежной и заслуживающей доверия системы, поскольку «на этом фоне призыв к прозрачности основывается на необходимости заглянуть внутрь технологии ИИ, чтобы попытаться полностью понять ее логику и регулировать ее действия» (Alì & Yu, 2021). Однако в своей нынешней формулировке Проект не относит к системам повышенного риска те приложения ИИ, которые основаны на сборе, обработке и использовании когнитивной и эмоциональной информации.

Прямое включение в Проект таких приложений позволило бы избежать риска неоднозначного толкования и послужить эффективному созданию «экосистемы доверия, предложив правовые рамки для надежного ИИ», где «люди могут быть уверены, что технологии используются безопасным образом и в соответствии с законом, включая соблюдение основных прав»⁵⁶.

Список литературы

- Abbamonte, G. B. (2007). The Unfair Commercial Practices Directive and its General Prohibition. In S. Weatherill & U. Bernitz (Eds.), *The Regulation of Unfair Commercial Practices under EC Directive 2005/29: New Rules and New Techniques* (pp. 11–32). <https://doi.org/10.5040/9781472560001.ch-002>
- Alexander, V., Tripp, S., & Zak, P. J. (2015). Preliminary evidence for the neurophysiologic effects of online coupons: Changes in oxytocin, stress, and mood. *Psychology & Marketing*, 32(9), 977–986. <https://doi.org/10.1002/mar.20831>
- Alì, G. S., & Yu, R. (2021). Artificial intelligence between transparency and secrecy: from the EC whitepaper to the AIA and beyond. *European Journal of Law and Technology*, 12(3).
- Alpa, G., & Catricala, A. (Eds.) (2016). *Diritto dei consumatori*. Il Mulino. (In Ital.).
- Ariely, D., & Berns, G. S. (2010). Neuromarketing: the hope and hype of neuroimaging in business. *Nature Reviews Neuroscience*, 11(4), 284–292. <https://doi.org/10.1038/nrn2795>
- Barnett, S., & Cerf, M. (2015). Connecting on Movie Night? Neural Measures of Engagement Differ By Gender. *Advances in Consumer Research*, 43, 314–318.
- Barnhill, A. (2014). What Is Manipulation? In C. Coons & M. Weber (Eds.), *Manipulation: Theory and Practice* (pp. 51–72). Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199338207.003.0003>
- Bault, N., & Rusconi, E. (2020). The Art of Influencing Consumer Choices: A Reflection on Recent Advances in Decision Neuroscience. *Frontiers in Psychology*, 10. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.03009>
- Bauman, Z. (2010). *Consumo, dunque sono*. Roma-Bari: Laterza. (In Ital.).
- Bechara, A., & Damasio, A. R. (2005). The somatic marker hypothesis: A neural theory of economic decision. *Games and Economic Behavior*, 52(2), 336–372. <https://doi.org/10.1016/j.geb.2004.06.010>
- Bellman, S., Nenycz-Thiel, M., Kennedy, R., Larguinat, L., McColl, B., & Varan, D. (2016). What Makes a Television Commercial Sell? Using Biometrics to Identify Successful Ads. *Journal of Advertising Research*, 57(1), 53–66. <https://doi.org/10.2501/jar-2016-051>

⁵⁶ European Commission, 2021. <https://clck.ru/37rtX3>

- Bercea, M. D. (2012). Anatomy of methodologies for measuring consumer behavior in neuromarketing research. In *Proceedings of the Lupcon Center for Business Research (LCBR) European Marketing Conference*. Ebermannstadt, Germany.
- Camerer, C., Loewenstein, G., & Prelec, D. (2005). Neuroeconomics: How Neuroscience Can Inform Economics. *Journal of Economic Literature*, 43(1), 9–64. <https://doi.org/10.1257/0022051053737843>
- Casey, B. J., Getz, S., & Galvan, A. (2008). The adolescent brain. *Developmental Review*, 28(1), 62–77. <https://doi.org/10.1016/j.dr.2007.08.003>
- Cave, E. M. (2014). Unsavory Seduction and Manipulation. In C. Coons & M. Weber (Eds.), *Manipulation: Theory and Practice* (pp. 176–200). Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199338207.003.0009>
- Cenizo, C. (2022). Neuromarketing: concept, historical evolution and challenges. *Icono 14*, 20(1). <https://doi.org/10.7195/ri14.v20i1.1784>
- Cerf, M., Greenleaf, E., Meyvis, T., & Morwitz, V. G. (2015). Using Single-Neuron Recording in Marketing: Opportunities, Challenges, and an Application to Fear Enhancement in Communications. *Journal of Marketing Research*, 52(4), 530–545. <https://doi.org/10.1509/jmr.13.0606>
- Ceschi, A., Sartori, R., Rubaltelli, E., & Weller, J. (2012). Un approccio empirico per una tassonomia dei bias cognitivi. In 1992–2012: *Psicologia, Scienza, Società – Congresso Nazionale delle Sezioni dell'Associazione Italiana di Psicologia*. Chieti. 20-23 Settembre. 2012 (In Ital.).
- Cherubino, P., Martinez-Levy, A. C., Caratù, M., Cartocci, G., Di Flumeri, G., Modica, E., Rossi, D., Mancini, M., & Trettel, A. (2019). Consumer Behaviour through the Eyes of Neurophysiological Measures: State-of-the-Art and Future Trends. *Computational Intelligence and Neuroscience*, 1–41. <https://doi.org/10.1155/2019/1976847>
- Clark, K. R. (2017). Dealing with the Devils: The Responsibility of Neuromarketing Practitioners in Conducting Research for Ethically Questionable Client Agendas. In A. R. Thomas, N. Pop, A. Iorga, C. Ducu. (Eds.), *Ethics and Neuromarketing: Implications for Market Research and Business Practice* (pp. 147–156). Cham: Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-319-45609-6_9
- Damasio, A. (1994). *Descartes' Error: Emotion, Reason and the Human Brain*. New York: Avon book.
- De Cooman, J. (2022). Humpty dumpty and high-risk AI systems: the *ratione materiae* dimension of the proposal for an EU artificial intelligence act. *Market and Competition Law Review*, 6(1), 49. <https://doi.org/10.34632/mclawreview.2022.11304>
- Dierichsweiler, K. L. A. (2014). Ethical Issues in Neuromarketing. In 3rd 'IBA Bachelor Thesis Conference, July 3rd, 2014 (pp. 1–14). Enschede, The Netherlands.
- Duivenvoorde, B. B. (2015). *The Consumer Benchmarks in the Unfair Commercial Practices Directive*. Springer International Publishing. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-13924-1>
- Durante, K. M., & Arsena, A. R. (2015). Playing the Field: The Effect of Fertility on Women's Desire for Variety. *Journal of Consumer Research*, 41(6), 1372–1391. <https://doi.org/10.1086/679652>
- Durante, K. M., Griskevicius, V., Hill, S. E., Perilloux, C., & Li, N. P. (2011). Ovulation, Female Competition, and Product Choice: Hormonal Influences on Consumer Behavior. *Journal of Consumer Research*, 37(6), 921–934. <https://doi.org/10.1086/656575>
- Ebers, M. (2021). Standardizing AI – The Case of the European Commission's Proposal for an Artificial Intelligence Act. *The Cambridge Handbook of Artificial Intelligence: Global Perspectives on Law and Ethics*. <http://doi.org/10.2139/ssrn.3900378>
- Ebers, M., Hoch, V. R. S., Rosenkranz, F., Ruschemeier, H., & Steinrötter, B. (2021). The European Commission's Proposal for an Artificial Intelligence Act – A Critical Assessment by Members of the Robotics and AI Law Society (RAILS). *J*, 4(4), 589–603. <https://doi.org/10.3390/j4040043>
- Ekman, P. (2004). *Emotions Revealed: Recognizing Faces and Feelings to Improve Communication and Emotional Life*. New York: Henry Holt and Company.
- Ekman, P., & Friesen, W. V. (1978). Facial action coding system: a technique for the measurement of facial movement. Facial Action Coding System [dataset]. In *PsycTESTS Dataset*. American Psychological Association (APA). <https://doi.org/10.1037/t27734-000>
- Fabris, G., (2003). *Il nuovo consumatore: verso il postmoderno*. Franco Angeli. (In Ital.).
- Fineman, M. A. (2008). The Vulnerable Subject: Anchoring Equality in the Human Condition. *Yale Journal of Law & Feminism*, 20(1).
- Fisher, C. E., Chin, L., & Klitzman, R. (2010). Defining Neuromarketing: Practices and Professional Challenges. *Harvard Review of Psychiatry*, 18(4), 230–237. <https://doi.org/10.3109/10673229.2010.496623>
- Fusi, M., & Testa P. (2006). *Diritto e pubblicità*. Milano: Lupetti. (In Ital.).
- Galvan, A., Hare, T. A., Parra, C. E., Penn, J., Voss, H., Glover, G., & Casey, B. J. (2006). Earlier Development of the Accumbens Relative to Orbitofrontal Cortex Might Underlie Risk-Taking Behavior in Adolescents. *Journal of Neuroscience*, 26(25), 6885–6892. <https://doi.org/10.1523/jneurosci.1062-06.2006>

- Garvey, J. (2016). *The Persuaders: The Hidden Industry That Wants to Change Your Mind*. London: Icon Books, Limited.
- Gillon, R. (1985). Autonomy and the principle of respect for autonomy. *BMJ*, 290(6484), 1806–1808. <https://doi.org/10.1136/bmj.290.6484.1806>
- Gogtay, N., Giedd, J. N., Lusk, L., Hayashi, K. M., Greenstein, D., Vaituzis, A. C., Nugent, T. F., Herman, D. H., Clasen, L. S., Toga, A. W., Rapoport, J. L., & Thompson, P. M. (2004). Dynamic mapping of human cortical development during childhood through early adulthood. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 101(21), 8174–8179. <https://doi.org/10.1073/pnas.0402680101>
- Grant, R. W. (2011). *Strings Attached: Untangling the Ethics of Incentives*. Princeton: Princeton University Press. <https://doi.org/10.23943/princeton/9780691151601.001.0001>
- Hagendorff, T. (2020). The Ethics of AI Ethics: An Evaluation of Guidelines. *Minds and Machines*, 30(1), 99–120. <https://doi.org/10.1007/s11023-020-09517-8>
- Haggard, P. (2011). Neuroethics of Free Will. In J. Illes & B. J. Sahakian (Eds.), *Oxford Handbook of Neuroethics* (p. 219). Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oxfordhob/9780199570706.013.0058>
- Hare, T. A., O'Doherty, J., Camerer, C. F., Schultz, W., & Rangel, A. (2008). Dissociating the Role of the Orbitofrontal Cortex and the Striatum in the Computation of Goal Values and Prediction Errors. *The Journal of Neuroscience*, 28(22), 5623–5630. <https://doi.org/10.1523/jneurosci.1309-08.2008>
- Hedgcock, W. M., Vohs, K. D., & Rao, A. R. (2012). Reducing self-control depletion effects through enhanced sensitivity to implementation: Evidence from fMRI and behavioral studies. *Journal of Consumer Psychology*, 22(4), 486–495. Portico. <https://doi.org/10.1016/j.jcps.2012.05.008>
- Henriksen, L., Schleicher, N. C., Feighery, E. C., & Fortmann, S. P. (2010). A Longitudinal Study of Exposure to Retail Cigarette Advertising and Smoking Initiation. *Pediatrics*, 126(2), 232–238. <https://doi.org/10.1542/peds.2009-3021>
- Hof, M. J. (2022). *Human-AI teaming for Conformity Assessment of Welded Joints: A Human Factors Perspective*. University of Twente.
- Hupont, I., Micheli, M., Delipetrev, B., Gómez, E., & Garrido, J. S. (2022a). Documenting High-Risk AI: A European Regulatory Perspective. *TechRxiv*. <https://doi.org/10.36227/techrxiv.20291046>
- Hupont, I., Tolan, S., Gunes, H., & Gómez, E. (2022b). The landscape of facial processing applications in the context of the European AI Act and the development of trustworthy systems. *Scientific Reports*, 12(1). <https://doi.org/10.1038/s41598-022-14981-6>
- Ienca, M., & Andorno, R. (2017). Towards new human rights in the age of neuroscience and neurotechnology. *Life Sciences, Society and Policy*, 13(1). <https://doi.org/10.1186/s40504-017-0050-1>
- Kahneman, D. (2011). *Thinking, Fast and Slow*. N. Y.: Farrar, Straus and Giroux. <https://doi.org/10.1007/s00362-013-0533-y>
- Karremans, J. C., Stroebe, W., & Claus, J. (2006). Beyond Vicary's fantasies: The impact of subliminal priming and brand choice. *Journal of Experimental Social Psychology*, 42(6), 792–798. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2005.12.002>
- Klenk, M. (2021). (Online) manipulation: sometimes hidden, always careless. *Review of Social Economy*, 80(1), 85–105. <https://doi.org/10.1080/00346764.2021.1894350>
- Lee, N., Broderick, A. J., & Chamberlain, L. (2007). What is 'neuromarketing'? A discussion and agenda for future research. *International Journal of Psychophysiology*, 63(2), 199–204. <https://doi.org/10.1016/j.ijpsycho.2006.03.007>
- Lee, N., Chamberlain, L., & Brandes, L. (2018). Welcome to the jungle! The neuromarketing literature through the eyes of a newcomer. *European Journal of Marketing*, 52(1/2), 4–38. <https://doi.org/10.1108/ejm-02-2017-0122>
- Lewis, D. (2013). *The Brain Sell: When Science Meets Shopping; How the new mind sciences and the persuasion industry are reading our thoughts, influencing our emotions, and stimulating us to shop*. London: Nicholas Brealey Publishing.
- Lim, W. M. (2018). Demystifying neuromarketing. *Journal of Business Research*, 91, 205–220. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2018.05.036>
- Lungu, N. (2016). The Limits and the Ethics of Consumer Profiling. In A. R. Thomas, N. Pop, A. Iorga & C. Ducu. (Eds.), *Ethics and Neuromarketing: Implications for Market Research and Business Practice* (pp. 157–169). Cham: Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-319-45609-6_10
- Marcus, S. J. (Ed.). (2002). *Neuroethics: Mapping the Field: Conference Proceedings, May 13–14, 2002, San Francisco, California*. N. Y.: Dana Press.

- McNamara, A., Smith, J., & Murphy-Hill, E. (2018). Does ACM's code of ethics change ethical decision making in software development? In *Proceedings of the 2018 26th ACM Joint Meeting on European Software Engineering Conference and Symposium on the Foundations of Software Engineering* (pp. 729–733). <https://doi.org/10.1145/3236024.3264833>
- McStay, A. (2018). *Emotional AI: The Rise of Empathic Media*. SAGE Publications Ltd. <https://doi.org/10.4135/9781526451293>
- Mesly, O. (2016). Prey positions as consumers' behavioural patterns: Exploratory evidence from an fMRI study. *Journal of Consumer Behaviour*, 16(1), 51–62. <https://doi.org/10.1002/cb.1602>
- Mökander, J., Axente, M., Casolari, F., & Floridi, L. (2022). Conformity Assessments and Post-market Monitoring: A Guide to the Role of Auditing in the Proposed European AI Regulation. *Minds and Machines*, 32(2), 241–268. <https://doi.org/10.1007/s11023-021-09577-4>
- Morin, C. (2011). Neuromarketing: The New Science of Consumer Behavior. *Society*, 48(2), 131–135. <https://doi.org/10.1007/s12115-010-9408-1>
- Murphy, E. R., Illes, J., & Reiner, P. B. (2008). Neuroethics of neuromarketing. *Journal of Consumer Behaviour*, 7(4–5), 293–302. <https://doi.org/10.1002/cb.252>
- Noggle, R. (2017). Manipulation, salience, and nudges. *Bioethics*, 32(3), 164–170. <https://doi.org/10.1111/bioe.12421>
- Peeler, C. L. (1996). *Cigarette testing and the Federal trade commission: a historical overview*. The FTC test method for determining tar, nicotine, and carbon monoxide yields of US cigarettes: report of the NCI Expert Committee.
- Ramirez, M., Kaheh, S., & George, K. (2021). Neuromarketing Study Using Machine Learning for Predicting Purchase Decision. In *2021 IEEE 12th Annual Ubiquitous Computing, Electronics & Mobile Communication Conference (UEMCON)* (pp. 0560–0564). <https://doi.org/10.1109/uemcon53757.2021.9666539>
- Renvoise, P. & Morin, C. (2007). *Neuromarketing: Understanding the Buy Buttons in Your Customer's Brain*. HarperCollins Leadership.
- Rossi, G. (2005). *Conuito morale per gli etici, economici, politici, di don Pio Rossi. Portata prima, seconda*. (In Ital.).
- Rossi, G. (2006). *Il gioco delle regole* (Saggi Nuova serie, 2 Ed.). Adelphi. (In Ital.).
- Royo-Vela, M., & Varga, Á. (2022). Unveiling Neuromarketing and Its Research Methodology. *Encyclopedia*, 2(2), 729–751. <https://doi.org/10.3390/encyclopedia2020051>
- Saad, G., & Stenstrom, E. (2012). Calories, beauty, and ovulation: The effects of the menstrual cycle on food and appearance-related consumption. *Journal of Consumer Psychology*, 22(1), 102–113. <https://doi.org/10.1016/j.jcps.2011.10.001>
- Sacconi, L. (1991). *Etica degli affari: individui, imprese e mercati nella prospettiva di un'etica razionale*. Milano: Saggiatore. (In Ital.).
- Seminara, A. P. (2020). Libertà del consumatore e psicologia della pubblicità. *Contratto e impresa*, 1(1), 493–526. (In Ital.).
- Shaw, P., Kabani, N. J., Lerch, J. P., Eckstrand, K., Lenroot, R., Gogtay, N., Greenstein, D., Clasen, L., Evans, A., Rapoport, J. L., Giedd, J. N., & Wise, S. P. (2008). Neurodevelopmental Trajectories of the Human Cerebral Cortex. *The Journal of Neuroscience*, 28(14), 3586–3594. <https://doi.org/10.1523/jneurosci.5309-07.2008>
- Shiv, B., & Fedorikhin, A. (1999). Heart and Mind in Conflict: the Interplay of Affect and Cognition in Consumer Decision Making. *Journal of Consumer Research*, 26(3), 278–292. <https://doi.org/10.1086/209563>
- Shiv, B., Bechara, A., Levin, I., Alba, J. W., Bettman, J. R., Dube, L., Isen, A., Mellers, B., Smidts, A., Grant, S. J., & McGraw, A. P. (2005). Decision Neuroscience. *Marketing Letters*, 16(3–4), 375–386. <https://doi.org/10.1007/s11002-005-5899-8>
- Smidts, A. (2002). *Kijken in het brein: Over de mogelijkheden van neuromarketing*. Rotterdam: Erasmus University Rotterdam. (In Dutch).
- Smuha, N. A., Ahmed-Rengers, E., Harkens, A., Li, W., MacLaren, J., Piselli, R., & Yeung, K. (2021). How the EU Can Achieve Legally Trustworthy AI: A Response to the European Commission's Proposal for an Artificial Intelligence Act. *SSRN Electronic Journal*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3899991>
- Sovrano, F., Sapienza, S., Palmirani, M., & Vitali, F. (2022). Metrics, Explainability and the European AI Act Proposal. *J*, 5(1), 126–138. <https://doi.org/10.3390/j5010010>
- Stanton, S. J., Sinnott-Armstrong, W., & Huettel, S. A. (2016). Neuromarketing: Ethical Implications of its Use and Potential Misuse. *Journal of Business Ethics*, 144(4), 799–811. <https://doi.org/10.1007/s10551-016-3059-0>
- Steinberg, L. (2017). A social neuroscience perspective on adolescent risk-taking. In *Biosocial Theories of Crime* (pp. 435–463). Routledge <https://doi.org/10.4324/9781315096278-19>

- Strycharz, J., & Duivenvoorde, B. (2021). The exploitation of vulnerability through personalised marketing communication: are consumers protected? *Internet Policy Review*, 10(4). <https://doi.org/10.14763/2021.4.1585>
- Stuurman, K., & Lachaud, E. (2022). Regulating AI. A label to complete the proposed Act on Artificial Intelligence. *Computer Law & Security Review*, 44, 105657. <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2022.105657>
- Sunstein, C. R. (2015). Fifty Shades of Manipulation. *SSRN Electronic Journal*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2565892>
- Susser, D., Roessler, B., & Nissenbaum, H. (2019). Technology, autonomy, and manipulation. *Internet Policy Review*, 8(2). <https://doi.org/10.14763/2019.2.1410>
- Thaler, R. H. (2000). From Homo Economicus to Homo Sapiens. *Journal of Economic Perspectives*, 14(1), 133–141. <https://doi.org/10.1257/jep.14.1.133>
- Thomas, A. R., Pop, N. A., Iorga, A. M., & Ducu, C. (Eds.). (2017). *Ethics and Neuromarketing: Implications for Market Research and Business Practice*. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-45609-6>
- Trevino, L. K., & Nelson, K. A. (2006). *Managing Business Ethics: Straight talk about how to do it right* (4th ed.). Wiley & Sons.
- Tversky, A., & Kahneman, D. (1974). Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases. *Science*, 185(4157), 1124–1131. <https://doi.org/10.1126/science.185.4157.1124>
- Ulman, Y. I., Cakar, T., & Yildiz, G. (2015). Ethical Issues in Neuromarketing: “I Consume, Therefore I am!”. *Science and Engineering Ethics*, 21(5), 1271–1284. <https://doi.org/10.1007/s11948-014-9581-5>
- van Hoorn, J., Fuligni, A. J., Crone, E. A., & Galván, A. (2016). Peer influence effects on risk-taking and prosocial decision-making in adolescence: insights from neuroimaging studies. *Current Opinion in Behavioral Sciences*, 10, 59–64. <https://doi.org/10.1016/j.cobeha.2016.05.007>
- Veale, M., & Zuiderveen Borgesius, F. (2021). Demystifying the Draft EU Artificial Intelligence Act – Analysing the good, the bad, and the unclear elements of the proposed approach. *Computer Law Review International*, 22(4), 97–112. <https://doi.org/10.9785/cr-2021-220402>
- Verhulst, N., De Keyser, A., Gustafsson, A., Shams, P., & Van Vaerenbergh, Y. (2019). Neuroscience in service research: an overview and discussion of its possibilities. *Journal of Service Management*, 30(5), 621–649. <https://doi.org/10.1108/josm-05-2019-0135>
- Viale, R. (2019). La razionalità limitata “embodied” alla base del cervello sociale ed economico. *Sistemi intelligenti*, 31(1), 193–203. (In Ital.).
- Vicary, J. M. (1951). How psychiatric methods can be applied to market research. *Printers’ Ink*, 235(6), 39–48.
- Watson, J. B. (1994). Psychology as the behaviorist views it. *Psychological Review*, 101(2), 248–253. <https://doi.org/10.1037/0033-295x.101.2.248>
- Wilkinson, T. M. (2012). Nudging and Manipulation. *Political Studies*, 61(2), 341–355. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.2012.00974.x>
- Wilson, R. M., Gaines, J., & Hill, R. P. (2008). Neuromarketing and Consumer Free Will. *Journal of Consumer Affairs*, 42(3), 389–410. <https://doi.org/10.1111/j.1745-6606.2008.00114.x>
- Winkielman, P., & Berridge, K. (2003). Irrational Wanting and Subrational Liking: How Rudimentary Motivational and Affective Processes Shape Preferences and Choices. *Political Psychology*, 24(4), 657–680. <https://doi.org/10.1046/j.1467-9221.2003.00346.x>
- Wood, A. (2016). Unjust Exploitation. *The Southern Journal of Philosophy*, 54(S1), 92–108. <https://doi.org/10.1111/sjp.12187>
- Zajonc, R. B. (1980). Feeling and thinking: Preferences need no inferences. *American Psychologist*, 35(2), 151–175. <https://doi.org/10.1037/0003-066x.35.2.151>
- Zajonc, R. B. (1998). Emotions. In D. T. Gilbert, S. T. Fiske, & G. Lindzey (Eds.), *The handbook of social psychology* (pp. 591–632). New York: McGraw-Hill.

Сведения об авторе

Людовика Спозини – соискатель степени PhD в области права, Институт DIRPOLIS (Институт права, политики и развития), Школа перспективных исследований Сант'Анна

Адрес: 56127, Италия, г. Пиза, ул. Доменико Вернагалли, 22R

E-mail: ludovica.sposini@santannapisa.it

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2188-8996>

Google Scholar ID: https://scholar.google.com/citations?user=AVR7_bMAAAAJ

Конфликт интересов

Автор сообщает об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование

Исследование не имело спонсорской поддержки.

Тематические рубрики

Рубрика OECD: 5.05 / Law

Рубрика ASJC: 3308 / Law

Рубрика WoS: OM / Law

Рубрика ГРНТИ: 10.07.45 / Право и научно-технический прогресс

Специальность ВАК: 5.1.3 / Частно-правовые (цивилистические) науки

История статьи

Дата поступления – 24 августа 2023 г.

Дата одобрения после рецензирования – 8 сентября 2023 г.

Дата принятия к опубликованию – 15 марта 2024 г.

Дата онлайн-размещения – 20 марта 2024 г.

Research article

UDC 34:004:347.451:004.8

EDN: <https://elibrary.ru/nifbkj>

DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.5>

Impact of New Technologies on Economic Behavior and Consumer Freedom of Choice: from Neuromarketing to Neuro-Rights

Ludovica Sposini

Sant'Anna School of Advanced Studies, Pisa, Italy

Keywords

artificial intelligence,
biotechnology,
consumer protection,
digital technologies,
European law,
freedom of choice,
law,
neuro-ethics,
neuromarketing,
neuro-rights

Abstract

Objective: to identify the possibilities for an adequate response of the existing legal regime to the various challenges posed to European law by artificial intelligence systems underlying neuromarketing techniques.

Methods: the study is based on the risk-oriented approach, formal-logical, formal-legal and comparative-legal methods, as well as on the method of legal forecasting, in order to identify the problems of legislation caused by the emerging technologies capable of recognizing human emotions and using them to control consumer behavior, and to propose ways to solve them.

Results: the conducted research provides a brief overview of the most widely used neuromarketing techniques used by algorithms and machine learning. These allow identifying points of cognitive and emotional vulnerability, collecting and processing data, and then building the most effective marketing techniques that push a consumer to choose a certain product or service. Ethical problems are analyzed which arise from the use of neuromarketing techniques in relation to some basic values such as individual independence, human dignity, and freedom of choice. The subtle line is shown between techniques that manipulate consumer behavior (manipulation technique) and those that, on the contrary, have a persuasive effect, which in itself does not make them illegal (persuasion technique). An overview of the existing legal framework is presented, as well as case law from both the European Court of Justice and national courts of member states with a particular focus on the Unfair Commercial Practices Directive, the EU General Regulation on the Protection of Personal Data (hard law), and codes of ethics (soft law).

© Sposini L., 2024

This is an Open Access article, distributed under the terms of the Creative Commons Attribution licence (CC BY 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>), which permits unrestricted re-use, distribution and reproduction, provided the original article is properly cited.

Scientific novelty: the paper points out the transformation of traditional legal categories and important problem points of the existing regulation due to the growing recognition of the potential of neuromarketing as a tool capable of explaining and predicting consumer behavior, as well as influencing the economic behavior of the subjects of relations.

Practical significance: the obtained conclusions and proposals can be taken into account in improving the regulation of artificial intelligence in terms of its safety and reliability, increasing trust in the system, given the need to protect ethical principles and maintain fundamental values.

For citation

Sposini, L. (2024). Impact of New Technologies on Economic Behavior and Consumer Freedom of Choice: from Neuromarketing to Neuro-Rights. *Journal of Digital Technologies and Law*, 2(1), 74–100. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.5>

References

- Abbamonte, G. B. (2007). The Unfair Commercial Practices Directive and its General Prohibition. In S. Weatherill & U. Bernitz (Eds.), *The Regulation of Unfair Commercial Practices under EC Directive 2005/29: New Rules and New Techniques* (pp. 11–32). <https://doi.org/10.5040/9781472560001.ch-002>
- Alexander, V., Tripp, S., & Zak, P. J. (2015). Preliminary evidence for the neurophysiologic effects of online coupons: Changes in oxytocin, stress, and mood. *Psychology & Marketing*, 32(9), 977–986. <https://doi.org/10.1002/mar.20831>
- Ali, G. S., & Yu, R. (2021). Artificial intelligence between transparency and secrecy: from the EC whitepaper to the AIA and beyond. *European Journal of Law and Technology*, 12(3).
- Alpa, G., & Catricala, A. (Eds.) (2016). *Diritto dei consumatori*. Il Mulino. (In Ital.).
- Ariely, D., & Berns, G. S. (2010). Neuromarketing: the hope and hype of neuroimaging in business. *Nature Reviews Neuroscience*, 11(4), 284–292. <https://doi.org/10.1038/nrn2795>
- Barnett, S., & Cerf, M. (2015). Connecting on Movie Night? Neural Measures of Engagement Differ By Gender. *Advances in Consumer Research*, 43, 314–318.
- Barnhill, A. (2014). What Is Manipulation? In C. Coons & M. Weber (Eds.), *Manipulation: Theory and Practice* (pp. 51–72). Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199338207.003.0003>
- Bault, N., & Rusconi, E. (2020). The Art of Influencing Consumer Choices: A Reflection on Recent Advances in Decision Neuroscience. *Frontiers in Psychology*, 10. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.03009>
- Bauman, Z. (2010). *Consumo, dunque sono*. Roma-Bari: Laterza. (In Ital.).
- Bechara, A., & Damasio, A. R. (2005). The somatic marker hypothesis: A neural theory of economic decision. *Games and Economic Behavior*, 52(2), 336–372. <https://doi.org/10.1016/j.geb.2004.06.010>
- Bellman, S., Nenycz-Thiel, M., Kennedy, R., Larginat, L., McColl, B., & Varan, D. (2016). What Makes a Television Commercial Sell? Using Biometrics to Identify Successful Ads. *Journal of Advertising Research*, 57(1), 53–66. <https://doi.org/10.2501/jar-2016-051>
- Bercea, M. D. (2012). Anatomy of methodologies for measuring consumer behavior in neuromarketing research. In *Proceedings of the Lupcon Center for Business Research (LCBR) European Marketing Conference*. Ebermannstadt, Germany.
- Camerer, C., Loewenstein, G., & Prelec, D. (2005). Neuroeconomics: How Neuroscience Can Inform Economics. *Journal of Economic Literature*, 43(1), 9–64. <https://doi.org/10.1257/0022051053737843>
- Casey, B. J., Getz, S., & Galvan, A. (2008). The adolescent brain. *Developmental Review*, 28(1), 62–77. <https://doi.org/10.1016/j.dr.2007.08.003>
- Cave, E. M. (2014). Unsavory Seduction and Manipulation. In C. Coons & M. Weber (Eds.), *Manipulation: Theory and Practice* (pp. 176–200). Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199338207.003.0009>
- Cenizo, C. (2022). Neuromarketing: concept, historical evolution and challenges. *Icono 14*, 20(1). <https://doi.org/10.7195/ri14.v20i1.1784>

- Cerf, M., Greenleaf, E., Meyvis, T., & Morwitz, V. G. (2015). Using Single-Neuron Recording in Marketing: Opportunities, Challenges, and an Application to Fear Enhancement in Communications. *Journal of Marketing Research*, 52(4), 530–545. <https://doi.org/10.1509/jmr.13.0606>
- Ceschi, A., Sartori, R., Rubaltelli, E., & Weller, J. (2012). Un approccio empirico per una tassonomia dei bias cognitivi. In 1992–2012: *Psicologia, Scienza, Società – Congresso Nazionale delle Sezioni dell'Associazione Italiana di Psicologia*. Chieti. 20-23 Settembre. 2012 (In Ital.).
- Cherubino, P., Martinez-Levy, A. C., Caratù, M., Cartocci, G., Di Flumeri, G., Modica, E., Rossi, D., Mancini, M., & Trettel, A. (2019). Consumer Behaviour through the Eyes of Neurophysiological Measures: State-of-the-Art and Future Trends. *Computational Intelligence and Neuroscience*, 1–41. <https://doi.org/10.1155/2019/1976847>
- Clark, K. R. (2017). Dealing with the Devils: The Responsibility of Neuromarketing Practitioners in Conducting Research for Ethically Questionable Client Agendas. In A. R. Thomas, N. Pop, A. Iorga, C. Ducu. (Eds.), *Ethics and Neuromarketing: Implications for Market Research and Business Practice* (pp. 147–156). Cham: Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-319-45609-6_9
- Damasio, A. (1994). *Descartes' Error: Emotion, Reason and the Human Brain*. New York: Avon book.
- De Cooman, J. (2022). Humpty dumpty and high-risk AI systems: the *ratione materiae* dimension of the proposal for an EU artificial intelligence act. *Market and Competition Law Review*, 6(1), 49. <https://doi.org/10.34632/mclawreview.2022.11304>
- Dierichsweiler, K. L. A. (2014). Ethical Issues in Neuromarketing. In 3rd 'IBA Bachelor Thesis Conference, July 3rd, 2014 (pp. 1–14). Enschede, The Netherlands.
- Duivenvoorde, B. B. (2015). *The Consumer Benchmarks in the Unfair Commercial Practices Directive*. Springer International Publishing. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-13924-1>
- Durante, K. M., & Arsena, A. R. (2015). Playing the Field: The Effect of Fertility on Women's Desire for Variety. *Journal of Consumer Research*, 41(6), 1372–1391. <https://doi.org/10.1086/679652>
- Durante, K. M., Griskevicius, V., Hill, S. E., Perilloux, C., & Li, N. P. (2011). Ovulation, Female Competition, and Product Choice: Hormonal Influences on Consumer Behavior. *Journal of Consumer Research*, 37(6), 921–934. <https://doi.org/10.1086/656575>
- Ebers, M. (2021). Standardizing AI – The Case of the European Commission's Proposal for an Artificial Intelligence Act. *The Cambridge Handbook of Artificial Intelligence: Global Perspectives on Law and Ethics*. <http://doi.org/10.2139/ssrn.3900378>
- Ebers, M., Hoch, V. R. S., Rosenkranz, F., Ruschmeier, H., & Steinrötter, B. (2021). The European Commission's Proposal for an Artificial Intelligence Act – A Critical Assessment by Members of the Robotics and AI Law Society (RAILS). *J*, 4(4), 589–603. <https://doi.org/10.3390/j4040043>
- Ekman, P. (2004). *Emotions Revealed: Recognizing Faces and Feelings to Improve Communication and Emotional Life*. New York: Henry Holt and Company.
- Ekman, P., & Friesen, W. V. (1978). Facial action coding system: a technique for the measurement of facial movement. Facial Action Coding System [dataset]. In *PsycTESTS Dataset*. American Psychological Association (APA). <https://doi.org/10.1037/t27734-000>
- Fabris, G., (2003). *Il nuovo consumatore: verso il postmoderno*. Franco Angeli. (In Ital.).
- Fineman, M. A. (2008). The Vulnerable Subject: Anchoring Equality in the Human Condition. *Yale Journal of Law & Feminism*, 20(1).
- Fisher, C. E., Chin, L., & Klitzman, R. (2010). Defining Neuromarketing: Practices and Professional Challenges. *Harvard Review of Psychiatry*, 18(4), 230–237. <https://doi.org/10.3109/10673229.2010.496623>
- Fusi, M., & Testa P. (2006). *Diritto e pubblicità*. Milano: Lupetti. (In Ital.).
- Galvan, A., Hare, T. A., Parra, C. E., Penn, J., Voss, H., Glover, G., & Casey, B. J. (2006). Earlier Development of the Accumbens Relative to Orbitofrontal Cortex Might Underlie Risk-Taking Behavior in Adolescents. *Journal of Neuroscience*, 26(25), 6885–6892. <https://doi.org/10.1523/jneurosci.1062-06.2006>
- Garvey, J. (2016). *The Persuaders: The Hidden Industry That Wants to Change Your Mind*. London: Icon Books, Limited.
- Gillon, R. (1985). Autonomy and the principle of respect for autonomy. *BMJ*, 290(6484), 1806–1808. <https://doi.org/10.1136/bmj.290.6484.1806>
- Gogtay, N., Giedd, J. N., Lusk, L., Hayashi, K. M., Greenstein, D., Vaituzis, A. C., Nugent, T. F., Herman, D. H., Clasen, L. S., Toga, A. W., Rapoport, J. L., & Thompson, P. M. (2004). Dynamic mapping of human cortical development during childhood through early adulthood. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 101(21), 8174–8179. <https://doi.org/10.1073/pnas.0402680101>
- Grant, R. W. (2011). *Strings Attached: Untangling the Ethics of Incentives*. Princeton: Princeton University Press. <https://doi.org/10.23943/princeton/9780691151601.001.0001>

- Hagendorff, T. (2020). The Ethics of AI Ethics: An Evaluation of Guidelines. *Minds and Machines*, 30(1), 99–120. <https://doi.org/10.1007/s11023-020-09517-8>
- Haggard, P. (2011). Neuroethics of Free Will. In J. Illes & B. J. Sahakian (Eds.), *Oxford Handbook of Neuroethics* (p. 219). Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199570706.013.0058>
- Hare, T. A., O'Doherty, J., Camerer, C. F., Schultz, W., & Rangel, A. (2008). Dissociating the Role of the Orbitofrontal Cortex and the Striatum in the Computation of Goal Values and Prediction Errors. *The Journal of Neuroscience*, 28(22), 5623–5630. <https://doi.org/10.1523/jneurosci.1309-08.2008>
- Hedgcock, W. M., Vohs, K. D., & Rao, A. R. (2012). Reducing self-control depletion effects through enhanced sensitivity to implementation: Evidence from fMRI and behavioral studies. *Journal of Consumer Psychology*, 22(4), 486–495. Portico. <https://doi.org/10.1016/j.jcps.2012.05.008>
- Henriksen, L., Schleicher, N. C., Feighery, E. C., & Fortmann, S. P. (2010). A Longitudinal Study of Exposure to Retail Cigarette Advertising and Smoking Initiation. *Pediatrics*, 126(2), 232–238. <https://doi.org/10.1542/peds.2009-3021>
- Hof, M. J. (2022). *Human-AI teaming for Conformity Assessment of Welded Joints: A Human Factors Perspective*. University of Twente.
- Hupont, I., Micheli, M., Delipetrev, B., Gómez, E., & Garrido, J. S. (2022a). Documenting High-Risk AI: A European Regulatory Perspective. *TechRxiv*. <https://doi.org/10.36227/techrxiv.20291046>
- Hupont, I., Tolan, S., Gunes, H., & Gómez, E. (2022b). The landscape of facial processing applications in the context of the European AI Act and the development of trustworthy systems. *Scientific Reports*, 12(1). <https://doi.org/10.1038/s41598-022-14981-6>
- Ienca, M., & Andorno, R. (2017). Towards new human rights in the age of neuroscience and neurotechnology. *Life Sciences, Society and Policy*, 13(1). <https://doi.org/10.1186/s40504-017-0050-1>
- Kahneman, D. (2011). *Thinking, Fast and Slow*. N. Y.: Farrar, Straus and Giroux. <https://doi.org/10.1007/s00362-013-0533-y>
- Karremans, J. C., Stroebe, W., & Claus, J. (2006). Beyond Vicary's fantasies: The impact of subliminal priming and brand choice. *Journal of Experimental Social Psychology*, 42(6), 792–798. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2005.12.002>
- Klenk, M. (2021). (Online) manipulation: sometimes hidden, always careless. *Review of Social Economy*, 80(1), 85–105. <https://doi.org/10.1080/00346764.2021.1894350>
- Lee, N., Broderick, A. J., & Chamberlain, L. (2007). What is 'neuromarketing'? A discussion and agenda for future research. *International Journal of Psychophysiology*, 63(2), 199–204. <https://doi.org/10.1016/j.ijpsycho.2006.03.007>
- Lee, N., Chamberlain, L., & Brandes, L. (2018). Welcome to the jungle! The neuromarketing literature through the eyes of a newcomer. *European Journal of Marketing*, 52(1/2), 4–38. <https://doi.org/10.1108/ejm-02-2017-0122>
- Lewis, D. (2013). *The Brain Sell: When Science Meets Shopping; How the new mind sciences and the persuasion industry are reading our thoughts, influencing our emotions, and stimulating us to shop*. London: Nicholas Brealey Publishing.
- Lim, W. M. (2018). Demystifying neuromarketing. *Journal of Business Research*, 91, 205–220. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2018.05.036>
- Lungu, N. (2016). The Limits and the Ethics of Consumer Profiling. In A. R. Thomas, N. Pop, A. Iorga & C. Ducu. (Eds.), *Ethics and Neuromarketing: Implications for Market Research and Business Practice* (pp. 157–169). Cham: Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-319-45609-6_10
- Marcus, S. J. (Ed.). (2002). *Neuroethics: Mapping the Field: Conference Proceedings, May 13–14, 2002, San Francisco, California*. N. Y.: Dana Press.
- McNamara, A., Smith, J., & Murphy-Hill, E. (2018). Does ACM's code of ethics change ethical decision making in software development? In *Proceedings of the 2018 26th ACM Joint Meeting on European Software Engineering Conference and Symposium on the Foundations of Software Engineering* (pp. 729–733). <https://doi.org/10.1145/3236024.3264833>
- McStay, A. (2018). *Emotional AI: The Rise of Empathic Media*. SAGE Publications Ltd. <https://doi.org/10.4135/9781526451293>
- Mesly, O. (2016). Prey positions as consumers' behavioural patterns: Exploratory evidence from an fMRI study. *Journal of Consumer Behaviour*, 16(1), 51–62. <https://doi.org/10.1002/cb.1602>
- Mökander, J., Axente, M., Casolari, F., & Floridi, L. (2022). Conformity Assessments and Post-market Monitoring: A Guide to the Role of Auditing in the Proposed European AI Regulation. *Minds and Machines*, 32(2), 241–268. <https://doi.org/10.1007/s11023-021-09577-4>

- Morin, C. (2011). Neuromarketing: The New Science of Consumer Behavior. *Society*, 48(2), 131–135. <https://doi.org/10.1007/s12115-010-9408-1>
- Murphy, E. R., Illes, J., & Reiner, P. B. (2008). Neuroethics of neuromarketing. *Journal of Consumer Behaviour*, 7(4–5), 293–302. <https://doi.org/10.1002/cb.252>
- Noggle, R. (2017). Manipulation, salience, and nudges. *Bioethics*, 32(3), 164–170. <https://doi.org/10.1111/bioe.12421>
- Peeler, C. L. (1996). *Cigarette testing and the Federal trade commission: a historical overview*. The FTC test method for determining tar, nicotine, and carbon monoxide yields of US cigarettes: report of the NCI Expert Committee.
- Ramirez, M., Kaheh, S., & George, K. (2021). Neuromarketing Study Using Machine Learning for Predicting Purchase Decision. In *2021 IEEE 12th Annual Ubiquitous Computing, Electronics & Mobile Communication Conference (UEMCON)* (pp. 0560–0564). <https://doi.org/10.1109/uemcon53757.2021.9666539>
- Renvoise, P. & Morin, C. (2007). *Neuromarketing: Understanding the Buy Buttons in Your Customer's Brain*. HarperCollins Leadership.
- Rossi, G. (2005). *Conuito morale per gli etici, economici, politici, di don Pio Rossi. Portata prima, seconda*. (In Ital.).
- Rossi, G. (2006). *Il gioco delle regole* (Saggi Nuova serie, 2 Ed.). Adelphi. (In Ital.).
- Royo-Vela, M., & Varga, Á. (2022). Unveiling Neuromarketing and Its Research Methodology. *Encyclopedia*, 2(2), 729–751. <https://doi.org/10.3390/encyclopedia2020051>
- Saad, G., & Stenstrom, E. (2012). Calories, beauty, and ovulation: The effects of the menstrual cycle on food and appearance-related consumption. *Journal of Consumer Psychology*, 22(1), 102–113. <https://doi.org/10.1016/j.jcps.2011.10.001>
- Sacconi, L. (1991). *Etica degli affari: individui, imprese e mercati nella prospettiva di un'etica razionale*. Milano: Saggiatore. (In Ital.).
- Seminara, A. P. (2020). Libertà del consumatore e psicologia della pubblicità. *Contratto e impresa*, 1(1), 493–526. (In Ital.).
- Shaw, P., Kabani, N. J., Lerch, J. P., Eckstrand, K., Lenroot, R., Gogtay, N., Greenstein, D., Clasen, L., Evans, A., Rapoport, J. L., Giedd, J. N., & Wise, S. P. (2008). Neurodevelopmental Trajectories of the Human Cerebral Cortex. *The Journal of Neuroscience*, 28(14), 3586–3594. <https://doi.org/10.1523/jneurosci.5309-07.2008>
- Shiv, B., & Fedorikhin, A. (1999). Heart and Mind in Conflict: the Interplay of Affect and Cognition in Consumer Decision Making. *Journal of Consumer Research*, 26(3), 278–292. <https://doi.org/10.1086/209563>
- Shiv, B., Bechara, A., Levin, I., Alba, J. W., Bettman, J. R., Dube, L., Isen, A., Mellers, B., Smidts, A., Grant, S. J., & McGraw, A. P. (2005). Decision Neuroscience. *Marketing Letters*, 16(3–4), 375–386. <https://doi.org/10.1007/s11002-005-5899-8>
- Smidts, A. (2002). *Kijken in het brein: Over de mogelijkheden van neuromarketing*. Rotterdam: Erasmus University Rotterdam. (In Dutch).
- Smuha, N. A., Ahmed-Rengers, E., Harkens, A., Li, W., MacLaren, J., Piselli, R., & Yeung, K. (2021). How the EU Can Achieve Legally Trustworthy AI: A Response to the European Commission's Proposal for an Artificial Intelligence Act. *SSRN Electronic Journal*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3899991>
- Sovrano, F., Sapienza, S., Palmirani, M., & Vitali, F. (2022). Metrics, Explainability and the European AI Act Proposal. *J*, 5(1), 126–138. <https://doi.org/10.3390/j5010010>
- Stanton, S. J., Sinnott-Armstrong, W., & Huettel, S. A. (2016). Neuromarketing: Ethical Implications of its Use and Potential Misuse. *Journal of Business Ethics*, 144(4), 799–811. <https://doi.org/10.1007/s10551-016-3059-0>
- Steinberg, L. (2017). A social neuroscience perspective on adolescent risk-taking. In *Biosocial Theories of Crime* (pp. 435–463). Routledge <https://doi.org/10.4324/9781315096278-19>
- Strycharz, J., & Duivenvoorde, B. (2021). The exploitation of vulnerability through personalised marketing communication: are consumers protected? *Internet Policy Review*, 10(4). <https://doi.org/10.14763/2021.4.1585>
- Stuurman, K., & Lachaud, E. (2022). Regulating AI. A label to complete the proposed Act on Artificial Intelligence. *Computer Law & Security Review*, 44, 105657. <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2022.105657>
- Sunstein, C. R. (2015). Fifty Shades of Manipulation. *SSRN Electronic Journal*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2565892>
- Susser, D., Roessler, B., & Nissenbaum, H. (2019). Technology, autonomy, and manipulation. *Internet Policy Review*, 8(2). <https://doi.org/10.14763/2019.2.1410>
- Thaler, R. H. (2000). From Homo Economicus to Homo Sapiens. *Journal of Economic Perspectives*, 14(1), 133–141. <https://doi.org/10.1257/jep.14.1.133>
- Thomas, A. R., Pop, N. A., Iorga, A. M., & Ducu, C. (Eds.). (2017). *Ethics and Neuromarketing: Implications for Market Research and Business Practice*. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-45609-6>

- Trevino, L. K., & Nelson, K. A. (2006). *Managing Business Ethics: Straight talk about how to do it right* (4th ed.). Wiley & Sons.
- Tversky, A., & Kahneman, D. (1974). Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases. *Science*, 185(4157), 1124–1131. <https://doi.org/10.1126/science.185.4157.1124>
- Ulman, Y. I., Cakar, T., & Yildiz, G. (2015). Ethical Issues in Neuromarketing: “I Consume, Therefore I am!”. *Science and Engineering Ethics*, 21(5), 1271–1284. <https://doi.org/10.1007/s11948-014-9581-5>
- van Hoorn, J., Fuligni, A. J., Crone, E. A., & Galván, A. (2016). Peer influence effects on risk-taking and prosocial decision-making in adolescence: insights from neuroimaging studies. *Current Opinion in Behavioral Sciences*, 10, 59–64. <https://doi.org/10.1016/j.cobeha.2016.05.007>
- Veale, M., & Zuiderveen Borgesius, F. (2021). Demystifying the Draft EU Artificial Intelligence Act – Analysing the good, the bad, and the unclear elements of the proposed approach. *Computer Law Review International*, 22(4), 97–112. <https://doi.org/10.9785/cr-2021-220402>
- Verhulst, N., De Keyser, A., Gustafsson, A., Shams, P., & Van Vaerenbergh, Y. (2019). Neuroscience in service research: an overview and discussion of its possibilities. *Journal of Service Management*, 30(5), 621–649. <https://doi.org/10.1108/josm-05-2019-0135>
- Viale, R. (2019). La razionalità limitata” embodied” alla base del cervello sociale ed economico. *Sistemi intelligenti*, 31(1), 193–203. (In Ital.).
- Vicary, J. M. (1951). How psychiatric methods can be applied to market research. *Printers' Ink*, 235(6), 39–48.
- Watson, J. B. (1994). Psychology as the behaviorist views it. *Psychological Review*, 101(2), 248–253. <https://doi.org/10.1037/0033-295x.101.2.248>
- Wilkinson, T. M. (2012). Nudging and Manipulation. *Political Studies*, 61(2), 341–355. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.2012.00974.x>
- Wilson, R. M., Gaines, J., & Hill, R. P. (2008). Neuromarketing and Consumer Free Will. *Journal of Consumer Affairs*, 42(3), 389–410. <https://doi.org/10.1111/j.1745-6606.2008.00114.x>
- Winkielman, P., & Berridge, K. (2003). Irrational Wanting and Subrational Liking: How Rudimentary Motivational and Affective Processes Shape Preferences and Choices. *Political Psychology*, 24(4), 657–680. <https://doi.org/10.1046/j.1467-9221.2003.00346.x>
- Wood, A. (2016). Unjust Exploitation. *The Southern Journal of Philosophy*, 54(S1), 92–108. <https://doi.org/10.1111/sjp.12187>
- Zajonc, R. B. (1980). Feeling and thinking: Preferences need no inferences. *American Psychologist*, 35(2), 151–175. <https://doi.org/10.1037/0003-066x.35.2.151>
- Zajonc, R. B. (1998). Emotions. In D. T. Gilbert, S. T. Fiske, & G. Lindzey (Eds.), *The handbook of social psychology* (pp. 591–632). New York: McGraw-Hill.

Author information

Ludovica Sposini – PhD Candidate in Law, DIRPOLIS Institute (Institute of Law, Politics and Development), Sant’Anna School of Advanced Studies

Address: Via Domenico Vernagalli 22R, 56127 Pisa, Italy

E-mail: ludovica.sposini@santannapisa.it

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2188-8996>

Google Scholar ID: https://scholar.google.com/citations?user=AVR7_bMAAAAJ

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Financial disclosure

The research had no sponsorship.

Thematic rubrics

OECD: 5.05 / Law

PASJC: 3308 / Law

WoS: OM / Law

Article history

Date of receipt – August 24, 2023

Date of approval – September 8, 2023

Date of acceptance – March 15, 2024

Date of online placement – March 20, 2024

Научная статья

УДК 34:004:342.731:004.8

EDN: <https://elibrary.ru/eknpxs>

DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.6>

Применение искусственного интеллекта в деятельности религиозных объединений и контроле за ними

Светлана Сергеевна Попова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Ключевые слова

искусственный интеллект,
контрольно-надзорная
деятельность,
миссионерская
деятельность,
право,
регуляторная деятельность,
религиозное объединение,
религия,
цифровой аватар,
цифровые технологии,
юридическая
ответственность

Аннотация

Цель: выявить пробелы и сформулировать предложения по правовому регулированию применения искусственного интеллекта в деятельности религиозных объединений и контроле (надзоре) за ними.

Методы: исследование основано на отраслевом и риск-ориентированном подходах, формально-логическом и сравнительном общенаучных методах, а также на методе правового прогнозирования.

Результаты: отмечается схожесть сформулированных в мире этических принципов разработки и применения искусственного интеллекта, а также их общие недостатки, выраженные в отсутствии учета специфики отдельных сфер жизнедеятельности человека (религиозной сферы), особенностей культуры, исторического развития соответствующего государства, народа. Среди недостатков принципов, содержащихся в этических кодексах, отмечается их рекомендательный характер, что в определенных случаях создает основу для злоупотребления. Предлагается в случае причинения вреда контрольно-надзорными органами при использовании искусственного интеллекта признать субъектом ответственности, обязанным возместить причиненный вред, соответствующий орган государственной власти.

Научная новизна: в работе обобщается практика применения искусственного интеллекта религиозными объединениями, сформулированы текущие и перспективные направления применения религиозными объединениями искусственного интеллекта, сформулированы предложения по применению искусственного интеллекта в осуществлении контроля (надзора) за деятельностью религиозных объединений.

Практическая значимость: основные выводы и предложения могут быть использованы при совершенствовании законодательства в сфере деятельности религиозных объединений и контроля (надзора) за ними, а также при выработке правового регулирования применения искусственного интеллекта в контрольно-надзорной деятельности.

© Попова С. С., 2024

Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал при условии, что оригинальная работа упомянута с соблюдением правил цитирования.

Выявлены возможности применения искусственного интеллекта религиозными объединениями для популяризации религии, информирования о своей деятельности, управления имуществом, анализа священных текстов в целях улучшения их понимания и интерпретации, проведения научных исследований, систематизации и накопления информации, сохранения культурного наследия и осуществления просветительской деятельности. Использование искусственного интеллекта в контроле за деятельностью религиозных объединений позволит сократить время регистрации религиозных организаций и проведения проверок, оптимизировать работу контрольных органов, в том числе за счет мониторинга религиозной ситуации.

Для цитирования

Попова, С. С. (2024). Применение искусственного интеллекта в деятельности религиозных объединений и контроле за ними. *Journal of Digital Technologies and Law*, 2(1), 101–122. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.6>

Содержание

Введение

1. Практика и принципы применения цифровых технологий в деятельности религиозных объединений
2. Возможные сферы применения искусственного интеллекта в деятельности религиозных объединений
3. Применение искусственного интеллекта при осуществлении контроля и надзора за деятельностью религиозных объединений

Заключение

Список литературы

Введение

На конференции «Путешествие в мир искусственного интеллекта» 24 ноября 2022 г. Президент России В. В. Путин отметил необходимость обеспечения национальных проектов, государственных программ конкретными мерами, направленными на внедрение в отраслях технологий искусственного интеллекта. Результаты применения искусственного интеллекта по отраслям экономики и социальной сферы должны будут фиксироваться в результате проведения мониторинга и такого специального инструмента, как индекс зрелости отраслей и регионов («индекс интеллектуальной зрелости»), направленных на сбор информации и оценку результатов работы каждого субъекта Федерации, министерства, ведомства по внедрению искусственного интеллекта¹.

Применение искусственного интеллекта во всех сферах жизнедеятельности человека затронет и религиозную сферу, религиозные организации и органы государственной

¹ Путин, В. В. (2022, 24 ноября). Стенограмма конференции по искусственному интеллекту. <https://clck.ru/384zQC>; Перечень поручений по итогам конференции «Путешествие в мир искусственного интеллекта», утв. Президентом Российской Федерации 29.01.2023 № Пр-172. Абз. 3, пп. «г» п. 1. <https://clck.ru/384zS4>

власти, наделенные регуляторными и контрольными (надзорными) полномочиями в сфере деятельности религиозных организаций. В этой связи следует заранее оценить риски и проблемы, с которыми могут столкнуться религиозные организации, общество и государство по внедрению искусственного интеллекта в духовную сферу².

1. Практика и принципы применения цифровых технологий в деятельности религиозных объединений

В сфере юриспруденции встречается не так много публикаций, которые посвящены правовой стороне применения искусственного интеллекта в деятельности религиозных объединений или цифровизации религиозной деятельности (Nathan & Walker, 2014; Ахмедов и др., 2021). Религия не стоит на месте и развивается, адаптируется под изменения в обществе, трансформацию отношений между полами (гендерами), изменения климата и т. п. Одни религии «умирают», другие – появляются и расцветают. Традиционные религии трансформируются под влиянием повсеместной цифровизации чтобы сохранить и увеличить численность своих последователей, идти в ногу со временем. Цифровизация изменяет традиционные модели коммуникаций (Смирнов, 2019), которые в религиозной сфере имеют особое значение.

Не только светская власть озабочена формулированием этических и правовых принципов разработки, внедрения и использования искусственного интеллекта, но и представители различных религий. Информационные технологии, в том числе искусственный интеллект, изменяют отношение к религии, то, как ее исповедовать и нести в массы. Религии и церкви, не представленные в сети Интернет, становятся оторванными от своих прихожан.

Ватикан занял активную позицию в выработке этических правил создания и применения искусственного интеллекта (Абрамов, 2020). И, в принципе, является одним из первых, кто внедрил «виртуальное» присутствие, отмечая значимость сети Интернет для церкви³. Так, функция отправки электронных писем Папе Римскому впервые была запущена на сайте Ватикана в 2005 г., а ранее, в 1995 г., посредством Интернета распространено рождественское послание Иоанна Павла II. В 2011 г. Папа Бенедикт XVI завел аккаунт в Twitter⁴.

В феврале 2019 г. Папа Римский Франциск в ходе частной встречи с главой Microsoft Брэдом Смитом отметил, что искусственный интеллект должен служить общему благу человечества и не должен допустить цифрового неравенства. По итогам этой встречи Папская академия жизни (Pontifical academy for life) и Microsoft договорились учредить международную премию в области искусственного интеллекта⁵. В 2019 и 2020 гг. проведены конференции соответственно на темы «Роботэтика. Люди, машины и здоровье» и «Хороший алгоритм? ИИ: этика, право, здравоохранение»

² Там же.

³ Pontifical council for social communications. (2002, February 22). The church and internet. <https://clck.ru/384zYH>

⁴ Социальная сеть, заблокированная на территории Российской Федерации за распространение незаконной информации.

⁵ Vatican, Microsoft team up on artificial intelligence ethics. (2019, February 13). The Seattle Times. <https://clck.ru/384zZJ>

(von Braun et al., 2021). Позже указанная академия представила «Римский призыв» к этике искусственного интеллекта (2020, февраль):

- прозрачность: объяснимость поведения и принятия решений искусственным интеллектом;
- инклюзивность: искусственный интеллект должен быть полезен для всех людей и предлагать лучшие условия для самовыражения и развития;
- ответственность: разработчики и пользователи искусственного интеллекта должны нести ответственность;
- беспристрастность: искусственный интеллект должен одинаково относиться ко всем людям с уважением человеческого достоинства;
- надежность: искусственный интеллект должен работать надежно;
- безопасность и конфиденциальность: искусственный интеллект должен обеспечивать безопасную работу и конфиденциальность пользователей⁶.

Немного раньше, в апреле 2019 г., Южная баптистская конвенция в США сформулировала «евангельское изложение принципов искусственного интеллекта»⁷:

- искусственный интеллект – технология, которой не стоит присваивать уровень человеческой идентичности, человеческие ценности, достоинство и моральную свободу;
- искусственный интеллект не достоин надежды, поклонения или любви человека. Искусственный интеллект не должен обесценивать или унижать достоинство и ценность человека;
- ответственность за действия искусственного интеллекта должна возлагаться исключительно на людей;
- искусственный интеллект не должен использоваться как средство улучшения, изменения или совершенствования людей;
- искусственный интеллект должен быть непредвзятым;
- применение искусственного интеллекта в сексуальных целях не должно заменять сексуальные отношения между мужчиной и женщиной;
- человечество не должно использовать искусственный интеллект для перехода к «досуговой» жизни;
- недопустимо использование данных не по назначению, с целью причинения вреда, унижения, искажения действительности, усиления одних и унижения других людей;
- использование искусственного интеллекта не должно приводить к дегуманизации, обезличиванию, подавлению свободы выражения мнений;
- недопустимо применение искусственного интеллекта для совершения геноцида, терроризма, пыток и других военных преступлений;
- искусственный интеллект не должен использоваться государством для нарушения прав человека, не допускается делегирование искусственному интеллекту «руководящей власти»;
- искусственный интеллект не заменит человека и его стремления к идеальному миру.

⁶ Rome Call for AI Ethics. (2020, February 28). <https://clck.ru/384zhr>

⁷ Artificial Intelligence: An Evangelical Statement of Principles. (2019, April 11). ERLC. <https://clck.ru/384zjB>

Остаются ли другие религии в стороне от развития технологий? Как относится Русская Православная Церковь (далее – РПЦ) к цифровизации? Скорее, с осторожностью и особым вниманием к сохранению духовности человека. Так, относительно введения идентификационного номера налогоплательщика и штрихкодов Священный Синод в заявлении от 07.03.2000 просил поставить вопрос об устранении из штрихкодов кощунственного символа (сочетания трех шестерок как замены имени человека для идентификации в электронных государственных системах)⁸ путем изменения международной системы написания соответствующих знаков или создать альтернативный национальный электронный язык⁹. Позже Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что идентификационный номер налогоплательщика не заменяет имя человека; наличие в идентификационном номере налогоплательщика некоего числа, могущего затрагивать религиозные чувства налогоплательщика, носит случайный характер и не нарушает свободу совести и вероисповедания (ст. 28 Конституции Российской Федерации) и запрет собирать, хранить, использовать и распространять информацию о частной жизни лица без его согласия (ч. 1 ст. 24 Конституции Российской Федерации)¹⁰.

РПЦ не стоит в стороне от развития технологий и их применения¹¹ (в 2007 г. в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете открылся факультет информатики и прикладной математики, где в числе прочих курсов преподается курс по искусственному интеллекту¹²), однако обращает внимание на опасность распространения идеологии трансгуманизма, замены человека генно-кибернетическими конструктами и искусственным интеллектом¹³. Святейший Патриарх Кирилл отметил, что «преемственность благодатных даров... не терпит никакой виртуализации», виртуальное богообщение – суррогат подлинного. Оно столь же абсурдно, как и «виртуальное» спасение души, «виртуальный Рай» и «виртуальный Ад»¹⁴.

Может ли искусственный интеллект осуществлять религиозную деятельность? Как показывает практика, совершать отдельные действия – вполне (табл. 1). При этом в разных странах к искусственному интеллекту и роботам может складываться разное отношение. Например, синтоизм в Японии формирует лояльное (дружественное) отношение к роботам, поскольку они воспринимаются как нечто, обладающее душой (Бутримович и др., 2019).

⁸ Прим.: числа 6.

⁹ РПЦ. (2005, 11 апреля). Заявление Священного Синода от 7 марта 2000 года. <https://clck.ru/384ztX>

¹⁰ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 10 июля 2003 г. № 287-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Можнева Ивана Федоровича и коллективной жалобы граждан Гирдюк Татьяны Сергеевны, Маркеловой Людмилы Николаевны, Рацинской Галины Владимировны и других на нарушение их конституционных прав абзацем первым пункта 7 статьи 84 Налогового кодекса Российской Федерации». Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2003. № 6.

¹¹ РПЦ. (2023, 27 января). В Издательском Совете прошел круглый стол «Нравственное измерение искусственного интеллекта». <https://clck.ru/384zvu>

¹² РПЦ. (2007, 23 октября). В ПСТГУ открывается факультет информатики и прикладной математики. <https://clck.ru/385Wrw>; Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, факультет информатики и прикладной математики. <https://clck.ru/384zwd>

¹³ РПЦ. (2017, 27 ноября). Соборное слово XXI Всемирного русского народного собора по теме «Россия в XXI веке. Исторический опыт и перспективы развития». <https://clck.ru/384zxi>

¹⁴ РПЦ. (2022, 15 марта). Святейший Патриарх Кирилл. Концептуальное влияние на общественные процессы. <https://clck.ru/384zye>

Таблица 1. Применение роботов и искусственного интеллекта в деятельности религиозных организаций

№	Наименование	Религия	Место функционирования, страна	Год появления, доработки	Функционал	Доступные языки общения	Голос	Наличие приложения
1	Робот-монах Сянь Эр	Буддизм	Храм Лунцюань (Пекин), Китай	2015, 2018	Чтение мантр, ответы на вопросы о буддизме, ведение беседы, дискуссии	Китайский, английский	Мужской	WeChat
2	Робот BlessU-2	Протестантизм (евангелическая церковь)	Виттенберг, Германия	2017	Приветствие посетителей, благословление прихожан, цитирование Библии, печать процитированного отрывка	Немецкий, английский, французский, испанский, польский	Мужской / женский	–
3	Андроид Kannon	Буддизм	Храм Кодай-дзи (Киото), Япония	2019	Ведение проповеди	Японский (переводы на английский и китайский транслируются на отдельном экране)	Женский	–
4	Робот SanTO	Католицизм	Разработан в Токийском университете Васэда, Япония. Временно установлен в Варшаве, Польша	2019	Слушает человека, определяет эмоции человека для подбора соответствующего религиозного текста	н/д	н/д	н/д

Источник: составлено автором на основе: Мечтают ли андроиды о нирване? (2020, 29 ноября). Хабр. <https://clck.ru/385bvc>; Соловьева Н. (2019, 12 марта). Учение Будды будут распространять андроиды. IT-World. <https://clck.ru/385bz8>; Во имя Отца, и Сына, и Искусственного интеллекта. (2021, 30 октября). Коммерсантъ. <https://clck.ru/385c39>

В исламских странах в религиозной деятельности также применяют цифровые технологии. В Саудовской Аравии в рамках реализации программы Vision 2030 создано Министерство хаджа, деятельность которого представлена и в Сети. Посредством Единого портала для внешних паломников паломники могут оформлять визы, оплачивать необходимые в связи с совершением хаджа расходы, резервировать номера в отелях и т. п. Внедрение искусственного интеллекта позволяет также управлять потоками паломников¹⁵. Отмечается формирование глобальной виртуальной уммы.

Рассматривая отдельные аспекты применения искусственного интеллекта в деятельности религиозных объединений, следует упомянуть и первую цифровую

¹⁵ Unified portal for external Hajj. <https://clck.ru/38539z>; Vision 2030. <https://clck.ru/3853CE>; Саудовская Аравия планирует использовать искусственный интеллект в святых местах. (2023, 16 января). Azan.kz. <https://clck.ru/3853DW>

церковь «Путь будущего» (Way of the Future), основателем которой являлся Э. Левандовски. Основа религии – обожествленный искусственный интеллект и вера в мирное сосуществование человека и искусственного интеллекта. Этой религии пророчили процветание (Лексин, 2020; Малышкин, 2019), но ее деятельность прекращена после пятилетнего существования (2015–2020) самим основателем¹⁶.

Особую актуальность цифровизация религиозной деятельности приобрела в период пандемии COVID-19, в том числе в связи с введением ряда ограничений в отношении проведения религиозных обрядов, массовых служб и т. п. (Мчедлова и др., 2021; Majumdar, 2022).

Учитывая, что во всем мире представители разных религий применяют современные технологии, можно выделить два направления применения искусственного интеллекта в религиозной сфере – в деятельности религиозных организаций (развитие коммуникаций с верующими, улучшение предоставляемых услуг, цифровизация религиозных практик, управление финансами и имуществом и др.) и в сфере контроля (надзора) за их деятельностью.

2. Возможные сферы применения искусственного интеллекта в деятельности религиозных объединений

Для применения искусственного интеллекта в деятельности религиозных объединений существенная корректировка законодательства не требуется. При этом государство вправе устанавливать отдельные ограничения свободы вероисповедания на основе закона, в целях обеспечения общественной безопасности и порядка, здоровья и морали, основных прав и свобод других лиц. Ограничения в таком случае должны быть соразмерны цели, на достижение которой они направлены, и не должны носить дискриминационного характера¹⁷.

«Молитвенные боты» и специальные приложения, помогают верующему выбрать молитву, подходящую его состоянию, получить руководство по совершению молитвы, времени совершения молитвы, направление для молитвы¹⁸, совершать совместную молитву с верующими, которые находятся в другом месте, определять с помощью геолокации нахождение ближайшей мечети или церкви, халяльных заведений¹⁹, ознакомиться с богословско-правовыми заключениями. При разработке таких ботов и приложений следует учитывать базовые этические принципы: равенства, уважения человеческого достоинства, недопущения дискриминации. Следует обратить внимание на цифровую экосистему SalamWeb²⁰, основанную на принципах и ценностях ислама. Экосистема включает в себя веб-браузер, новости, чат, садак (добровольную благотворительность). Встроенная система безопасности защища-

¹⁶ Энтони Левандовски закрыл созданную им церковь искусственного интеллекта. (2021, 20 февраля). INC. <https://clck.ru/3853EL>

¹⁷ Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека. (2019). Свобода религии или убеждений и безопасность. Руководство по вопросам политики.

¹⁸ Муфтият Дагестана запустил новое мобильное приложение. <https://clck.ru/3853FR>

¹⁹ Чат-бот «София» поможет найти халяльную еду в зарубежных поездках. (2018, 6 июня). Ислам-сфера. <https://clck.ru/3853P3>

²⁰ SalamWeb. <https://clck.ru/3853Pt>

ет пользователя от информации, запрещенной в исламе. Данный кейс показывает, что религия имеет свои регуляторы, порой более эффективные, чем законы, которые призваны формировать безопасную интернет-среду.

Искусственный интеллект может применяться в текущей деятельности религиозного объединения для ведения управленческого, финансового учета, учета имущества, принадлежащего организации.

При формировании и реализации кадровой политики (Köchling & Wehner, 2020), например для подбора работников, в случае применения искусственного интеллекта следует учитывать не только принцип равенства, но и специфику конкретной религии. В традиционных религиях главенствующая роль отводится мужчине и о равенстве прав, в том числе для замещения определенных должностей, в таком случае говорить не приходится. И здесь пример компании Amazon, которая, применяя искусственный интеллект при подборе персонала, выяснила, что искусственный интеллект принимает решения о трудоустройстве, отдавая предпочтение мужчинам (Dastin, 2018), не будет чем-то из ряда вон выходящим. Сексизм проявляется в поведении искусственного интеллекта во многих сферах (при этом большой вопрос, какой способ обучения искусственного интеллекта следует применить при разработке соответствующей модели подбора персонала (Lee & Shin, 2020)), а в религиозной сфере (в традиционных религиях) от него не избавиться. Последнее вряд ли можно назвать предвзятостью искусственного интеллекта (алгоритма), поскольку сама сфера его применения диктует такие правила.

Искусственный интеллект может применяться для навигации по храму (это особенно актуально для крупных храмов), виртуальных экскурсий (например, приложения Muslim 3D, Wuzu) и паломнических поездок. Виртуальные паломнические поездки позволяют верующим, не имеющим возможности отправиться в паломничество по каким-либо причинам, почувствовать связь с религиозными ценностями, традициями и обрядами, а технологии дополненной реальности помогут представить, как выглядел тот или иной храм, другое культовое место до реставрации или разрушения.

Искусственный интеллект можно использовать для анализа священных текстов в целях улучшения их понимания и интерпретации, проведения научных исследований, систематизации и накопления информации (например, база данных «За Христа пострадавшие»²¹).

Искусственный интеллект может помочь выявить тенденции, популярные религиозные темы и практики в сети Интернет, чтобы понять, какие вопросы больше всего интересуют верующих в соответствующий момент (при условии, что используемый искусственный интеллект может обрабатывать информацию в реальном времени), и своевременно скорректировать свою деятельность, в том числе с целью снижения социального напряжения на религиозной почве. Например, чат-бот ChatGPT на вопрос «Какие религиозные темы обсуждаются в сети Интернет в США, России и Германии?»²² дал интересный ответ, свидетельствующий, в частности, о том, что в Германии больший интерес вызывает ислам, а не христианство (табл. 2). В определенной степени это показатель изменения структуры общества.

²¹ База данных «За Христа пострадавшие». <https://clck.ru/3853R7>

²² Вопрос задан 06.03.2023.

Таблица 2. Религиозные темы, обсуждаемые в сети Интернет. Ответ ChatGPT

№	США	Россия	Германия
1	Религиозные убеждения и доктрины	Православие и его практики	Ислам и его практики
2	Религиозные практики и обряды	Религиозные обряды и праздники	Христианство и его практики
3	Моральные вопросы и этика	Религиозное образование и доктрины	Религиозное образование и доктрины
4	Религиозные лидеры и деятели	Религиозные лидеры и их влияние на общество	Религиозные праздники и обряды
5	Религиозные конфликты и напряжения	Взаимоотношения между религиозными группами и конфликты	Взаимоотношения между религиозными группами и конфликты

Источник: составлено автором на основе ответов чат-бота ChatGPT.

Отдельно следует обозначить такое направление, как «цифровое бессмертие». Чат-боты и цифровые аватары, созданные на основе данных об умершем человеке и его цифровом следе, могут самостоятельно обучаться, взаимодействуя как с цифровым, так и с реальным миром²³. Последствия цифрового бессмертия могут быть непредсказуемыми и требуют осмысления представителями мировых религий, а также дополнительного государственного регулирования (Galvão et al., 2021).

Еще один аспект применения искусственного интеллекта религиозными объединениями – проведение отдельных обрядов или таинств. При проведении исповеди в дистанционном режиме (по телефону, посредством электронной почты²⁴) искусственный интеллект вполне может поддерживать диалог или ответить на письмо, и прихожанин может не узнать, священнослужитель или искусственный интеллект принял его покаяние и благословил. Однако здесь возникает несколько вопросов: сохраняется ли при этом тайна исповеди, обеспечивается ли надлежащий уровень безопасности каналов связи? Кто будет нести ответственность в случае разглашения информации, ставшей известной в процессе исповеди или беседы с «цифровым священнослужителем»?

Следует отметить, что тайна исповеди присутствует в православии и католичестве. В остальных конфессиях исповедь или не является таинством, либо отсутствует, либо представляет собой общественную или индивидуальную молитву (Коллантай, 2022). В соответствии с Законом о свободе совести и о религиозных объединениях²⁵ тайна исповеди охраняется законом и священнослужитель не мо-

²³ «Цифровой Жириновский», кофе с оленем, роботы: удивительное на ПМЭФ. (2023, 15 июня). Вести. Ru. <https://clck.ru/3853nT>; Нейро-Жириновский рассказал о возможности восстания искусственного интеллекта. (2023, 18 июня). Ferre.ru. <https://clck.ru/3853oW>

²⁴ Е-Батюшка. Сервис онлайн-исповеди. <https://clck.ru/3853pT>; Исповедь онлайн. <https://clck.ru/3853qd>

²⁵ О свободе совести и о религиозных объединениях. № 125-ФЗ от 26 сентября 1997 г. (1997). Собрание законодательства Российской Федерации, 39, ст. 4465.

жет давать показания по информации, которая стала ему известна в ходе исповеди (п. 4 ч. 3 ст. 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации²⁶, п. 3 ч. 3 ст. 69 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации²⁷). Можно ли в связи с этим сказать, что информация, ставшая известной «цифровому священнослужителю», не являющемуся представителем христианской веры, может в автоматическом режиме быть передана правоохранительным органам для анализа в целях идентификации личности и предотвращения готовящегося преступления или привлечения к ответственности за совершенное преступление? Или с учетом, что с точки зрения мировых религий искусственный интеллект не обладает, не может и не должен наделяться правосубъектностью, такая информация не может быть отнесена ни к одному виду охраняемой законом тайны, ни к тайне исповеди, ни профессиональной тайне в смысле закона об информации, информационных технологиях и о защите информации²⁸?

Представляется, что в последнем случае, при ведении диалога верующего с искусственным интеллект, к предоставленной информации могут получить доступ правоохранительные органы, в целях обеспечения охраны правопорядка, национальной безопасности. В таком случае есть риск снижения доверия верующих к представителям религии.

Религиозные объединения через своих участников или привлеченных на основании договора лиц могут осуществлять миссионерскую деятельность, основной целью которой является вовлечение других лиц в свое вероучение посредством публичного распространения информации, в том числе с использованием сети Интернет. Для этой цели может также использоваться искусственный интеллект, например, предлагать пользователю изучить или просмотреть соответствующие материалы, побуждающие²⁹ стать последователем соответствующего вероучения (аналог применения таргетированной рекламы), посетить какое-либо мероприятие, в том числе онлайн, вступить в диалог о вероучении. Если при этом искусственный интеллект представлен в виде цифрового аватара, то можно привлечь больше молодежи.

Следует учесть, что миссионерскую деятельность на территории России могут осуществлять на определенной территории лица, имеющие полномочия от религиозной

²⁶ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. (2001). Собрание законодательства Российской Федерации, 52 (ч. I), ст. 4921.

²⁷ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации. (2002). Собрание законодательства Российской Федерации, 46, ст. 4532.

²⁸ Об информации, информационных технологиях и о защите информации. Ст. 8 и 9 № 149-ФЗ от 27 июля 2006 г. (2006). Собрание законодательства Российской Федерации, 31 (ч. I), ст. 3448.

²⁹ Размещение в сети Интернет ссылок на специализированные интернет-ресурсы религиозных объединений, поскольку такие ссылки не вводят пользователей в заблуждение относительно открываемой с их помощью информации и не препятствуют им в доступе к интересующим их материалам не признается миссионерской деятельностью (см.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 13 марта 2018 г. № 579-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Степанова Сергея Николаевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 24.1, пунктом 2 статьи 24.2 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» и частью 4 статьи 5.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. <https://clck.ru/3853ut>). В связи с этим деятельность цифрового аватара должна именно побуждать стать последователем соответствующего вероучения.

группы или религиозной организации, руководитель, член коллегиального органа или священнослужитель религиозной организации. Если миссионерскую деятельность возложить на искусственный интеллект (цифровой аватар), то следует либо признать наличие правосубъектности у такого цифрового аватара, либо признать это формой обхода закона, поскольку в случае нарушения требований к цели и действиям миссионерской деятельности религиозное объединение не будет нести ответственность за такую деятельность, учитывая, что законодательно не определен субъект ответственности за «действия» искусственного интеллекта (пп. 5 и 6 ст. 24.2 Закона о свободе совести и о религиозных объединениях).

В связи с этим следует отметить еще один пробел регулирования миссионерской деятельности – ее осуществление в метавселенной, в том числе иностранными религиозными объединениями³⁰. Следуя логике Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в определении об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Д. А. Князева, миссионерская деятельность может осуществляться везде при условии соблюдения законодательства о свободе совести и о религиозных объединениях³¹.

3. Применение искусственного интеллекта при осуществлении контроля и надзора за деятельностью религиозных объединений

При осуществлении контроля и надзора за деятельностью религиозных объединений также можно применять искусственный интеллект.

Юридический анализ представленных для государственной регистрации документов и принятие решения о государственной регистрации религиозных организаций входит в компетенцию Минюста России и его территориальных органов³². Орган государственной регистрации юридических лиц (ФНС России) не проверяет на предмет соответствия федеральному законодательству форму представленных документов и содержащиеся в них сведения (п. 4.1 ст. 9 Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»). Новый порядок межведомственного взаимодействия Минюста России и ФНС России при государственной регистрации религиозных организаций предусматривает направление Минюстом России в электронной форме документов, подписанных усиленной квалифицированной

³⁰ Существует достаточное количество виртуальных площадок, на которых проводятся богослужения, обряды, таинства, а также миссионерская деятельность. Например, VR Church – первая виртуальная церковь (<https://clck.ru/3853xv>); первая в мире виртуальная православная церковь, созданная по всем канонам православия, – ВРПЦ (<https://clck.ru/385437>).

³¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 11 февраля 2021 г. № 179-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Князева Дмитрия Алексеевича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 статьи 24.1 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях». <https://clck.ru/385424>

³² Решение Верховного Суда Российской Федерации от 23 мая 2022 г. № АКПИ22-212; Приказ Минюста России от 26 сентября 2022 г. № 199 «Об утверждении Административного регламента Министерства юстиции Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по принятию решения о государственной регистрации некоммерческих организаций». (2022, 26 сентября). Официальный интернет-портал правовой информации. <https://clck.ru/385488>

электронной подписью³³. Процесс регистрации религиозных организаций, как и других юридических лиц, в ФНС России автоматизирован³⁴. Таким образом, уже в настоящее время посредством межведомственного взаимодействия Минюста России и ФНС России с применением искусственного интеллекта можно повысить эффективность деятельности обоих федеральных органов исполнительной власти.

Использование искусственного интеллекта при проверке требований, необходимых для регистрации религиозных организаций, позволит сократить длительность проведения регистрационных действий, а также избежать ошибок, которые могли быть допущены регистратором (например, недостижение одним из учредителей религиозной организации восемнадцатилетнего возраста³⁵) или религиозной организацией, своевременно не отследившей изменения законодательства о религиозных организациях³⁶.

С помощью искусственного интеллекта можно осуществлять мониторинг активности (присутствия) религиозной группы в сети Интернет, оценивать ее деятельность и деятельность ее руководителя, участников на предмет соответствия законодательству при подаче уведомления о начале (продолжении) деятельности религиозной группы.

Контрольно-надзорные органы могут использовать чат-боты для ответов на наиболее часто задаваемые вопросы о деятельности религиозных организаций, проведении в отношении них контрольно-надзорных мероприятий и сроках представления отчетности, а также помощи государственным служащим центрального аппарата уполномоченного федерального органа исполнительной власти, его территориальных органов и работникам прокуратуры. Интеграция такого чат-бота на официальной странице Минюста России позволит сократить количество обращений со стороны граждан и организаций, а также количество ошибок, допускаемых при проведении контрольных мероприятий гражданскими служащими.

Искусственный интеллект может обнаруживать и идентифицировать признаки религиозной ненависти (Бычков, Прорвич, 2020), формировать «религиозный ландшафт» (Манькова, Нечаева, 2020; Kouziokas & Perakis, 2017; Мирошникова, Смирнов, 2016) выявлять на ранних стадиях «информационные вбросы» (Минаев и др., 2022). Современные системы мониторинга и анализа информации в сети Интернет, социальных сетях повышают эффективность работы контрольно-надзорных органов (например, система автоматического поиска запрещенного контента «Окулус», система «Инцидент Менеджмент», поисковая система «СЕУС», программа «Демон Лапласа», сервис мониторинга социальных медиа и онлайн-СМИ IQBuzz).

³³ Приказ Минюста России № 440 от 30 декабря 2022 г. (2023, 9 января). Официальный интернет-портал правовой информации. <https://clck.ru/38549D>; Приказ ФНС России № ЕД-7-14/743@ от 12 октября 2020 г. (2020, 29 октября). Официальный интернет-портал правовой информации. <https://clck.ru/3854BU>

³⁴ Приказ ФНС России № ЕД-7-14/617@ от 31 августа 2020 г. Официальный интернет-портал правовой информации. <https://clck.ru/MLkrr> (2020, 16 сентября). № 0001202009160028.

³⁵ Определение СК по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 27 июля 2004 г. № 33-Г04-4. СПС Гарант.

³⁶ Решение Верховного Суда Российской Федерации от 18 февраля 2020 г. № АКПИ19-1031. СПС Гарант.

Результаты такой работы могут использоваться в качестве превентивного механизма для снижения напряженности в регионе на религиозной почве и противодействия экстремизму³⁷. При этом при обучении искусственного интеллекта особое внимание следует обращать на причинно-следственные связи возникновения или проявления тех или иных признаков, чтобы не допустить нарушений прав граждан (Coppi et al., 2021).

Разработчики искусственного интеллекта уделяют больше внимания работе технологии, а не последствиям, которые может повлечь за собой ее применение. Последнее – задача законодателя, предусмотреть применение технологий таким образом, чтобы минимизировать риск причинения вреда или дискриминации каких-либо лиц, составляющих меньшинство, а также не допустить применения технологии с целью причинения вреда. Окинавская хартия глобального информационного общества одной из задач органов власти закрепляет создание предсказуемой, прозрачной и недискриминационной политики и нормативной базы, необходимой для информационного общества³⁸. Однако первопроходцами цифровизации общественных отношений и формулирования правил применения искусственного интеллекта являются не государства, а частные лица, что приводит к нивелированию роли государства как регулятора. На это обращалось внимание в рекомендациях Совета Европы³⁹.

При разработке программного обеспечения для анализа сети Интернет и социальных сетей с целью выявления проявлений религиозного экстремизма, деятельности сект стоит учитывать, что искусственный интеллект может идентифицировать как религиозных фанатиков религиозные меньшинства или лиц, исповедующих ислам (в США после событий 11 сентября 2001 г. эта проблема стала особо острой), что может привести к нарушению прав лиц, придерживающихся определенного вероисповедания.

Так, в США религиозные меньшинства⁴⁰ не часто выигрывают иски. Верховный суд США до 2014 г. не вынес ни одного решения в пользу представителей иудаизма, ислама, сикхизма или коренных американцев (Nathan & Walker, 2014). В настоящее время ситуация не сильно изменилась. Согласно докладу Специального докладчика по вопросам меньшинств Фернана де Варена, в США по-прежнему присутствует значительная религиозная предвзятость. Специальный докладчик рекомендовал внести поправки о запрете дискриминации по религиозному признаку в Закон о гражданских правах 1964 г.⁴¹

Учитывая, что искусственный интеллект обучается на примерах, т. е. на прошлом опыте, и во многом подражает тому, что ранее было сделано человеком, то говорить об объективности искусственного интеллекта не приходится. Исходя из

³⁷ Указ Президента Российской Федерации № 344 от 29 мая 2020 г. (2020). Собрание законодательства Российской Федерации, 22, ст. 3475.

³⁸ Окинавская хартия глобального информационного общества. <https://clck.ru/3854Jn>

³⁹ Council of Europe. (2018). Algorithms and human rights. Study on the human rights dimensions of automated data processing techniques and possible regulatory implications. <https://clck.ru/3854Kz>

⁴⁰ В США насчитывается более 1 500 самопровозглашенных религиозных групп.

⁴¹ Доклад Специального докладчика по вопросам меньшинств Фернана де Варена. Визит в Соединенные Штаты Америки. ГА ООН A/HRC/49/46/Add.1 от 17 августа 2022 г. <https://clck.ru/388AhG>

приведенного примера, в случае оценки искусственным интеллектом наличия или отсутствия дискриминации, вряд ли у религиозного меньшинства получится защитить свои права. Поэтому при разработке инструментов по принятию решений (поддержке в принятии решений) в государственном управлении последнее слово должно оставаться за человеком (Köchling & Wehner, 2020; Харитонов и др., 2021). Кроме того, во всех случаях гражданский служащий должен быть явно проинформирован о том, что соответствующее управленческое решение принимается при поддержке искусственного интеллекта (Decker, 2012) и у него есть право отказаться от принятия предложенного искусственным интеллектом решения.

Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта (2021 г.)⁴² закрепляет уважение автономии и свободы воли человека, соответствие закону, недискриминацию, ответственное отношение (неприкосновенность частной жизни, этическое использование персональных данных), добросовестное информирование о взаимодействии с искусственным интеллектом. При этом ответственность за использование искусственного интеллекта всегда несет человек.

Решение вопроса юридической ответственности при применении искусственного интеллекта в контрольно-надзорной деятельности должно также учитывать рекомендации международных организаций. Например, в соответствии с актами ОБСЕ государство обязано обеспечивать защиту лиц от каких-либо угроз, в том числе принимать превентивные меры от насильственного экстремизма и радикализации⁴³.

Учитывая данные принципы, при осуществлении контрольно-надзорной деятельности с применением искусственного интеллекта в законодательстве следует определить, кто будет нести ответственность за причинение вреда организации или гражданину, которых искусственный интеллект, применяемый органами государственной власти, идентифицировал как религиозных экстремистов? Данная проблема (юридической ответственности) обозначена и в Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г.⁴⁴

Если идентифицировать искусственный интеллект как объект повышенной опасности, причиненный вред должен быть возмещен владельцем источника повышенной опасности (Лаптев, 2019). Как отмечено Верховным Судом Российской Федерации, по смыслу ст. 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации источником повышенной опасности следует признать любую деятельность, осуществление которой создает повышенную вероятность причинения вреда из-за невозможности полного контроля за ней со стороны человека, а также деятельность по использованию, транспортировке, хранению предметов, веществ и других объектов производственного, хозяйственного или иного назначения, обладающих такими же свойствами. Вред считается причиненным источником повышенной опасности, если он явился

⁴² <https://clck.ru/349grc>

⁴³ Например, Декларация Совета министров ОБСЕ № 4/15 «О предупреждении насильственного экстремизма и радикализации, ведущих к терроризму, и противодействию им» (Белград, 4 декабря 2015 г.) и № 1/16 «О наращивании усилий ОБСЕ по предупреждению терроризма и противодействию ему» (Гамбург, 9 декабря 2016 г.).

⁴⁴ Распоряжение Правительства Российской Федерации № 2129-р от 19.08.2020. (2020). Собрание законодательства Российской Федерации, 35, ст. 5593.

результатом его действия или проявления его вредоносных свойств, в противном случае вред возмещается на общих основаниях⁴⁵. В таком случае владельцем источника повышенной опасности и субъектом, обязанным возместить причиненный вред, следует считать соответствующий орган государственной власти, который использует искусственный интеллект, а не должностное лицо, принявшее решение на основании «рекомендации» искусственного интеллекта.

При этом следует учесть, что не во всех случаях искусственный интеллект можно идентифицировать как объект повышенной опасности, поскольку его применение в одних сферах может иметь высокий риск причинения вреда, а в других – низкий. В связи с этим представляется целесообразным при разработке норм о юридической ответственности за причинение вреда с использованием искусственного интеллекта применять отраслевой (Stone et al., 2022) и риск-ориентированный подходы.

В большинстве случаев формулируемые в мире этические принципы разработки и применения искусственного интеллекта схожи. Однако они не учитывают специфику отдельных сфер жизнедеятельности человека, в том числе религиозной сферы, культуру, историческое развитие соответствующего государства, народа. Кроме того, этические принципы, содержащиеся в так называемых этических кодексах, являются рекомендациями и не имеют общеобязательного характера, что позволяет не соблюдать их в тех случаях, когда это невыгодно по каким-либо причинам (Jobin et al., 2019).

Заключение

Искусственный интеллект при должных ограничениях можно применять в деятельности религиозных объединений без ущерба самой религии. Однако следует учитывать, что отдельные пороки искусственного интеллекта (например, предвзятость и дискриминация) могут еще сильнее проявляться при его использовании религиозными объединениями. Необходимо внести изменения в законодательство, регулирующее миссионерскую деятельность, поскольку данная деятельность может быть возложена на цифровой аватар. Предусмотреть, что в случае нарушения законодательства при использовании цифрового аватара (искусственного интеллекта) для ведения миссионерской деятельности ответственность за такую деятельность будет нести религиозное объединение, в чьих интересах осуществляется миссионерская деятельность.

Применение искусственного интеллекта в сфере контроля за деятельностью религиозных объединений позволит сократить временные затраты на проведение проверок, своевременно предупреждать нарушения в деятельности религиозных объединений, повысит эффективность принимаемых государственных решений, в том числе в части снижения социальной напряженности на религиозной почве. В случае причинения вреда контрольно-надзорными органами при использовании искусственного интеллекта субъектом ответственности, обязанным возместить причиненный вред, предлагается признать соответствующий орган государственной власти.

⁴⁵ П. 18 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина». <https://clck.ru/3854Si>

Список литературы

- Абрамов, А. А. (2020). Религиозно-этические проблемы искусственного интеллекта: экспертные оценки и позиция Ватикана. *Концепт: философия, религия, культура*, 4(4). С. 68–82. EDN: <https://elibrary.ru/kkahqh>. DOI: <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-4-16-68-82>
- Ахмедов, Р. М., Эриашвили, Н. Д., Ахмедов, Д. Р. (2021). О некоторых аспектах цифровизации религиозной деятельности в современном обществе. *Закон и право*, 7. 22–26. EDN: <https://elibrary.ru/coubfb>. DOI: <https://doi.org/10.24412/2073-3313-2021-7-22-26>
- Бутримович, Я. В., Волынец, А. Д., Ефимов, А. Р., Конюховская, А. Е., Крамм, Е. М., Наумов, В. Б., Незнамов, А. В., Побрызгаева, Е. П., Смирнова, К. М. (2019). *Основы государственной политики в сфере робототехники и технологий искусственного интеллекта*. Москва: Инфотропик Медиа.
- Бычков, В. В., Прорвич, В. А. (2020). Искусственный интеллект как средство противодействия преступлениям экстремистской направленности, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет. *Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации*, 4. 47–52. EDN: <https://elibrary.ru/aatkfe>
- Коллантай, В. А. (2022). Сравнительный анализ понятия тайны исповеди в юридической науке и современном церковном праве Русской Православной Церкви (Московского Патриархата). *Научный вестник Омской академии МВД России*, 28(2), 171–175. EDN: <https://elibrary.ru/kxqqha>. DOI: <https://doi.org/10.24411/1999-625X-2022-285-171-175>
- Лаптев, В. А. (2019). Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу. *Право. Журнал Высшей школы экономики*, 2, 79–102. EDN: <https://elibrary.ru/gqatho>. DOI: <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2019.2.79.102>
- Лексин, В. Н. (2020). Человек на рынке искусственного интеллекта. *Свободная мысль*, 3. 29–44. EDN: <https://elibrary.ru/zkvydi>
- Малышкин, А. В. (2019). Интегрирование искусственного интеллекта в общественную жизнь: некоторые этические и правовые проблемы. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*, 10(3), 444–460. EDN: <https://elibrary.ru/hbioxr>. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.303>
- Манькова, И. Л., Нечаева М. Ю. (2020). Концепт «религиозный ландшафт» – «двуликий Янус» в современных исторических исследованиях. *Уральский исторический вестник*, 2(67). 89–98. EDN: <https://elibrary.ru/rmbwpc>. DOI: [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2020-2\(67\)-89-98](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2020-2(67)-89-98)
- Минаев, В. А., Рабчевский, А. Н., Мустакимова, Я. Р. (2022). Выявление информационных операций в социальных сетях на их ранних стадиях. *Информация и безопасность*, 25(4). 485–494. EDN: <https://elibrary.ru/hvraks>. DOI: <https://doi.org/10.36622/VSTU.2022.25.4.002>
- Мчедлова, М. М., Кофанова, Е. Н., Шевченко, А. Г. (2021). Религия в условиях пандемии: отношение к цифровизации религиозных практик. *Россия реформирующаяся*, 19. 462–483. EDN: <https://elibrary.ru/uxgaml>. DOI: <https://doi.org/10.19181/ezheg.2021.20>
- Смирнов, М. Ю. (2019). Цифровизация как «обнуление» религий. *Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина*, 3. 137–146. EDN: <https://elibrary.ru/noiior>
- Мирошникова, Е. М., Смирнов, М. Ю. (2016). Трансформация религии в странах Европейского союза как предмет академических исследований. *Современная Европа*, 5. 122–132. EDN: <https://elibrary.ru/vlszrh>. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope52019122131>
- Харитонов, Ю. С., Савина, В. С., Паньини, Ф. (2021). Предвзятость алгоритмов искусственного интеллекта: вопросы этики и права. *Вестник Пермского университета. Юридические науки*, 53. 488–515. EDN: <https://elibrary.ru/eukcny>. DOI: <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2021-53-488-515>
- Coppi, G., Moreno Jimenez, R., Kyriaz, S. (2021). Explicability of humanitarian AI: a matter of principles. *Journal of International Humanitarian Action*, 6, 19. <https://doi.org/10.1186/s41018-021-00096-6>
- Dastin, J. (2022). Amazon scraps secret AI recruiting tool that showed bias against women. In *Ethics of data and analytics* (pp. 296–299). Auerbach Publications. <https://doi.org/10.1201/9781003278290-44>
- Decker, M. (2012). Service robots in the mirror of reflective research. *Poiesis & Praxis*, 9(3–4), 181–200. <https://doi.org/10.1007/s10202-012-0111-8>
- Galvão, V. F., Maciel, C., Pereira, R., Gasparini, I., Viterbo, J., & Garcia, A. C. B. (2021). Discussing human values in digital immortality: towards a value-oriented perspective. *Journal of the Brazilian Computer Society*, 27(1), 15. <https://doi.org/10.1186/s13173-021-00121-x>
- Kouziokas, G. N., & Perakis, K. (2017). Decision Support System Based on Artificial Intelligence, GIS and Remote Sensing for Sustainable Public and Judicial Management. *European Journal of Sustainable Development*, 6(3). 397–404. <https://doi.org/10.14207/ejsd.2017.v6n3p397>

- Jobin, A., Lenka, M., & Vayena, E. (2019). The global landscape of AI ethics guidelines. *Nature machine intelligence*, 1, 389–399. <https://doi.org/10.1038/s42256-019-0088-2>
- Majumdar, S. (2022, November 29). *How COVID-19 Restrictions Affected Religious Groups Around the World in 2020*. Pew Research Center.
- Köchling, A., & Wehner, M. C. (2020). Discriminated by an algorithm: a systematic review of discrimination and fairness by algorithmic decision-making in the context of HR recruitment and HR development. *Business Research*, 13, 795–848. <https://doi.org/10.1007/s40685-020-00134-w>
- Lee, I., & Shin, Y. J. (2020). Machine learning for enterprises: Applications, algorithm selection, and challenges. *Business Horizons*, 63(2), 157–170. <https://doi.org/10.1016/j.bushor.2019.10.005>
- Nathan, C., & Walker, A. (2014, February 3). Legal Approach to Questions About Religious Diversity. In *Oxford Handbook Topics in Religion*. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199935420.013.003>
- Stone, P., Brooks, R., Brynjolfsson, E., Calo, R., Etzioni, O., Hager, G., Hirschberg, J., Kalyanakrishnan, Sh., Kamar, E., Kraus, S., Leyton-Brown, K., Parkes, D., Press, W., Saxenian, A., Shah, J., Tambe, M., & Teller, A. (2022). *Artificial Intelligence and Life in 2030: The One Hundred Year Study on Artificial Intelligence*. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2211.06318>
- von Braun, J., Archer, M. S., Reichberg, G. M., & Sorondo, M. S. (Eds.). (2021). *Robotics, AI and Humanity: Science, Ethics and Policy*. Springer Nature. https://doi.org/10.1007/978-3-030-54173-6_1

Информация об авторе

Попова Светлана Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры правовых основ управления факультета государственного управления, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Адрес: 119991, Россия, г. Москва, Ломоносовский проспект, 27/4

E-mail: popova@spa.msu.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4594-688X>

WoS Researcher ID: <https://www.webofscience.com/wos/author/record/ITV-8315-2023>

Google Scholar ID: <https://scholar.google.com/citations?user=7GzNRvgAAAAJ>

ПИНЦ Author ID: https://elibrary.ru/author_profile.asp?authorid=156437

Конфликт интересов

Автор сообщает об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование

Исследование не имело спонсорской поддержки.

Тематические рубрики

Рубрика OECD: 5.05 / Law

Рубрика ASJC: 3308 / Law

Рубрика WoS: OM / Law

Рубрика ГРНТИ: 10.15.59 / Права и свободы человека и гражданина

Специальность ВАК: 5.1.2 / Публично-правовые (государственно-правовые) науки

История статьи

Дата поступления – 22 июня 2023 г.

Дата одобрения после рецензирования – 5 июля 2023 г.

Дата принятия к опубликованию – 15 марта 2024 г.

Дата онлайн-размещения – 20 марта 2024 г.

Research article

UDC 34:004:342.731:004.8

EDN: <https://elibrary.ru/eknpxs>

DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.6>

Use of Artificial Intelligence in the Activities of Religious Associations and Control Over Them

Svetlana S. Popova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Keywords

artificial intelligence
control supervision
digital avatar
digital economy
digital technologies
law
legal liability
missionary activities
regulation
religion
religious association

Abstract

Objective: to identify gaps and formulate proposals on legal regulation of the use of artificial intelligence in the activities of religious associations and control (supervision) over them.

Methods: the study is based on sectoral and risk-oriented approaches, formal-logical and comparative general scientific methods, as well as on the method of legal forecasting.

Results: the author noted similarity of ethical principles formulated all over the world in the sphere of artificial intelligence development and application, as well as their general shortcomings, namely, the lacking consideration of the specificity in certain spheres of human life (religious sphere), cultural peculiarities, historical development of a country and people. The shortcomings of principles stipulated by the codes of ethics include their recommendatory nature, which creates a basis for abusing them in certain cases. The author proposes that if control and supervisory authorities caused harm while using artificial intelligence, the relevant public authority should be recognized as liable and obliged to compensate for the harm caused.

Scientific novelty: the paper summarizes the practice of religious associations using AI, formulates current and prospective directions of the use of artificial intelligence by religious associations, and makes proposals for the AI use in controlling (supervising) religious associations' activities.

Practical significance: the main conclusions and proposals can be used for the improvement of legislation on religious associations' activities and control (supervision) over them, as well as for developing legal regulation of the AI use in control and supervision activities. The author identified

© Popova S. S., 2024

This is an Open Access article, distributed under the terms of the Creative Commons Attribution licence (CC BY 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>), which permits unrestricted re-use, distribution and reproduction, provided the original article is properly cited.

the possibilities for religious associations using AI to popularize religion, inform about their activities, manage property, analyze sacred texts to improve their understanding and interpretation, as well as for conducting scientific research, systematization and accumulation of information, preservation of cultural heritage, and educational activities. The use of artificial intelligence in controlling the religious associations' activities can reduce the period of religious organizations' registration and inspections and optimize the work of control bodies, including by monitoring the religious situation.

For citation

Popova, S. S. (2024). Use of Artificial Intelligence in the Activities of Religious Associations and Control Over Them. *Journal of Digital Technologies and Law*, 2(1), 101–122. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.6>

References

- Abramov, A. A. (2020). Religious and Ethical Issues of Artificial Intelligence: Expert Assessments and the Vatican Position. *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 4(4), 68–82. (In Russ.). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-4-16-68-82>
- Akhmedov, R. M., Ehriashvili, N. D., & Akhmedov, D. R. (2021). On some aspects of digitalization of religious activity in the modern society. *Law & Legislation*, 7, 22–26. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-3313-2021-7-22-26>
- Butrimovich, Ya. V., Volynets, A. D., Efimov, A. R., Konyukhovskaya, A. E., Kramm, E. M., Naumov, V. B., Neznamov, A. V., Pobryzgaeva, E. P., & Smirnova, K. M. (2019). *Bases of public policy in robotics and artificial intelligence technologies*. Moscow: Infotropik Media. (In Russ.).
- Bychkov, V. V., & Prorovich, V. A. (2020). Artificial intelligence as a means of countering extremist crimes, committed using information and telecommunications networks, including the internet. *Vestnik Moskovskoi akademii Sledstvennogo komiteta Rossiiskoi Federatsii*, 4, 47–52. (In Russ.).
- Coppi, G., Moreno Jimenez, R., & Kyriaz, S. (2021). Explicability of humanitarian AI: a matter of principles. *Journal of International Humanitarian Action*, 6, 19. <https://doi.org/10.1186/s41018-021-00096-6>
- Dastin, J. (2018). Amazon scraps secret AI recruiting tool that showed bias against women. In *Ethics of data and analytics* (pp. 296–299). Auerbach Publications. <https://doi.org/10.1201/9781003278290-44>
- Decker, M. (2012). Service robots in the mirror of reflective research. *Poiesis & Praxis*, 9(3–4), 181–200. <https://doi.org/10.1007/s10202-012-0111-8>
- Galvão, V. F., Maciel, C., Pereira, R., Gasparini, I., Viterbo, J., & Garcia, A. C. B. (2021). Discussing human values in digital immortality: towards a value-oriented perspective. *Journal of the Brazilian Computer Society*, 27(1), 15. <https://doi.org/10.1186/s13173-021-00121-x>
- Jobin, A., Lenka, M., & Vayena, E. (2019). The global landscape of AI ethics guidelines. *Nature machine intelligence*, 1, 389–399. <https://doi.org/10.1038/s42256-019-0088-2>
- Kharitonova, Yu. S., Savina, V. S., & Pagnini, F. (2021). Artificial Intelligence's Algorithmic Bias: Ethical and Legal Issues. *Perm University Herald. Juridical Sciences*, 53, 488–515. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2021-53-488-515>
- Köchling, A., & Wehner, M. C. (2020). Discriminated by an algorithm: a systematic review of discrimination and fairness by algorithmic decision-making in the context of HR recruitment and HR development. *Business Research*, 13, 795–848. <https://doi.org/10.1007/s40685-020-00134-w>
- Kouziokas, G. N., & Perakis, K. (2017). Decision Support System Based on Artificial Intelligence, GIS and Remote Sensing for Sustainable Public and Judicial Management. *European Journal of Sustainable Development*, 6(3), 397–404. <https://doi.org/10.14207/ejsd.2017.v6n3p397>
- Kollantay, V. A. (2022). Comparative analysis of the concept of confidentiality of the confession in legal science and modern church law of the Russian Orthodox Church (Moscow Patriarchate). *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii*, 28(2), 171–175. (In Russ.). <https://doi.org/10.24411/1999-625X-2022-285-171-175>

- Laptev, V. A. (2019). Artificial Intelligence and Liability for its Work. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2, 79–102. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2019.2.79.102>
- Lee, I., & Shin, Y. J. (2020). Machine learning for enterprises: Applications, algorithm selection, and challenges. *Business Horizons*, 63(2), 157–170. <https://doi.org/10.1016/j.bushor.2019.10.005>
- Leksin, V. N. (2020). Man in the market of artificial intelligence. *Svobodnaya mysl*, 3, 29–44. (In Russ.).
- Majumdar, S. (2022, November 29). *How COVID-19 Restrictions Affected Religious Groups Around the World in 2020*. Pew Research Center.
- Malyshev, A. V. (2019). Integration of artificial intelligence into public life: some ethical and legal problems. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 10(3), 444–460. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.303>
- Mankova, I. L., & Nechaeva, M. Yu. (2020). The “Religious landscape” concept – “two-faced janus” in modern historical studies. *Ural Historical Journal*, 2(67), 89–98. (In Russ.). [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2020-2\(67\)-89-98](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2020-2(67)-89-98)
- Mchedlova, M. M., Kofanova, E. N., & Shevchenko, A. G. (2021). Religion in the context of a pandemic: attitude to the digitalization of religious practices. *Rossiye are formiruyushchayasya*, 19, 462–483. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/ezheg.2021.20>
- Minaev, V. A., Rabchevskiy, A. N., & Mustakimova, Y. R. (2022). Recognition of information operations in social networks on their early stages. *Informatsiyai bezopasnost*, 25(4), 485–494. (In Russ.). <https://doi.org/10.36622/VSTU.2022.25.4.002>
- Miroshnikova, E. M., & Smirnov, M. Yu. (2016). Transformation of Religion in the European Union Countries as a Subject of Academic Research. *Sovremennaya Evropa*, 5, 122–132. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope52019122131>
- Nathan, C., & Walker, A. (2014, February 3). Legal Approach to Questions About Religious Diversity. In *Oxford Handbook Topics in Religion*. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199935420.013.003>
- Smirnov, M. Yu. (2019). Digitalization as “zeroing” of religions. *Pushkin Leningrad State University Journal*, 3.137–146. (In Russ.).
- Stone, P., Brooks, R., Brynjolfsson, E., Calo, R., Etzioni, O., Hager, G., Hirschberg, J., Kalyanakrishnan, Sh., Kamar, E., Kraus, S., Leyton-Brown, K., Parkes, D., Press, W., Saxenian, A., Shah, J., Tambe, M., & Teller, A. (2022). *Artificial Intelligence and Life in 2030: The One Hundred Year Study on Artificial Intelligence*. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2211.06318>
- von Braun, J., Archer, M. S., Reichberg, G. M., & Sorondo, M. S. (Eds.). (2021). *Robotics, AI and Humanity: Science, Ethics and Policy*. Springer Nature. https://doi.org/10.1007/978-3-030-54173-6_1

Author information

Svetlana S. Popova – Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Legal Bases for Governance, Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University

Address: 27 Lomonosovkiy prospect, building 4, 119991 Moscow, Russian Federation

E-mail: popova@spa.msu.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4594-688X>

WoS Researcher ID: <https://www.webofscience.com/wos/author/record/ITV-8315-2023>

Google Scholar ID: <https://scholar.google.com/citations?user=7GzNRvgAAAAJ>

RSCI AuthorID: https://elibrary.ru/author_profile.asp?authorid=156437

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Financial disclosure

The research had no sponsorship.

Thematic rubrics

OECD: 5.05 / Law

PASJC: 3308 / Law

WoS: OM / Law

Article history

Date of receipt – June 22, 2023

Date of approval – July 5, 2023

Date of acceptance – March 15, 2024

Date of online placement – March 20, 2024

Научная статья

УДК 34:004:34.096:004.8

EDN: <https://elibrary.ru/acxhto>

DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.7>

Персональные данные в системах искусственного интеллекта: технология обработки естественного языка

Илья Геннадьевич Ильин

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Ключевые слова

биометрические данные, законность, законодательство, искусственный интеллект, лигалтех, технология обработки естественного языка, персональные данные, право, правовой риск, цифровые технологии

Аннотация

Цель: концептуализировать с точки зрения законодательства в области защиты персональных данных процесс развития технологии обработки естественного языка, выявив возможные правовые барьеры для такого развития и направления дальнейшего исследования проблемы.

Методы: в основе исследования находятся общенаучные методы познания, наряду с которыми применялись формально-юридический, сравнительно-правовой методы, а также метод теоретического моделирования.

Результаты: установлено, что соблюдение режима персональных данных в процессе разработки технологии обработки естественного языка приводит к возникновению конфликта между частными и публично-правовыми интересами, что, в свою очередь, создает препятствия для дальнейшего развития обозначенной технологии. Показаны недостатки существующего правового порядка, который не в полной мере отвечает техническим особенностям развития технологии, что может привести к рискам излишнего регулирования, или же, напротив, к рискам оставления без внимания критических областей, требующих защиты. Обозначены проблемы при квалификации данных, задействованных в развитии рассматриваемой технологии. Предпринята попытка определить пределы обеспечения законности обработки персональных данных в составе технологии обработки естественного языка. Выделено в качестве пределов обеспечения законности материальное, временное и территориальное действие правового регулирования в данной области. Затрагивается проблема возможности использования персональных данных в качестве встречного представления, что является важным для развития технологии обработки естественного языка и для совершенствования отрасли информационно-коммуникационных технологий.

© Ильин И. Г., 2024

Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал при условии, что оригинальная работа упомянута с соблюдением правил цитирования.

Научная новизна: данная работа дополняет научную дискуссию о правовом регулировании обработки персональных данных системами искусственного интеллекта аналитикой, выполненной в контексте технологии обработки естественного языка. Невысокая степень изученности последней обуславливает необходимость исследования области информационного права в части правоотношений по созданию систем искусственного интеллекта и оценки влияния режима персональных данных на развитие технологии обработки естественного языка.

Практическая значимость: затрагиваемые в статье прикладные аспекты исследуемой проблематики и полученные результаты могут быть использованы для совершенствования правового регулирования общественных отношений в области создания и развития искусственного интеллекта, а также для выявления и оценки правовых рисков, возникающих при обработке персональных данных разработчиками цифровых продуктов на базе технологии обработки естественного языка.

Для цитирования

Ильин, И. Г. (2024). Персональные данные в системах искусственного интеллекта: технология обработки естественного языка. *Journal of Digital Technologies and Law*, 2(1), 123–140. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.7>

Содержание

Введение

1. Персональные данные в составе лингвистического корпуса
 - 1.1. Определение и правовой режим
 - 1.2. Вопрос квалификации голоса в качестве персональных данных в разных юрисдикциях
2. Пределы обеспечения законности обработки персональных данных в составе технологии обработки естественного языка
3. Использование персональных данных для оплаты цифровых продуктов на базе технологии обработки естественного языка и вопросы юридической квалификации

Заключение

Список литературы

Введение

Технология обработки естественного языка (англ. Natural language processing, NLP) активно используется в цифровых товарах и услугах (цифровых продуктах) для построения коммуникации между человеком и компьютером (Hirschberg & Manning, 2015; Truysens & Van Eecke, 2014). Голосовые помощники, сервисы проверки орфографии, перевода и озвучки текстов, голосовая биометрия, системы интерактивного ответа – все это примеры продуктов с использованием данной технологии.

Использование языка и речи в информационных технологиях открывает новые перспективы в развитии искусственного интеллекта, создает возможности для разработки инновационных цифровых продуктов, способствующих цифровой

трансформации общества, например, ChatGPT и его аналогов, определяет развитие LegalTech индустрии. Высокий экономический потенциал и социальная значимость технологии, обусловленная значением языка и его местом в процессе национальной и культурной идентичности (Hobsbawn, 1996), определяют заинтересованность общества, бизнеса и государства в ее развитии.

В свою очередь, несмотря на инновационный характер и общественно-экономическую пользу технологии, анализ существующего правового порядка указывает на наличие юридических препятствий для ее развития.

С технической точки зрения одной из главных задач для развития технологии обработки естественного языка является создание и последующее распространение лингвистических корпусов (электронных речевых ресурсов). В широком смысле под лингвистическими корпусами можно понимать базы данных, содержащие в себе множество текстов (книг, текстовых транскрипций, переводов и т. д.) и аудиофайлов (аудиокниг, записей трансляций, подкастов, другого аудиоконтента), которые впоследствии используются в алгоритмах машинного обучения (Kelli et al., 2012; Ilin, 2019). Создание лингвистических корпусов предполагает последовательное прохождение двух этапов: оцифровки языка – сбора и перевода данных в машиночитаемый формат и их последующего интеллектуального анализа (англ. Text and data mining, TDM) (Jents & Kelli, 2014; Ilin I., 2019). Без наличия массивных лингвистических корпусов, а также без возможности доступа к ним заинтересованных лиц технология не будет развиваться и работать.

Лингвистический корпус сам по себе и его отдельные элементы с юридической точки зрения могут включать в себя информацию, относящуюся к персональным или другим данным, обладающим специальным правовым режимом, например, данным, охраняемым тайной связи. Соответственно, на отношения по поводу создания и распространения лингвистических корпусов будут одновременно влиять законодательство в области защиты персональных данных, а также специальное отраслевое законодательство.

Цель настоящей статьи – концептуализировать с точки зрения законодательства в области защиты персональных данных процесс развития технологии обработки естественного языка, определить возможные правовые преграды для такого развития, а также предложить направления для дальнейшего исследования проблемы. Результат работы дополняет научную дискуссию о правовом регулировании обработки персональных данных системами искусственного интеллекта (Свиридова, 2021; Конев, 2020; Егорова и др., 2021) анализом проблемы в контексте работы обозначенной технологии, а также он может использоваться на практике для выявления и оценки правовых рисков, возникающих при обработке персональных данных разработчиками цифровых продуктов на базе технологии обработки естественного языка.

1. Персональные данные в составе лингвистического корпуса

1.1. Определение и правовой режим

Как было ранее обозначено, ключевым процессом для развития технологии обработки естественного языка будут создание и распространение среди заинтересованных лиц лингвистических корпусов. Элементы лингвистического корпуса могут быть квалифицированы в качестве персональных данных. Современный подход

к определению понятия «персональные данные», основанный на п. 1 ст. 3 ФЗ «О персональных данных»¹, позволяет широко толковать данный термин и квалифицировать в качестве персональных данных практически любые данные, которые прямо или косвенно позволяют определить физическое лицо. Это приводит к неизбежности появления персональных данных в составе лингвистического корпуса.

Персональные данные требуют особого режима правовой и технической защиты. В общем смысле особый правовой режим персональных данных, с одной стороны, направлен на обеспечение защиты прав, принадлежащих субъекту данных, с другой – накладывает ряд ограничений на использование таких данных в создании лингвистического корпуса (Ilin, 2020). В связи с этим для создания лингвистического корпуса принципиальной будет задача отличить используемые персональные данные от других видов данных. С практической точки зрения это не всегда удастся сделать: граница между персональными и другими данными далеко не всегда четкая.

Во-первых, возникает проблема в определении самого понятия «данные». Пункт 1 ст. 3 ФЗ «О персональных данных»² определяет данные как «любую информацию...». В свою очередь ст. 2 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»³ определяет информацию как «сведения (сообщения, данные)...». Иными словами, из соотношения названных определений можно сделать вывод о том, что данные – это данные, т. е. понятие определяется через само себя. Такое положение дел может создавать трудности при попытках определить форму, в которой персональные данные могут быть выражены, и, следовательно, квалифицировать ту или иную информацию в качестве персональных данных.

Во-вторых, одним из наиболее проблемных аспектов в квалификации данных в качестве персональных является то, что текущее законодательство опирается на бинарный подход в определении понятия персональных данных. Согласно этому подходу, данные могут быть либо персональными, либо нет. По мнению автора, бинарный подход к определению персональных данных в недостаточной степени учитывает современное состояние цифровизации общества, уровень технологического развития, а также социально-экономические изменения, произошедшие за последние несколько лет. Например, такое определение не учитывает, что с точки зрения информатики и компьютерных наук выделяют разные уровни возможной идентифицируемости и относят к каждому из уровней определенный набор рисков (Kolain et al., 2022). Кроме того, не принимается во внимание и тот факт, что данные могут быть идентифицируемыми для одного субъекта, например, в сочетании с другими наборами данных, но не для других (Oostveen, 2016).

В-третьих, статус данных в процессе обработки также может находиться в динамике и не быть статичным (Purtova, 2018). Иными словами, в процессе обработки данные могут становиться персональными и, наоборот, терять этот статус. Например, в процессе создания лингвистического корпуса и языковой модели на его базе используемые персональные данные теряют маркеры идентификации и, таким

¹ О персональных данных. № 152-ФЗ от 27.07.2006. СПС «КонсультантПлюс». <https://clck.ru/gLnFq>

² Там же.

³ Об информации, информационных технологиях и о защите информации. № 149-ФЗ от 27.07.2006. СПС «КонсультантПлюс». <https://clck.ru/3967pC>

образом, теряют статус персональных (Kelli et al., 2021). Это означает, что в практическом смысле данные в качестве персональных можно квалифицировать только на определенный момент времени или на этапе обработки, что может затруднить соблюдение законности всего процесса обработки.

Динамический характер данных влияет и имеет принципиальное значение, во-первых, для разграничения персональных данных от других видов данных (например, для обработки данных не относящихся к персональным, предъявляется меньше требований). Во-вторых, он может влиять на выбор категории обрабатываемых персональных данных.

Законодательство в области защиты персональных данных выделяет четыре основные категории персональных данных: «общие», «биометрические», «специальные» или «чувствительные», а также «персональные данные, разрешенные для распространения». Биометрические данные относятся к биологическим и физиологическим характеристикам человека, которые можно использовать для идентификации⁴. Специальная или чувствительная категория данных – это данные, которые указывают на «политические взгляды, расовое или этническое происхождение, философские или религиозные убеждения, состояние здоровья или сексуальную ориентацию»⁵. «Персональные данные, разрешенные для распространения», – это данные, которые с согласия субъекта могут быть распространены и стать доступны неограниченному кругу лиц⁶. Указанное разделение персональных данных на категории является исходной предпосылкой обработки данных. Например, биометрические данные могут быть обработаны только после получения явного согласия субъекта данных. Обработка специальной категории персональных данных, по общему правилу, запрещена. Для разных категорий данных установлены различные требования к обеспечению уровня как технической, так и правовой защиты (Кривогин, 2017). Таким образом, проблема квалификации данных в качестве персональных ставит задачу не только разграничить персональные данные от других видов данных, но и определить принадлежность персональных данных к определенной категории.

1.2. Вопросы квалификации голоса в качестве персональных данных в разных юрисдикциях

В контексте создания лингвистического корпуса использование речевых данных – образцов голоса человека – хорошо иллюстрирует сложность вышеописанной задачи. Технология обработки естественного языка в значительной степени полагается на обработку названных данных. Например, они используются, чтобы обеспечить работу голосовых помощников, систем расшифровки текстов, перевода разговоров в режиме реального времени и т. д. Возможность отнесения голоса к персональным данным и выбор соответствующей категории на практике могут вызвать ряд затруднений.

⁴ О персональных данных. № 152-ФЗ от 27.07.2006. Ст. 11. СПС «КонсультантПлюс». <https://clck.ru/gLnFq>

⁵ Там же. Ст. 10.

⁶ Там же. Ст. 10.1.

Предложенный широкий подход к определению понятия персональных данных позволяет предположить, что голос содержит в себе достаточно идентификаторов личности, что относит его к персональным данным. Такой подход также можно встретить в практике Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ)⁷, юрисдикция которого до недавнего времени распространялась на Россию. Вместе с тем действующее законодательство РФ так же, как и существующая судебная практика, не дает однозначного ответа, всегда ли голос будет относиться к категории персональных данных. На практике можно встретить одиночные случаи, когда записанный голос не будет квалифицирован в качестве персональных данных (Arkhipov & Naumov, 2016). Действительно, можно предположить, что голос не всегда будет относиться к персональным данным, например, ввиду искаженности, краткости образца, отсутствия связанных идентификаторов.

Вместе с тем представляется, что вероятность квалификации голоса в качестве персональных данных достаточно велика, что поднимает вопрос об его отнесении к соответствующей категории. Особый интерес при этом вызывает деление между общей категорией и категориями, предусматривающими повышенный уровень охраны. С точки зрения последних, голос может рассматриваться как биометрические данные или данные о состоянии здоровья. Например, голос можно использовать в качестве биомаркера для выявления ранней стадии болезни Паркинсона (Tracy et al., 2020) или для предоставления информации о психическом состоянии человека, уровне стресса, эмоциональном состоянии, недостатке сна и других данных, связанных со здоровьем (Chang et al., 2011). Голос как уникальная характеристика человека (биометрические данные) часто используется для установления личности человека (голосовая биометрия) (Jain et al., 2004). Голос также может содержать в себе персональные данные, относящиеся к общей категории. Например, такие данные могут появиться в речевом содержании или связанных с образцом метаданных (возраст, пол и т. д.).

Соответствующие разъяснения Роскомнадзора⁸, действие которых в настоящее время отменено⁹, содержали рекомендацию, согласно которой отличить биометрические от других категорий данных можно было исходя из целей обработки. Если цель обработки была связана с идентификацией личности, то такие данные необходимо было квалифицировать и обрабатывать в качестве биометрических данных, в других случаях такая необходимость отсутствовала. Предложенный подход представляется логичным, в противном случае, например, трансляция любой теле- или радиопередачи означала бы обработку биометрических данных и требовала бы соблюдения соответствующего правового режима. Разумно предположить, что такой же подход может быть применен к данным о состоянии здоровья. Очевидно, что в большинстве случаев для создания лингвистического корпуса и работы самой технологии обработки естественного языка извлечение данных о здоровье не требуется

⁷ Case of S. and Marper v. the United Kingdom (App. No 30562/04, 30566/04). 04.12.2008. ECtHR. §84. <https://clck.ru/3968V5>

⁸ Роскомнадзор. (2013, 2 сентября). Разъяснения по вопросам отнесения фото- и видеоизображений, дактилоскопических данных и иной информации к биометрическим персональным данным и особенностей их обработки. <https://clck.ru/3968ky>

⁹ Письмо Роскомнадзора от 19.11.2021 № 09–78548 «О неактуальности разъяснений Роскомнадзора». СПС «КонсультантПлюс». <https://clck.ru/3968n6>

и, следовательно, пока такие данные не извлекаются, обработка голоса не будет требовать соблюдения специального правового режима.

Вместе с тем нельзя не отметить, что независимо от того, с какой целью производится обработка голоса, в нем все равно будут содержаться биометрические данные и данные о здоровье, а следовательно, всегда будет риск, что эти данные могут быть извлечены из голоса. Это поднимает общий и более концептуальный вопрос: достаточно ли наличия самого по себе такого риска, чтобы отнести персональные данные к категориям, предусматривающим повышенный уровень охраны, например, «специальной» или «биометрической» категории? Насколько автору известно, в России по данному вопросу судебная практика отсутствует. Если обратиться к другим юрисдикциям, можно найти схожее дело в практике Суда Европейского союза¹⁰. В рассматриваемом деле суд использовал широкий подход к толкованию понятия «специальная» категория данных и включил в ее состав данные, которые прямо к ней не относились, однако могли быть потенциально извлечены. По мнению автора, такой подход как минимум является дискуссионным. Во-первых, не совсем понятно, как определить, что используемые данные содержат в себе скрытые данные, которые в случае извлечения могут изменить их квалификацию. Наличие таких данных не всегда очевидно. Во-вторых, отнесение данных к «специальной» категории означает невозможность их обработки, за исключением конкретных случаев, перечисленных в ст. 10 закона о персональных данных или ст. 9 Общего регламента о защите персональных данных¹¹. Обеспечить соблюдение обработки данных требованиям закона в такой ситуации довольно сложно, что, в свою очередь, может привести к невозможности использовать данные в необходимом объеме и, следовательно, невозможности достичь тех целей, для которых эти данные должны были быть обработаны.

Кроме того, необходимо также отметить, что уровень риска потенциального извлечения дополнительной информации, способной изменить квалификацию данных, будет разным в зависимости от конкретного случая обработки. Например, речевые данные в составе лингвистического корпуса не являются общедоступными, круг лиц, которые могут получить доступ к этим данным и использовать их для извлечения дополнительной информации, ограничен. Причем для этого необходимы специальные знания и технические средства. Другими словами, обычная обработка данных в составе лингвистического корпуса имеет невысокий риск извлечения «специальных» или «биометрических» данных из голоса. Таким образом, представляется, что, с одной стороны, широкий подход к определению категорий данных повышает уровень защиты прав, принадлежащих субъекту данных, с другой – в значительной степени ограничивает возможности их использования для развития технологии. В данной ситуации для соблюдения баланса между интересами субъекта данных и лицами, осуществляющими обработку, важно не только выявить риск потенциального извлечения информации, но и провести техническую и правовую оценку данного риска.

¹⁰ Case C-184/20 OT v Vyriausioji tarnybinės etikos komisija. EU:C:2022:601. <https://clck.ru/3969Ee>

¹¹ Статья 10 Федерального закона «О персональных данных», ст. 9. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) (2016 April 27). <https://clck.ru/3969GL>

2. Пределы обеспечения законности обработки персональных данных в составе технологии обработки естественного языка

Использование персональных данных для создания лингвистического корпуса и развития технологии обработки естественного языка создает необходимость обеспечить обработку в строгом соответствии с законом. Российское законодательство широко толкует понятие обработки персональных данных¹², в связи с чем не возникает особых сомнений, что действия, совершаемые над данными в процессе их использования в составе технологии обработки естественного языка, будут квалифицироваться в качестве обработки персональных данных (Ilin & Kelli, 2020). В свою очередь возникает вопрос предела, до которого обработка данных должна соответствовать требованиям законодательства. Например, если языковая модель была создана с использованием персональных данных, означает ли это, что дальнейшее использование продуктов, созданных с использованием данной модели, также попадает под действие Закона о защите персональных данных?

Пределы в обеспечении законности обработки персональных данных в составе технологии обработки естественного языка могут быть определены через материальное, временное и территориальное действие правового регулирования в данной области (Ilin, 2020).

В контексте технологии обработки естественного языка материальное действие можно определить через различные уровни использования персональных данных в разработке соответствующих цифровых продуктов. К таким уровням будут относиться сбор материала для создания массива данных, составление массива данных, аннотация, создание языковой модели, разработка конечного цифрового продукта (Kelli et al., 2021). Например, языковая модель состоит из лингвистических правил языка, и извлечение каких-либо персональных данных из нее на сегодняшний день представляет собой практически невыполнимую задачу, при этом в процессе создания языковой модели идентифицируемость субъектов данных теряется. Поэтому режим данных, использованных для создания модели, в общем случае не будет соответствовать правовому режиму языковой модели, построенной на этих данных (Kelli et al., 2021).

Временные пределы обеспечения законности обработки данных можно определить через срок, в течение которого будет действовать право субъекта на защиту данных о нем. В то же время российское законодательство не устанавливает срок действия такого права, указывая на необходимость соблюдать регулирование в области персональных данных, в том числе в отношении данных умерших людей¹³ и без какого-либо указания на сроки. Можно согласиться с мнением некоторых исследователей, что данный пробел необходимо устранить, для чего было бы целесообразно установить срок защиты персональных данных равным сроку охраны частной жизни лица (Важорова, 2012).

Пределы обеспечения законности обработки данных с точки зрения территориального действия будут определяться с учетом национальных юрисдикций стран, в которых создаются или распространяются соответствующие цифровые продукты.

¹² О персональных данных. № 152-ФЗ от 27.07.2006. П. 3 ст. 3. СПС «КонсультантПлюс». <https://clck.ru/gLnFq>

¹³ Там же. П. 7 ст. 9.

Проблема в том, что цифровые продукты, построенные с использованием технологии обработки естественного языка, как правило, не сосредоточены на одной стране, а стремятся охватить рынки разных стран. Например, голосовой помощник «Алиса», разработанный компанией «Яндекс», поддерживает турецкий язык, система преобразования речи в текст, разработанная компанией Google, поддерживает более 120 языков и может быть интегрирована с другими цифровыми продуктами. Поэтому возникает вопрос о необходимости соблюдения не только национального законодательства в области защиты персональных данных, но и соответствующего регулирования других стран, скажем, турецкого законодательства – для сбора данных и формирования лингвистического корпуса на турецком языке.

Российское законодательство в области защиты персональных данных по общему правилу не имеет экстерриториального действия. Следовательно, оно не распространяется на нерезидентов, осуществляющих обработку персональных данных граждан России за рубежом. Это правило имеет два исключения. Первое касается требования локализации данных, а второе относится к случаям обеспечения государственной безопасности.

Правило локализации обработки персональных данных граждан Российской Федерации обязывает лиц, осуществляющих обработку данных, хранить, собирать и использовать персональные данные граждан России только в базах данных, расположенных на территории РФ. Данное правило применяется: если в составе обрабатываемой информации содержатся персональные данные, если эти данные были собраны (т. е. получены от третьих лиц) и обработаны, а также если эти данные связаны с гражданами РФ (Savelyev, 2016). Последнее условие поднимает проблему определения гражданства в рамках использования информационных технологий.

Данная проблема была частично решена после того, как Роскомнадзор предоставил разъяснения, согласно которым под гражданством следует понимать территорию, на которой происходит обработка, при наличии сомнений в отношении гражданства субъекта данных вся информация, обрабатываемая и собираемая на территории России, должна быть локализована в базах данных, расположенных в России. Вместе с тем до сих пор остается открытым вопрос идентификации и обработки персональных данных российских граждан, которые собираются за пределами российской юрисдикции (Ilin, 2020).

Примером случаев, когда меры по обеспечению государственной безопасности оказывают экстерриториальный эффект на законодательство в области защиты персональных данных, может служить требование для организаторов распространения информации и поставщиков телекоммуникационных услуг хранить интернет-трафик (голосовые и текстовые сообщения, фото, видео, звуки, метаданные файлов), а также предоставлять ключи шифрования для расшифровки интернет-трафика в случае, если требуемые данные хранятся или обрабатываются в зашифрованном виде¹⁴.

¹⁴ О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер по противодействию терроризму и обеспечению общественной безопасности. № 374-ФЗ от 06.07.2016. (2016). СПС «КонсультантПлюс». <https://clck.ru/3969WT>; О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер по противодействию терроризму и обеспечению общественной безопасности. № 375-ФЗ от 06.07.2016. (2016). СПС «КонсультантПлюс». <https://clck.ru/3969aF>

Важно отметить, что такое требование не ограничивается какой-либо территорией. При этом надо отметить, что соблюдение этих правил может быть затруднено для компаний, поскольку они будут вынуждены нарушать свое национальное регулирование в области защиты данных. Например, некоторые положения Общего Регламента о защите персональных данных¹⁵, регулирующего правоотношения в области защиты персональных данных в Европейском союзе, будут противоречить вышеуказанному требованию (Ilin, 2020).

3. Использование персональных данных для оплаты цифровых продуктов на базе технологии обработки естественного языка и вопросы юридической квалификации

В условиях современной цифровой экономики продукты, использующие технологию обработки естественного языка, широко реализуются с использованием бизнес-модели, которая не предполагает получения от пользователя денежного вознаграждения за продукт. Вместо этого поставщик извлекает выгоду от использования данных, которые либо были намеренно предоставлены пользователем, либо автоматически собраны или созданы поставщиком. Применение данной бизнес-модели и оплата товаров и услуг данными открыли дискуссию о том, насколько данные сами по себе могут являться средством платежа. В первую очередь сомнения возникают касательно экономических и юридических характеристик данных. В то время как одной из основных проблем экономических характеристик данных является проблема измерения их экономического потенциала и ценности, которые не могут быть определены ни рынком, ни договором (Lohsse et al., 2020), обсуждение в правовой плоскости возникает вокруг определения правового режима персональных данных, взаимоотношений, регулирующих правовые нормы, и содержания правоотношений в данной области (Helberger et al., 2017; Metzger, 2017; Svantesson, 2018).

Использование продуктов с применением технологии обработки естественного языка предполагает интенсивный обмен данными между пользователем и поставщиком (Goldberg, 2017). Данные могут быть намеренно переданы пользователем поставщику (например, путем голосовой команды), собраны поставщиком самостоятельно (например, запись образца голоса, данных о местоположении) или же созданы самостоятельно сервисом (например, результат текстового перевода). В большинстве случаев поставщик использует полученные данные не только для предоставления пользователю цифрового продукта, но и для его дальнейшей разработки и улучшения, а также в коммерческих целях, напрямую не связанных с реализуемым продуктом. Например, поставщик может использовать голос пользователя для анализа эмоциональной реакции на предложенный рекламный контент и использовать результат анализа для продажи других товаров и услуг (Sartor, 2020). Возможность такого использования данных ставит вопрос об их квалификации, применимом правовом режиме, а также возможности определения данных как объекта права собственности (Талапина, 2020). Кроме того, использование в качестве встречного представления

¹⁵ Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) (2016 April 27). <https://clck.ru/3969dk>

персональных данных ставит вопрос самой правовой концепции персональных данных как одного из основополагающих прав человека – права на уважение частной и семейной жизни. Представляется, что действующее законодательство в области защиты персональных данных само по себе не запрещает подобное использование данных, однако накладывает ряд ограничений, в общем смысле связанных с необходимостью обеспечения законности подобной обработки (Савельев, 2021).

Вместе с тем использование данных в качестве встречного предоставления поднимает другой вопрос, касающийся характеристики возмездности гражданско-правовых договоров, используемых для практического применения рассматриваемой бизнес-модели и, следовательно, возможности распространения Закона о защите прав потребителя на такие отношения. С одной стороны, п. 1 ст. 423 ГК РФ¹⁶ прямо предусматривает в качестве одной из характеристик возмездности совершение «иного встречного предоставления» за исполнение своих обязанностей по договору, а предоставление пользователю дополнительных гарантий и правовых механизмов защиты своих прав, предусмотренные законодательством о защите прав потребителей, сбалансирует его отношения с поставщиком, по отношению к которому пользователь занимает более слабую позицию.

С другой стороны, использование данных в качестве нового средства платежа может вызвать проблемы в правоприменительной практике. Например, для применения мер защиты прав потребителя, непосредственно зависящих от стоимости самого товара или услуги, возникает необходимость определить денежный эквивалент переданных данных, что с учетом экономической и правовой природы данных представляется труднореализуемым.

Заключение

Целью настоящей статьи было концептуализировать с точки зрения законодательства в области защиты персональных данных процесс развития технологии обработки естественного языка. Анализ существующего правового порядка показал, что он не в полной мере отвечает техническим особенностям развития технологии, что может привести или к излишнему регулированию, или же, напротив, оставить без внимания критические области, требующие защиты. В частности, проблемы возникают при квалификации данных, задействованных в развитии рассматриваемой технологии, в качестве персональных и их последующее отнесение к определенной категории. Данная проблема хорошо иллюстрируется на примере использования речевых данных – образцов голоса человека. Попытка определить пределы обеспечения законности обработки данных также вызывает трудности и требует дальнейшего уточнения как в части материального, так и временного и территориального действия правового регулирования в данной области. Еще одним вопросом, нуждающимся в дальнейшем исследовании, является возможность использования персональных данных в качестве встречного представления. Данная проблема представляется актуальной не только для развития технологии обработки естественного языка, но и в целом для развития отрасли информационно-коммуникационных технологий.

¹⁶ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ, ред. от 24.07.2023. СПС «КонсультантПлюс». <https://clck.ru/3969nv>

Представляется, что задачей для дальнейшего исследования будут анализ и разработка решений, с одной стороны, способствующих преодолению обнаруженных правовых преград для развития технологии, с другой – повышения правовой защиты критических областей, требующих дополнительной защиты.

Список литературы

- Важорова, М. А. (2012). Соотношение понятий «Информация о частной жизни» и «Персональные данные». *Вестник Саратовской государственной юридической академии*, 4(87), 55–59.
- Егорова, М. А., Минбалева, А. В., Кожевина, О. В., Ален, Д. (2021). Основные направления правового регулирования использования искусственного интеллекта в условиях пандемии. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*, 12(2), 250–262. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2021.201>
- Конев, С. И. (2020). Административная ответственность за нарушения законодательства Российской Федерации в области персональных данных: новые вызовы. *Вопросы российского и международного права*, 10(10-1), 274–282. <https://elibrary.ru/fasdwm>
- Кривогин, М. С. (2017). Особенности правового регулирования биометрических персональных данных. *Право. Журнал высшей школы экономики*, 2, 80–89. EDN: <https://elibrary.ru/zfcizt>. DOI: <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2017.2.80.89>
- Савельев, А. И. (2021). Гражданско-правовые аспекты регулирования оборота персональных данных. *Вестник гражданского права*, 21(4), 104–129. EDN: <https://elibrary.ru/vgyyau>. DOI: <https://doi.org/10.24031/1992-2043-2021-21-4-104-129>
- Свиридова, Е. А. (2021). Открытые и персональные данные в системах искусственного интеллекта: правовые аспекты. *Проблемы экономики и юридической практики*, 17(6), 61–68. <https://elibrary.ru/xokzik>
- Талапина, Э. В. (2020). Закон об информации в эпоху больших данных. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*, 11(1), 4–18. EDN: <https://elibrary.ru/grjtqp>. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu14.2020.101>
- Arkhipov, V., & Naumov, V. (2016). The legal definition of personal data in the regulatory environment of the Russian Federation: Between formal certainty and technological development. *Computer Law & Security Review*, 32(6), 868–887. <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2016.07.009>
- Chang, K. H., Fisher, D., & Canny, J. (2011). Ammon: A speech analysis library for analyzing affect, stress, and mental health on mobile phones. *Proceedings of PhoneSense*, 2011.
- Goldberg, Y. (2017). *Neural network methods for natural language processing*. Springer Nature. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-02165-7>
- Helberger, N., Borgesius, F. Z., & Reyna, A. (2017). The perfect match? A closer look at the relationship between EU consumer law and data protection law. *Common Market Law Review*, 54(5), 1427–1465. <https://doi.org/10.54648/cola2017118>
- Hirschberg, J., & Manning, C. D. (2015). Advances in natural language processing. *Science*, 349(6245), 261–266. <https://doi.org/10.1126/science.aaa8685>
- Hobsbawn, E. (1996). Language, culture, and national identity. *Social Research*, 63(4), 1065–1080.
- Ilin, I. (2019). Legal Regime of the Language Resources in the Context of the European Language Technology Development. In Z. Vetulani, P. Paroubek, & M. Kubis (Eds.), *Human Language Technology. Challenges for Computer Science and Linguistics. LTC 2019. Lecture Notes in Computer Science* (vol. 13212, pp. 367–376). Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-05328-3_24
- Ilin, I. (2020). The Voice and Speech Processing within Language Technology Applications: Perspective of the Russian Data Protection Law. *Legal Issues in the digital Age*, 1(1), 99–123. <https://doi.org/10.17323/2713-2749.2020.1.99.123>
- Ilin, I., & Kelli, A. (2020). The use of human voice and speech for development of language technologies: the EU and Russian data-protection law perspectives. *Juridica Int'l*, 29, 71–85. <https://doi.org/10.12697/ji.2020.29.07>
- Jain, A. K., Ross, A., & Prabhakar, S. (2004). An introduction to biometric recognition. *IEEE Transactions on circuits and systems for video technology*, 14(1), 4–20. <https://doi.org/10.1109/tcsvt.2003.818349>
- Jents, L., & Kelli, A. (2014). Legal aspects of processing personal data in development and use of digital language resources: the Estonian perspective. *Jurisprudence*, 21(1), 164–184. <https://doi.org/10.13165/jur-14-21-1-08>

- Kelli, A., Lindén, K., Kamocki, P., Vider, K., Labropoulou, P., Birštonas, R., Mantrov, V., Hannessschläger, V., Del Gratta, R., Värvi, A., Tavits, G., & Vutt, A. (2021). The interplay of legal regimes of personal data, intellectual property and freedom of expression in language research. In M. Monachini & M. Eskevich (Eds.), *Proceedings CLARIN Annual Conference 2021* (pp. 154–159). <https://doi.org/10.3384/ecp1898>
- Kelli, A., Tavast, A., & Pisuke, H. (2012). Copyright and constitutional aspects of digital language resources: The Estonian approach. *Juridica International*, 19, 40.
- Kolain, M., Grafenauer, C., & Ebers, M. (2022). Anonymity Assessment – A Universal Tool for Measuring Anonymity of Data Sets under the GDPR with a Special Focus on Smart Robotics. *Rutgers University Computer & Technology Law Journal*, 48(2). <https://ssrn.com/abstract=3971139>
- Lohsse, S., Schulze, R., & Staudenmayer, D. (Eds.). (2020). *Data as counter-performance-Contract Law 2.0?* Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft mbH & Company KG. <https://doi.org/10.5771/9783748908531>
- Metzger, A. (2017). Data as counter-performance: what rights and duties do parties have. *Journal of Intellectual Property, Information Technology and Electronic Commerce Law*, 8(1), 2.
- Oostveen, M. (2016). Identifiability and the applicability of data protection to big data. *International Data Privacy Law*, 6(4), 299–309. <https://doi.org/10.1093/idpl/ipw012>
- Purtova, N. (2018). The law of everything. Broad concept of personal data and future of EU data protection law. *Law, Innovation and Technology*, 10(1), 40–81. <https://doi.org/10.1080/17579961.2018.1452176>
- Sartor, G. (2020). *New aspects and challenges in consumer protection. Digital services and artificial intelligence.* European Parliament.
- Savelyev, A. (2016). Russia's new personal data localization regulations: A step forward or a self-imposed sanction? *Computer Law & Security Review*, 32(1), 128–145. <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2015.12.003>
- Svantesson, D. J. B. (2018). Enter the quagmire – the complicated relationship between data protection law and consumer protection law. *Computer Law & Security Review*, 34(1), 25–36. <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2017.08.003>
- Tracy, J. M., Özkanca, Y., Atkins, D. C., & Ghomi, R. H. (2020). Investigating voice as a biomarker: deep phenotyping methods for early detection of Parkinson's disease. *Journal of Biomedical Informatics*, 104, 103362. <https://doi.org/10.1016/j.jbi.2019.103362>
- Truyens, M., & Van Eecke, P. (2014). Legal aspects of text mining. *Computer Law & Security Review*, 30(2), 153–170. <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2014.01.009>

Сведения об авторе

Ильин Илья Геннадьевич – магистр права в области информационных технологий, аспирант юридического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет

Адрес: 199106, Россия, г. Санкт-Петербург, 22-я линия В.О., 7

E-mail: i.g.ilin@spbu.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1076-2765>

Scopus Author ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57765898000>

WoS Researcher ID: <https://www.webofscience.com/wos/author/record/FDF-0979-2022>

Google Scholar ID: <https://scholar.google.com/citations?user=YruuMK0AAAAJ>

Конфликт интересов

Автор сообщает об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование

Исследование не имело спонсорской поддержки.

Тематические рубрики

Рубрика OECD: 5.05 / Law

Рубрика ASJC: 3308 / Law

Рубрика WoS: OM / Law

Рубрика ГРНТИ: 10.19.25 / Правовой режим информации, информационных систем и сетей

Специальность ВАК: 5.1.2 / Публично-правовые (государственно-правовые) науки

История статьи

Дата поступления – 25 декабря 2023 г.

Дата одобрения после рецензирования – 5 января 2024 г.

Дата принятия к опубликованию – 15 марта 2024 г.

Дата онлайн-размещения – 20 марта 2024 г.

Research article

UDC 34:004:34.096:004.8

EDN: <https://elibrary.ru/acxhto>

DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.8>

Personal Data in Artificial Intelligence Systems: Natural Language Processing Technology

Ilya G. Ilin

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Keywords

artificial intelligence,
biometric data,
digital technologies,
law,
lawfulness,
legal risk,
LegalTech,
legislation,
natural language processing
technology,
personal data

Abstract

Objective: to conceptualize, from the viewpoint of personal data protection legislation, the development of natural language processing technology, identifying possible legal barriers to such development and directions for further research of the issue.

Methods: the research is based on general scientific methods of cognition, along with which formal-legal and comparative-legal methods were applied, as well as the method of theoretical modeling.

Results: it was found that the observance of personal data regime in the development of natural language processing technology leads to a conflict between private-legal and public-legal interests, which, in turn, creates obstacles for further development of this technology. The shortcomings of the existing legal order are shown, namely, the insufficient correspondence to the technical features of technology development. This may lead to the risks of excessive regulation, or, on the contrary, to the risks of neglecting critical areas that require protection. Problems in qualifying the data involved in the technology development are outlined. An attempt is made to define the limits of ensuring the lawfulness of personal data processing within the natural language processing technology. The material, temporal and territorial effect of the legal regulation in this field is identified as the limits of ensuring the legality. The author touches upon the possibility of using personal data as a consideration, which is important for the development of natural language processing technology and for the improvement of the information and communication technology industry.

© Ilin I. G., 2024

This is an Open Access article, distributed under the terms of the Creative Commons Attribution licence (CC BY 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>), which permits unrestricted re-use, distribution and reproduction, provided the original article is properly cited.

Scientific novelty: the paper supplements the scientific discussion on the legal regulation of personal data processing by artificial intelligence systems with an analysis of natural language processing technology. The latter is insufficiently studied, making it relevant to research information law, namely, the legal relations arising around artificial intelligence systems, and to assess the impact of a personal data regime on the development of natural language processing technology.

Practical relevance: the applied aspects of the problems researched and the results obtained can be used to improve the legal regulation of public relations in the field of creation and development of artificial intelligence, as well as to identify and assess the legal risks arising in the personal data processing by developers of digital products based on natural language processing technology.

For citation

Ilin, I. G. (2024). Personal Data in Artificial Intelligence Systems: Natural Language Processing Technology. *Journal of Digital Technologies and Law*, 2(1), 123–140. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.7>

References

- Arkhipov, V., & Naumov, V. (2016). The legal definition of personal data in the regulatory environment of the Russian Federation: Between formal certainty and technological development. *Computer Law & Security Review*, 32(6), 868–887. <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2016.07.009>
- Chang, K. H., Fisher, D., & Canny, J. (2011). Ammon: A speech analysis library for analyzing affect, stress, and mental health on mobile phones. *Proceedings of PhoneSense*, 2011.
- Egorova, M. A., Minbaleev, A. V., Kozhevina, O. V., & Dufolt, A. (2021). Main directions of legal regulation of the use of artificial intelligence in the context of a pandemic. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 12(2), 250–262. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/spbu14.2021.201>
- Goldberg, Y. (2017). *Neural network methods for natural language processing*. Springer Nature. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-02165-7>
- Helberger, N., Borgesius, F. Z., & Reyna, A. (2017). The perfect match? A closer look at the relationship between EU consumer law and data protection law. *Common Market Law Review*, 54(5), 1427–1465. <https://doi.org/10.54648/cola2017118>
- Hirschberg, J., & Manning, C. D. (2015). Advances in natural language processing. *Science*, 349(6245), 261–266. <https://doi.org/10.1126/science.aaa8685>
- Hobsbawn, E. (1996). Language, culture, and national identity. *Social Research*, 63(4), 1065–1080.
- Ilin, I. (2019). Legal Regime of the Language Resources in the Context of the European Language Technology Development. In Z. Vetulani, P. Paroubek, & M. Kubis (Eds.), *Human Language Technology. Challenges for Computer Science and Linguistics. LTC 2019. Lecture Notes in Computer Science* (vol 13212, pp. 367–376). Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-05328-3_24
- Ilin, I. (2020). The Voice and Speech Processing within Language Technology Applications: Perspective of the Russian Data Protection Law. *Legal Issues in the digital Age*, 1(1), 99–123. <https://doi.org/10.17323/2713-2749.2020.1.99.123>
- Ilin, I., & Kelli, A. (2020). The use of human voice and speech for development of language technologies: the EU and Russian data-protection law perspectives. *Juridica Int'l*, 29, 71–85. <https://doi.org/10.12697/ji.2020.29.07>
- Jain, A. K., Ross, A., & Prabhakar, S. (2004). An introduction to biometric recognition. *IEEE Transactions on circuits and systems for video technology*, 14(1), 4–20. <https://doi.org/10.1109/tcsvt.2003.818349>
- Jents, L., & Kelli, A. (2014). Legal aspects of processing personal data in development and use of digital language resources: the Estonian perspective. *Jurisprudence*, 21(1), 164–184. <https://doi.org/10.13165/jur-14-21-1-08>

- Kelli, A., Lindén, K., Kamocki, P., Vider, K., Labropoulou, P., Birštonas, R., Mantrov, V., Hannessschläger, V., Del Gratta, R., Värvi, A., Tavits, G., & Vutt, A. (2021). The interplay of legal regimes of personal data, intellectual property and freedom of expression in language research. In M. Monachini & M. Eskevich (Eds.), *Proceedings CLARIN Annual Conference 2021* (pp. 154–159). <https://doi.org/10.3384/ecp1898>
- Kelli, A., Tavast, A., & Pisuke, H. (2012). Copyright and constitutional aspects of digital language resources: The Estonian approach. *Juridica International*, 19, 40.
- Kolain, M., Grafenauer, C., & Ebers, M. (2022). Anonymity Assessment – A Universal Tool for Measuring Anonymity of Data Sets under the GDPR with a Special Focus on Smart Robotics. *Rutgers University Computer & Technology Law Journal*, 48(2). <https://ssrn.com/abstract=3971139>
- Konev, S. I. (2020). Administrative responsibility for violations of the legislation of the Russian Federation in the field of personal data: new challenges. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava*, 10(10-1), 274–282. (In Russ.).
- Krivogin, M. (2017). Peculiarities of legal regulating biometric personal data. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2, 80–89. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2017.2.80.89>
- Lohsse, S., Schulze, R., & Staudenmayer, D. (Eds.) (2020). *Data as counter-performance-Contract Law 2.0?* Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft mbH & Company KG. <https://doi.org/10.5771/9783748908531>
- Metzger, A. (2017). Data as counter-performance: what rights and duties do parties have. *Journal of Intellectual Property, Information Technology and Electronic Commerce Law*, 8(1), 2.
- Oostveen, M. (2016). Identifiability and the applicability of data protection to big data. *International Data Privacy Law*, 6(4), 299–309. <https://doi.org/10.1093/idpl/ipw012>
- Purtova, N. (2018). The law of everything. Broad concept of personal data and future of EU data protection law. *Law, Innovation and Technology*, 10(1), 40–81. <https://doi.org/10.1080/17579961.2018.1452176>
- Sartor, G. (2020). *New aspects and challenges in consumer protection. Digital services and artificial intelligence.* European Parliament.
- Savelyev, A. (2016). Russia's new personal data localization regulations: A step forward or a self-imposed sanction? *Computer Law & Security Review*, 32(1), 128–145. <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2015.12.003>
- Savelyev, A. I. (2021). Civil law aspects of commercialization of personal data. *Civil Law Review*, 21(4), 104–129. (In Russ.). <https://doi.org/10.24031/1992-2043-2021-21-4-104-129>
- Svantesson, D. J. B. (2018). Enter the quagmire – the complicated relationship between data protection law and consumer protection law. *Computer Law & Security Review*, 34(1), 25–36. <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2017.08.003>
- Sviridova, E. A. (2021). Open and personal data in artificial intelligence systems: legal aspects. *Economic Problems and Legal Practice*, 17(6), 61–68. (In Russ.).
- Talapina, E. V. (2020). The Law on information during an era of Big Data. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 11(1), 4–18. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/spbu14.2020.101>
- Tracy, J. M., Özkanca, Y., Atkins, D. C., & Ghomi, R. H. (2020). Investigating voice as a biomarker: deep phenotyping methods for early detection of Parkinson's disease. *Journal of Biomedical Informatics*, 104, 103362. <https://doi.org/10.1016/j.jbi.2019.103362>
- Truyens, M., & Van Eecke, P. (2014). Legal aspects of text mining. *Computer Law & Security Review*, 30(2), 153–170. <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2014.01.009>
- Vazhorova, M. A. (2012). The ratio of concepts “the information on private life” and “personal data”. *Saratov State Law Academy Bulletin*, 4(87), 55–59. (In Russ.).

Author information

Ilya G. Ilin – Master of Arts in Information Technology Law, postgraduate student, Faculty of Law, Saint Petersburg State University

Address: 22nd line of Vasilievsky Island, 7199106 Saint Petersburg, Russian Federation

E-mail: i.g.ilin@spbu.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1076-2765>

Scopus Author ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57765898000>

WoS Researcher ID: <https://www.webofscience.com/wos/author/record/FDF-0979-2022>

Google Scholar ID: <https://scholar.google.com/citations?user=YruuMK0AAAAJ>

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Financial disclosure

The research had no sponsorship.

Thematic rubrics

OECD: 5.05 / Law

PASJC: 3308 / Law

WoS: OM / Law

Article history

Date of receipt – December 25, 2023

Date of approval – January 5, 2024

Date of acceptance – Март 15, 2024

Date of online placement – Март 20, 2024

Научная статья

УДК 34:004:347.78:004.8

EDN: <https://elibrary.ru/shflwb>

DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.8>

Моральные права автора в цифровой среде

Эдит Сапи

Университет Мишкольца, Мишкольц, Венгрия

Ключевые слова

авторское право,
искусственный интеллект,
моральные права автора,
невзаимозаменяемые
токены (NFT),
охрана (защита) авторских
прав,
право,
право интеллектуальной
собственности,
социальные сети,
цифровая среда,
цифровые технологии

Аннотация

Цель: ответить на вопрос, соответствуют ли моральные права автора в цифровой среде своему первоначальному предназначению, и определить влияние развития платформ социальных сетей, технологий искусственного интеллекта и невзаимозаменяемых токенов (NFT) на трансформацию в современных условиях роли и особенностей защиты моральных прав автора.

Методы: в основу исследования положены историко-правовой, сравнительно-правовой и формально-догматический методы. Правовые институты и юридическая практика по вопросу защиты моральных прав автора подвергаются критическому анализу.

Результаты: в исторической ретроспективе исследуется генезис и нормативное закрепление моральных прав автора. Отмечается, что в настоящее время защита этих прав получила недостаточную правовую регламентацию на международном уровне, тогда как национальное авторское право, например, континентальных европейских государств, предоставляет моральным правам авторов достаточно сильную защиту, эффективность которой, однако, ослабевает в цифровую эпоху. Анализируется изменение ландшафта авторско-правовых отношений, обусловленное технологическим прогрессом: в рамках социальных сетей, при генерации произведений искусственным интеллектом, а также при создании цифровых произведений искусства. Обосновывается тезис о нежелательности моральных прав автора в контексте социальных платформ. Решаются вопросы авторства произведений, созданных искусственным интеллектом, нарушения прав на авторство и целостность в случае полного или частичного заимствования произведения для генерации искусственным интеллектом нового произведения. Определяется роль технологий NFT в решении проблемы сохранения моральных прав автора.

Научная новизна: настоящая работа восполняет пробел в исследованиях взаимосвязи авторского права и технологического развития. В ней выявляются и оцениваются новации предназначения и содержания моральных прав автора, обусловленные процессами цифровизации, а также предпринимаются попытки решения проблемы соответствия авторского права технологическому прогрессу.

© Сапи Э., 2024

Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал при условии, что оригинальная работа упомянута с соблюдением правил цитирования.

Практическая значимость: полученные результаты исследования могут служить концептуальной основой дальнейшего развития и совершенствования национального законодательства и международного правового регулирования в области защиты авторских прав, трансформации целей, роли и места моральных прав автора в цифровой среде.

Для цитирования

Сапи, Э. (2024). Моральные права автора в цифровой среде. *Journal of Digital Technologies and Law*, 2(1), 141–162. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.8>

Содержание

Введение

1. Традиционный взгляд на сущность моральных прав
 - 1.1. История и догматика моральных прав
 - 1.2. Особенности моральных прав, гарантированные законом
2. Моральные права автора и платформы социальных сетей
3. Моральные права автора и искусственный интеллект
 - 3.1. Взаимоотношения искусственного интеллекта и авторского права
 - 3.2. Роль моральных прав в формуле «искусственный интеллект и авторские права»
4. Моральные права автора и NFT

Заключение

Список литературы

Введение

В последние годы мы стали свидетелями технологического прорыва, аналогичного изобретению книгопечатания в XV в. В то время авторского права не существовало, но в современном мире защита интеллектуальных творений приобретает все большее значение. С точки зрения истории развития авторского права нововведение Гуттенберга стало искрой в пороховой бочке, поскольку способствовало быстрому и широкому распространению произведений искусства, особенно книг.

В то время авторы были в уязвимом положении, поскольку обычно могли создавать и продавать произведения только при поддержке мецената. Такая ситуация приводила к тому, что у авторов не было реальной возможности защитить свои работы. Если посмотреть на эту ситуацию с другой стороны, то можно констатировать, что книгопечатание в то время было похоже на современные цифровые технологии. Оно оказало огромное положительное влияние на культуру, но в то же время проложило путь к распространению нелегального копирования и распространения произведений. Поскольку книгопечатание требовало от предпринимателей значительных финансовых затрат, правители путем предоставления привилегий добились того, что отдельный предприниматель мог заниматься книгопечатанием исключительно в определенной области и в течение определенного периода времени. Эта тенденция ярче всего проявилась в Англии, поэтому законодательство об авторском праве также берет начало в

Англии XVII–XVIII вв. Таким образом, можно сказать, что авторское право возникло на основе монопольных привилегий, предоставляемых короной печатникам. В соответствии с этими привилегиями лондонская Stationers' Company – Почтенная компания торговцев канцелярскими принадлежностями и изготовителей газет – разработала собственную систему регулирования типографского дела (Stokes, 2012).

Таким образом, законодательство об авторском праве впервые появилось в Англии во времена правления королевы Анны, которая в 1709 г. издала Статут, вступивший в силу 10 апреля 1710 г.¹ В проекте этого Статута от 1707 г. уже говорилось, что авторы обладают «несомненным правом собственности» на свои книги. В принятом законе этот термин был заменен на формулировку «исключительное право и свобода печатания», главным образом благодаря взглядам позитивистов. Значение Статута королевы Анны заключается, прежде всего, в том, что он стал первым писанным законом об авторском праве не только в Великобритании, но и во всем мире. Статут стал важным шагом к созданию так называемого гражданского государства. Статут королевы Анны фактически создал отчуждаемое авторское право и был направлен на защиту не только авторов, но и издателей как правопреемников авторов.

Вслед за Соединенным Королевством другие страны также начали разрабатывать свои законодательства об авторском праве. В Соединенных Штатах первый закон об авторском праве был принят в 1790 г.² В том же веке был принят первый современный французский закон об авторском праве³, а в XIX в. появились соответствующие акты Пруссии⁴ и Австрии⁵.

В настоящее время защита авторского права в первую очередь направлена на поощрение создания новых произведений, имеющих высокую художественную и научную ценность. Для достижения этой цели авторское право гарантирует авторам общественное признание через соблюдение моральных прав и материальное вознаграждение через соблюдение экономических прав. Эту современную законодательную концепцию можно представить как специфический трехсторонний баланс интересов, где законодатель должен уравновесить интересы трех полюсов: автора, пользователя и общества. Авторское право – наиболее динамичная

¹ Copyright Act of 1790. Полное название – Закон о поощрении образования путем закрепления экземпляров карт, схем и книг за их авторами и владельцами в течение установленного времени.

² Полное название – Закон о поощрении образования путем закрепления экземпляров карт, схем и книг за их авторами и владельцами в течение установленного времени.

³ Во Франции соответствующий закон был принят 19 июля 1793 г. под следующим названием: „Décret de la Convention Nationale du dix-neufjuillet 1793 relatif aux droits de propriété des Auteurs d'écrits en tout genre, des Compositeurs de musique, des Peintres et des Dessinateurs (avec le rapport de Lakanal) [Декрет Национального конвента от 19 июля 1793 г. об имущественных правах авторов всех видов сочинений, композиторов музыки, художников и рисовальщиков (с докладом Лаканал)]. См.: Rideau, F. (2023). Commentary on the French Literary and Artistic Property Act (1793). In L. Bently, & M. Kretschmer (Eds.), Primary Sources on Copyright (1450–1900). <https://clck.ru/38VVtq>

⁴ Прусский закон об авторском праве был принят 11 июля 1837 г. под названием „Gesetz zum Schutze des Eigentums an Werken der Wissenschaft und der Kunst gegen Nachdruck und Nachbildung” [Закон о защите собственности на произведения науки и искусства от перепечатки и воспроизведения].

⁵ В Австрии в 1846 г. был принят императорский указ, направленный на защиту авторских произведений: „Gesetz zum Schutze des literarischen und artistischen Eigentums gegen unbefugte Veröffentlichung, Nachdruck und Nachbildung” [Закон о защите литературной и художественной собственности от несанкционированной публикации, перепечатки и воспроизведения].

и быстроразвивающаяся область права, отражающая социальные, экономические, технические и технологические особенности времени, к которым она должна постоянно адаптироваться. Однако найти баланс непросто, и даже тщательно разработанные правила часто ставят его под угрозу (Ginsburg, 2002), особенно в цифровой сфере.

В данной статье мы пытаемся ответить на вопрос, соответствуют ли моральные права автора в цифровой среде своему первоначальному предназначению. В работе рассматривается положение моральных прав авторов в связи с особенностями платформ социальных сетей, искусственного интеллекта и NFT.

1. Традиционный взгляд на сущность моральных прав

1.1. История и догматика моральных прав

Право интеллектуальной собственности и охрана авторских прав тесно связаны с защитой прав личности, а последняя является основой для защиты интеллектуальной собственности. Доктрина моральных прав возникла во Франции в XIX в., но уже в начале 1500-х гг. французские суды подчеркивали, что только автор имеет право на публикацию своего произведения (Rose, 1994).

Французские истоки моральных прав также объясняют, почему защита этих прав в континентальной Европе была развита гораздо сильнее, чем на англосаксонских территориях. Jane C. Ginsburg подчеркивает различия и последствия расхождений между французскими и англо-американскими законами об авторском праве, которые актуальны и в отношении других европейских континентальных режимов авторского права. В то время как французское авторское право (как и другие континентальные режимы) ориентировано на автора, англо-американское авторское право ориентировано на общество. Автороцентризм французского законодательства привел к более сильному развитию защиты моральных прав, в то время как в другой системе основное внимание уделяется экономическим правам в силу их общественной полезности (Ginsburg, 1990). Отношение к автору и моральным правам автора определяет также степень формальности защиты, которая также различается в системах гражданского и общего права (Pogácsás, 2022). Таким образом, концепция регулирования моральных прав принципиально отличается, с одной стороны, в Европе и других странах, унаследовавших систему континентального права, а с другой – в государствах с англосаксонской системой, особенно в США. К примеру, в американском авторском праве моральные права получили законодательную защиту только в Законе о правах визуальных художников 1990 г. (Visual Artists Rights Act, VARA). Согласно VARA, авторы определенных произведений визуального искусства имеют право заявлять о своем авторстве или отказываться от него, а также обладают ограниченным правом на целостность⁶. Однако, учитывая современные требования защиты моральных прав, Конгресс США 15 июля 2014 г. провел слушания по этой теме в рамках пересмотра американского законодательства об авторском праве в целом⁷.

⁶ United States Copyright Office. (2019, April). Authors, attribution, and integrity: examining moral rights in the United States: a Report of the register of copyrights; VARA, Pub. L. No. 101-650, §§ 602–603, 104 Stat. 5128, 5128–30 (1990) (codified at 17 U.S.C. §§ 101, 106A(a)).

⁷ United States Copyright Office. (2019, April). Authors, attribution, and integrity: examining moral rights in the United States: a Report of the register of copyrights.

На международном уровне основным документом в области авторского права считается Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений 1886 г. Статья 6bis этой конвенции декларирует два основных моральных права: право на авторство⁸ и право на целостность. Последнее упоминается в Бернской конвенции как исключительное право автора не допускать изменений произведения и других неприемлемых действий с ним⁹. Положение о моральных правах было включено в Бернскую конвенцию на Римской конференции 1928 г. по ее пересмотру (Ficsor, 2003).

Положений о моральных правах нет и в Соглашении по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (TRIPS)¹⁰, хотя в нем говорится, что «участники обязуются соблюдать ст. с 1 по 21 Бернской конвенции (1971) и Дополнения к ней. Однако участники не имеют прав или обязательств по настоящему Соглашению в отношении прав, предоставленных в соответствии со ст. 6bis указанной Конвенции, или прав, вытекающих из нее»¹¹. В качестве причины отсутствия моральных прав в Соглашении некоторые источники юридической литературы называют тот факт, что потенциал гармонизации моральных прав напрямую связан с тем, какой объем защиты отдельные страны желают предоставить и получить (Schéré, 2018), а интернационализация интеллектуальной собственности «является частью более обширного аппарата торговых отношений» (Dinwoodie, 2002).

Кроме того, разница в отношении к моральным правам в странах континентального и общего права оказала существенное влияние и при разработке TRIPS (Ginsburg, 2001; Dworkin, 1995; Adeney, 2006; Adler, 2009; Grosheide, 2009; de Werra, 2009). При этом следует отметить, что исключение моральных прав из двусторонних и многосторонних соглашений создает дисбаланс между соответствующими сторонами (Schéré, 2018). С учетом вызовов цифровой эпохи еще труднее предположить возможность изменения международных конвенций по авторскому праву в части декларации моральных прав. Еще во время заключения Соглашения TRIPS вопрос о признании моральных прав был отложен в связи с технологическим бумом того времени. Учитывая нынешнее бурное развитие технологий и его непредсказуемые последствия, представить себе гармонизацию международной защиты моральных прав еще сложнее.

⁸ BUE Art. 6bis (1) Независимо от экономических прав автора и даже после передачи указанных прав автор имеет право претендовать на авторство.

⁹ BUE Art. 6bis (1) Независимо от экономических прав автора и даже после передачи указанных прав автор имеет право ... возражать против любого искажения, изменения или иной модификации указанного произведения, а также против иных неприемлемых действий в отношении указанного произведения, которые могут нанести ущерб его чести или репутации.

¹⁰ Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights.

¹¹ Art. 9. of TRIPS Agreement.

1.2. Особенности моральных прав, гарантированные законом

Помимо права на авторство и права на целостность, провозглашенных в Бернской конвенции, существуют также национальные законы об авторском праве, устанавливающие право на публикацию произведения. При истолковании права на авторство оно может включать также право на указание имени автора, но эти два права могут рассматриваться и по отдельности.

Право на авторство означает право автора заявлять о своем авторстве произведения. Согласно Глоссарию ВОИС, на практике автор заявляет о своем авторстве на произведение путем указания своего имени на экземплярах произведения или при любом ином его использовании. Автор имеет право настаивать на том, чтобы его идентифицировали указанным им образом (Ficsor, 2003).

Право заявлять о своем авторстве связано с правом на имя (правом на атрибуцию), поскольку оно осуществляется путем указания имени автора на произведении. Это право также включает в себя право на анонимность или использование псевдонима.

Право на атрибуцию также относится к копированию, цитированию или описанию отрывка из произведения, но в зависимости от типа произведения практика может быть различной. Право на атрибуцию не ущемляется в случае адаптации, поскольку, если произведение создается путем адаптации, имя автора основного произведения также должно быть указано на адаптированном произведении. Автор может указать свое имя любым способом, соответствующим характеру использования произведения.

Право на атрибуцию в принципе связано с правом на признание авторства, поскольку, если не доказано обратное, лицо, чье имя указано в произведении обычным образом, считается его автором. Во многих случаях отсутствие имени автора, являющееся нарушением этого права, служит прикрытием для плагиата.

Здесь же следует упомянуть о таком понятии, как «труд литературных негров» (создание произведения чужими руками, гострайтинг). При этом работа создается другим лицом по заказу и в соответствии со стилем заказчика, а затем публикуется под именем последнего (Sword, 2002; Goldschmidt, 2002). Однако в юридической литературе подчеркивается, что этот вид работы наиболее распространен в политике, где используется для эпизодических выступлений и речей. Реальный автор обычно делает это за крупное финансовое вознаграждение (Pogácsás, 2014) или в ситуации подчиненного в трудовых отношениях.

Право на публикацию произведения подразумевает, что его автор вправе решать, опубликовать ли произведение. Это право также включает возможность информирования общественности об основном содержании произведения до его публикации только с согласия автора. Обычно средствами распространения информации выступают веб-сайты, брошюры, постеры, пресс-конференции. Произведения, обнаруженные после смерти автора, должны рассматриваться так, как если бы автор предназначал их для публикации, если только автор или его правопреемник не сделали заявления об обратном или если не доказано обратное. Право на публикацию произведения подразумевает также право на изъятие произведения из публичного доступа.

Право на целостность – это «сердце доктрины моральных прав» (Kwall, 1997), поскольку оно стоит на страже духа авторских работ. Защита целостности

произведения (отсутствия искажений) является одним из самых важных и базовых личных прав авторов, но также и самым сложным. На международном уровне была принята Бернская конвенция, в которой была провозглашена ее цель: «препятствовать любым искажениям, изменениям или иным модификациям произведения, которые могут нанести ущерб чести или репутации автора»¹². На Брюссельской конференции 1948 г., посвященной пересмотру конвенции, она была дополнена следующим текстом: «Препятствовать любым искажениям, изменениям или иным модификациям произведения, или против других унижающих достоинство действий в отношении этого произведения, которые могут нанести ущерб чести или репутации автора»¹³. Это дополнение отражает тот факт, что не все виды изменений произведения являются нарушением, а только те, которые могут нанести ущерб чести или репутации автора в силу их характера и способа выражения. В комментарии к конвенции указано, что защита чести и репутации должна распространяться не только на честь и репутацию автора как автора, но и как человека (Ficsor, 2003). Право на целостность выражает тесную связь между произведением и автором, поэтому можно понять основную цель правового регулирования: произведение автора должно быть представлено публике без каких-либо искажений или таких изменений, которые могли бы нанести ущерб чести или репутации автора. Смысл этого правила в том, что автор оценивается на основе своих произведений как другими представителями профессиональной сферы, так и обществом в целом. Таким образом, право на целостность становится самым важным правом, поскольку произведения должны быть опубликованы в том виде, в каком их создал автор. Охрана целостности произведения отождествляется с понятиями его полноты и неприкосновенности. Это не обязательно означает физическую целостность произведения, скорее призвано обеспечить духовное единство, целостность его основной идеи. Защита распространяется на произведение в целом, включая его название, но также важно, что она не ограничивается теми произведениями, которые воплощены в материальной форме (Gyertyánfy, 2014).

В соответствии с вышеупомянутыми особенностями права на целостность мы видим, что последствия его реализации соответствуют другим правам. Кроме того, эти права могут и должны также соотноситься с интересами пользователя. Результаты этого будут различными в зависимости от типа произведения, способа его использования и характера реализации права. Например, по мнению некоторых авторов, в изобразительном искусстве реализация этих прав может стать серьезным ограничением художественной свободы (Adler, 2009). Однако следует подчеркнуть, что в случае возникновения юридических споров необходимо найти баланс между свободой художника и защитой моральных прав других авторов (Sápi & Halász, 2021). Следует также помнить, что моральные права, включая право на целостность, не безграничны и определены, в частности, Европейским авторским правом.

¹² Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г. <https://clck.ru/eknm5>

¹³ Дипломатическая конференция по пересмотру положений Бернской конвенции (Брюссель, 1948 года). <https://clck.ru/38ogwH>

Общим ограничением права на целостность и собственно исключительного авторского права является срок действия авторского права¹⁴. По истечении этого срока произведение становится общественным достоянием. Как следствие, по истечении срока действия авторского права любой человек может использовать произведение любым способом, не спрашивая разрешения и не выплачивая вознаграждения автору. Этот срок имеет значение и для моральных прав. С одной стороны, авторство сохраняется и после истечения срока охраны прав; однако другие моральные права (например, на целостность) прекращаются по истечении этого срока. Поэтому наиболее значительным модификациям обычно подвергаются произведения, находящиеся в общественном достоянии.

Еще одна важная область ограничений авторских (моральных) прав, которая стала довольно значимой в последние годы, – это создание пародий. Согласно действующему законодательству ЕС об авторском праве, создание пародии считается свободным использованием, если оно отвечает критериям трехступенчатого теста, т. е. не нарушает норм обычного использования произведения. Однако эти нормы нарушаются, если оно наносит ущерб целостности оригинального произведения. Таким образом, связь между этими двумя правовыми понятиями состоит в том, что, хотя создание пародии и является разрешенным свободным использованием, целостность произведения выступает как его ограничение. Благодаря этой связи мы можем наблюдать упомянутую нами ранее практику значительного изменения произведений, срок охраны которых уже истек; пародирование и является ярким примером такой практики.

2. Моральные права автора и платформы социальных сетей

Мы уже привыкли к тому, что социальные сети ставят под угрозу тайну нашей частной жизни (Halász, 2020) и персональной информации, нарушают наши личные права. Почему же автор и его работа должны быть исключением? Принимают ли авторы тот факт, что соцсети могут навредить их работе и даже творчеству? Хотя чтение деструктивных, пренебрежительных комментариев о своей работе в публичном посте не является нарушением их моральных прав как авторов, оно может пагубно сказаться на творческом процессе. Таким образом, законодательные меры по поощрению творческой работы окажутся бесполезными, если на нее могут столь сильно влиять внешние факторы, не зависящие от автора.

Кроме того, если мы признаем, что в социальных сетях часто нарушаются личные и авторские права, можем ли мы также сказать, что соцсети оказывают исключительно вредное влияние на авторское право? Ответ на этот вопрос очевиден – нет, поскольку в демонстрации авторских произведений или их частей на социальных платформах нет ничего плохого. Более того, все чаще можно увидеть, как авторские произведения продвигаются на платформах социальных сетей, и, таким образом, авторы получают информацию об их использовании (Erdős, 2015).

В современном (медийном) контексте моральным правам автора следует уделять особое внимание, поскольку цифровая революция, которая оказывает значительное влияние на СМИ (Grazian, 2005), изменила ландшафт авторско-правовых отношений. В этом контексте необходимо подчеркивать гарантийный характер

¹⁴ Art. 7. of BC.

моральных прав, поскольку моральные соображения не менее важны для развития творческой деятельности, чем исключительные экономические права.

В контексте социальных сетей стоит упомянуть о феномене массового производства (Pogácsás, 2017), т. е. о массовом использовании и публикации произведений на этих платформах. Например, в Instagram¹⁵ выложено множество фотографий по-настоящему индивидуального, оригинального характера, что выделяет их среди обычных фотографий и, следовательно, дает право на защиту авторских прав.

Социальные сети также дают пользователям свободу самовыражения. Следовательно, это, вероятно, подходящая площадка для авторов, стремящихся опубликовать свои произведения. Закон об авторском праве не устанавливает, где должна происходить публикация произведений. При этом публикация в социальных сетях возможна не для всех видов произведений; например, там можно опубликовать фотографии, короткие видеоролики (в прямом эфире), стихи, короткие литературные произведения. Однако право на изъятие произведения, которое является элементом права на публикацию, в рамках социальных сетей вызывает сомнения¹⁶. Право на изъятие еще сложнее реализовать в мире Интернета и социальных платформ. Согласно закону Венгрии об авторском праве, авторы имеют право отозвать свое разрешение на публикацию произведения; отзыв должен быть сделан в письменной форме и по обоснованной причине. Они также имеют право запретить дальнейшее использование своих уже опубликованных произведений. Однако они обязаны возместить любой ущерб, который был нанесен до подачи заявления об отзыве. Это не касается права работодателя на дальнейшее использование произведений; также это не может, в случае уступки экономических прав, препятствовать лицу, которое приобрело экономические права, в использовании произведения на основе уступленных экономических прав. В этом случае требование письменной формы не может быть четко гарантировано и запрет на дальнейшее использование произведения также может быть проблематичным. Опубликованное ранее произведение можно удалить или скрыть из профиля, но если оно размещено в социальных сетях и в Интернете в целом, нет никакой гарантии, что оно будет удалено.

Согласно некоторым литературным данным, целостность произведений может быть относительно легко нарушена в социальных сетях, поскольку публикуемый контент часто использует части других произведений, что может исказить оригинальные произведения и представить их аудитории в ложном свете. В последние годы это наиболее заметно на примере мемов, которые часто создаются на основе сцен из известных фильмов, фоторабот или картин путем добавления юмористических подписей. В случае с мемами целостность оригинального произведения может быть в корне нарушена, так как посыл и идеи оригинального произведения часто используются в негативном ключе.

Однако следует помнить, что целью создателей мемов является не изменение произведения, а передача юмористического смысла через популярные образы. Таким образом, в случае мемов объектом авторского права является пародия.

¹⁵ Организация признана экстремистской, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

¹⁶ Например, Закон Венгрии об авторском праве предусматривает возможность изъятия произведения с определенными ограничениями (Art. 11 of the Act LXXVI of 1999 on Copyright Law).

На это указывала Европейская комиссия при разработке Директивы DSM, развеивая опасения интернет-сообщества, что смешные гифки и мемы станут жертвами фильтрации контента. С точки зрения защиты авторских прав следует также отметить, что мемы не считаются авторскими произведениями и даже рассматриваются многими как так называемый интернет-фольклор, или цифровой фольклор (Pogácsás, 2023).

В нынешнюю эпоху, когда цифровизация приводит к слиянию средств массовой информации и цифровых медиа, авторское право если и привлекает внимание, то скорее к экономическим правам, чем к моральным. В нашей повседневной жизни практически невозможно обойти стороной платформы социальных сетей, которые становятся влиятельными игроками на медиарынке, не производя никакого контента (Koltay, 2018). Тем самым они тесно соприкасаются с областью авторского права (моральных прав). По мнению некоторых ученых, авторские моральные права в этих областях могут рассматриваться как нежелательные (Pessach, 2003). Это наиболее ярко проявляется в контексте социальных платформ, где авторское право, и в частности моральные права, не является самоочевидным.

3. Моральные права автора и искусственный интеллект

3.1. Взаимоотношения искусственного интеллекта и авторского права

Не будет преувеличением сказать, что за последние несколько лет искусственный интеллект (далее – ИИ) благодаря множеству преимуществ проник в сферу не только естественных, но и общественных наук¹⁷. Появление искусственного интеллекта поднимает вопросы в области философии и психологии (Brozeka & Janik, 2019), образования (García-Peñalvo, 2023), этики (Carrillo, 2020; Schafer et al., 2015), а также вопросы правовой ответственности (Pusztahelyi & Stefán, 2022). Проводятся также многочисленные исследования проблемы интеллектуальной собственности (Mezei, 2020; Netz, 2018; Salami, 2021)¹⁸. Не решен вопрос о том, можно ли с точки зрения права рассматривать ИИ как личность. В юридической литературе подчеркивается, что по мере того, как системы ИИ становятся все более совершенными и начинают играть важную роль, возникают две причины, по которым они могут быть признаны лицами с точки зрения закона. С одной стороны, это вопрос ответственности, поскольку в случае проблем необходимо установить виновного. С другой стороны, возникают права, например, в случае интеллектуального творчества (Chesterman, 2020). Однако, с нашей точки зрения, дело не только в «обеспечении прав».

На вопрос о том, имеет ли ИИ моральные права, можно дать довольно очевидный ответ – не имеет. Гораздо сложнее ответить на целый ряд других вопросов: следует ли предоставлять защиту авторских прав на произведения, полностью или частично созданные искусственным интеллектом? Возможно ли обеспечить такую защиту? Если да, то при каких условиях? Кто должен рассматриваться в качестве

¹⁷ European Parliament. (2020, September 23). Artificial intelligence: threats and opportunities. <https://clck.ru/38VZGs>

¹⁸ Guadamuz, A. (2017, October). Artificial intelligence and copyright. WIPO Magazine. <https://clck.ru/38VZHo>; (2019, October 1). WIPO Conversation on Intellectual Property and Artificial Intelligence (September 27, 2019). WIPO. <https://clck.ru/38VZK6>

правообладателя? Заманчиво считать, что это тот, в чьих интересах работает ИИ, т. е. тот, кто его использует. По словам Anikó Grad-Gyenge, с юридической точки зрения не исключено, что создатель системы искусственного интеллекта или, скорее, тот, в чьих интересах она работает, должен быть владельцем авторских прав на продукт, который производит ИИ (Grad-Gyenge, 2023). Но, помимо этих основных вопросов, особый интерес вызывает объем прав. Как подчеркивается в юридической литературе, целью систем ИИ обычно не является создание авторских произведений (или продуктов, которые представляются авторскими). Как правило, они создаются для достижения конкретной цели, которая не может быть достигнута с помощью человеческого интеллекта или даже ранее созданными компьютерными средствами, или может быть достигнута ими только со значительно большими затратами. Однако существуют и ситуации, когда основная цель заключается в том, чтобы путем определенной обработки, анализа, «изучения» существующих результатов интеллектуальной деятельности создавать продукты, которые в конечном итоге могут заменить товары или услуги на рынке произведений культуры (Grad-Gyenge, 2023).

3.2. Роль моральных прав в формуле «искусственный интеллект – авторское право»

Если допустить, что существуют произведения, частично созданные ИИ (в большинстве случаев под контролем и руководством физического лица), то возникает обоснование для предоставления моральных прав. Изначально «возможность возникновения авторских прав на контент, созданный ИИ, неотъемлемо связана с владением соответствующими авторскими правами» (Miernicki & Ng, 2021).

Первоначальная функция и обоснование моральных прав состоят в выражении тесной моральной и интеллектуальной связи произведения с его создателем, что способствует поощрению дальнейшей творческой деятельности. С этой точки зрения, для произведений, созданных исключительно ИИ, нет необходимости говорить о моральных правах, поскольку нет человека, с которым они связаны. Автор данной публикации согласен с исследователями Martin Miernicki и Irene Ng в том, что «способность производить контент, охраняемый авторским правом, вряд ли эквивалентна наличию сферы личности, которую призваны защищать моральные права» (Miernicki & Ng, 2021). При этом создатель ИИ может иметь моральные права в отношении ИИ, но не в отношении новых произведений, созданных ИИ, поскольку они уже независимы от него.

Таким образом, главный вопрос заключается в проявлении индивидуальности и оригинальности в результате творческой деятельности человека. Как отмечает Jane C. Ginsburg, «если роль человека в получении этих результатов не превышает просьбы к компьютеру создать литературную, художественную или музыкальную композицию определенного стиля или жанра, то можно считать, что эти произведения сгенерированы компьютером, поскольку вклад человека в интеллектуальное творчество недостаточен для того, чтобы соответствовать минимальным стандартам авторства в соответствии с Бернской конвенцией» (Ginsburg, 2018).

Не стоит забывать, что моральные права не просто «создают славу автора», но во многих случаях представляют собой экономическую ценность (как своего рода бренд) и их нарушение, восстановление и материальные вопросы могут быть предметом юридических споров. Таким образом, в случае нарушения моральных прав

могут наступить экономические последствия. Стоит задуматься не только о том, можно ли предоставить права создателю или пользователю ИИ и каким образом это сделать, но и о том, кто будет ответственным за нарушение моральных прав других создателей (например, право на атрибуцию или право на целостность). В конце концов, права влекут за собой и обязанности. Представляется логичным, что если создатель или пользователь ИИ наделен моральными правами, то он также должен нести ответственность. Как уже отмечалось в предыдущей главе, в результате массового создания продуктов творчества в цифровую эпоху мы являемся одновременно и авторами, и пользователями. Если мы признаем защиту авторских прав на контент, созданный искусственным интеллектом, мы также должны рассматривать его как пользователя.

В марте 2016 г. в лондонском Художественном театре был представлен мюзикл под названием 'Beyond the Fence' («По ту сторону забора»). Хотя критики отметили, что пьеса не слишком понравилась, главной достопримечательностью стало не качество исполнения, а тот факт, что это первое сценическое произведение, созданное в основном искусственным интеллектом, хотя и с обработкой человеком. Мюзикл не является полностью компьютерным, поскольку в его создании участвовали композитор Бенджамин Тилл и писатель и актер Натан Тейлор. Пьеса была придумана и создана по «рецепту успеха», сгенерированному машиной, ведь музыкальная партитура создана по образцу самых известных в мире мюзиклов. Однако ожидания от постановки не оправдались. Одни утверждали, что она больше похожа на рекламу, чем на настоящую пьесу, и слишком предсказуема; другие признавали, что современные компьютеры могут писать музыку, но хорошую музыку они написать не могут; третьи утверждали, что никакой искусственный интеллект не сможет собрать вместе элементы, необходимые для настоящего мюзикла, поскольку этот процесс требует участия человека¹⁹.

Некоторые авторы отмечают, что, хотя долгое время машины и алгоритмы были лишь инструментами в руках творцов, ситуация изменилась, и теперь они гораздо чаще становятся частью творческого процесса (Hristov, 2017). Цитируемый автор считает, что креативность присуща деятельности ИИ и определяет всю суть творчества. В основе концепции творческой деятельности лежат индивидуальные способности и креативность, которые создают интеллектуальное богатство и способствуют экономическому процветанию (Simon, 2014). Необходимым условием творчества также является защита авторских прав, поскольку произведение должно быть результатом интеллектуальной деятельности автора. Интеллектуальная деятельность фактически является основой творчества. Кроме того, креативность машины во всем зависит от человека, который ее создал. Какие бы данные ни подавались в «искусственный мозг», какие бы «рецепты успеха» ни использовались, как в вышеупомянутом мюзикле, – такая деятельность не соответствует критерию интеллектуального творчества, а значит, и юридическому требованию, согласно которому произведение должно иметь индивидуальный характер.

Важнейший вопрос, связанный с моральными правами, в частности с правом на авторство и атрибуцию, – будут ли нарушены авторские права, если произведение

¹⁹ Souppouris, A. (2016, March 2). The first 'computer-generated' musical isn't very good. Engadget. <https://clck.ru/38VZMZ>

основано на «рецепте успеха» или если пользователь ИИ использует другие произведения или части произведений в качестве исходного материала или источника вдохновения. Ответ на этот вопрос зависит от нескольких факторов. С одной стороны, важно, являются ли элементы и части произведений, которые используются для машинного обучения, для создания работы ИИ, узнаваемыми, т. е. идентифицируемыми. Если да, то для использования произведения требуется разрешение автора оригинала. Если разрешение не запрашивается, то имеет место нарушение авторских, экономических и моральных прав (особенно права на авторство и права на атрибуцию). Кроме того, в некоторых случаях речь может идти о плагиате. С точки зрения права на целостность также возникает вопрос: должен ли автор используемого произведения знать, что его произведение полностью или частично используется для создания произведения, сгенерированного искусственным интеллектом? На наш взгляд, автор оригинала должен иметь эту информацию, потому что он мог бы не дать разрешения, если бы знал об этом факте. Право на целостность имеет значение, так как автор оригинала может заявить, что использование его произведения ущемляет его моральные права, нарушая целостность его оригинального произведения.

4. Моральные права автора и NFT

Помимо искусственного интеллекта, сфера, интересующая правоведов, занимающихся вопросами интеллектуальной собственности, – это влияние NFT (невзаимозаменяемых токенов) на законодательство об авторском праве. Взаимосвязи NFT и авторского права посвящено множество источников. Поэтому цель данной статьи – не повторять констатации этих правовых источников, а сосредоточиться на моральных правах автора произведения в связи с NFT.

В целом, согласно определению, NFT можно рассматривать как уникальные неделимые токены нового типа на основе блокчейна, которые отличаются от других цифровых активов, таких как токены и коины, своей неразрывной связью с базовым активом. Это также означает, что каждый NFT уникален, поэтому не может быть разделен или объединен с другими. NFT определяются и управляются «смарт-контрактом», который представляет собой отрезок кода, управляющий функционированием NFT (Murray, 2023). По словам Michael D. Murray, основное во взаимосвязи NFT с законом об интеллектуальной собственности то, что «NFT не являются художественным произведением, но художественное произведение отграничено от авторского права на него» (Murray, 2023).

НМТ связаны с цифровым художественным произведением, а значит, с точки зрения авторского права они относятся к сфере произведений изобразительного искусства в самом широком смысле, или, иначе говоря, к визуальным искусствам. Также важно дать определение визуальным искусствам и изобразительному искусству, учитывая различия этих двух понятий. Визуальный материал может принимать множество форм, таких как живопись, фотография, иллюстрации, ремесленные изделия и прикладное искусство (например, ювелирные изделия и керамика), дизайн, архитектура, печатные материалы (например, гравюры)²⁰. В источниках подчерки-

²⁰ Koskinen-Olsson, T., & Lowe, N. (2012). Management of Rights for Visual Arts and Photography: Educational Material on Collective Management of Copyright and Related Rights – Module 5. WIPO.

вается, что в изобразительном искусстве существует жанровая иерархия, определяемая степенью необходимой творческой фантазии, например, исторические картины в этой иерархии стоят выше натюрмортов. В одном из определений изобразительного искусства оно характеризуется как визуальное искусство, которое развивалось в основном по интеллектуальным и эстетическим причинам и ценится за свою красоту и содержание. Изобразительное искусство включает в себя живопись, графику, скульптуру и архитектуру²¹.

Для целей данного исследования необходимо, прежде всего, ответить на вопрос, важна ли защита моральных прав при создании цифрового произведения искусства. Ответ однозначно положительный, поскольку NFT призван гарантировать оригинальность и, следовательно, создается автором. Поэтому моральные права здесь необходимы, но не потому, что они важны для авторского права. С точки зрения NFT они важны потому, что декларируют право собственности и подлинность произведения, его наглядное воплощение в материальной форме. Для сравнения, в случае авторского права моральные права – это моральное, этическое признание вклада автора, отдельное от материальных благ. Таким образом, эти цели служат разным потребностям.

NFT нельзя отнести к цифровым правам, поскольку его ключевая функция – удостоверить, что цифровое произведение искусства является оригинальным. Таким образом, поскольку NFT относится в первую очередь к области права собственности, он в основном используется для подтверждения права собственности на физические активы или, главным образом, цифровые продукты, цифровые произведения искусства. Поэтому, что очень важно для вопросов авторского права, «художник может продать NFT, представляющий произведение, но ему не запрещено сохранять авторские права на произведение и создавать новые NFT» (Vjayakumaran, 2021). Это происходит из-за дихотомии между правом собственности и авторским правом на большинство произведений визуального искусства. Говоря простым языком, если в метавселенной у вас есть сумка Birkin-bag²², это не значит, что вы можете взять ее вечером в театр.

В контексте NFT мы сталкиваемся с последствиями многовекового несоответствия между авторским правом (авторство) и правом собственности (владение), что вновь приводит нас к моральному праву. В этом контексте можно выделить два вопроса. С одной стороны, необходимо рассмотреть, что важно для лица, которое является владельцем NFT произведения искусства, но не его автором. Исходя из природы и цели NFT, право на атрибуцию (а значит, и право на авторство) жизненно важно для его владельца. С другой стороны, все три моральных права важны для человека, создавшего цифровое произведение. Авторство и право на атрибуцию действительно теоретически сохраняются в аспекте NFT, что, несомненно, важно для автора. Право на публикацию становится излишним, поскольку очевидно, что автор может опубликовать произведение таким образом. Однако реализовать право на отзыв, как в случае с социальными сетями, проблематично, а точнее, практически невозможно.

²¹ Anthony, J. (2023, February). Fine Art Definition – A Brief Introduction to the Fine Arts. Artfile Magazine. <https://clck.ru/38VZNS>

²² Barber, J. (2022, February 17). Hermès' MetaBirkin NFT dispute and the future of metaverse IP. WIPR Bulletin. <https://clck.ru/38VZPQ>

Хотя право на целостность значимо для владельца произведения, однако обычно он не стремится изменить или исказить произведение. Если простой коллекционер, любитель искусства, приобретает оригинал работы Бэнкси, он, скорее всего, не собирается его как-то модифицировать. На первый взгляд, для автора должно быть выгодно, что NFT делает произведение неизменным, т. е. никто не может нарушить его целостность. И если кто-то (с точки зрения авторского права – пользователь) намерен реализовать собственный творческий порыв, адаптируя или изменяя чужие произведения, то NFT не будет препятствием, поскольку лишь сохраняет неизменность (целостность) данной копии. Хотя оригинальная, физическая версия цифрового произведения искусства, представленная в форме NFT, будет продолжать существовать, любой человек может создать измененную версию оригинального произведения, нарушив тем самым его целостность. Кроме того, следует заметить, что NFT не защищает и не воплощает любые моральные права, а лишь таковые на визуальные произведения и исключительно для конкретной копии, что особенно верно в отношении права на атрибуцию.

Заключение

В данной работе мы рассмотрели догматические основы моральных прав авторов произведений, вопросы их международной защиты и развития, а также их место в цифровую эпоху. Основной вопрос исследования – действуют ли моральные права в цифровом пространстве так же, как и в классических отношениях авторского права. Простой ответ на этот вопрос заключается в том, что они действуют по-другому. Цель и обоснование создания моральных прав совершенно не соответствуют тем условиям, в которых они применяются сейчас. Авторское право сталкивается с проблемой соответствия технологическому прогрессу, и особые сложности возникают в отношении моральных прав. Защита моральных прав характеризуется двойственностью: она слабо гармонизирована на международном уровне и на уровне ЕС, поскольку разные страны относятся к моральным правам по-разному. Это означает, что в дополнение к минимальной международной защите национальное законодательство должно защищать моральные права с помощью законов об авторском праве. В большинстве европейских стран моральные права пользуются очень сильной защитой на уровне законодательства. Однако следует признать, что эффективную защиту трудно обеспечить на практике, так как в случае нарушения моральных прав гораздо сложнее количественно определить размер причиненного ущерба в отличие от более простой количественной оценки экономических прав.

Технический прогресс не может и не должен останавливаться. Догматика моральных прав – это данность, в некоторых аспектах она неизменна. Ситуацию можно образно выразить как необходимость сближения двух точек, движущихся по совершенно разным траекториям, что представляется практически невозможным. Нельзя ожидать, что одна из точек изменит свою траекторию. Главное – при использовании технологических достижений и цифровых инструментов в этой области не забывать о творческом характере человеческой деятельности и уважать творения человека.

Список литературы

- Adeney, E. (2006). *The Moral Rights of Authors and Performers. An International and Comparative Analysis*. New York: Oxford University Press.
- Adler, A. (2009). Against Moral Rights, *California Law Review*, 97(1), 263.
- Brožeka, B., & Janik, B. (2019). Can artificial intelligences be moral agents? *New Ideas in Psychology*, 54(8), 101–106. <https://doi.org/10.1016/j.newideapsych.2018.12.002>
- Carrillo, M. R. (2020). Artificial intelligence: From ethics to law. *Telecommunications Policy*, 44(6). <https://doi.org/10.1016/j.telpol.2020.101937>
- Chesterman, S. (2020). Artificial Intelligence And The Limits Of Legal Personality. *International and Comparative Law Quarterly*, 69(4), 819–844. <https://doi.org/10.1017/S0020589320000366>
- de Werra, J. (2009). The moral right of integrity. E. Derclay (Ed.), *Research Handbook on the Future of EU Copyright* (p. 672). Edward Elgar Publishing, Cheltenham. <https://doi.org/10.4337/9781848446007.00016>
- Dinwoodie, G. B. (2002). The Architecture of the International Intellectual Property System. *Chicago-Kent Law Review*, 77(3).
- Dworkin, G. (1995). The Moral Right of the Author: Moral Rights and the Common Law Countries. *Columbia-VLA Journal of Law & the Arts*, 19(3–4).
- Erdős, B. (2015). A zenei üzleti modellek szerzői jogi háttere. *Médiakutató*, 16(3).
- Ficsor, M. (2003). *Guide to the Copyright and Related Rights Treaties Administered by WIPO, and Glossary of Copyright and Related Rights Terms*. World Intellectual Property Organization, Geneva. <https://doi.org/10.34667/tind.36255>
- García-Peñalvo, F. J. (2023). The perception of Artificial Intelligence in educational contexts after the launch of ChatGPT: Disruption or Panic? *Education in the Knowledge Society*, 24(1). <https://doi.org/10.14201/eks.31279>
- Ginsburg, J. C. (1990). A Tale of Two Copyrights: Literary Property in Revolutionary France and America. *Tulane Law Review*, 64(5), 991–995.
- Ginsburg, J. C. (2002). Essay – How Copyright Got a Bad Name for Itself? *The Columbia Journal of Law & the Arts*, 26(1). <https://doi.org/10.2139/ssrn.342182>
- Ginsburg, J. C. (2018). People Not Machines: Authorship and What It Means in the Berne Convention. *International Review of Intellectual Property and Competition Law*, 49(1), 131–135. <https://doi.org/10.1007/s40319-018-0670-x>
- Ginsburg, J. C. (2001). Have Moral Rights Come of (Digital) Age in the United States? *Cardozo Arts & Entertainment Law Journal*, 19(9).
- Goldschmidt, J. (2002). In Defense of Ghostwriting. *Fordham Urban Law Journal*, 29(3), 1145–1212.
- Grad-Gyenge, A. (2023). A mesterséges intelligencia által generált tartalmak értelmezésének lehetőségei a szerzői jog útján. *MTA Law Working Papers*, 2023(2).
- Grazian, D. (2005). A Digital Revolution? A Reassessment of New Media and Cultural Production in the Digital Age. *Annals of AAPSS*, 597(1). <https://doi.org/10.1177/0002716204270286>
- Grosheide, W. (2009). Moral rights. In E. Derclay (Ed.), *Research Handbook on the Future of EU Copyright*. Edward Elgar Publishing, Cheltenham. <https://doi.org/10.4337/9781848446007.00015>
- Gyertyánfy, P. (2014). *Nagykommentár a szerzői jogi törvényhez*. Wolters Kluwer, Budapest.
- Halász, Cs. (2020). Személyiségi jogok a közösségi médiában – új kihívások a bírói gyakorlat tükrében. *Publicationes Universitatis Miskolcensis, Sectio Juridica et Politica*, 38(1), 341–357. <https://doi.org/10.32978/sjp.2020.020>
- Hristov, K. (2017). Artificial Intelligence and the Copyright Dilemma. *IDEA – The Journal of the Franklin Pierce Centre for Intellectual Property*, 57, 431–454.
- Koltay, A. (2018). A véleménynyilvánításszabadsága. In A. Jakab, & B. Fekete (Eds.), *Internetes Jogtudományi Enciklopédia* (Alkotmányjogrovat). [u](https://www.alkotmanyjogrovat.hu)
- Kwall, R. R. (1997). How Fine Art Fares Post VARA. *Marquette Intellectual Property Law Review*, 1(1).
- Mezei, P. (2020). From Leonardo to the Next Rembrandt – The Need for AI-Pessimism in the Age of Algorithms. *UFITA*, 84(2). <https://doi.org/10.5771/2568-9185-2020-2-390>
- Miernicki, M., & Ng, I. (2021). Artificial intelligence and moral rights. *AI & Society*, 36(4), 319–329. <https://doi.org/10.1007/s00146-020-01027-6>
- Murray, M. D. (2023). Transfers and Licensing of Copyrights to NFT Purchasers. *Stanford Journal of Blockchain Law & Policy*, 6(1). <https://doi.org/10.2139/ssrn.4152475>
- Netz, D. (2018). A mesterséges intelligencia hatása a szerzői jogra. *Iparjogvédelmi és Szerzői Jogi Szemle*, 13(6).

- Pessach, G. (2003). The Author's Moral Right of Integrity in Cyberspace – A Preliminary Normative Framework. *International Review of Industrial Property and Copyright Law*, 35(3).
- Pogácsás, A. (2022). Formalitásmentes oltalom elve a szerzői jogban – pusztá hagyománytisztelet vagy a modern szerzői jog kiindulópontja? In Á. Juhász(Ed.), *Elmélet és praktikum – hagyománytisztelet és modernitás* (pp. 78–92). Miskolci Egyetem Állam- és Jogtudományi Kar Miskolc.
- Pogácsás, A. (2014). A szerző jelentősége és művével való kapcsolata. *Iustum Aequum Salutare*, 10(1), 149–162.
- Pogácsás, A. (2017). Tartalomáramlás és hozzáférése szerzői jog „fogyasztói korszakában”. *Medias Res*, 6(1).
- Pogácsás, A. (2023). Az internetfolklor szerzői jogi megítélése és annak hatása a szólásszabadságra. *Medias Res*, 12(1). <https://doi.org/10.59851/imr.12.1.1>
- Pusztahelyi, R., & Stefán, I. (2022). Household Social Robots – Special Issues Relating to Data Protection. *Acta Universitatis Sapientiae Legal Studies*, 11(1), 95–118. <https://doi.org/10.47745/AUSLEG.2022.11.1.06>
- Rose, M. (1994). *Authors and Owners: The Invention of Copyright*. Harvard University Press Cambridge.
- Salami, E. (2021). AI-generated works and copyright law: towards a union of strange bedfellows. *Journal of Intellectual Property Law & Practice*, 16(2). <https://doi.org/10.1093/jiplp/jpaa189>
- Sápi, E., & Halász, Cs. (2021). Mephisto hamarosan ötvenéves. Az alkotás és a véleménynyilvánítás szabadságának szerzői és személyiségi jogi ütközéspontjai. *Medias Res*, 10(1).
- Schafer, B. et al. (2015). A fourth law of robotics? Copyright and the law and ethics of machine co-production. *Artificial Intelligence and Law*, 23(3), 217–240. <https://doi.org/10.1007/s10506-015-9169-7>
- Schéré, E. (2018). Where is the Morality? Moral Rights in International Intellectual Property and Trade Law. *Fordham International Law Journal*, 41(3).
- Simon, D. (2014). *A szerzői jogi ágazatok gazdasági ágazatok súlya Magyarországon 4*. Budapest, Szellemi Tulajdon Nemzeti Hivatala.
- Stokes, S. (2012). *Art and Copyright*. Hart Publishing, Oxford.
- Sword, H. (2002). *Ghostwriting Modernism*. Cornell University Press, Ithaca. <https://doi.org/10.7591/9781501717666>
- Vjayakumaran, A. (2021). NFTs and Copyright Quandary. *Journal of Intellectual Property, Information Technology and Electronic Commerce Law*, 12(5).

Сведения об авторе

Эдит Сапи – PhD, доцент, кафедра гражданского права, Университет Мишкольца

Адрес: H-3515 Университетский городок, г. Мишкольц, Венгрия

E-mail: edit.sapi@uni-miskolc.hu

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9152-5950>

Scopus Author ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57308570200>

WoS Researcher ID: <https://www.webofscience.com/wos/author/record/AEQ-0477-2022>

Google Scholar ID: <https://scholar.google.hu/citations?user=KTxQEiMAAAAJ>

Конфликт интересов

Автор сообщает об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование

Исследование не имело спонсорской поддержки.

Тематические рубрики

Рубрика OECD: 5.05 / Law

Рубрика ASJC: 3308 / Law

Рубрика WoS: OM / Law

Рубрика ГРНТИ: 10.41.91 / Авторское право и смежные права в отдельных странах

Специальность ВАК: 5.1.3 / Частно-правовые (цивилистические) науки

История статьи

Дата поступления – 30 июля 2023 г.

Дата одобрения после рецензирования – 12 августа 2023 г.

Дата принятия к опубликованию – 15 марта 2024 г.

Дата онлайн-размещения – 20 марта 2024 г.

Research article

UDC 34:004:347.78:004.8

EDN: <https://elibrary.ru/shflwb>

DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.8>

Authors' Moral Rights in the Digital Environment

Edit Sápi

University of Miskolc, Miskolc, Hungary

Keywords

artificial intelligence,
author's moral rights,
copyright,
digital environment,
digital technologies,
intellectual property right,
law,
non-fungible tokens (NFT),
protection of copyright,
social networks

Abstract

Objective: to answer the question whether the authors' moral rights in the digital environment correspond to their original purpose, and to determine the impact of the development of social networking platforms, artificial intelligence technologies and non-fungible tokens (NFT) on the transformed role and features of the protection of the author's moral rights under modern conditions.

Methods: the research is based on historical-legal, comparative-legal and formal-dogmatic methods. Legal institutions and legal practice on the issue of protection of the author's moral rights are subjected to critical analysis.

Results: the genesis and normative fixation of the author's moral rights are investigated in historical retrospect. It is noted that at present the protection of these rights is insufficiently regulated at the international level, while national copyright law, for example, of continental European states, provides a sufficiently strong protection of the author's moral rights; however, the effectiveness of the latter is weakening in the digital age. The paper analyzes the changing landscape of copyright relations caused by technological progress: in social networks, in the generation of works by artificial intelligence, and in the creation of digital works of art. The thesis is substantiated that the author's moral rights are undesirable in the context of social platforms. The paper proposes solutions to the issues of authorship of works created by artificial intelligence, violation of author's rights, and integrity in case of full or partial borrowing of a work to generate a new work by artificial intelligence. The role of NFT technologies in solving the problem of preserving the author's moral rights is defined.

Scientific novelty: the work fills a gap in research on the relationship between copyright and technological development. It identifies and evaluates the innovations in the purpose and content of the author's moral rights, caused by the processes of digitalization, and attempts to solve the problem of the author's rights compliance with technological progress.

© Sápi E., 2023

This is an Open Access article, distributed under the terms of the Creative Commons Attribution licence (CC BY 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>), which permits unrestricted re-use, distribution and reproduction, provided the original article is properly cited.

Practical significance: the obtained results may serve as a conceptual basis for further development and improvement of national legislation and international legal regulation in the field of copyright protection, transformation of the objectives, role and place of the author's moral rights in the digital environment.

For citation

Sápi, E. (2024). Authors' Moral Rights in the Digital Environment. *Journal of Digital Technologies and Law*, 2(1), 141–162. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.8>

References

- Adeney, E. (2006). *The Moral Rights of Authors and Performers. An International and Comparative Analysis*. New York: Oxford University Press.
- Adler, A. (2009). Against Moral Rights. *California Law Review*, 97(1), 263.
- Brožeka, B., & Janik, B. (2019). Can artificial intelligences be moral agents? *New Ideas in Psychology*, 54(8), 101–106. <https://doi.org/10.1016/j.newideapsych.2018.12.002>
- Carrillo, M. R. (2020). Artificial intelligence: From ethics to law. *Telecommunications Policy*, 44(6). <https://doi.org/10.1016/j.telpol.2020.101937>
- Chesterman, S. (2020). Artificial Intelligence And The Limits Of Legal Personality, *International and Comparative Law Quarterly*, 69(4), 819–844. <https://doi.org/10.1017/S0020589320000366>
- de Werra, J. (2009). The moral right of integrity. E. Derclaye (Ed.), *Research Handbook on the Future of EU Copyright* (p. 672). Edward Elgar Publishing, Cheltenham. <https://doi.org/10.4337/9781848446007.00016>
- Dinwoodie, G. B. (2002). The Architecture of the International Intellectual Property System. *Chicago-Kent Law Review*, 77(3).
- Dworkin, G. (1995). The Moral Right of the Author: Moral Rights and the Common Law Countries. *Columbia-VLA Journal of Law & the Arts*, 19(3–4).
- Erdős, B. (2015). A zenei üzleti modellek szerzői jogi háttere. *Médiakutató*, 16(3).
- Ficsor, M. (2003). *Guide to the Copyright and Related Rights Treaties Administered by WIPO, and Glossary of Copyright and Related Rights Terms*. World Intellectual Property Organization, Geneva. <https://doi.org/10.34667/tind.36255>
- García-Peñalvo, F. J. (2023). The perception of Artificial Intelligence in educational contexts after the launch of ChatGPT: Disruption or Panic? *Education in the Knowledge Society*, 24(1). <https://doi.org/10.14201/eks.31279>
- Ginsburg, J. C. (1990). A Tale of Two Copyrights: Literary Property in Revolutionary France and America. *Tulane Law Review*, 64(5), 991–995.
- Ginsburg, J. C. (2002). Essay – How Copyright Got a Bad Name for Itself? *The Columbia Journal of Law & the Arts*, 26(1). <https://doi.org/10.2139/ssrn.342182>
- Ginsburg, J. C. (2018). People Not Machines: Authorship and What It Means in the Berne Convention. *International Review of Intellectual Property and Competition Law*, 49(1), 131–135. <https://doi.org/10.1007/s40319-018-0670-x>
- Ginsburg, J. C. (2001). Have Moral Rights Come of (Digital) Age in the United States? *Cardozo Arts & Entertainment Law Journal*, 19(9).
- Goldschmidt, J. (2002). In Defense of Ghostwriting. *Fordham Urban Law Journal*, 29(3), 1145–1212.
- Grad-Gyenge, A. (2023). A mesterséges intelligencia által generált tartalmak értelmezésének lehetőségei a szerzői jog útján. *MTA Law Working Papers*, 2023(2).
- Grazian, D. (2005). A Digital Revolution? A Reassessment of New Media and Cultural Production in the Digital Age. *Annals of AAPSS*, 597(1). <https://doi.org/10.1177/0002716204270286>
- Grosheide, W. (2009). Moral rights. In E. Derclay (Ed.), *Research Handbook on the Future of EU Copyright*. Edward Elgar Publishing, Cheltenham. <https://doi.org/10.4337/9781848446007.00015>
- Gyertyánfy, P. (2014). *Nagykommentár a szerzői jogi törvényhez*. Wolters Kluwer, Budapest.

- Halász, Cs. (2020). Személyiségi jogok a közösségi médiában – új kihívások a bírói gyakorlat tükrében. *Publicationes Universitatis Miskolcensis, Sectio Juridica et Politica*, 38(1), 341–357. <https://doi.org/10.32978/sjp.2020.020>
- Hristov, K. (2017). Artificial Intelligence and the Copyright Dilemma. *IDEA – The Journal of the Franklin Pierce Centre for Intellectual Property*, 57, 431–454.
- Koltay, A. (2018). A véleménynyilvánításszabadsága. In A. Jakab, & B. Fekete (Eds.), *Internetes Jogtudományi Enciklopédia* (Alkotmányjogrovat).
- Kwall, R. R. (1997). How Fine Art Fares Post VARA. *Marquette Intellectual Property Law Review*, 1(1).
- Mezei, P. (2020). From Leonardo to the Next Rembrandt – The Need for AI-Pessimism in the Age of Algorithms. *UFITA*, 84(2). <https://doi.org/10.5771/2568-9185-2020-2-390>
- Miernicki, M., & Ng, I. (2021). Artificial intelligence and moral rights. *AI & Society*, 36(4), 319–329. <https://doi.org/10.1007/s00146-020-01027-6>
- Murray, M. D. (2023). Transfers and Licensing of Copyrights to NFT Purchasers. *Stanford Journal of Blockchain Law & Policy*, 6(1). <https://doi.org/10.2139/ssrn.4152475>
- Netz, D. (2018). A mesterséges intelligencia hatása a szerzői jogra. *Iparjogvédelmi és Szerzői Jogi Szemle*, 13(6).
- Pessach, G. (2003). The Author's Moral Right of Integrity in Cyberspace – A Preliminary Normative Framework. *International Review of Industrial Property and Copyright Law*, 35(3).
- Pogácsás, A. (2022). Formalitásmentes oltalom elve a szerzői jogban – pusztá hagyománytisztelet vagy a modern szerzői jog kiindulópontja? In Á. Juhász(Ed.), *Elmélet és praktikum – hagyománytisztelet és modernitás* (pp. 78–92). Miskolci Egyetem Állam- és Jogtudományi Kar Miskolc.
- Pogácsás, A. (2014). A szerző jelentősége és művével való kapcsolata. *Iustum Aequum Salutare*, 10(1), 149–162.
- Pogácsás, A. (2017). Tartalomáramlás és hozzáférése szerzői jog „fogyasztói korszakában”. *Medias Res*, 6(1).
- Pogácsás, A. (2023). Az internetfolklor szerzői jogi megítélése és annak hatása a szólásszabadságra. *Medias Res*, 12(1). <https://doi.org/10.59851/imr.12.1.1>
- Pusztahelyi, R., & Stefán, I. (2022). Household Social Robots – Special Issues Relating to Data Protection. *Acta Universitatis Sapientiae Legal Studies*, 11(1), 95–118. <https://doi.org/10.47745/AUSLEG.2022.11.1.06>
- Rose, M. (1994). *Authors and Owners: The Invention of Copyright*. Harvard University Press Cambridge.
- Salami, E. (2021). AI-generated works and copyright law: towards a union of strange bedfellows. *Journal of Intellectual Property Law & Practice*, 16(2). <https://doi.org/10.1093/jiplp/jpaa189>
- Sápi, E., & Halász, Cs. (2021). Mephisto hamarosan ötvenéves. Az alkotás és a véleménynyilvánítás szabadságának szerzői és személyiségi jogi ütközéspontjai. *Medias Res*, 10(1).
- Schafer, B. et al. (2015). A fourth law of robotics? Copyright and the law and ethics of machine co-production. *Artificial Intelligence and Law*, 23(3), 217–240. <https://doi.org/10.1007/s10506-015-9169-7>
- Schéré, E. (2018). Where is the Morality? Moral Rights in International Intellectual Property and Trade Law. *Fordham International Law Journal*, 41(3).
- Simon, D. (2014). *A szerzői jogi ágazatok gazdasági ágazatok súlya Magyarországon 4*. Budapest, Szellemi Tulajdon Nemzeti Hivatala.
- Stokes, S. (2012). *Art and Copyright*. Hart Publishing, Oxford.
- Sword, H. (2002). *Ghostwriting Modernism*. Cornell University Press, Ithaca. <https://doi.org/10.7591/9781501717666>
- Vjayakumaran, A. (2021). NFTs and Copyright Quandary. *Journal of Intellectual Property, Information Technology and Electronic Commerce Law*, 12(5).

Author information

Edit Sapi – PhD, Assistant Professor, Department of Civil Law, Faculty of Law, University of Miskolc

Address: 3515 Miskolc-Egyetemváros, Miskolc, Hungary

E-mail: edit.sapi@uni-miskolc.hu

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9152-5950>

Scopus Author ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57308570200>

WoS Researcher ID: <https://www.webofscience.com/wos/author/record/AEQ-0477-2022>

Google Scholar ID: <https://scholar.google.hu/citations?user=KTxQEiMAAAAJ>

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Financial disclosure

The research had no sponsorship.

Thematic rubrics

OECD: 5.05 / Law

PASJC: 3308 / Law

WoS: OM / Law

Article history

Date of receipt – July 30, 2023

Date of approval – August 12, 2023

Date of acceptance – March 15, 2024

Date of online placement – March 20, 2024

Научная статья

УДК 34:004:336.22:347.73

EDN: <https://elibrary.ru/zuaihn>

DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.9>

Цифровая трансформация принципов налогового права

Ольга Игоревна Лютова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Ключевые слова

единый налоговый платеж,
институт налогового права,
налог на профессиональный
доход,
налоговая обязанность,
налоговый мониторинг,
право,
принцип налогового права,
самостоятельность уплаты
налога,
справедливость
налогообложения,
цифровые технологии

Аннотация

Цель: поиск концептуальных проблем, особенностей и перспектив развития содержания принципов налогового права и института налоговой обязанности в контексте современных тенденций цифровизации.

Методы: основу исследования составляет совокупность общенаучных (анализ и синтез, индукция и дедукция) и специально-юридических (формально-юридический, сравнительно-правовой) методов познания.

Результаты: определены основные особенности принципов налогового права, позволяющие охарактеризовать процесс их цифрового развития, а именно: расширение перечня таких принципов, изменение их содержания, осуществляемое преимущественным образом на уровне институциональных принципов налогообложения. Сформулирован вывод о том, что в цифровую эпоху принципы налогового права сохраняют свое теоретическое значение как важнейшая категория соответствующей науки. Автор приходит к выводу о том, что основными направлениями цифровой трансформации институционального принципа самостоятельности исполнения налоговой обязанности являются: во-первых, расширение круга налогоплательщиков, в отношении которых допускается «переложение» обязанности по исчислению налога на налоговый орган, и, во-вторых, изменение механизма исполнения обязанности по уплате налога, реализуемое в том числе путем увеличения налоговых обязанностей у государственных органов и кредитных организаций.

Научная новизна: в работе дана оценка имеющихся в научной литературе и нормативно-правовой базе подходов к вопросу трансформации содержания принципов налогообложения, осуществляемой под влиянием активизации использования в налоговых отношениях информационно-коммуникационных технологий. Также проанализированы особенности цифровой трансформации принципов одного из основных налогово-правовых институтов – налоговой обязанности.

© Лютова О. И., 2024

Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал при условии, что оригинальная работа упомянута с соблюдением правил цитирования.

Практическая значимость: обусловлена отставанием темпов развития налогового законодательства Российской Федерации от объективных процессов создания и применения новых информационно-коммуникационных технологий, используемых в налоговых и смежных с ними отношениях. Основные положения и выводы настоящего исследования могут быть использованы для совершенствования налогового законодательства в части развития положений о новых институтах налогового права – налога на профессиональный доход, налогового мониторинга, единого налогового платежа, а также в отношении автоматизированной упрощенной системы налогообложения.

Для цитирования

Лютова, О. И. (2024). Цифровая трансформация принципов налогового права. *Journal of Digital Technologies and Law*, 2(1), 163–180. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.9>

Содержание

Введение

1. Теоретические вопросы развития принципов налогового права в условиях цифровизации экономики

1.1. Ключевые особенности цифровой трансформации принципов налогового права

1.2. Проблемы (риски) развития содержания принципов налогообложения периода цифровой трансформации

2. Цифровая трансформация содержания принципов налогового права (на примере принципов института налоговой обязанности)

Заключение

Список литературы

Введение

Вопросы понятия и видов принципов налогового права¹ являются одними из наиболее распространенных предметов теоретических дискуссий в современной налогово-правовой доктрине. Действительно, значимость таких принципов как для теории налогового права, так и для практики налогового правоприменения неоспорима и постоянно подчеркивается исследователями-налоговедами на различных этапах развития научной мысли в области налогообложения. Роль принципов налогообложения заключается в том, что они составляют первооснову развития налоговой политики и налогового законодательства, являясь при этом универсальным мерилom качества новых норм, представляют собой гарантии прав и законных интересов участников налоговых отношений, а также способствуют разрешению коллизионных ситуаций между налогоплательщиками и налоговыми органами.

¹ В рамках настоящего исследования понятия принципов налогового права и налогообложения используются в качестве синонимичных с точки зрения их содержания и классификации на виды.

Показательно, что на сегодняшний день в науке налогового права нет единства мнений по ряду вопросов, связанных с принципами соответствующей отрасли. Например, широким обсуждениям подвергается само их понятие, перечень, а также возможность признания в качестве самостоятельных принципов различных явлений, например, выводов, содержащихся в решениях высших судебных инстанций или налоговых органов. Это обстоятельство обуславливает необходимость проведения дальнейших исследований феномена принципов налогообложения с учетом происходящих изменений во всех сферах общественной жизни и в различных отраслях законодательства, в том числе связанных с развитием и внедрением в жизнедеятельность общества и хозяйственный оборот информационных технологий и возможным появлением так называемых цифровых правоотношений (Банакас и др., 2023).

Действительно, перманентная важность «проведения ревизии» принципов налогового права предопределяется высоким уровнем динамичности налогового законодательства, сочетающимся с необходимостью обеспечения реализации идеи баланса публичных и частных интересов в налоговой сфере (Тропская, 2008). В этой связи отметим, что современная эпоха цифровизации, в полной мере затронувшая сферу налогообложения, стала значимым фактором, влияние которого трансформирует не только отдельные правила, касающиеся прав и обязанностей сторон налоговых отношений, но и ставит вопросы возможной трансформации содержания «классических» категорий налогового права, составляющих его инструментарий (объект налогообложения, налоговая правосубъектность, налоговый суверенитет и т. д.) (Argilés-Bosch et al., 2021; Zhou, et al., 2022; Bassey et al., 2022; Cong et al., 2023). Принципы налогового права представляют собой одну из общепризнанных фундаментальных категорий, а значит, являются предметом научной дискуссии.

В качестве примера, подтверждающего существенность влияния цифровизации на принципы налогового права, можно привести использование технологии блокчейн в налоговом администрировании, в основе концепции правового регулирования которого лежит идея появления новых специальных налогово-правовых принципов, на основании которых осуществляется реализация налоговых отношений в условиях применения блокчейна (Лютлова и Фиалковская, 2021; Wang et al., 2024; Guo et al., 2023; He, & Yang, 2023).

Таким образом, неизбежность процесса цифровизации (Шохин и др., 2021), влекущая развитие института принципов налогообложения, обуславливает необходимость теоретической оценки такой трансформации, а также выработки практических рекомендаций по совершенствованию норм налогового права в условиях Четвертой промышленной революции.

1. Теоретические вопросы развития принципов налогового права в условиях цифровизации экономики

1.1. Ключевые особенности цифровой трансформации принципов налогового права

Правовое регулирование принципов налогообложения представляет собой самостоятельный институт общей части налогового права. Соответственно, его развитие в различных социально-экономических условиях характеризуется некоторыми особенностями, предопределенными динамикой и направленностью новых направлений налоговой политики в сфере цифровизации. К числу таких особенностей можно отнести следующие.

Во-первых, цифровизация обуславливает процесс расширения перечня налогово-правовых принципов.

Так, например, анализируя развитие финансово-правовых принципов в условиях цифровой экономики, профессор Е. Г. Беликов отмечает появление новых принципов финансового права: принципа автоматизации, принципа информатизации, принципа информационной открытости (Беликов, 2020). Поскольку общепризнанной является идея включения налогового права в систему финансово-правового регулирования (Грачева, 2013), считаем справедливым «проецировать» их на налоговое право как крупнейшую его подотрасль.

Действительно, принцип автоматизации, предполагающий использование информационных технологий и автоматизированных информационных систем, реализуется в налогообложении в полной мере: созданы цифровые сервисы взаимодействия налогоплательщиков с налоговыми органами, активно развивается переход к исполнению ряда налоговых обязанностей в электронной форме, по большей части автоматизирован процесс организации и проведения налогово-контрольных мероприятий. В свою очередь, информатизация, означающая отсутствие необходимости для контролирующего органа запрашивать у проверяемого необходимые документы и информацию, содержащуюся в государственных информационных системах, в налоговых отношениях выражается в создании для налоговых органов в информационном объединении федеральных и региональных налоговых органов, разработки собственных информационных систем ФНС России. Наконец, принцип информационной открытости, являющийся современным отражением принципа гласности в деятельности государственных органов, выражается в доступности информации о проведенных контрольных мероприятиях налоговых органов в пределах, установленных налоговым законодательством, что возможно благодаря использованию информационных технологий.

Принципиально важно отметить, что указанные принципы являются отраслевыми, поскольку реализуются в отношении большинства институтов налогового права: налоговых обязанностей и их исполнения, налоговом контроле, а также в различных институтах особенной части, связанных с исчислением и уплатой отдельных налогов. Именно универсальный характер принципов налогового права цифровой эпохи позволяет рассматривать такие принципы в том числе в качестве необходимых требований применения цифровых технологий в сфере налогообложения.

Во-вторых, существенным изменениям подвергается не само понятие принципа налогового права, а содержание отдельных видов принципов.

Изменения содержания различных принципов налогообложения, прежде всего, на наш взгляд, связаны с отсутствием отдельного блока норм о цифровизации налогообложения в налоговом законодательстве, включающем общие положения – основы цифровой трансформации налоговых отношений.

Также важно отметить, что в силу объективной абстрактности и отсутствия единого мнения у ученых-теоретиков по вопросу содержания понятия «принцип права» (Поветкина, 2017), актуальные подходы к толкованию категории «принцип налогового права» будут востребованными и при регулировании вновь возникающих налоговых отношений. В силу этого невозможным представляется согласиться с тезисом о том, что в настоящее время под влиянием цифровых новелл переосматриваются основные категории налогового права (Tsindeliani et al., 2019) именно в отношении налогово-правовых принципов.

В-третьих, цифровая трансформация осуществляется преимущественным образом на уровне институциональных, а не общетраслевых принципов налогообложения.

Логично, что появление новых налогово-правовых институтов должно обеспечиваться специфическими, только им свойственными идеями и началами принципиального характера. Так, на основании анализа налогового законодательства и научной литературы можно отметить, что принципами проведения налогового мониторинга, механизм осуществления которого в полной мере основан на возможностях информационно-коммуникационных технологий, являются, в частности, добровольность, взаимное сотрудничество налогоплательщика и налогового органа, открытости и прозрачности деятельности сторон налогового мониторинга, освобождения от проведения налоговых проверок, оперативного разрешения споров с помощью мотивированного мнения как нового инструмента для налоговых правоотношений, освобождение от начисления пеней и привлечения к налоговой ответственности (Курбатова, 2018). Аналогичным образом институт налога на профессиональный доход базируется на принципах простоты и удобства исчисления и уплаты такого налога самозанятыми, что неоднократно подчеркивалось как государственными органами в официальных документах², так и исследователями (Бозиев, 2022).

1.2. Проблемы (риски) развития содержания принципов налогового права цифровой эпохи

Помимо характерных черт, цифровизация принципов налогового права осуществляется в условиях реализации ряда обстоятельств, представляющих собой проблемные вопросы цифровой трансформации содержания таких принципов. Действительно, анализ развития содержания налогово-правовых принципов затрудняется некоторыми рисками, к числу которых относят следующие.

Во-первых, сам перечень принципов налогового права на сегодняшний день не является однозначным. Этот факт существенным образом затрудняет решение вопроса о возможности изменения объема принципов налогообложения.

Такая неоднозначность предопределяется следующими обстоятельствами:

– ряд принципов налогового права напрямую закрепляются в налоговом законодательстве (нормы-принципы), а некоторые из них могут «выводиться из содержания права путем толкования»³. При этом цифровизация обуславливает важность проведения анализа содержания, прежде всего, общепризнанных принципов налогового права, именуемых основными началами налогового законодательства и на законодательном уровне содержащихся в ст. 3 Налогового кодекса РФ (далее – НК РФ). Соотнесение новых налогово-правовых явлений с содержанием таких принципов позволяет дать им оценку с точки зрения перспектив возможного развития.

В частности, профессора М. Д. Напсо и М. Б. Напсо отмечают высокий уровень значимости принципа справедливости в цифровую эпоху, несмотря на отсутствие упоминания о таком принципе в ст. 3 НК РФ, регулирующей основные принципы налогообложения. Авторы отмечают необходимость законодательного закрепления такого принципа, указывая на его важность наряду с обязательностью, законностью, добровольностью, равенством и всеобщностью налогообложения (Напсо, Напсо, 2020).

² См., например: О применении НПД в отношении деятельности по сдаче в аренду нежилых помещений: Письмо Минфина России от 24 февраля 2022 г. № 03-11-11/12806.

³ Тютин, Д. В. (2020). Налоговое право: курс лекций. СПС КонсультантПлюс.

Другим аспектом роста значимости реализации принципа справедливости в условиях цифровизации является необходимость решения вопроса распределения прибыли цифровых компаний (Милоголов, Берберов, 2020). Именно на основании требования справедливости должен осуществляться поиск новых стандартов «налоговой привязки», позволяющих определять, какое из государств имеет право облагать налогом транснациональные компании, совершающие сделки в виртуальной среде, а также использующих цифровые возможности логистики и кооперации, препятствовать уклонению от уплаты налогов и избеганию двойного налогообложения.

Стоит отметить, что справедливость налогообложения, несмотря на отсутствие ее законодательного закрепления, неоднократно упоминалась в решениях Конституционного суда Российской Федерации. Такой подход используется и для иных налогово-правовых принципов, не содержащихся в НК РФ, но являющихся общепризнанными в доктрине налогового права и практике налогового правоприменения в результате периодического упоминания их Судом;

– некоторые категории относятся исследователями к принципам налогового права, не являясь таковыми. Например, однократность налогообложения, сама по себе являющаяся весьма спорным принципом налогового права, представляет собой скорее признак налога, означающий самостоятельность объекта налогообложения у каждого налога. В том числе подобный вывод неоднократно подтверждался как российской, так и зарубежной практикой обложения одних и тех же предметов налогообложения несколькими налогами, что в полной мере свидетельствует о невозможности рассмотрения однократности налогообложения в качестве исходной идеи построения налогового законодательства (Тютин, 2013).

В том числе «катализатором» смешения понятий принципов налогового права со смежными категориями становятся условия активизации использования при осуществлении налогового администрирования новых цифровых технологий. В качестве примера можно указать на мнения о возможности признания отраслевым принципом такой характеристики налогового мониторинга, как использование риск-ориентированного подхода (Ефремова, 2022), представляющего собой одну из основных особенностей организации и проведения предварительного налогового контроля.

Решение проблемы отличия принципов налогового права от иных правовых явлений видится нам в определении понятия и установлении характеристик для правовых принципов. Несмотря на объективную сложность категории «принцип права», отмеченную нами выше, и отсутствие общепризнанного определения его понятия, отметим следующее.

Как известно, принцип как теоретико-правовая категория налогового права, обладает высоким уровнем абстрактности содержания и раскрывает свое значение в нормах налогового законодательства, играя тем самым системообразующую роль в его развитии, что не свойственно признакам тех или иных налогово-правовых категорий. То есть «отражением» принципа налогового права является конкретное правило поведения, содержащееся в налогово-правовой норме. Соответственно, одним из доказательств существования того или иного принципа налогообложения является группа норм, регулирующих различные виды налоговых отношений, в которых раскрывается содержание такого принципа.

Помимо этого, неоспоримое теоретическое значение принципов налогового права позволяет отличить их от иных налогово-правовых явлений, в частности, от налоговых норм, а также признаков категорий и понятий налогового права.

В условиях цифровизации теоретические вопросы, связанные с принципами права, стали предметом многочисленных дискуссий. Связано это, прежде всего, с появлением нового специального налогового режима, имевшего изначально экспериментальный временный характер, – налога на профессиональный доход. Так, по мнению коллег, налогообложение так называемых самозанятых, являющихся плательщиками налога на профессиональный доход, не соответствует ряду принципов налогового права (законности, справедливости и др.). В этой связи предлагается изменить правила исчисления и уплаты такого налога ([Напco, 2023](#)). Сами по себе выводы о несоответствии нового налогового режима общим принципам налогового права представляются нам как минимум спорными, однако подтверждают высокий уровень значимости принципов в механизме налогово-правового регулирования в условиях возникновения тех налоговых отношений, реализация которых невозможна без электронного взаимодействия их участников (использование приложения «Мой налог», перспективное применение технологии «блокчейн» для «автоматической» уплаты налога в момент совершения операции и т. д.).

Существуют и более обобщенные суждения по вопросу теоретической роли принципов налогообложения в процессе цифровизации. Например, коллектив ученых из Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, исследуя вопросы цифровизации финансово-правовой сферы, приходит к выводу о том, что «в условиях цифровизации при трансформации законодательства о налогах и сборах принципы налогообложения сохраняют свою ключевую роль в формировании соответствующего законодательного массива» ([Кучеров, Поветкина, 2022](#)). В свою очередь, И. М. Степнов и Ю. А. Ковальчук в качестве ключевой предпосылки осуществления анализа влияния цифровых вызовов на налогообложение выдвигают следующее утверждение: «сохранение базовых принципов ведет к сохранению устойчивости налоговой системы, а пересмотр принципов ведет к необходимости ее модернизации» ([Степнов, Ковальчук, 2020](#)).

Полагаем, что мнение о теоретической ценности налогово-правовых принципов заслуживает безусловной поддержки. Однозначным фактом при этом является трансформация содержания отдельных принципов налогового права, происходящая под влиянием цифровизации экономики, государства и общества.

2. Цифровая трансформация содержания принципов налогового права (на примере принципов института налоговой обязанности)

В контексте цифрового развития государства и общества предметом исследования налоговых периодических становятся различные принципы налогового права: законности ([Лютova, 2022](#)), справедливости ([Журавлева, 2020](#)), открытости в налоговых правоотношениях ([Мигачева, 2022](#)), самостоятельности исполнения налоговой обязанности ([Напco, 2022](#)) и др. В некоторых работах содержатся отдельные упоминания о необходимости переоценки содержания принципов налогового права ([Бобoшко, 2021](#)), которое существенным образом видоизменяется в результате автоматизации налогообложения, а также применения цифровых и иных информационных технологий, однако сама суть таких изменений не подвергается анализу.

Важно отметить, что так или иначе цифровизация затрагивает все принципы налогового права ([Ugalde et al., 2020](#); [Pobee et al., 2023](#); [Ouyang et al., 2023](#)). Однако реальная трансформация содержания происходит именно на уровне институтов

налогового права – появляются новые нормы и институты, меняются условия «классических» налоговых отношений. В силу этого показательным является исследование вопросов цифровой трансформации принципов налогового права, прежде всего на институциональном уровне. Для этих целей могут быть использованы принципы института налоговой обязанности.

Так, институт налоговой обязанности традиционно рассматривается в теории налогового права в качестве центрального и одного из основных, играющих при этом системообразующую роль, что неоднократно подчеркивалось в юридической литературе⁴ (Печенкина, 2018). Соответственно, налоговая обязанность имеет собственным предметом правового регулирования и структуру, которая основывается на совокупности институциональных принципов, являющихся, в свою очередь, отражением общеправовых принципов налогообложения.

Отметим, что перечень институциональных принципов налоговой обязанности с точки зрения их видов весьма условен, поскольку во многом зависит от усмотрения законодателя и может значительным образом варьироваться в зависимости от конкретных социально-экономических условий, а также соответствующих им политико-правовых документов.

В период цифровизации экономики примером реализации «широкого усмотрения законодателя» в отношении принципов налоговой обязанности можно считать появление научного дискурса вокруг нетипичного для российской налогово-правовой доктрины принципа исполнения налоговой обязанности – принципа удобства ее исполнения, который положен в основу процедуры уплаты единого налога на профессиональный доход, поскольку, по мнению руководителя ФНС России Д. Егорова, основными составляющими процесса уплаты налогов в РФ должны стать неизбежность и комфорт⁵.

На наш взгляд, обозначение удобства налогообложения в качестве институционального принципа налоговой обязанности требует отдельных дополнительных пояснений. Безусловным является тот факт, что цифровизация налогообложения имеет своей целью упрощение и повышение скорости взаимодействия налоговых органов и частных субъектов налоговых отношений, что, в свою очередь, оказывает влияние на их содержание. При этом удобство не только с деятельностью плательщика, но и самого налогового органа, обусловлено ограниченными возможностями осуществления налогового администрирования, осуществляемого, в частности, в отношении плательщиков налога на профессиональный доход. Из этого следует, что принцип удобства в контексте цифрового развития института налоговой обязанности связан не только с ее исполнением, но и реализуется в том числе на стадии установления и введения такой обязанности.

В целом упоминания о видах принципов института налоговой обязанности в доктрине налогового права весьма немногочисленны, и чаще всего речь идет о налоговой обязанности с точки зрения ее исполнения. С учетом вышеобозначенной позиции, принципы института налоговой обязанности целесообразным представляется классифицировать на две группы – связанные с ее установлением и введением, а также связанные с исполнением налоговых обязанностей плательщиками.

⁴ Кучерявенко, Н. П. (2009). Курс налогового права: в 2 т. Т. 1. Общая часть. Москва: Статут.

⁵ Новый глава ФНС Даниил Егоров озвучил ключевые задачи службы. RG.RU. <https://clck.ru/LydXx>

Таким образом, опираясь на материалы прикладных исследований по вопросам установления перечня принципов налогового права, конкретизируя его применительно к институту налоговой обязанности, исходя из современных проблем и отношений в сфере налогово-правового регулирования, можно предложить следующие специальные принципы института налоговой обязанности в контексте ее исполнения:

- принцип самостоятельности исполнения налоговой обязанности налогоплательщиком (также именуемый самостоятельностью исчисления и уплаты налога);
- принцип добросовестности исполнения налоговой обязанности;
- принцип обязательности исполнения налоговой обязанности;
- принцип простоты и экономичности налогообложения, также реализуемый при исполнении налоговой обязанности.

Что касается принципов, регулирующих процесс установления и введения налоговой обязанности, то для формирования их совокупности и характеристики видов необходимо использовать межотраслевой подход, предполагающий учет положений политических документов, а также конституционно-правовых, административно-правовых и налогово-правовых норм, что, в свою очередь, предполагает проведение дальнейших исследований вопроса определения видов и установления содержания принципов института налоговой обязанности.

Одним из ключевых принципов института налоговой обязанности является самостоятельность ее исполнения (уплаты налога, представления налоговой отчетности, постановки на налоговый учет, ведением учетной политики, получением различных статусов, например контролируемой иностранной компании и т. п.).

В обобщенном варианте правило самостоятельности уплаты налога предусмотрено ч. 1 ст. 45 НК РФ, в соответствии с которой «налогоплательщик обязан самостоятельно исполнить обязанность по уплате налога, если иное не предусмотрено законодательством о налогах и сборах». Исходя из буквального толкования нормы, соответствующий принцип состоит из двух элементов и включает, во-первых, обязанность уплаты налога за счет собственных средств и, во-вторых, исполнение такой обязанности собственными активными действиями налогоплательщика.

Самостоятельность налогоплательщика при исполнении налоговой обязанности как в части активности налогоплательщика, так и с точки зрения его капитала изначально не являлась абсолютной, поскольку предполагала ряд исключений, предусмотренных, прежде всего, для налогоплательщиков – физических лиц как в отношении обязанности по исчислению, так и установленных применительно к обязанности по уплате налога. Подобные исключения всегда имели объективный характер и были продиктованы удобством налогового администрирования как для самого плательщика, так и для налогового органа. Например, в качестве исключения некоторыми исследователями признавался институт налоговых агентов, а также косвенное налогообложение с точки зрения его механизма (Садчиков, 2018).

Развитие института налоговой обязанности в контексте цифровой трансформации содержания его принципов обуславливает расширение перечня исключений из общего правила самостоятельности уплаты налога по следующим направлениям.

Во-первых, отказ от самостоятельности уплаты налога распространился на отдельные случаи уплаты налогов не только организациями, но и физическими лицами и индивидуальными предпринимателями.

Развитие этого направления происходило поэтапно. Первым шагом на пути отказа от самостоятельности уплаты налога физическим лицом стало появление налога

на профессиональный доход, сумму которого исчисляет налоговый орган, а затем направляет плательщику налоговое уведомление через мобильное приложение «Мой налог».

Следующим этапом расширения возможностей «несамостоятельного» исполнения налоговых обязанностей стало принятие и введение в действие с 1 июля 2022 г. нового специального налогового режима – «Автоматизированной упрощенной системы налогообложения» (далее – АУСН)⁶, одной из особенностей которой является исчисление налога в отношении плательщиков-организаций и индивидуальных предпринимателей исключительно налоговым органом.

АУСН, по сравнению с режимом налогообложения для налогоплательщиков-самозанятых, предполагает использование принципиально иного подхода к распределению налоговых обязанностей, который влияет на реализацию принципа самостоятельности в налоговых отношениях. Так, кредитная организация обязывается на совершение действий по передаче в налоговый орган сведений об операциях по счету, открытому в кредитной организации, об операциях с электронными денежными средствами, а также о выплате доходов физическим лицам, необходимых для исчисления налога на доходы физических лиц и страховых взносов в государственные внебюджетные фонды на «кредитные организации, уполномоченные налогоплательщиком». По справедливому замечанию А. В. Красюкова, в случае АУСН «кредитная организация наделяется вышеуказанными дополнительными обязанностями не в силу поручения со стороны налогоплательщика, а в силу закона» (Красюков, 2022).

Таким образом, цифровизация является катализатором процесса постепенного отказа от самостоятельности налогоплательщиков. Это выражается в снижении количества случаев установления необходимости совершения налогоплательщиком самостоятельных действий, являющихся свидетельством реализации соответствующего принципа института налоговой обязанности.

Во-вторых, появляются новые механизмы исполнения налоговых обязанностей, предполагающие существенное расширение обязанностей налоговых органов, что также приводит к снижению самостоятельного участия налогоплательщика в процедуре уплаты налога.

Одним из таких механизмов является новая статья 45.1 НК РФ о едином налоговом платеже физического лица (далее – ЕНП), который по сути является механизмом авансирования бюджетов бюджетной системы Российской Федерации налогоплательщиком с последующим распределением перечисленной в счет уплаты налогов суммы налоговыми органами.

Принципиально важным считаем отметить, что в основе исчисления и уплаты ЕНП как новой налогово-правовой процедуры лежит следующее правило: налогоплательщик либо третье лицо за налогоплательщика направляет денежные средства в виде специального авансового платежа в счет исполнения обязанности по уплате транспортного, земельного налога и (или) налога на имущество физических лиц в бюджетную систему Российской Федерации, а налоговому органу предоставляется право самостоятельного определения в соответствии с установленными

⁶ О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Автоматизированная упрощенная система налогообложения». № 17-ФЗ от 25.02.2022. (2022). Собрание законодательства РФ, № 9 (ч. 1), ст. 1249.

в налоговом законодательстве правилами в счет уплаты какого налога эти денежные средства должны быть направлены. Факторами, влияющими на принятие налоговым органом решения, являются, например, наличие или отсутствие недоимки и (или) налоговой задолженности.

Таким образом, в результате появления новой формы исполнения обязанности по уплате налога путем использования механизма ЕНП, обязанность налогоплательщика по уплате налога становится не одномоментной, а этапной, а также предполагает переложение на налоговый орган решения вопроса о распоряжении авансовым платежом, поступившим в счет уплаты налогов. Соответственно, принцип самостоятельности налогоплательщика, связанный с уплатой налога, в данном случае также не является абсолютным и реализуется совместно налогоплательщиком и налоговыми органами путем совершения последовательных предусмотренных налоговым законодательством действий.

Заключение

Принципы налогового права являются важнейшим инструментом эффективного развития налогового законодательства в эпоху цифровизации. Что касается общих принципов налогообложения, то их перечень и содержание представляются относительно стабильными.

При этом на уровне институтов налогового права в условиях цифровизации экономики происходят весьма глобальные изменения, предполагающие принципиальное изменение содержания таких принципов. В частности, развивается содержание принципа самостоятельности исполнения налоговых обязанностей за счет смещения баланса в сторону увеличения обязанностей налоговых органов и постепенного снижения реальной активности налогоплательщиков.

Развитие правовой дискуссии по вопросу развития содержания принципов налогового права должно продолжаться, прежде всего, в контексте соответствия законодательных новелл, а также отдельных решений государственных органов основным принципам налогового права. Также требует дальнейшей научной разработки вопрос обеспечения собственными принципами новых налогово-правовых институтов и трансформации существующих институциональных принципов.

Список литературы

- Банакас, С. Э., Петров, Д. А., Попондопуло, В. Ф., Силина, Е. В. (2023). Цифровые отношения как предмет правового регулирования. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*, 14(2), 492–509. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2023.213>
- Беликов, Е. Г. (2020). Развитие финансово-правовых принципов в условиях цифровой экономики. *Вестник Университета О. Е. Кутафина (МГЮА)*, 9, 39–45. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2020.73.9.039-045>
- Бобошко, Д. Ю. (2021). Перспективы применения вмененных налогов и сборов в условиях цифровизации налогового администрирования. *Налоги*, 6, 2–7. EDN: <https://www.elibrary.ru/xsqogl>. DOI: <https://doi.org/10.18572/1999-4796-2021-6-2-7>
- Бозиев, Р. М. (2022). Правовое регулирование налога на профессиональный доход в России. *Актуальные проблемы российского права*, 9, 49–62. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.142.9.049-062>
- Грачева, Е. Ю. (ред.). (2013). *Правовое регулирование финансового контроля в Российской Федерации: проблемы и перспективы*. Москва: Норма: НИЦ Инфра-М.
- Ефремова, Т. А. (2022). Риск-ориентированный подход как гарант налоговой безопасности государства. *Налоги*, 3, 39–44. <https://doi.org/10.18572/1813-1220-2020-9-7-11>

- Журавлева, О. О. (2020). Финансовая поддержка людей и экономики: принцип всеобщности vs принцип адресности. *Финансовое право*, 9, 7–11. <https://doi.org/10.18572/1813-1220-2020-9-7-11>
- Красюков А. В. (2022). Трансформация налогового обязательства в рамках автоматизированной упрощенной системы налогообложения. *Налоги*, 4, 10–13. EDN: <https://www.elibrary.ru/clehmnn>. DOI: <https://doi.org/10.18572/1999-4796-2022-4-10-13>
- Курбатова, О. В. (2018). Принципы налогового мониторинга. *Вестник Московского университета МВД России*, 2, 9–11. <https://www.elibrary.ru/xsqogl>
- Кучеров, И. И., Поветкина, Н. А. (ред.). (2022). *Цифровая сущность финансового права: прошлое, настоящее, будущее*: монография. Москва: ИЗиСП, Юриспруденция. <https://www.elibrary.ru/khefhz>
- Лютлова, О. И. (2022). К вопросу развития института «налоговая обязанность» в условиях цифровизации экономики. *Правоприменение*, 6(3), 109–119. EDN: <https://www.elibrary.ru/xvuqfz>. DOI: [https://doi.org/10.52468/2542-1514.2022.6\(3\).109-119](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2022.6(3).109-119)
- Лютлова О. И., Фиалковская И. Д. (2021). Применение технологии блокчейн в налоговом администрировании. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*, 25(3), 693–710. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2021-25-3-693-710>
- Мигачева, Е. В. (2022). Правовое регулирование функционирования налоговой системы Российской Федерации в условиях цифровой экономики. *Безопасность бизнеса*, 3, 37–43. EDN: <https://www.elibrary.ru/yomypa>. DOI: <https://doi.org/10.18572/2072-3644-2022-3-37-43>
- Милоголов, Н. С., Берберов, А. Б. (2020). Налогообложение трансграничных операций, совершаемых в электронной форме. *Правоприменение*, 4(4), 68–79. EDN: <https://www.elibrary.ru/piippg>. DOI: [https://doi.org/10.24147/2542-1514.2020.4\(4\).68-79](https://doi.org/10.24147/2542-1514.2020.4(4).68-79)
- Напсо, М. Б. (2022). Актуальные проблемы нормотворчества в сфере регулирования налоговых правоотношений: действие принципа самостоятельности исполнения обязанности по уплате налога (часть 2). *Налоги*, 2, 10–17. EDN: <https://www.elibrary.ru/unpcgf>. DOI: <https://doi.org/10.18572/1999-4796-2022-2-10-17>
- Напсо, М. Б. (2023). К вопросу о соответствии налоговых новаций сущности налога и сбора. *Право и государство: теория и практика*, 4(220), 132–136. EDN: <https://www.elibrary.ru/zgcvmf>. DOI: https://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_4_132
- Напсо, М. Д., Напсо, М. Б. (2020). Налог на профессиональный доход: к вопросу о соответствии принципам налогообложения. *Журнал российского права*, 3, 132–145. <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.036>
- Печенкина, А. А. (2018). Место обязанности по уплате налога в системе российского права в системе российского налогового права. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, 5, 183–185. EDN: <https://elibrary.ru/xqxigt>. DOI: <https://doi.org/10.23672/SAE.2018.5.14128>
- Поветкина, Н. А. (2017). Принципы правового обеспечения финансовой устойчивости Российской Федерации: теоретические подходы и классификация. *Журнал российского права*, 5(245), 64–80. EDN: <https://www.elibrary.ru/ypcpkn>. DOI: https://doi.org/10.12737/article_58f48b4947b517.02418784
- Садчиков, М. Н. (2018). Индивидуализация налоговой обязанности. *Налоги*, 4, 17–19. <https://www.elibrary.ru/xrufox>
- Степнов, И. М., Ковальчук, Ю. А. (2020). Цифровые вызовы и справедливость налогов. *Цифровое право*, 1(1), 39–58. EDN: <https://www.elibrary.ru/eubliq>. DOI: <https://doi.org/10.38044/dlj-2020-1-1-39-58>
- Тропская, С. С. (2008). Правовой статус налогоплательщика: баланс публичных и частных интересов в налоговой сфере. *Государство и право*, 5, 101–106. <https://elibrary.ru/inmigh>
- Тютин, Д. В. (2013). Однократность налогообложения – спорный принцип российского налогового права. *Налоговед*, 9, 20–29. <https://elibrary.ru/rawefb>
- Шохин, С., Кудряшова, Е., Шашкова, А. (2021). Налогообложение цифровой экономики: конец оптимизма. *Международные процессы*, 19, 2(65), 138–150. EDN: <https://www.elibrary.ru/wqkojj>. DOI: <https://doi.org/10.17994/it.2021.19.2.65.6>
- Argilés-Bosch, J. M., Ravenda, D., & García-Blandón, J. (2021). E-commerce and labour tax avoidance. *Critical Perspectives on Accounting*, 81, 102202. <https://doi.org/10.1016/j.cpa.2020.102202>
- Bassey, E., Mulligan, E., & Ojo, A. (2022). A conceptual framework for digital tax administration – A systematic review. *Government Information Quarterly*, 39(4), 101754. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2022.101754>
- Cong, L. W., Landsman, W. B., Maydew, E. L., & Rabetti, D. (2023). Tax-loss harvesting with cryptocurrencies. *Journal of Accounting and Economics*, 76(2–3), 101607. <https://doi.org/10.1016/j.jacceco.2023.101607>
- Guo, T., Hailin, C., Zhou, X., Ai, S., & Wang, S. (2023). Does corporate digital transformation affect the level of corporate tax avoidance? Empirical evidence from Chinese listed tourism companies. *Finance Research Letters*, 57, 104271. <https://doi.org/10.1016/j.frl.2023.104271>

- He, Y., & Yang, Y. (2023). Digitalization of tax administration and corporate performance: Evidence from China. *International Review of Financial Analysis*, 90, 102859. <https://doi.org/10.1016/j.irfa.2023.102859>
- Lyutova, O. I., & Fialkovskaya, I. D. (2021). Blockchain technology in tax law theory and tax administration. *RUDN Journal of Law*, 25(3), 693–710. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2021-25-3-693-710>
- Ouyang, J., Liu, S., & Li, H. (2023). How does the development of digital finance affect small business tax compliance? Empirical evidence from China. *China Economic Review*, 80, 101971. <https://doi.org/10.1016/j.chieco.2023.101971>
- Pobee, F., Jibril, A. B., & Owusu-Oware, E. (2023). Does taxation of digital financial services adversely affect the financial inclusion agenda? Lessons from a developing country. *Digital Business*, 3(2), 100066. <https://doi.org/10.1016/j.digbus.2023.100066>
- Tsindeliani, I. A., Anisina, K. T., Burova, A. S., Kopina, A. A., Migacheva, E. V., & Rodygina, V. E. (2019). Main elements of taxation in the conditions of the development of digital economy. *Utopia y Praxis Latinoamericana*, 24(Extra5), 129–137. <https://elibrary.ru/nffmon>
- Ugalde, A. F., Mellado-Silva, R., & Aldunate-Lizana, E. (2020). Use of artificial intelligence by tax administrations: An analysis regarding taxpayers' rights in Latin American countries. *Computer Law & Security Review*, 38, 105441. <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2020.105441>
- Wang, D., Shi, Y., & Li, Q. (2024). The effect of digitalized tax administration on stock price crash risk: A natural experiment in China. *Research in International Business and Finance*, 69, 102219. <https://doi.org/10.1016/j.ribaf.2024.102219>
- Zhou, S., Zhou, P., & Ji, H. (2022). Can digital transformation alleviate corporate tax stickiness: The mediation effect of tax avoidance. *Technological Forecasting and Social Change*, 184, 122028. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2022.122028>

Сведения об авторе

Лютова Ольга Игоревна – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Института государственного и муниципального управления, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Адрес: 101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, 11

E-mail: olyutova@hse.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6603-8859>

ScopusAuthorID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57223397628>

WoS Researcher ID: <https://www.webofscience.com/wos/author/record/AAD-7366-2019>

Google Scholar ID: <https://scholar.google.com/citations?user=opJc7fcAAAAJ>

РИНЦ Author ID: https://elibrary.ru/author_profile.asp?authorid=590631

Конфликт интересов

Автор сообщает об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование

Исследование не имело спонсорской поддержки.

Тематические рубрики

Рубрика OECD: 5.05 / Law

Рубрика ASJC: 3308 / Law

Рубрика WoS: OM / Law

Рубрика ГРНТИ: 10.21.63 / Налоговое право

Специальность ВАК: 5.1.2 / Публично-правовые (государственно-правовые) науки

История статьи

Дата поступления – 17 августа 2023 г.

Дата одобрения после рецензирования – 30 августа 2023 г.

Дата принятия к опубликованию – 15 марта 2024 г.

Дата онлайн-размещения – 20 марта 2024 г.

Research article

UDC 34:004:336.22:347.73

EDN: <https://elibrary.ru/zuaihn>

DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.9>

Digital Transformation of Tax Law Principles

Olga I. Lyutova

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Keywords

autonomous tax payment,
digital technologies,
fairness of taxation,
law,
professional income tax,
single tax payment,
tax law institution,
tax law principle,
tax monitoring,
tax obligation

Abstract

Objective: to search for conceptual issues, features and prospects of development of tax law principles and tax obligation institute in the context of modern digitalization trends.

Methods: the study is based on a set of general legal (analysis and synthesis, induction and deduction) and special-legal (formal-legal, comparative-legal) methods of cognition.

Results: the main features of tax law principles characterizing their digital development were defined, namely: the expansion of the list of such principles and the changes in their content, predominantly at the level of institutional principles of taxation. A conclusion is made that in the digital era the tax law principles retain their theoretical significance as the most important category of the relevant science. The author states that the digital transformation of the institutional principle of tax fulfillment independence takes place mainly in the following directions: firstly, the range of taxpayers is expanded, in respect of which the duty to calculate tax can be imposed on a tax authority; secondly, the mechanism of the tax obligation execution is changed, among other things, by increasing the tax obligations of state authorities and credit organizations.

Scientific novelty: the paper assesses the approaches used in the scientific literature and normative-legal framework related to transformation of the taxation principles due to the intensive use of information and communication technologies in tax relations. The author also analyzed the digital transformation of the principles of tax obligation as one of the main tax-legal institutions.

© Lyutova O. I., 2024

This is an Open Access article, distributed under the terms of the Creative Commons Attribution licence (CC BY 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>), which permits unrestricted re-use, distribution and reproduction, provided the original article is properly cited.

Practical significance: is due to the lagging pace of tax legislation development in the Russian Federation compared to the objective processes of creation and application of new information and communication technologies in tax relations and adjacent spheres. The main provisions and conclusions of the study can be used as a basis to improve the tax legislation, as they develop knowledge about new tax law institutions – professional income tax, tax monitoring, single tax payment, and automated simplified taxation system.

For citation

Lyutova, O. I. (2024). Digital Transformation of Tax Law Principles. *Journal of Digital Technologies and Law*, 2(1), 163–180. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.9>

References

- Argilés-Bosch, J. M., Ravenda, D., & García-Blandón, J. (2021). E-commerce and labour tax avoidance. *Critical Perspectives on Accounting*, 81, 102202. <https://doi.org/10.1016/j.cpa.2020.102202>
- Banakas, S. (Efstathios), Petrov, D. A., Popondopulo, V. F., & Silina, E. V. (2023). Digital relationships as a subject of legal research. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 14(2), 492–509. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/spbu14.2023.213>
- Bassey, E., Mulligan, E., & Ojo, A. (2022). A conceptual framework for digital tax administration – A systematic review. *Government Information Quarterly*, 39(4), 101754. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2022.101754>
- Belikov, E. G. (2020). Development of financial and legal principles in the conditions of digital economy. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 9, 39–45. (In Russ.). <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2020.73.9.039-045>
- Boboshko, D. Yu. (2021). Prospects for the application of imputed taxes and fees under digitalization of tax administration. *Nalogi*, 6, 2–7. (In Russ.) <https://doi.org/10.18572/1999-4796-2021-6-2-7>
- Boziev, R. M. (2022). Legal Regulation of the Professional Income Tax in Russia. *Actual Problems of Russian Law*, 17(9), 49–62. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.142.9.049-062>
- Cong, L. W., Landsman, W. B., Maydew, E. L., & Rabetti, D. (2023). Tax-loss harvesting with cryptocurrencies. *Journal of Accounting and Economics*, 76(2–3), 101607. <https://doi.org/10.1016/j.jacceco.2023.101607>
- Efremova, T. A. (2022). Risk-oriented approach as a guarantor of tax security of the state. *Nalogi*, 3, 39–44. (In Russ.). <https://doi.org/10.18572/1813-1220-2020-9-7-11>
- Gracheva, E. Yu. (Ed.). (2013). *Legal regulation of financial control in the Russian Federation: problems and prospects*. Moscow: Norma: NITS Infra-M. (In Russ.).
- Guo, T., Hailin, C., Zhou, X., Ai, S., & Wang, S. (2023). Does corporate digital transformation affect the level of corporate tax avoidance? Empirical evidence from Chinese listed tourism companies. *Finance Research Letters*, 57, 104271. <https://doi.org/10.1016/j.frl.2023.104271>
- He, Y., & Yang, Y. (2023). Digitalization of tax administration and corporate performance: Evidence from China. *International Review of Financial Analysis*, 90, 102859. <https://doi.org/10.1016/j.irfa.2023.102859>
- Krasyukov, A. V. (2022). Transformation of a tax obligation within the framework of the automated simplified taxation system. *Nalogi*, 4, 10–13. (In Russ.). <https://doi.org/10.18572/1999-4796-2022-4-10-13>
- Kuchеров, I. I., & Povetkina, N. A. (Eds.) (2022). *Digital essence of financial law: past, present, future: monograph*. Moscow: Jurisprudence. (In Russ.).
- Kurbatova, O. V. (2018). Principles of tax monitoring. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2, 9–11. (In Russ.).
- Lyutova, O. I. (2022). On the question of development of the institute of “tax obligation” in the conditions of the digitalization of the economy. *Law Enforcement Review*, 6(3), 109–119. (In Russ.). [https://doi.org/10.52468/2542-1514.2022.6\(3\).109-119](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2022.6(3).109-119)
- Lyutova, O. I., & Fialkovskaya, I. D. (2021). Blockchain technology in tax law theory and tax administration. *RUDN Journal of Law*, 25(3), 693–710. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2021-25-3-693-710>

- Migacheva, E. V. (2022). The legal regulation of functioning of the tax system of the Russian Federation in the digital economy conditions. *Bezopasnost biznesa*, 3, 37–43. (In Russ.). <https://doi.org/10.18572/2072-3644-2022-3-37-43>
- Milogolov, N. S., & Berberov, A. B. (2020). Taxation of cross-border digital transactions: development of approaches to income classification. *Law Enforcement Review*, 4(4), 68–79. (In Russ.). [https://doi.org/10.24147/2542-1514.2020.4\(4\).68-79](https://doi.org/10.24147/2542-1514.2020.4(4).68-79)
- Napso, M. D., & Napso, M. B. (2020). Tax on Professional Income: The Issue of Compliance with the Taxation Principles. *Journal of Russian Law*, 3, 132–145. (In Russ.). <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.036>
- Napso, M. B. (2022). Topical problems of establishing norms in the sphere of tax legal relations regulation: effect of the principle of independent fulfillment of tax obligation (part 2). *Nalogi*, 2, 10–17. (In Russ.). <https://doi.org/10.18572/1999-4796-2022-2-10-17>
- Napso, M. B. (2023). To the question on conformity of tax innovations of essence of the tax and levy. *Law and State: Theory and Practice*, 4(220), 132–136. (In Russ.).
- Ouyang, J., Liu, S., & Li, H. (2023). How does the development of digital finance affect small business tax compliance? Empirical evidence from China. *China Economic Review*, 80, 101971. <https://doi.org/10.1016/j.chieco.2023.101971>
- Pechenkina, A. A. (2018). Place of tax obligation in the system of Russian law in the Russian tax law system. *Gumanitarnye, sotsial'no-ehkonomicheskie i obshchestvennye nauki*, 5, 183–185. (In Russ.). <https://doi.org/10.23672/SAE.2018.5.14128>
- Pobee, F., Jibril, A. B., & Owusu-Oware, E. (2023). Does taxation of digital financial services adversely affect the financial inclusion agenda? Lessons from a developing country. *Digital Business*, 3(2), 100066. <https://doi.org/10.1016/j.digbus.2023.100066>
- Povetkina, N. A. (2017). Principles of Legal Provision of Financial Stability of the Russian Federation: Theoretical Approaches and Classification. *Journal of Russian Law*, 5(245), 64–80. (In Russ.). https://doi.org/10.12737/article_58f48b4947b517.02418784
- Sadchikov, M. N. (2018). Individualization of tax obligation. *Nalogi*, 4, 17–19. (In Russ.).
- Shokhin, S., Kudryashova, E., & Shashkova, A. (2021). Taxing Digital Economy: the End of Optimism. *International Trends*, 19, 2(65), 138–150. (In Russ.). <https://doi.org/10.17994/it.2021.19.2.65.6>
- Stepnoff, I. M., & Kovalchuk, J. A. (2020). Digital challenges and tax equity. *Digital Law Journal*, 1(1), 39–58. (In Russ.). <https://doi.org/10.38044/dlj-2020-1-1-39-58>
- Tropaskaya, S. S. (2008). Legal status of a taxpayer: balance of public and private interests in the tax sphere. *State and Law*, 5, 101–106. (In Russ.).
- Tsindeliani, I. A., Anisina, K. T., Burova, A. S., Kopina, A. A., Migacheva, E. V., & Rodygina, V. E. (2019). Main elements of taxation in the conditions of the development of digital economy. *Utopia y Praxis Latinoamericana*, 24 (Extra5), 129–137.
- Tyutin, D. V. (2013). Single taxation as a controversial principle of Russian tax law. *Nalogoved*, 9, 20–29. (In Russ.).
- Ugalde, A. F., Mellado-Silva, R., & Aldunate-Lizana, E. (2020). Use of artificial intelligence by tax administrations: An analysis regarding taxpayers' rights in Latin American countries. *Computer Law & Security Review*, 38, 105441. <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2020.105441>
- Wang, D., Shi, Y., & Li, Q. (2024). The effect of digitalized tax administration on stock price crash risk: A natural experiment in China. *Research in International Business and Finance*, 69, 102219. <https://doi.org/10.1016/j.ribaf.2024.102219>
- Zhou, S., Zhou, P., & Ji, H. (2022). Can digital transformation alleviate corporate tax stickiness: The mediation effect of tax avoidance. *Technological Forecasting and Social Change*, 184, 122028. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2022.122028>
- Zhuravleva, O. O. (2020). Financial Support of People and Economy: The Generality Principle Vs. the Targeting Principle. *Financial law*, 9, 7–11. (In Russ.). <https://doi.org/10.18572/1813-1220-2020-9-7-11>

Author information

Olga I. Lyutova – Cand. Sci. (Law), Leading Researcher of the Institute for Public Administration and Governance, National Research University “Higher School of Economics”

Address: 11 Myasnitskaya Str., 101000 Moscow, Russian Federation

E-mail: olyutova@hse.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6603-8859>

Scopus Author ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57223397628>

WoS Researcher ID: <https://www.webofscience.com/wos/author/record/AAD-7366-2019>

Google Scholar ID: <https://scholar.google.com/citations?user=opJc7fcAAAAJ>

RSCI Author ID: https://elibrary.ru/author_profile.asp?authorid=590631

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Financial disclosure

The research had no sponsorship.

Thematic rubrics

OECD: 5.05 / Law

PASJC: 3308 / Law

WoS: OM / Law

Article history

Date of receipt – August 17, 2023

Date of approval – August 30, 2023

Date of acceptance – March 15, 2024

Date of online placement – March 20, 2024

Научный обзор

УДК 34:004:347.73:336.02

EDN: <https://elibrary.ru/bybieo>

DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.10>

Правовые подходы и методы регулирования финтеха в регионе Большого залива Гуандун – Гонконг – Макао

Ярослава Кучина

Университет Макао, Макао, Китай

Ключевые слова

Гонконг,
Китай,
Макао,
право,
регион Большого залива,
финансовое право,
финансовые инновации,
финансовые технологии,
финтехрегулирование,
цифровые технологии

Аннотация

Цель: через призму разработанной в доктрине трилеммы инноваций взглянуть на регуляторную политику и систему регулирования финтеха в регионе Большого залива с тем, чтобы выявить применимость и экстраполяцию существующих правовых моделей в зоне ускоренного экономического и инновационного развития, объединяющей Гуандун, Гонконг и Макао.

Методы: в основе работы лежит сравнительно-правовой метод исследования моделей правового регулирования финтеха, в связи с чем обобщаются имеющиеся данные и вводится классификация методов и систем, представляющих собой инструментарий по принципу лего.

Результаты: в исследовании представлена оценка трудностей, с которыми могут столкнуться члены региона Большого залива на пути гармонизации законодательства в области финтеха. Особое внимание уделяется Гонконгу, являющемуся одним из самых известных примеров успешного регулирования сектора финтеха, а также сопоставлению регулирования финтеха в материковом Китае и специальных административных районах (в частности, Макао). Отмечается, что недавно принятые поправки к финансовому законодательству специального административного района Макао также вносят элемент неопределенности, хотя и направлены на развитие ситуации в рамках этого законодательства. Сопоставляются технократический подход, согласно которому регулирование финансовых технологий является исключительно национальным (создается только для внутреннего рынка и отражает его структуру), и традиционный подход к регулированию, частью которого является трилемма инноваций, предусматривающий возможность наднациональной (международной) стандартизации, в том числе в форме мягкого права, способный устранить разницу в понимании характеристик финтеха, их концепции и масштабов этого явления. Кроме того, проводится анализ соотношения понятий

© Кучина Я., 2024

Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал при условии, что оригинальная работа упомянута с соблюдением правил цитирования.

системы финансового регулирования и финансовой системы регулирования финтех, экстраполяция существующей нормативной базы на развивающийся рынок инновационных технологических решений, их разные модели. Внимание акцентируется на методе регуляторного реагирования, изменяющегося в процессе эволюции финтехрынка и применяемого, как правило, вместе с другими подходами.

Научная новизна: представлен комплексный взгляд на различные системы правового регулирования финансовых технологий в регионе Большого залива Гуандун – Гонконг – Макао, уникальный опыт которого демонстрирует разные траектории развития финтехрынка на юге Китая в рамках принципа «Одна страна – две системы».

Практическая значимость: основные выводы и предложения, полученные в результате проведенного исследования, представляют значительный интерес для дальнейших исследований, регуляторной политики и системы регулирования финтех, поскольку в материковом Китае и в специальных административных районах региона Большого залива применяются разные подходы и методы правового реагирования, не имеющие аналогов в современном мире.

Для цитирования

Кучина, Я. (2024). Правовые подходы и методы регулирования финтех в регионе Большого залива Гуандун – Гонконг – Макао. *Journal of Digital Technologies and Law*, 2(1), 181–199. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.10>

Содержание

Введение

1. Трилемма инноваций и регуляторные инициативы
2. Подходы и методы: регуляторное легло для финтех
3. Регулирование и финансовые системы
4. Методы регуляторного реагирования
5. Регион Большого залива и финтех: введение в GBA

Заключение

Список литературы

Введение

Тема финансовых технологий вызывает множество споров. Для описания финтех используются различные подходы и термины: прорывные технологии, финансовые инновации, революционные технологии, парадоксальные технологии. В технологическом праве существует термин «смена парадигмы», или «технология смены парадигмы», который часто трактуется исключительно как революционный поворот в IT-секторе.

Основной целью развития финтех является внедрение на рынок финансовых услуг, где финтех вступает в конкуренцию с банками как «традиционными поставщиками финансовых услуг» (Romanova & Kudinska, 2016). Это оказывает большое влияние на рынок и общество, поскольку финтех обладает значительным трансформационным потенциалом (Blakstad & Allen, 2018). Сравнение финтех с другими

технологиями показывает, что его количественные оценки множатся непрерывно¹, в то время как другие технологии, меняющие парадигму, с годами не становятся предметом обсуждения. Распространение финтеха «подстегнуло прогресс и популярность других связанных с ним технологий» (Gabor & Brooks, 2017), таких как криптовалюты, блокчейн или аналитические системы на основе искусственного интеллекта. Причиной тому является область, в которой они функционируют, то есть всеобъемлющий финансовый сектор.

В то же время существуют объективные причины, по которым рынок финтеха так сложно однозначно оценить с юридической точки зрения, и эти причины также юридические. Во-первых, возможности для сбора достоверной информации в этой сфере принадлежат частным субъектам, а не регулятору, поскольку частные субъекты (провайдеры финтеха) более активны в этой области, чем субъекты традиционного финансирования (Omarova, 2020). Во-вторых, эта сфера «слишком глобальна, чтобы ее можно было достаточно надежно оценить» (Sarhan, 2020), и не существует единого центра сбора статистики по этому сектору. Быстрый рост финтеха делает учет практически невозможным. Статистические данные на национальном уровне сильно различаются из-за разного понимания масштабов финтеха. Все это создает сложности в регулировании и делает технически невозможной гармонизацию регулирования на основе единого подхода. В связи с этим практически все рекомендации по регулированию в той или иной сфере состоят из двух основных частей: перечня методов и инструментов регулирования и оценки основных характеристик и особенностей конкретного рынка.

1. Трилемма инноваций и регуляторные инициативы

В 2019 г. была опубликована работа С. Brummer и Y. Yadav (2019), которая стала краеугольным камнем для теории инноваций. Рассматривая рынок финансовых технологий, ученые ввели понятие трилеммы инноваций. Они утверждали, что в условиях инновационного рынка достижение регулятивного баланса невозможно из-за природы инноваций. Другими словами, природа и практика регулирования противоречат современным условиям рынка финтеха. Исследуя эволюцию трилеммы, исследователи показали, что финтех требует индивидуального подхода.

Общепринято мнение, что регулирование финансовых технологий осуществляется исключительно на национальном уровне, то есть создается только для внутреннего рынка и отражает его структуру. Такой подход используется практически во всех научных работах, посвященных финтеху, и обычно называется технократическим (Omarova, 2020). Относительно трилеммы инноваций Yadav и Brummer (2019) отмечают, что эффективное регулирование возможно только тогда, когда регулятор имеет полное представление об объекте и сфере регулирования. К таким же выводам приходят Е. Mik (2022) и С. Twigg-Flesner².

Yadav и Brummer утверждают, что регулирование финтеха имеет три аспекта, баланса между которыми стремится достичь регулятор: это технический, рыночный

¹ Sánchez Herrera, N. (2017). What's all this talk about fintech? An analysis of media conversations around fintech in 2016 (Order No. 11016244). ProQuest Dissertations & Theses Global.

² Twigg-Flesner, Ch. (2016). Disruptive technology – disrupted law? How the digital revolution affects (contract) law. <https://clck.ru/39Yta7>

и правовой. Таким образом, при планировании системы регулирования финтех-регулятор должен:

- 1) давать четкие правила,
- 2) поддерживать целостность рынка,
- 3) поощрять финансовые инновации (Brummer & Yadav, 2019).

Однако баланс всех трех составляющих невозможен, и «регуляторы могут достичь в лучшем случае двух из этих трех целей» (Brummer & Yadav, 2019). Подход, основанный на нормах, приведет к сокращению рынка инноваций, поскольку в условиях жестких правовых ограничений инновации почти не развиваются. В то же время режим, основанный на принципах, способствует инновациям, но обычно сопровождается более высокими рисками для рынка, поскольку низкоинтенсивная нормативная база увеличивает риски в финансовом секторе. Уровень инвестиций выше для финтехстартапов, которые находятся на нерегулируемых территориях (Schwartz, 2017; Pomerol, 2018), поэтому целостность рынка и содействие инновациям требуют очень низкого уровня регулирования.

Трилемма инноваций позволяет совершенно иначе взглянуть на систему регулирования и регуляторную политику в отношении финтеха. Yadav и Brummer (2019) указывают, что простое решение существует только там, где в рамках трех целей трилеммы регулятор придерживается традиционных конструктивных особенностей. Даже в рамках одного и того же спектра родственных технологий каждая услуга на рынке может быть совершенно различной по своей архитектуре, что не позволит им соответствовать внешним регуляторным требованиям.

Очевидно, что при таких системных рисках, исходящих от финансовых технологий, их регулирование требует индивидуальных решений. Yadav и Brummer (2019) и некоторые их сторонники считают необходимым создание международных стандартов, которые устроят разницу в понимании характеристик финтеха, их концепции и масштабов этого явления. Они также отмечают, что только достижение этого уровня позволит создать достаточную платформу для сотрудничества между рынками, а также для обмена данными между государствами и минимизировать риски, которые представляет финтех в рамках общемирового финансового сектора.

2. Подходы и методы: регуляторное лего для финтеха

Трилемма инноваций представляет собой часть традиционного подхода к национальному регулированию финтеха, который противоположен так называемому технократическому подходу. Технократический является наиболее применимым подходом в текущей ситуации и использует устоявшиеся методы регулирования и системы. В научных работах его иногда называют внутренним, или микроподходом, поскольку он не предусматривает возможности наднациональной (международной) стандартизации, даже в форме мягкого права. В рамках этого подхода можно выделить несколько методов регулирования. Но прежде всего следует отметить, что отсутствие регулирования – это не решение. Как было показано на примере рынка финтеха в Индонезии, отсутствие регулирования (запрет регулирования) не дает даже возможности регулирования (Kharisma, 2020). Невозможно запретить развитие, а финтех означает развитие рынка, а не конкретной технологии (Reed, 2018). Регулятивные запреты, которые обычно применяются к определенной финтехсфере или определенному виду услуг, не способны остановить деятельность, как показывает пример

с криптовалютами. Теория инноваций противоречит этому стремлению регуляторов. Оказавшись под запретом, финтех переходит в серую зону, создавая иллюзию успешного регулирования.

Итак, если говорить о системах регулирования, то можно выделить два подхода: основанный на правилах и основанный на принципах. Разграничение этих подходов можно найти в работе Д. Арнера и соавт. (Arner et al., 2016). Арнер, как и большинство авторов в дальнейшем, подчеркивает главный тезис о финтехе – впервые с начала эры финансовых технологий (с 1862 г.) они направлены на игнорирование традиционных финансовых услуг и систем и не поддерживают их развитие. Именно поэтому вопрос регулирования является ключевым среди всех вызовов, которые породил финтех.

Управление по финансовому регулированию и надзору Великобритании (FSA) выделило три ключевых элемента, которые отличают подход FSA к регулированию в сфере финансов, основанный на принципах, от других, обсуждавшихся в то время учеными и экспертами (Ferran, 2015). По мнению FSA, чтобы считать подход основанным на принципах, необходимы как минимум три элемента:

- 1) широкие стандарты в противовес детально прописанным правилам;
- 2) регулирование, ориентированное на конечные результаты;
- 3) повышение ответственности высшего руководства.

Эти стратегии «могут быть связаны между собой и использоваться вместе, но они различны и, что важнее всего, именно поэтому они, вероятнее всего, будут поднимать разные практические вопросы для регулирующих и регулируемых» (Amstad, 2019).

Напротив, подход, основанный на принципах, более желателен для области финансовых технологий, поскольку он отражает их «дух» (Amstad, 2019). Преимущество этого подхода состоит в «высокой степени взаимного доверия между участниками в рамках регуляторного режима» (Nicolaidis & Shaffer, 2005), что отражает практику разработки проектов в данной области.

В этом отражено и основное различие между финансовыми услугами, предоставляемыми банками, и финансовыми технологиями. Банковские услуги строятся на основе фиксированных норм, что дает клиенту уверенность в их неизменности. Изменения в процедурах определяются нормативными актами и стандартами, обычно закрепляются в законе или подзаконном акте, заранее анонсируются и оговариваются в договоре и дополнениях к нему, которые заключаются между банком и клиентом. Предсказуемость и четкость, а также традиционное содержание банковских процессов и услуг хорошо сочетаются с подходом, основанным на правилах, в области национального регулирования.

В случае с финансовыми технологиями любые изменения происходят как технические новшества – вместо поправок появляются обновления, форма договоров меняется, иногда (в зависимости от технологии, провайдера, юрисдикции и многих других факторов) незаметно или непонятно для клиента. Стоит признать, что техническая сторона финансовой услуги превращает ее в глазах потребителя в аналог очередного виртуализированного продукта. В результате потребитель соглашается (иногда неосознанно) на смягченный процесс изменения финансовой части этой услуги через практики, присущие ее технической составляющей.

Это означает, что для применения подхода к регулированию, основанного на принципах, необходимы те же условия, которые существуют между поставщиками и потребителями в рамках саморегулирования и договорной практики. Этот подход

основан на взаимном доверии сторон – регулирующей и регулируемой, а также на тесном взаимодействии между ними. В то же время следует отметить, что такой подход не означает автоматической свободы поведения на рынке. Как подчеркивают некоторые ученые, на практике отсутствие ясности в том, что именно правоприменители считают соблюдением требований, заставляет предприятия придерживаться довольно консервативного поведения. Подход, основанный на принципах, может обеспечить гибкость, позволяя предприятиям внедрять инновации при соблюдении требований (Amstad, 2019). Наш анализ показывает, что это происходит в тех областях, где регулятор осуществляет иную деятельность, не связанную с указанным подходом, что создает другую модель поведения для регулятора. В случае с финтехом это может быть структура Центрального банка, которая обеспечивает модель соответствия для банков, основанную на правилах, что заставляет финтех вести себя как банки, насколько это возможно.

Анализ работ, основанных на исследовательском подходе, позволяет сделать два важных вывода. Первый касается восприятия того, когда и где применяется этот подход. Из исследований может сложиться впечатление, что все рассматриваемые подходы применяются отдельно, в зависимости от государства и его предпочтений. Однако это не так. Как правило, нормативно-правовая база в области финтеха строится на сочетании различных подходов, в зависимости от принятой в той или иной стране системы регулирования финансового сектора.

3. Регулирование и финансовые системы

На следующем уровне определяется система регулирования финтеха – это система финансового регулирования, существующая внутри государства. Иногда ее называют «финансовой системой регулирования финтеха», но это не соответствует истине. Проведенный нами анализ показывает, что на практике система финансового регулирования и финансовая система регулирования финтеха не заменяют друг друга. Государство может (как в ЮАР) изменить систему финансового регулирования, чтобы стимулировать развитие рынка финтеха, но это будет изменение всей системы.

Этот подход известен как подход четырех моделей или традиционные методы финансового регулирования (Cunningham & Zaring, 2009). Он был разработан после глобального финансового кризиса 2008 г. и не специфичен для финтеха. Однако он позволяет экстраполировать существующую нормативную базу на развивающийся рынок инновационных технологических решений.

Согласно данным научной литературы, существуют следующие четыре метода:

1. Институциональный, или традиционный, подход (Китай, Мексика, САР Гонконг), который иногда также называют секторальным подходом.
2. Функциональный подход (Бразилия, Италия, Франция).
3. Интегрированный подход (Япония, Сингапур, Германия и ранее Великобритания³).

³ Статистику по Сингапуру и Великобритании, позволяющую сделать вывод о различиях показателей в рамках одного метода регулирования, см.: Fintech Innovation: Perspectives from Singapore and London. (2018). Icaew. <https://clck.ru/39FaTz>

4. Подход «две вершины» (Нидерланды, Швейцария, Катар, Австралия, ЮАР, Испания).

4. Методы регуляторного реагирования

Следующую группу методов мы предлагаем назвать «методы реагирования». Они отвечают на вопрос «Когда мы должны начать регулировать финтех?» (Setiawan & Maulisa, 2020). Эта группа напрямую связана с инновационной трилеммой. В ее рамках выделяют три модели регулирования:

1. «Регулируй» (включая регулирование каждого отдельного случая).
2. «Жди и наблюдай».
3. «Проверяй и учись».

Эти методы регулирования могут изменяться в процессе эволюции финтехрынка; обычно они сочетаются с другими подходами. Предыдущая группа методов основана на том, что финтехрегулирование строится как производная от финансового регулирования, а эта группа методов отвечает на вопрос, с какого момента следует применять предыдущие модели. В первом случае регулятор полностью убежден, что финтехдеятельность находится в его компетенции, и у него нет причин сомневаться в этом.

Если текущая структура финансового регулирования не позволяет начать регулирование финтеха немедленно, регулятор либо пересматривает систему регулирования и вносит в нее необходимые изменения, либо полностью реформирует ее, опираясь на накопленный опыт, в том числе сравнительный.

Варианты 2 и 3 применяются в тех случаях, когда существует регуляторная неопределенность в отношении финтехдеятельности, когда необходимо изучить рынок, и, что наиболее важно, когда необходимо создать надзорный потенциал в отношении технологии до принятия регуляторных мер. Второй вариант применяется, когда нет доказательств того, что деятельность должна регулироваться, и в идеале дополняется неким мониторингом со стороны надзорных органов. Если ситуация такова, что предполагаемые риски потенциально значительны, но проникновение на рынок все еще невелико, власти могут выбрать вариант «проверяй и учись» и внедрить какую-либо форму содействия инновациям (регуляторную песочницу, инкубатор, инновационное агентство и/или хаб), чтобы постепенно заполнить пробел в регулировании.

Эти методы легко сочетаются с предыдущими. Например, Китай известен своим подходом к технологиям по принципу «жди и наблюдай» (Xu et al., 2023), который сочетается с институциональным методом финансового регулирования и предпочтительным подходом к регулированию на основе правил в целом. В то же время для некоторых технологий, связанных с торговлей, экономикой и финансами, Китай предпочитает сначала применять подход на основе принципов в сочетании с методом «проверяй и учись» и только потом переходить к варианту «регулируй» и, соответственно, к нормативному подходу к регулированию⁴.

⁴ World Bank. (2020). How regulators respond to Fintech: Evaluating the different approaches – sandboxes and beyond. Официальный сайт Всемирного банка. <https://clck.ru/39FaXs>

Таким образом, можно сделать вывод, что рассматривать все перечисленные подходы как единственные варианты для регуляторов не совсем верно. Создание системы регулирования финтеха – это не выбор какого-то одного метода, а построение комбинированной системы, в рамках которой финансовая модель регулирования представляется наиболее устойчивой – по крайней мере, переход от одной к другой требует серьезной реформы.

Два оставшихся метода касаются совершенно других аспектов регулирования. Первый – это система построения законодательства, а именно выбор подхода в виде немедленной законодательной реакции или в виде построения системы инструкций. Скорость этой реакции определяется третьим из рассматриваемых методов. Причем в данном случае отсутствуют какие-либо требования, и в целом два последних варианта являются способами разрешения ситуации исключительно на национальном уровне.

5. Регион Большого залива и финтех: введение в GBA

Регион Большого залива Гуандун – Гонконг – Макао (Greater Bay Area, GBA) включает в себя два специальных административных района – Гонконг и Макао, а также районы Гуанчжоу, Шэньчжэнь, Чжухай, Фошань, Хуэйчжоу, Дунгуань, Чжуншань, Цзянмэнь и Чжаоцин в провинции Гуандун. На территории региона общей площадью 56 тысяч квадратных километров в конце 2017 г. проживало около 70 млн человек.

План развития региона Большого залива Гуандун – Гонконг – Макао⁵ направлен на создание территории по лучшим международным стандартам, идеальной для жизни, работы и путешествий. Для этого предусмотрено укрепление связей между Гуандуном, Гонконгом и Макао через развитие специальных административных районов и девяти городов в дельте Жемчужной реки (Meulbroek et al., 2023). План также направлен на глубокую интеграцию внутри региона путем максимально полного использования совокупных преимуществ трех территорий и стимулирования скоординированного экономического развития в регионе. Это требует, в частности, цифровой интеграции, в которой важную роль играет финтех.

С юридической точки зрения GBA находится сразу в трех юрисдикциях, которые организованы согласно концепции «Одна страна – две системы». Здесь в рамках одного государства сосуществуют три системы: материковый Китай, САР Гонконг и специальные административные районы (далее – САР) Макао, а также три нормативно-правовые базы. Это один из самых интересных примеров финтеха. Согласно упомянутому Плану, регион организован, в частности, как международный инновационный и технологический хаб, платформа для углубленного сотрудничества между девятью городами материкового Китая в дельте Жемчужной реки, САР Гонконг и Макао.

Это интересно в первую очередь из-за дуализма в регулировании этих трех систем – материковой модели гражданского права, гонконгского общего права и гражданского права Макао, основанного на португальской юридической практике

⁵ 人才發展委員會 – Positioning and Guiding the Development of Macau in the Greater Bay – Advantages and Opportunities for the Population of Macau. (2023). Сайт правительства специального административного района Макао. <https://clck.ru/39FabM>

и юридической интерпретации. Исходя из позиции финтеха и особенностей рынка, GBA объединяет три разных внутренних финтехрынка: Китая (электронную коммерцию), высокоразвитого Гонконга и Макао, который привлекает меньше внимания в области финтеха.

И здесь стоит начать с того, что одно из самых известных определений финтеха было создано в САР Гонконг. Гонконг называют одним из самых быстроразвивающихся рынков этого сектора, и интерес к финтеху и GBA проистекает, во-первых, из его опыта и сочетания гонконгского регулирования и регулирования финтеха в самом Китае (материковом). Во-вторых, это те различия, которые можно обнаружить даже при беглом анализе.

Оценку упрощает метод финансового регулирования, присутствующий во всех трех частях, поскольку, как принято считать в научной литературе, все они относятся к так называемой традиционной системе регулирования. Однако при внимательном рассмотрении мы увидим, что в отношении финтеха Гонконг создал уникальную, практически единственную в мире систему регулирования «две вершины», когда эти вершины не равноценны.

Кроме того, в этих трех странах отличаются подходы к пониманию финтеха. В материковом законодательстве нет определения финтеха. Первый комплексный нормативный акт Китая в этой сфере под названием «Руководящие мнения по содействию здоровому развитию интернет-финансов» предлагает определение понятия «интернет-финансы». По мнению ученых, речь идет о продвижении стратегии «Интернет плюс» во всех соответствующих секторах рынка⁶. В то же время понятие «интернет-финансы» сопоставимо с понятием «финтех», и оба они могут использоваться как синонимы для описания инновационных технологий финансовых услуг. Согласно «Руководящим мнениям», сфера интернет-финансов включает в себя:

- 1) интернет-платежи;
- 2) онлайн-кредитование;
- 3) акционерный краудфандинг;
- 4) интернет-продажи активов;
- 5) услуги страхования онлайн;
- 6) потребительское финансирование через Интернет.

Другой взгляд на финтех исходит от самой вершины регулирования финтеха в САР Гонконг – Валютного управления Гонконга (Hong Kong Monetary Authority, НКМА). По их мнению, под этим термином «обычно понимают применение искусственного интеллекта, блокчейна, облачных вычислений и больших данных в таких областях, как платежи, клиринг и расчеты, депозиты, кредитование и привлечение капитала, страхование, управление инвестициями и поддержка рынка» (Au, 2021).

Политика Гонконга в отношении финтеха является одной из самых развитых в мире. НКМА осуществляет надзор за проектом Fintech Supervisory Sandbox, запущенным в 2016 г. В 2017 г. он также запустил семь инициатив Smart Banking Initiatives. В июне 2021 г. была представлена стратегия под названием «Финтех 2025», призванная стимулировать развитие этого сектора в Гонконге. Как видно, Гонконг еще не догнал Китай, однако оба государства являются значимыми игроками в этой области,

⁶ См.: Hong Kong Innovation and Technology Development Blueprint. (2021). Innovation, Technology and Industrial Bureau. Itib.gov.hk. <https://clck.ru/39Fafy>

особенно в Азии. К сожалению, этого нельзя сказать о САР Макао, более того, регулирование финтеха в Макао недостаточно развито и с технической точки зрения.

Таким образом, с точки зрения рынка эти три области сильно различаются. С одной стороны, Гонконг активно содействует развитию финтеха, предлагая стимулы для финтехкомпаний, работающих в САР, и разрабатывая рекомендации по применению и оценке финтехрешений. С другой – материковый Китай, колыбель электронной коммерции, реализует подход не технологического нейтралитета, а технологического равенства, оставаясь в основном на позиции «информационно ориентированной», а не «технологической» системы регулирования. Такой подход не уникален, он распространен в государствах с высокоразвитыми и цифровизированными рынками. В этом случае отдельное регулирование финтеха, как в Гонконге, приведет к дублированию правовых норм.

Более того, в некоторых случаях различаются юридические подходы к методам реагирования в рамках территорий. Примером могут служить криптовалюты, запрещенные на материке (регуляторный запрет как навязанный метод), где, напротив, имеется первый и яркий опыт с цифровой валютой центральных банков (Central Bank Digital Currency, CBDC), находящихся сейчас на стадии «проверяй и учись». С другой стороны, у нас есть пример Гонконга, чей недавний опыт в области криптовалют вызывает академические и практические дискуссии по всему миру. Например, в феврале 2023 г. Верховный суд САР Гонконг признал, что «криптовалюта является имуществом и может находиться в доверительном управлении»⁷, что породило невероятное количество вопросов и сомнений⁸ относительно юридических интерпретаций и поправок к законам.

Что касается САР Макао, то в августе 2023 г. его Законодательное собрание одобрило закон, который вступил в силу 1 ноября того же года. Закон разрешает регистрацию банков с ограниченными операциями и расширенным использованием финансовых технологий, или финтеха. Новый закон заменил действовавший уже тридцать лет закон, регулирующий финансовую систему САР.

Согласно закону, банки с ограниченной сферой деятельности – это банки, которым разрешено предоставлять лишь небольшое количество банковских услуг. Что касается финтеха, то новый закон дает правительству право выдавать цифровым компаниям, научным или исследовательским организациям, а также финансовым учреждениям временные разрешения на пробное функционирование финтех-проектов. Это привлекло внимание к финтеху и стало отправной точкой, позволяющей оценить рынок и понять возможную реакцию регулятора.

Другим примером является локальный метод, когда, чтобы избежать полного запрета, регулятор принимает решение о «разделе лицензий», позволяя банкам и другим финансовым организациям становиться соучредителями и сопровайдерами финтехуслуг⁹. В Гонконге программа Fintech Supervisory Sandbox (FSS), запущенная НКМА в сентябре 2016 г., дает возможность банкам и их партнерам – технологиче-

⁷ Текст судебного решения см.: HCCW 18/2019 [2023] HKCFI 914. (2023). <https://clck.ru/39Faib>

⁸ Sajnani, S., Knight, S., & Chen, M. (2023, May 10). Hong Kong Court Confirms Cryptocurrency is “Property.” Lexology; King & Wood Mallesons. <https://clck.ru/39Fak6>

⁹ Restoy, F. (2021). Fintech regulation: how to achieve a level playing field. Financial Stability Institute, Bank for International Settlements. Piie.com. <https://clck.ru/39Fank>

ским фирмам (tech firms) – проводить пилотные испытания своих финтехинициатив. В этот процесс включается ограниченное число участников без необходимости полного соответствия надзорным требованиям НКМА¹⁰. Таким образом, игнорирование большинства анонимных финтехсервисов нельзя считать «теневым запретом»¹¹, как называют этот метод регулирования некоторые авторы (Chapin, 2020).

Отсюда можно сделать вывод, что различия между рынками и нормативными актами весьма существенны. В то же время для юристов это означает, что понимание того, что такое финтех и как следует регулировать трансграничные виртуализированные услуги и продукты, также различается. GBA как хаб может столкнуться с трудностями, особенно если финтех начнет «просачиваться» через правовые границы, что мы наблюдаем в случае некоторых финансовых технологий и рынков Африки.

Во-первых, различия между рынком и регулированием касаются интерпретации. На данный момент нет возможности отличить финтехуслуги от не финтехуслуг, используя только нормативные документы без списка разрешенных финтехуслуг. Более того, в ходе исследования были найдены примеры, когда одна и та же услуга определялась как финтех и не финтех в рамках одной юрисдикции, так что это вполне возможно в рамках трех правовых систем. В некоторых случаях это даже приводит к выводу, что если сервис не назван разработчиками финтехом, то нет возможности самостоятельно определить его как финтех.

Кроме того, финтех создает множество проблем как для академических исследований, так и для законодательных инициатив. Это тесно связано с понятием прорывных технологий, а также объясняет, почему так много внимания уделяется нормативно-правовой базе, ее концепциям и моделям. В то же время нет полной статистики о том, как услуга, особенно сложная, может повлиять на рынок. В некоторых случаях в материковом Китае и в обеих САР финтехрегулятор перенимает существующую концепцию и воссоздает одну и ту же стратегию для сервисов, выполняющих одинаковые задачи, например, WePay, MPay и Alipay. Но то, что на первый взгляд кажется одной и той же концепцией, может сильно отличаться по сути.

Институциональный, или секторальный, подход, также называемый традиционным, фокусируется на форме юридического лица и закрепляет за ним определенный регулятор (Cunningham & Zaring, 2009). Таким образом, рынок делится на секторы, регулируемые надзорным институтом. Обычно это секторы, относящиеся к депозитарным финансовым организациям, рынку ценных бумаг и фьючерсов, а также секторы других институтов. Они могут подразделяться на большее количество подсекторов или иметь меньшее количество надзорных органов, как в материковом Китае. Наиболее успешным и классическим примером этого метода является САР Гонконг, который демонстрирует меньше сбоев и обеспечивает хороший баланс между защитой традиционной системы и содействием инновациям. Однако, как уже было сказано, в каждом методе необходимо оценивать все особенности территории, поэтому то, что подходит Гонконгу, может быть, будет неактуально для Макао и материкового Китая.

¹⁰ Fintech Supervisory Sandbox (FSS). (2023, May 25). Hong Kong Monetary Authority. <https://clck.ru/39Faqv>

¹¹ Kumar, R. (2023, August 29). SEC's sealed motion against Binance and CEO CZ. The Crypto Times. <https://clck.ru/39Fat6>; см. также: <https://clck.ru/39Fav2>

Границы между секторами в такой модели размыты, даже без таких вызовов, как финтех; это может привести к путанице и потенциальным конфликтам, особенно когда регулируемая организация не является офлайновой, то есть традиционной. С технической точки зрения традиционность представляется главной проблемой такого метода, так как он может не работать с чем-либо нетрадиционным или противоречивым.

Заключение

Ни один подход не способен сам по себе решить все проблемы. Во-первых, встает вопрос о том, что именно следует регулировать, а что нет. Эта проблема проистекает из конфликта формы и природы. Форма, с юридической точки зрения, известна: финтех – это финансовые услуги. Но природа их – технологическая, что делает финтех таким конкурентоспособным и таким привлекательным для потребителя. Эта свобода от прошлого, как было сказано в отношении тенденции нового поколения предпочитать финтех банковским услугам (Evdokimova, 2020), – самый большой вызов, с которым сталкиваются все регуляторы.

Вторая проблема – это развертывание финтеха. Пока что развитие рынка приводит к появлению игроков двух типов: чистых финтехпровайдеров, которых некоторые авторы¹² называют финтехкомпаниями, и традиционных игроков, которые пытаются быть конкурентоспособными и начинают запускать финтехуслуги и продукты (Wonglimpiyarat, 2017), что особенно ярко проявилось во время пандемии (Tut, 2023). Первые не подпадают под финансовое регулирование, тогда как вторые являются объектом, субъектом и источником финансового права и политики.

Это главный вызов, который присутствует на каждом финтехрынке. Но в регионе GBA есть также свои особые проблемы, о которых необходимо упомянуть. Во-первых, речь идет о том, что развитие всех трех финтехрынков шло по совершенно разным траекториям, и в рамках принципа «Одна страна – две системы» возникли три разных финтехрынка. Эта ситуация уникальна, и ни одно государство, даже Соединенные Штаты с их федеральным законодательством и законодательством штатов, не имеет подобного опыта.

Кроме того, речь идет о том, что в Китае и двух САР существуют три разные правовые системы и, самое главное, правовые интерпретации. Это приводит к существенным различиям в понимании того, в чем заключается проблема финтеха. Проведя исследование в этой области не только в рамках GBA, мы также можем сказать, что подходы к регулированию финтеха в странах гражданского права и странах общего права отличаются, и в некоторых аспектах существенно. Более того, даже отдавая предпочтение методу реагирования «проверяй и учись», в материковом Китае (как, вероятно, и в Макао) применяют подход, основанный на правилах, что свойственно гражданско-правовому государству. В САР Гонконг – территории общего права – применяются подход, основанный на принципах, и в то же время метод регулирования каждого отдельного случая.

¹² Eickhoff, M., Muntermann, J., & Weinrich, T. (2017, December). What do Fintechs Actually Do? A Taxonomy of Fintech Business Models. In ICIS.

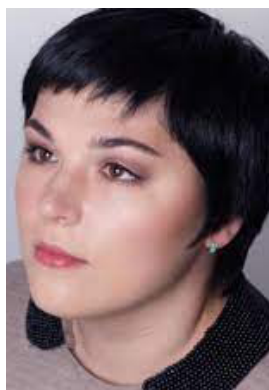
Последнее важное отличие заключается в том, что финтехрегулирование не сосредоточено только на регулировании финтеха. Оно формируется на основе уже существующих норм, и здесь, поскольку финтех относится одновременно к области технологического и финансового права, различия еще более разительны. Технологическое право как таковое, куда мы можем включить и законодательство в области данных, является более общим, оно ориентировано на огромный сектор и не может быть выделено в отдельную сферу. Разница в подходах в этих областях, даже если она незаметна сейчас, в скором времени станет очевидной. А исходя из проблем, обозначенных в Трилемме инноваций, в зависимости от того, какие два аспекта в ней преобладают, влияние финтеха на рынок может быть непредсказуемым. В случае с регионом GBA, когда в материковом Китае и в САР возникнут свои собственные трилеммы, этот процесс может затронуть не один, а все три рынка одновременно. Однако какая территория станет инициатором этого влияния, предсказать невозможно, по крайней мере, в настоящий момент.

Список литературы

- Amstad, M. (2019). Regulating Fintech: Objectives, principles, and practices. *Asian Development Bank Institute Working Paper Series*, 1016. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3541003>
- Arner, D. W., Barberis, J., & Buckley, R. P. (2016). The Evolution of FinTech: A New Post-Crisis Paradigm? *Georgetown Journal of International Law*, 47, 127. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2676553>
- Au, A. (2021). Fintech Innovation and Knowledge Flows in Hong Kong's Financial Sector: A Social Network Analysis Approach. *Journal of Asia Business Studies*, 16(2), 294–307. <https://doi.org/10.1108/JABS-09-2020-0381>
- Chapin, Ch. F. (2020). The Long Shadow of Prohibition. In P. Baker, & D. T. Critchlow (Eds.), *The Oxford handbook of American political history*. Oxford University Press.
- Blakstad, S., & Allen, R. (2018). *FinTech Revolution*. Springer International Publishing. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-76014-8>
- Brummer, C., & Yadav, Y. (2019). Fintech and The Innovation Trilemma. *The Georgetown Law Journal*, 107, 235. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3054770>
- Cunningham, L. A., & Zaring, D. (2009). The Three or Four Approaches to Financial Regulation: A Cautionary Analysis Against Exuberance in Crisis Response. *The George Washington Law Review*, 78, 39.
- Evdokimova, Y. (2020). Digitalization of the Financial Sector: Background and Specifics. In *Proceedings of the 2nd International Scientific and Practical Conference on Digital Economy (ISCDE 2020)* (pp. 179–183). EDN: <https://www.elibrary.ru/lkqbax>. DOI: <https://doi.org/10.2991/aebmr.k.201205.029>
- Ferran, E. (2015). The Break-up of the Financial Services Authority in the UK. In *Institutional Structure of Financial Regulation* (pp. 127–154). Routledge.
- Gabor, D., & Brooks, S. (2017). The Digital Revolution in Financial Inclusion: International Development in the Fintech Era. *New Political Economy*, 22(4), 423–436. <https://doi.org/10.1080/13563467.2017.1259298>
- Kharisma, D. B. (2020). Urgency of Financial Technology (Fintech) Laws in Indonesia. *International Journal of Law and Management*, 63(3), 320–331. <https://doi.org/10.1108/IJLMA-08-2020-0233>
- Meulbroek, C., Peck, J., & Zhang, J. (2023). Bayspeak: Narrating China's Greater Bay Area. *Journal of Contemporary Asia*, 53(1), 95–123. <https://doi.org/10.1080/00472336.2021.1998579>
- Mik, E. (2022). Smart Contracts: Tales of Trust and Certainty. *Technology and Regulation*, 100–112. <https://doi.org/10.26116/techreg.2022.010>
- Nicolaidis, K., & Shaffer, G. (2005). Transnational Mutual Recognition Regimes: Governance without Global Government. *Law and Contemporary Problems*, 68(3/4), 263–317. <https://doi.org/10.2307/27592113>
- Omarova, S. T. (2020). Technology v technocracy: Fintech as a regulatory challenge. *Journal of Financial Regulation*, 6(1), 75–124. <https://doi.org/10.1093/jfr/fjaa004>
- Pomerol, J. C. (2018). Business Uncertainty, Corporate Decisions and Startups. *Journal of Decision Systems*, 27(sup1), 32–37. <https://doi.org/10.1080/12460125.2018.1460162>
- Reed, C. (2018). How Should We Regulate Artificial Intelligence? *Philosophical Transactions of the Royal Society A: Mathematical, Physical and Engineering Sciences*, 376(2128), 20170360. <https://doi.org/10.1098/rsta.2017.0360>

- Romānova, I. & Kudinska, M. (2016). Banking and Fintech: A Challenge or Opportunity? In *Contemporary Issues in Finance: Current Challenges from Across Europe (Contemporary Studies in Economic and Financial Analysis, Vol. 98, pp. 21–35)*. Bingley: Emerald Group Publishing Limited. <https://doi.org/10.1108/S1569-375920160000098002>
- Sarhan, H. (2020). Fintech: An Overview. *ResearchGate*: Berlin, Germany, 1–34. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.17196.28804>
- Schwartz, J. (2017). Should Mutual Funds Invest in Startups? A Case Study of Fidelity Magellan Fund's Investments In Unicorns (And Other Startups) And The Regulatory Implications. *North Carolina Law Review*, 95(5), 1341–1402.
- Setiawan, K., & Maulisa, N. (2020, March). The Evolution of Fintech: A Regulatory Approach Perspective. In *Proceeding of the 3rd International Conference on Law and Governance (ICLAVE 2019)* (pp. 218–225). Atlantis Press. <https://doi.org/10.2991/aebmr.k.200321.029>
- Tut, D. (2023). Fintech and the Covid-19 Pandemic: Evidence from Electronic Payment Systems. *Emerging Markets Review*, 54, 100999. <https://doi.org/10.1016/j.ememar.2023.100999>
- Wonglimpiyarat, J. (2017). FinTech banking industry: a systemic approach. *Foresight*, 19(6), 590–603. <https://doi.org/10.1108/FS-07-2017-0026>
- Xu, D., Taylor, C. J., & Ren, Y. (2023). Wait-and-See or Whack-a-Mole: What Is the Best Way to Regulate Fintech in China? *Asian Journal of Law and Society*, 10(3), 433–462. <https://doi.org/10.1017/als.2022.7>

Сведения об авторе

Ярослава Кучина – кандидат юридических наук, доцент, соискатель степени PhD, младший научный сотрудник, факультет права, Университет Макао

Адрес: Китай, САР Макао, Авенида да Универсидаде, E 32

E-mail: yakuchina@gmail.com

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1681-1038>

Scopus Author ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57191665336>

WoS Researcher ID: <https://www.webofscience.com/wos/author/record/K-4849-2017>

Google Scholar ID: <https://scholar.google.hu/citations?user=wBNuZRwAAAAJ>

Конфликт интересов

Автор сообщает об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование

Исследование не имело спонсорской поддержки.

Тематические рубрики

Рубрика OECD: 5.05 / Law

Рубрика ASJC: 3308 / Law

Рубрика WoS: OM / Law

Рубрика ГРНТИ: 10.21.91 / Финансовое право отдельных стран

Специальность ВАК: 5.1.2 / Публично-правовые (государственно-правовые) науки

История статьи

Дата поступления – 8 декабря 2023 г.

Дата одобрения после рецензирования – 20 декабря 2023 г.

Дата принятия к опубликованию – 15 марта 2024 г.

Дата онлайн-размещения – 20 марта 2024 г.

Research article

UDC 34:004:347.73:336.02

EDN: <https://elibrary.ru/bybieo>

DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.10>

Legal Approaches and Regulatory Methods for Fintech in the Guangdong – Hong Kong – Macao Greater Bay Area

Yaroslava Kuchina

University of Macau, Macau SAR, China

Keywords

digital technologies,
financial innovation,
financial law,
financial technologies,
fintech regulation,
GBA,
Hong Kong,
law,
Macau,
Mainland China

Abstract

Objective: To look at the fintech regulatory policy and regulatory system in the Greater Bay Area through the lens of the Trilemma of Innovation doctrine in order to identify the applicability and extrapolation of existing legal models in the zone of accelerated economic and innovation development in Guangdong, Hong Kong and Macau.

Methods: The article is based on the comparative legal research of the regulation regarding models, existing within the regulatory framework for fintech. For that matter we conduct a generalization, introducing the classification of methods and systems that, in our opinion, can be recognized as the Lego-like systems of instruments.

Results: The research evaluates difficulties that may be faced by the participants within GBA on the way of legal harmonization regarding fintech. Special attention is paid to Hong Kong SAR, being one of the best-known examples of successful fintech regulation, and to comparing fintech regulation in Mainland China and in SAR (Macau, in particular). The author states that the last amendments to the financial law of Macau SAR also add an element of uncertainty, even though they aim to develop the situation within the framework. The author compares a technocratic approach, according to which fintech regulation is completely national (created only for the domestic market and reflects its structure) and traditional approach to regulation, a part of which is the Trilemma of Innovation. The latter implies the possibility of over-national (international) standardization, including in the form of soft law, which may eliminate the difference in understanding the fintech characteristics, its concepts and scope. Besides, the author analyses the correlation between the concepts of financial regulatory system

© Kuchina Y., 2024

This is an Open Access article, distributed under the terms of the Creative Commons Attribution licence (CC BY 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>), which permits unrestricted re-use, distribution and reproduction, provided the original article is properly cited.

regulatory framework to the developing market of innovative technological solutions and their various models. The author highlights the regulatory response method, changing during the fintech market evolution, and applied, as a rule, together with other approaches.

Scientific novelty: the article presents a comprehensive review of the different systems of fintech legal regulation in the Guangdong – Hong Kong – Macau Greater Bay Area, whose unique experience demonstrates various trajectories of the fintech market development in southern China within the “One Country – Two Systems” concept.

Practical significance: the main conclusions and proposals resulting from the study are of significant interest for further research, regulatory policy and fintech regulatory system, as Mainland China and the special administrative regions of the Greater Bay Area use different approaches and methods of legal response that have no analogues in the modern world.

For citation

Kuchina, Y. (2024). Legal Approaches and Regulatory Methods for Fintech in the Guangdong – Hong Kong – Macao Greater Bay Area. *Journal of Digital Technologies and Law*, 2(1), 181–199. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.10>

References

- Amstad, M. (2019). Regulating Fintech: Objectives, principles, and practices. *Asian Development Bank Institute Working Paper Series*, 1016. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3541003>
- Arner, D. W., Barberis, J., & Buckley, R. P. (2016). The Evolution of FinTech: A New Post-Crisis Paradigm? *Georgetown Journal of International Law*, 47, 127. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2676553>
- Au, A. (2021). Fintech Innovation and Knowledge Flows in Hong Kong's Financial Sector: A Social Network Analysis Approach. *Journal of Asia Business Studies*, 16(2), 294–307. <https://doi.org/10.1108/JABS-09-2020-0381>
- Chapin, Ch. F. (2020). The Long Shadow of Prohibition. In P. Baker, & D. T. Critchlow (Eds.), *The Oxford handbook of American political history*. Oxford University Press.
- Blakstad, S., & Allen, R. (2018). *FinTech Revolution*. Springer International Publishing. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-76014-8>
- Brummer, C., & Yadav, Y. (2019). Fintech and The Innovation Trilemma. *The Georgetown Law Journal*, 107, 235. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3054770>
- Cunningham, L. A., & Zaring, D. (2009). The Three or Four Approaches to Financial Regulation: A Cautionary Analysis Against Exuberance in Crisis Response. *The George Washington Law Review*, 78, 39.
- Evdokimova, Y. (2020). Digitalization of the Financial Sector: Background and Specifics. In *Proceedings of the 2nd International Scientific and Practical Conference on Digital Economy (ISCDE 2020)* (pp. 179–183). <https://doi.org/10.2991/aebmr.k.201205.029>
- Ferran, E. (2015). The Break-up of the Financial Services Authority in the UK. In *Institutional Structure of Financial Regulation* (pp. 127–154). Routledge.
- Gabor, D., & Brooks, S. (2017). The Digital Revolution in Financial Inclusion: International Development in the Fintech Era. *New Political Economy*, 22(4), 423–436. <https://doi.org/10.1080/13563467.2017.1259298>
- Kharisma, D. B. (2020). Urgency of Financial Technology (Fintech) Laws in Indonesia. *International Journal of Law and Management*, 63(3), 320–331. <https://doi.org/10.1108/IJLMA-08-2020-0233>
- Meulbroek, C., Peck, J., & Zhang, J. (2023). Bayspeak: Narrating China's Greater Bay Area. *Journal of Contemporary Asia*, 53(1), 95–123. <https://doi.org/10.1080/00472336.2021.1998579>
- Mik, E. (2022). Smart Contracts: Tales of Trust and Certainty. *Technology and Regulation*, 100–112. <https://doi.org/10.26116/techreg.2022.010>

- Nicolaidis, K., & Shaffer, G. (2005). Transnational Mutual Recognition Regimes: Governance without Global Government. *Law and Contemporary Problems*, 68(3/4), 263–317. <https://doi.org/10.2307/27592113>
- Omarova, S. T. (2020). Technology v technocracy: Fintech as a regulatory challenge. *Journal of Financial Regulation*, 6(1), 75–124. <https://doi.org/10.1093/jfr/fjaa004>
- Pomerol, J. C. (2018). Business Uncertainty, Corporate Decisions and Startups. *Journal of Decision Systems*, 27(sup1), 32–37. <https://doi.org/10.1080/12460125.2018.1460162>
- Reed, C. (2018). How Should We Regulate Artificial Intelligence? *Philosophical Transactions of the Royal Society A: Mathematical, Physical and Engineering Sciences*, 376(2128), 20170360. <https://doi.org/10.1098/rsta.2017.0360>
- Romānova, I. & Kudinska, M. (2016). Banking and Fintech: A Challenge or Opportunity? In *Contemporary Issues in Finance: Current Challenges from Across Europe (Contemporary Studies in Economic and Financial Analysis, Vol. 98, pp. 21–35)*. Bingley: Emerald Group Publishing Limited. <https://doi.org/10.1108/S1569-375920160000098002>
- Sarhan, H. (2020). Fintech: An Overview. *ResearchGate*: Berlin, Germany, 1–34. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.17196.28804>
- Schwartz, J. (2017). Should Mutual Funds Invest in Startups? A Case Study of Fidelity Magellan Fund's Investments In Unicorns (And Other Startups) And The Regulatory Implications. *North Carolina Law Review*, 95(5), 1341–1402.
- Setiawan, K., & Maulisa, N. (2020, March). The Evolution of Fintech: A Regulatory Approach Perspective. In *Proceeding of the 3rd International Conference on Law and Governance (ICLAVE 2019)* (pp. 218–225). Atlantis Press. <https://doi.org/10.2991/aebmr.k.200321.029>
- Tut, D. (2023). Fintech and the Covid-19 Pandemic: Evidence from Electronic Payment Systems. *Emerging Markets Review*, 54, 100999. <https://doi.org/10.1016/j.ememar.2023.100999>
- Wonglimpiyarat, J. (2017). FinTech banking industry: a systemic approach. *Foresight*, 19(6), 590–603. <https://doi.org/10.1108/FS-07-2017-0026>
- Xu, D., Taylor, C. J., & Ren, Y. (2023). Wait-and-See or Whack-a-Mole: What Is the Best Way to Regulate Fintech in China? *Asian Journal of Law and Society*, 10(3), 433–462. <https://doi.org/10.1017/als.2022.7>

Author information

Yaroslava Kuchina – Cand. Sci. (Law), Assistant Professor, PhD Candidate, Research Assistant, Faculty of Law, University of Macau
Address: E 32 Avenida da Universidade, Macau SAR, China
E-mail: yakuchina@gmail.com
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1681-1038>
Scopus Author ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57191665336>
WoS Researcher ID: <https://www.webofscience.com/wos/author/record/K-4849-2017>
Google Scholar ID: <https://scholar.google.hu/citations?user=wBNuZRwAAAAJ>

Conflict of interest

The author declares no conflict of interests.

Financial disclosure

The research had no sponsorship.

Thematic rubrics

OECD: 5.05 / Law

PASJC: 3308 / Law

WoS: OM / Law

Article history

Date of receipt – December 8, 2023

Date of approval – December 20, 2023

Date of acceptance – March 15, 2024

Date of online placement – March 20, 2024

Научный обзор

УДК 34:004:347.73:336.1

EDN: <https://elibrary.ru/yxcjno>

DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.11>

Финансово-правовое развитие общественных отношений с использованием цифровых валют в метавселенных

Максим Сергеевич Ситников

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия

Ключевые слова

блокчейн,
законодательство,
криптовалюта,
метавселенная,
финансовое право,
центральный банк,
цифровая валюта,
цифровой рубль,
цифровой суверенитет,
цифровые технологии

Аннотация

Цель: на основе анализа финансово-правовой политики отдельных юрисдикций определить исходную перспективу финансово-правового развития общественных отношений в метавселенных с использованием цифровых валют.

Методы: исследование основано на системе познавательных инструментов, прежде всего, формально-юридическом, сравнительно-правовом, статистическом методах, а также методе правового прогнозирования, способствующих истолкованию норм права и финансово-правовой политики разных юрисдикций, оценке степени сегодняшнего развития законодательства в области регулирования технологий виртуальных миров, формулированию представлений о финансово-правовой регуляции общественных отношений с использованием цифровых валют в метавселенной.

Результаты: в проведенном исследовании выявлено, что современное законодательство о метавселенных находится на начальном этапе своего формирования, поскольку в развитых юрисдикциях метавселенная рассматривается пока что только как технология будущего. Показана степень популярности первых прототипов метавселенных и возрастающий рост внимания отдельных государств к тематике метавселенных с целью развития собственного социально-экономического потенциала и закрепления международных лидерских позиций по уровню цифрового развития. Отмечены недостатки выработанных в доктрине и практике определений метавселенных, наряду с которыми предлагается авторская дефиниция. Утверждается, что для полноценной интеграции технологии метавселенной в отдельно взятую страну, политика которой сосредоточена на достижении (сохранении) высокого рейтинга в части цифровой трансформации экономики, необходимо определиться с валютой, которая легитимно может использоваться в метавселенной в будущем. Сделан вывод

© Ситников М. С., 2024

Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал при условии, что оригинальная работа упомянута с соблюдением правил цитирования.

о необходимости планирования финансово-правовой политики в данной области, которая во многом будет зависеть от правового режима криптовалюты в конкретной стране. Утверждается, что дальнейшее развитие концепта метавселенных в России будет зависеть от результатов тестирования цифрового рубля.

Научная новизна: данная работа является одной из первых, посвященных вопросам конвергенции метавселенной и финансового права, в которой предлагается концепция по установлению полноценной легальности цифровой валюты в метавселенной в зависимости от отношения конкретной страны к децентрализованным финансам. Наряду с популярными определениями, сформулированными в доктрине и практике, представлена собственная трактовка метавселенной с указанием ее существенных признаков.

Практическая значимость: полученные выводы и предложения могут быть использованы для совершенствования механизмов финансово-правового регулирования общественных отношений в условиях формирующейся концепции метавселенных. Высказанные идеи и утверждения имеют значение для дальнейшего исследования разнообразных финансово-правовых аспектов развития и функционирования метавселенных.

Для цитирования

Ситников, М. С. (2024). Финансово-правовое развитие общественных отношений с использованием цифровых валют в метавселенных. *Journal of Digital Technologies and Law*, 2(1), 200–220. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.11>

Содержание

Введение

1. Понятие метавселенной и специфика финансово-правовой политики отдельных юрисдикций
2. Финансовый контроль (мониторинг) в условиях метавселенной
3. Вариант интеграции криптовалюты как основы для метавселенных
4. Поиск дальнейшего развития концепта метавселенных: недостатки законодательства и тестирование цифрового рубля

Заключение

Список литературы

Введение

Метавселенную обозначают как следующий этап в развитии сети Интернет, который постепенно получает свое воплощение в реальной жизни. Один из мотивов к созданию метавселенных обуславливается развитием коммерции, что предполагает движение денежных потоков внутри этого виртуального пространства. Данное обстоятельство не может не вызывать интерес со стороны государства. Это наводит на мысль о необходимости разработки гибкого и эффективного правового регулирования новой формы экономического оборота для целей финансово-правовой политики государства. В этой связи возникает множество вопросов, среди которых, в частности, интерес государства в развитии направления метавселенных, конкретные

варианты финансовой регуляции рынка в метавселенных, возможность адаптации существующего законодательства о финансах под формирующийся рынок метавселенных. Ответам на эти и некоторые другие вопросы посвящена настоящая работа.

1. Понятие метавселенной и специфика финансово-правовой политики отдельных юрисдикций

Будущее всей юридической материи невозможно представить без функционирования цифровых технологий. В последнее время обретает актуальность вопрос о правовом регулировании общественных отношений в условиях инновационного виртуального пространства, коим является метавселенная. Правовое регулирование отношений в виртуальных мирах уже более 10 лет является объектом исследования многих ученых. Так, в 2008 г. увидело свет масштабное научное исследование о праве виртуальных миров, автором которого является американский правовед Б. Т. Дюранске ([Duranske, 2008](#)). За год до этого была издана работа другого американского правоведа – Э. Реувени, где освещаются вопросы авторского и договорного права в виртуальном мире ([Reuveni, 2007](#)). В России к числу первых из наиболее известных публикаций по этой теме можно отнести, в частности, исследования В. В. Архипова ([Архипов, 2013](#)) и А. И. Савельева ([Савельев, 2014](#)). При этом под виртуальным миром авторы понимали прежде всего онлайн-игру.

Метавселенную нельзя обозначить исключительно как онлайн-игру. Данные категории соотносятся между собой как общее и частное соответственно. Следовательно, метавселенная есть нечто более масштабное, нежели обычная онлайн-игра. Хочется отметить, что тематика метавселенных давно упоминается в научных исследованиях. Например, в 2008 г. американские ученые в соавторстве со швейцарским специалистом обратили внимание на возможность воплощения идеи метавселенной ([Hendaoui et al., 2008](#)). Существующее сегодня столь высокое внимание к метавселенным очень часто связывают с компанией «Meta»¹. Осенью 2021 г. Марк Цукерберг выступил с обращением, в котором заявил, что одно из направлений деятельности корпорации будет связано с построением иммерсивного виртуального пространства Horizon Worlds. Несмотря на то, что проект получил широкую огласку, стоит сказать, что развитие метавселенных не ограничивается степенью воплощения Horizon Worlds. Дело в том, что сегодня существует достаточное количество иных проектов, называемых метавселенными. Так, согласно статистическим данным от зарубежных исследователей, общая капитализация рынка виртуальной недвижимости в отдельных прототипах метавселенных за 2022 г. исчисляется более чем в 1,4 млрд долларов². Лидерство отводится таким платформам, как Decentraland, The sandbox, Somnium Space. Положительная динамика наблюдается и в первом квартале 2023 г.³

¹ Организация признана экстремистской, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

² 2022 Annual Metaverse Virtual Real Estate Report. (2023, January 11). Parcel. <https://clck.ru/39CTbo>

³ Gherghelas, S. (2023, March 23). Virtual Worlds Soar: Record Land Sales Generate \$311M. DappRadar. <https://clck.ru/39CTdf>

Экономическое развитие метавселенных постепенно набирает обороты. По мнению специалистов крупнейшего международного банка Citibank, к 2030 г. общий рынок метавселенных может исчисляться в пределах от 8 до 13 трлн долларов⁴. Отдельно стоит сказать о прогнозах развития метавселенных в Китайской Народной Республике (далее – КНР, Китай). Так, в плане по развитию метавселенных в Шанхае отмечено, что к 2025 г. рынок будет оцениваться в 350 млрд юаней⁵. В провинции Сычуань оценили экономическое развитие направление метавселенных в 250 млрд юаней⁶. Представляется, что Китай на сегодняшний день является одним из лидеров по развитию метавселенных. В конце 2021 г. в КНР был создан отраслевой комитет по развитию метавселенных, подконтрольный Китайской ассоциации мобильной связи. На уровне государства признается, что развитие метавселенных позволит укрепить позиции КНР как мирового технологического лидера⁷. Также стоит отметить, что Китайской академией современных международных отношений был издан отчет, посвященный национальной безопасности страны в контексте развития метавселенных, где акцент сделан на технологическую гегемонию и информационную безопасность⁸.

Лидерство Китая в развитии метавселенных объясняется особенной экономико-правовой политикой страны. По утверждению П. В. Трощинского, основу цифровой экономики Китая составляют национальные интересы. По этой причине китайские платформы вытеснили со своего рынка западные технологии. В этой связи можно говорить, что Китай является оплотом цифрового суверенитета (Трощинский, 2021).

Данное исследование будет считаться неполноценным без упоминания дефиниций термина «метавселенная». Так, Американский венчурный специалист М. Болл отмечает: «Под метавселенной следует понимать масштабируемую и совместимую сеть 3D-виртуальных миров, визуализируемых в реальном времени, которые могут быть доступны синхронно и постоянно практически неограниченному числу пользователей с индивидуальным ощущением присутствия и непрерывностью данных, таких как личность, история, права, объекты, коммуникации и платежи» (Ball, 2022). Как полагают китайские и канадские специалисты, метавселенная представляет собой синтезированный мир (виртуальная и реальная жизнь), который состоит из управляемых пользователем аватаров, цифровых вещей, виртуальной среды и других элементов, что позволяет людям использовать данное пространство для общения, совместной работы и иных целей (Wang et al., 2022). В другом исследовании отмечается, что метавселенная представляет собой новый этап в развитии сети Интернет, характеризующийся следующими аспектами: (1) использование симбиоза разных технологий, что позволяет сгенерировать зеркальное изображение реального мира на основе технологии цифровых двойников и блокчейна для построения

⁴ Citi: объем рынка метавселенной может достигнуть \$13 трлн в течение 8 лет. (2022, 1 апреля). РБК. <https://clck.ru/39CViN>

⁵ Шанхай объявляет о плане действий по развитию индустрии метавселенной. (2022, 22 августа). СЖО. <https://clck.ru/39CVmw>

⁶ Иванов, П. (2023, 17 августа). Власти китайской провинции Сычуань оценили рынок метавселенных в \$34 млрд. Blockchair. <https://clck.ru/39CVpZ>

⁷ Hui, M. (2021, November 17). China is eyeing the metaverse as the next internet battleground. Quartz. <https://clck.ru/39Cm6r>

⁸ 元宇宙与国家安全 原创 美国研究所 中国现代国际关系研究院. <https://clck.ru/39CVuQ>

экосистемы, (2) метавселенная представляет собой особую форму социального взаимодействия пользователей, (3) гиперпространственная временность, что предполагает для пользователей открытый, бесплатный и захватывающий опыт использования иммерсивной виртуальной реальности (Wang et al., 2023).

Российский ученый-правовед И. В. Понкин использует термин кибер-мета-вселенная: «кибер-мета-вселенная – это формируемое и поддерживаемое посредством интероперабельных динамических цифровых моделирований и синтеза сложное виртуально-реальное (гибридное) гомеостатическое и персистентное цифровое многопользовательское мета-пространство, включающее множество децентрализованных и/или интерсекциональных реально-виртуальных мультимасштабных (и масштабируемых) трехмерных пространственных миров (экосистем, универсумов) сложно-когнитивного и голографически-визуального порядков (дополненной или воспроизведенной реальности – согласованно и сообразно с естественными законами физического бытия и человеческого восприятия, понимания и преобразования мира), с обеспечением интерактивности вовлечения (участия, взаимодействия, активного преобразования) пользователя через его аватар и с обеспечением иммерсивности погружения пользователя в онтологии этих миров» (Понкин, 2023). Более простым выглядит определение пакистанского ученого, который указывает, что метавселенная есть смоделированная цифровая среда, сочетающая в себе дополненную (AR) и виртуальную (VR) реальности, блокчейн и принципы социальных сетей для создания области богатого взаимодействия между пользователями и направленная на имитацию реального мира⁹.

Нельзя не сказать про определение виртуальных миров, которое сформулировано в стратегии Европейской комиссии Европейского союза (далее – ЕС), посвященной развитию концепции Web 4.0. В соответствии с данным актом виртуальные миры представляют собой постоянные иммерсивные среды, основанные на технологиях, включая 3D и смешанную реальность (ХР), которые позволяют объединить физический и цифровой миры в реальном времени для различных целей, таких как проектирование, моделирование, совместная работа, обучение, общение, осуществление транзакций и развлечения¹⁰. Несмотря на использование в стратегии термина «виртуальные миры», вероятнее всего, речь идет именно о развитии метавселенных. Стоит заметить, что ЕС не в первый раз затрагивает тематику метавселенных. Например, в 2022 г. Европейской парламентской исследовательской службой был опубликован результат брифинга «Метавселенная: возможности, риски и последствия для политики»¹¹.

За последнее время накопилось достаточное количество определений термина «метавселенная». Однако автор данной работы полагает, что существующие позиции относительно данной категории содержат один или несколько недостатков, среди которых можно отметить следующие: сложность восприятия и/или отсутствие важных черт. Поэтому иногда описание метавселенной осуществляется через сюжет фильмов («Первому игроку приготовиться», «Матрица», «Главный герой» и др.). Представляется верным, что любое определение должно содержать в себе только два аспекта:

⁹ Laeeq, K. (2022). *Metaverse: why, how and what. How and What*.

¹⁰ EU. (2023, July 5). An EU initiative on virtual worlds: a head start in the next technological transition. <https://clck.ru/39CW2G>

¹¹ EU. (2022, June 27). Metaverse: Opportunities, risks and policy implications. <https://clck.ru/39CWFF>

краткость и понятность. В связи с этим предлагается следующая дефиниция метавселенной: метавселенная представляет собой иммерсивное виртуальное пространство, имеющее собственную социальную и экономическую системы. На основании представленного определения можно выделить следующие ее признаки:

1. Метавселенная есть виртуальное пространство.

2. Метавселенная представляет собой иммерсивное пространство, что предполагает эффект полного присутствия пользователя в виртуальном пространстве. Иммерсивность обеспечивается посредством использования технологий виртуальной и дополненной реальности.

3. Метавселенная имеет собственную социальную и экономическую системы. Данный признак выражается в возможности для пользователей реализовывать особую форму социального взаимодействия – в виртуальной реальности. Вместе с тем метавселенная должна давать возможность пользователям получать прибыль от осуществляемой ими деятельности (монетизации контента, полноценной трудовой деятельности, деятельности по принципам гиг-экономики и др.).

Указанная трактовка не претендует на свое легальное закрепление, поскольку содержит лишь общее понимание метавселенной. Невозможно сформулировать единое правовое понятие метавселенной в силу специфики законодательства отдельных стран, которое может существенно отличаться. В рамках настоящего исследования такая цель не ставилась. Можно лишь предположить, что определение метавселенной в российском праве будет связано, прежде всего, с положениями Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»,¹² а именно с понятием «информационная система».

Стоит учитывать, что, несмотря на существующее внимание к тематике метавселенной, сегодня нельзя говорить о полноценном ее воплощении в жизни общества, поскольку отсутствует критерий масштабности. Ни одна платформа, позиционирующаяся в качестве метавселенной, таковой не является в том выражении, как это представлено выше. На современном этапе развития цифровых технологий правильнее будет говорить о наличии первых успешных прототипов метавселенных.

2. Финансовый контроль (мониторинг) в условиях метавселенной

Выше было показано, что метавселенная должна в перспективе обладать собственной экономической системой. Пожалуй, сегодня наиболее приближенной к полноценной экосистеме является платформа Decentraland. Данный проект позиционируется как децентрализованная метавселенная, функционирующая на основе блокчейна Ethereum, который позволяет пользователям получать прибыль, имеющую ценность в реальном мире. Процесс заработка можно обозначить следующим образом: (1) реальную (фиатную) валюту пользователь конвертирует в криптовалюту Ethereum, (2) полноценная регистрация на платформе Decentraland осуществляется посредством привязки криптокошелька MetaMask, который позволяет преобразовать криптовалюту Ethereum в валюту Decentraland, именуемой Mana, (3) пользователь приумножает Mana через совершение разнообразных транзакций, (4) полученную прибыль в валюте Mana можно преобразовать в реальную валюту

¹² Об информации, информационных технологиях и о защите информации. № 149-ФЗ от 27.07.2006. Собрание законодательства РФ, 31 (ч. I), ст. 3448.

в обратной последовательности (Mana – Ethereum – реальная валюта). В связи с высокими прогнозами на развитие метавселенных необходимо задуматься о перспективах правового регулирования совершения транзакций с точки зрения финансового контроля и мониторинга.

Как отмечает С. М. Миронова, финансовый контроль является одной из основ для экономического благосостояния государства: «Финансовый контроль – это контроль за законностью и целесообразностью действий при образовании, распределении и использовании денежных государственных и муниципальных фондов в целях эффективного социально-экономического развития страны в целом и ее регионов» (Миронова, 2009). Одной из разновидностей финансового контроля является финансовый мониторинг, под которым М. М. Прошунин, М. А. Татчук понимают систему информационных, контрольных и правоохранительных правовых процедур, осуществляемых органами и агентами финансового мониторинга и направленных на недопущение проникновения преступных доходов в национальную экономику и предотвращение использования агентов финансового мониторинга для отмывания преступных доходов и финансирования терроризма¹³.

Объектом финансового контроля являются денежные операции. В правовом смысле категории «деньги» и «валюта» являются тождественными. Криптовалюта является ключевой основой для развития метавселенных. Стоит отметить, что вопрос о правовой специфике использования криптовалюты в метавселенных частично затрагивается в научных исследованиях. Так, специалисты из Германии и Нидерландов отметили, что развитие системы криптовалют в метавселенных может негативно отразиться на обязанностях центральных банков той или иной страны (Kasiyanto & Kilinc, 2022). Следовательно, необходимо проанализировать возможные перспективы развития финансово-правовой политики отдельных юрисдикций в области метавселенных, поскольку это позволит (1) добиться технологического лидерства, (2) обеспечить легализацию теневой экономики, (3) за счет развития экономического оборота в метавселенных привлекать новые средства в бюджеты страны.

3. Вариант интеграции криптовалюты как основы для метавселенных

Вопросы функционирования и развития криптовалюты уже около 10–15 лет являются объектом исследования ученых разных научных специальностей. В доктрине историю возникновения криптовалюты связывают с наиболее известной из таковых, коей является Bitcoin, о которой стало известно в 2009 г.¹⁴ На современном этапе развития рынок криптовалюты достиг значительного развития. Согласно данным Центрального Банка России на декабрь 2021 г., общая капитализация криптовалюты исчислялась 2,3 трлн долларов¹⁵. В настоящий момент, несмотря на прошедшую «криптозиму»,

¹³ Прошунин, М. М., Татчук, М. А. (2014). Финансовый мониторинг (противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма): учебник. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта.

¹⁴ Árnason, S. L. (2015). Cryptocurrency and Bitcoin: A possible foundation of future currency: why it has value, what is its history and its future outlook (Doctoral dissertation). Reykjavík: Verslunarfélag Reykjavíkur.

¹⁵ Банк России. (2022, 20 января). Риски криптовалют и возможные меры регулирования: доклад для общественных консультаций. <https://clck.ru/39CX2S>

состояние рынка криптовалюты можно оценить не иначе как позитивное. Традиционно тройку лидеров по объему капитализации сохраняют Bitcoin, Ethereum и Tether.

Как отмечается российскими правоведами И. А. Хавановой и И. И. Кучеровым, криптовалюта по своей сущности является частными деньгами, использование которых реализуется через систему распределенного реестра (Кучеров & Хаванов, 2017). В связи с особой экономической ценностью криптовалюты перед государством встал вопрос о необходимости установления регуляции операции с использованием данного цифрового актива. Главные правовые вызовы связаны, по утверждению американских ученых, с самой спецификой системы блокчейн, в которой происходит оборот криптовалюты. Высокая степень анонимности владельцев цифрового актива позволяет использовать его в незаконных целях: финансировании терроризма, легализации преступных доходов, а также уходе от уплаты налогов (Jafari et al., 2018).

Вместе с тем сегодня в ряде государств реализуется позитивная правовая политика в отношении использования криптовалюты. По мнению автора данной работы, законодательство Объединенных Арабских Эмиратов (далее – ОАЭ) является наиболее прогрессивным в этом плане. В соответствии с положениями Закона ОАЭ № 4¹⁶ криптовалюта является полноценным цифровым активом, который может использоваться как средство платежа, инвестирования, накопления и обмена. Кроме того, с недавнего времени на базе Международного финансового центра в Дубае начал действовать первый в мире Международный суд, рассматривающий дела в сфере цифровой экономики между частными лицами. В октябре 2022 г. было вынесено первое решение по спору, связанному непосредственно с продажей криптовалюты¹⁷. Нельзя не отметить, что тематика развития метавселенных всерьез заинтересовала правительство ОАЭ. Так, в 2022 г. была анонсирована новость, что властями была разработана стратегия развития метавселенных в ОАЭ, которая предусматривает организацию 40 000 рабочих мест¹⁸. В городе Шарджа запущен проект метагорода, именуемый SharjahVerse. Как отмечается, главная цель проекта заключается в развитии туристической деятельности¹⁹. Стоит отметить, что обозначенная выше проблема контроля за оборотом криптовалюты в ОАЭ решается посредством деятельности особого государственного исполнительного органа власти, а именно Управления по регулированию виртуальных активов Дубая, учрежденного Законом № 4²⁰. Данный орган обладает широким спектром полномочий в области контроля за оборотом криптовалюты (установление особых правил по использованию криптовалюты, привлечение инвесторов, контроль за деятельностью криптобирж и др.). Вместе с тем нельзя не отметить, что для осуществления криптобизнеса (например, учреждения

¹⁶ Law No. (4) of 2022 Regulating Virtual Assets in the Emirate of Dubai. (2022). <https://clck.ru/39CXHX>

¹⁷ (1) Gate Mena DMCC (2) Huobi Mena FZE v (1) Tabarak Investment Capital Limited (2) Christian Thurner 2020 DIFC TCD 001. <https://clck.ru/39CXJz>

¹⁸ Cabral, A. R. (2022, July 18). Dubai's new metaverse strategy to add \$4bn to economy and create more than 40,000 jobs. The National. <https://clck.ru/39Ca9m>

¹⁹ Boreham, J. (2023, August 10). SharjahVerse: Where The Metaverse And Tourism Converge. The Metaverse Insider. <https://clck.ru/39CaBH>

²⁰ Árnason, S. L. (2015). Cryptocurrency and Bitcoin: A possible foundation of future currency: why it has value, what is its history and its future outlook (Doctoral dissertation). Reykjavík: Verslunarfélag Reykjavíkur.

криптовиржи) в ОАЭ установлены жесткие правила, среди которых необходимость получения лицензии.

На основании проведенного анализа можно констатировать, что дальнейшее развитие финансово-правовой политики в части использования криптовалюты как экономической основы функционирования метавселенных в ОАЭ будет осуществляться по следующим направлениям: (1) в связи с особым вниманием властей к криптовалюте и метавселенным верно будет предположить, что в перспективе будет учрежден отдельный государственный орган по метавселенным, одна из функций которого будет заключаться в деятельности по финансовому развитию метавселенных на основе имплантации системы криптовалют, (2) создание метавселенных требует значительного объема инвестирования, что, вероятнее всего, послужит причиной для установления особых налоговых льгот и преференций для инвесторов, (3) можно предположить, что в метавселенной криптовалюта будет использоваться напрямую, т. е. без конвертации в валюту метавселенной, как это характерно, например, для проекта Decentraland.

Выше говорилось, что вопросы развития метавселенных не раз затрагивались Европейской комиссией ЕС, однако на сегодняшний день планов по развитию собственных метавселенных на территории Европы нет. Возможно, причина этого кроется в неудачном опыте использования технологии метавселенной. В декабре 2022 г. Европейской комиссией было реализовано открытие проекта Global Gateway, позиционируемого в качестве метавселенной. На осуществление данной идеи было потрачено почти 400 000 долларов. В мероприятии приняло участие не более шести человек²¹. Не исключено, что развитие метавселенных в ЕС напрямую зависит от регулирования конкурентного законодательства, поскольку IT-гиганты индустрии могут монополизировать рынок потенциальных проектов. В этой связи учеными анализируется возможность переосмысления концепции регулирования конкуренции (Angeles, 2023).

Разработанный план, посвященный виртуальным мирам²², содержит положения, провозглашающие важность развития виртуальных миров для социально-экономического развития Европы. В данном акте упоминается недавно разработанный проект Положения о рынках криптоактивов (далее – MiCA)²³, который начнет действовать с 2024 г. В доктрине отмечается, что ЕС стремится за счет эффективного взаимодействия государства и бизнеса развивать крипторынок, поэтому отношение к регулированию операций с криптовалютами в ЕС оценивается как позитивное (Tauda et al., 2023). Вероятнее всего, такой подход послужил основной причиной разработки MiCA, центральные положения которого сводятся к двум взаимосвязанным аспектам: установление правил для лиц, осуществляющих услуги с криптоактивами в отношении резидентов ЕС, а также защита прав потребителей-резидентов,

²¹ Surgan, I. (2022, 2 декабря). Гала-концерт Еврокомиссии в метавселенной за \$400 тысяч с треском провалился. Incrypted. <https://clck.ru/39CaGF>

²² EU. (2023, July 5). An EU initiative on virtual worlds: a head start in the next technological transition. <https://clck.ru/39CaJE>

²³ EU. (2023, June 9). Regulation (EU) 2023/1114 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on markets in crypto-assets, and amending Regulations (EU) No 1093/2010 and (EU) No 1095/2010 and Directives 2013/36/EU and (EU) 2019/1937. <https://clck.ru/39Caq5>

пользующихся криптоуслугами. В доктрине отмечается, что, несмотря на всю амбициозность и масштабность воспринятой инициативы, остается множество нерешенных вопросов, связанных, в частности, с валютами центральных банков и децентрализованным финансированием (Teichmann et al., 2023).

На основании этого надо полагать, что на сегодняшний день, несмотря на отсутствие планов по разработке собственных метавселенных, ЕС проводит активную политику по выстраиванию правовой базы в этой области, в том числе в области финансов. Следовательно, для сохранения первых позиций в области цифрового развития необходимо, во-первых, выделить часть государственного бюджета на разработку собственных проектов метавселенных. Однако реализация предоставленных средств без разработки конкретного плана по созданию и плавному внедрению технологии метавселенной в жизнь общества может привести к повторению ситуации с проектом Global Gateway. Во-вторых, признавая криптовалюту в качестве легального средства платежа, необходимо устранить существующие недостатки в области контроля за оборотом криптовалюты. Согласно положениям MiCA, процесс отслеживания операций целиком возлагается на криптобиржи. Возможно, для более эффективного контроля за деятельностью криптобирж в структуре Европейской комиссии должен быть учрежден специализированный комитет.

Следующей страной, на которую необходимо обратить внимание, является Южная Корея. С недавнего времени в столице Южной Кореи Сеуле был запущен проект виртуального города, пользователи которого могут взаимодействовать не только между собой, но и с государством²⁴. Часто реализуемый проект Metaverse Seoul исследуется через призму урбанистической науки. К примеру, португальский ученый отмечает, что постепенно общество переходит от концепции «умных» городов к следующему этапу – метагородам, коим является Metaverse Seoul. Совокупность высоких технологий позволяет по-новому взглянуть на сочетание реального и виртуального миров, что требует выработки должной политики государством (de Almeida, 2023).

О возможности имплантации криптовалюты в проект Metaverse Seoul говорить пока сложно. Это обуславливается отсутствием четкой определенности в законодательстве. В публикации 2018 г. малазийский ученый указывал, что политика Южной Кореи в связи с взломами криптобирж могла пойти по пути китайского подхода (запретить криптовалюты). В то же время государством разрабатывались правила по использованию цифровых активов в рамках ICO (Moorthy, 2018). Более современные исследования содержат положения о том, что в Южной Корее разрабатывается базовый исходный закон, посвященный исключительно цифровым активам²⁵. На момент написания настоящей работы никаких свидетельств о принятии данного закона автором не обнаружено. Следовательно, первоочередное направление развития финансовой политики Южной Кореи в области метавселенных видится в определении четкой и недвусмысленной природы криптовалюты как легитимного средства платежа. При признании криптовалюты как легитимного денежного средства можно говорить о ее возможной трансформации в Metaverse Seoul.

²⁴ Щеглов, Г. (2023, 6 марта). Metaverse Seoul – правительство Южной Кореи запустило долгожданную метавселенную с «госуслугами» и офисами брендов. RB.RU. <https://clck.ru/39Caq5>

²⁵ George, K. (2024, January 17). Cryptocurrency regulations around the world. Investopedia. <https://clck.ru/39CbHr>

4. Поиск дальнейшего развития концепта метавселенных: недостатки законодательства и тестирование цифрового рубля

В российской доктрине отмечается, что с возникновением частных децентрализованных финансовых инструментов перед государством встал вопрос о необходимости поиска новых государственно ориентированных вариантов трансформации денег (Сидоренко, 2023). В этой связи начала формироваться идея о разработке и внедрении концепции национальных цифровых валют, эмиссия которых должна осуществляться центральным банком страны. По мнению автора настоящей работы, стоит согласиться с позицией представителей Международного валютного фонда, которые утверждают, что развитие цифровых валют центральных банков (далее – CBDC) является своеобразным ответом со стороны государства на возникшие частные децентрализованные цифровые валюты (Bossu et al., 2020). Наиболее вероятно, что широкая степень популярности CBDC характерна для стран, занимающих лидирующие позиции по уровню цифрового развития, однако полностью/частично не признающих криптовалюту в качестве легитимного средства платежа.

В данном случае представляет интерес опыт Китая. Народный банк Китая в 2022 г. в очередной раз подчеркнул, что использование криптовалюты небезопасно для социально-экономического развития страны²⁶. Несмотря на негативно разворачивающуюся политику Китая в отношении криптовалюты, в стране не запрещается владение данным цифровым активом. Так, Д. Райли на основе анализа судебной практики отдельных провинций Китая пишет, что в КНР признается экономическая ценность криптовалюты, что предполагает признание таковой в качестве имущества, права на которое должны подлежать защите (Riley, 2021).

В КНР уже давно разрабатывается модель национальной цифровой валюты, которая с недавнего времени успешно тестируется. По данным Народного Банка Китая, за 2021 г. в Китае были совершены различные транзакции на сумму 87 млрд юаней²⁷. Вместе с тем в доктрине отмечается, что при пилотном тестировании CBDC Китая возникает ряд вопросов, которые не урегулированы на уровне законодательства. Так, сингапурский ученый указывает на одну из главных проблем функционирования CBDC Китая, коей является конфиденциальность пользователей цифровой валюты. Речь идет о процессе обработки и сбора персональных данных пользователей при совершении операций с CBDC. Автором обосновывается необходимость решить данный вопрос при дальнейшем внедрении концепции CBDC (Cheng, 2023). Не исключено, что такое положение дел связано с особой государственной политикой Китая, где во главу угла ставятся национальные интересы.

Ранее было указано, что высшее руководство Китая напрямую заинтересовано в развитии собственных метавселенных, что позволит не только обеспечить лидерство страны на международной арене, но и добиться социально-экономического развития общества. Автор данной работы убежден, что в недалеком будущем Китай будет являться главным лидером в функционировании собственных метавселенных под контролем государства. Так как использование криптовалюты не позволяет обеспечить контроль за операциями, то предполагается, что в качестве экономической

²⁶ 企业不可用虚拟货币支付工资 北京日报 | 2022年07月06. <https://clck.ru/39Cbte>

²⁷ 2021年金融统计数据新闻发布会文字实录. <https://goo.su/lnzJ>

основы китайских метавселенных выступит концепция цифрового юаня. Этим обуславливается одно из главных направлений финансово-правовой политики Китая в области развития метавселенных. Существенных препятствий для воплощения данной идеи в жизнь не выявлено.

С недавнего времени на уровне теории и практики началось обсуждение вопроса о развитии метавселенных в России. В сентябре 2022 г. с участием представителей бизнес-сообщества на базе Совета Федерации были затронуты вопросы правовой регуляции отношений в метавселенной²⁸. На момент написания данной работы других обсуждений по тематике метавселенных на уровне высших государственных органов не обнаружено. В то же время в ряде ведущих образовательных учреждений страны организуются круглые столы, посвященные развитию метавселенных в России. Например, летом 2023 г. в Московском государственном университете международных отношений экспертами высказывались предложения относительно дальнейшей правовой регламентации общественных отношений в метавселенной²⁹.

В доктрине российского права анализируются вопросы о возможности изменения законодательства под натиском развития метавселенных. Так, И. А. Филиповой проведено исследование, в котором поднимается вопрос трансформации трудовых отношений в условиях метавселенной (Филипова, 2023). На основе проведенного нами анализа существующих исследований российских ученых-правоведов можно констатировать, что ни в одной из публикаций не указывается на возможность преобразования отрасли финансового права в связи с развитием метавселенных. Весьма вероятно, это обуславливается новизной тематики метавселенных.

Вместе с тем можно говорить, что Россия плавно движется по пути развития собственных метавселенных. В августе 2023 г. Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации был представлен проект стратегии по развитию отрасли связи на период до 2030 г.³⁰ Один из основных посылов данного документа предполагает обеспечение конкурентоспособности российского программного обеспечения наряду с зарубежными аналогами. Следовательно, политика России должна будет двигаться по пути формирования собственного цифрового суверенитета, что позволит создавать собственные метавселенные. При этом некоторые шаги в этом направлении уже сделаны. Например, «Сбером» запущено функционирование платформы «КоМета», представляющее собой виртуальное пространство, на котором реализуются образовательные и просветительские проекты. На основании изложенного предполагается, что в будущем вероятно развитие более масштабных проектов, в рамках которых будут совершаться те или иные транзакции движения. В связи с этим можно спрогнозировать некоторые направления финансово-правовой политики России в области метавселенных.

²⁸ Совет Федерации. (2022, 19 сентября). В Совете Федерации обсудили правовые аспекты регулирования метавселенных. <https://clck.ru/39Cc4s>

²⁹ Круглый стол Центра искусственного интеллекта МГИМО «Регулирование метавселенных: используем существующий арсенал мер или разрабатываем новые?». 27 июня 2023 г., Москва. <https://clck.ru/39Cc7d>

³⁰ Минцифры. (2023, 15 августа). Проект стратегии развития отрасли связи Российской Федерации на период до 2035 года. <https://clck.ru/39CcAy>

Стоит сказать, что вариант с использованием криптовалюты малоприменим. Главным и, вероятно, единственным законом для определения правовой природы криптовалюты является Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – закон о ЦФА)³¹. Законодателем не используется термин «криптовалюта» (до принятия обозначенного закона предлагались разнообразные проекты с легальным определением криптовалюты). Вместо этого легальное закрепление получила категория «цифровая валюта», под которой в соответствии с ч. 3 ст. 1 Закона о ЦФА понимается совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам.

Данное определение не совсем удачно, поскольку ограничивается только сущностью децентрализованных финансов. Дело в том, что каждая децентрализованная цифровая валюта является цифровой валютой, но не каждая цифровая валюта является децентрализованной цифровой валютой. Наряду с децентрализованной цифровой валютой существует централизованная цифровая валюта, под которой понимается CBDC.

Подход российского законодателя к использованию криптовалюты как средства платежа можно назвать особенным. Согласно анализу ч. 6 ст. 14 Закона о ЦФА, судебная защита имущественных прав на цифровую валюту (криптовалюту) возможна только в случае ее налогового декларирования. Следовательно, при отсутствии официального информирования налоговой службы суд обязан отказать в защите прав лица на криптовалюту. Данное положение закона критикуется рядом российских ученых. Так, Р. М. Янковский, рассматривая этот вопрос в гражданско-правовом ключе, указывает, что ч. 6 ст. 14 Закона о ЦФА трудно соотнести с положениями Конституции России о гарантированности судебной защиты. При этом не совсем понятен мотив зависимости судебной защиты от исполнения налоговых обязательств (Янковский, 2020). В целом решение законодателя понятно. Установление обязанности налогового декларирования криптовалюты с целью получения судебной защиты предполагало легализацию рынка криптовалюты с точки зрения финансового права (пополнение бюджета), однако на практике это привело к развитию теневого крипторынка. Владельцы криптовалют совершают операции на свой страх и риск, что не обеспечивает защиту их собственных интересов, а также препятствует реализации финансовой политики в этой области.

³¹ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации. № 259-ФЗ от 31.07.2020. (2020). Собрание законодательства РФ, 31 (ч. I), ст. 5018.

Известна позиция Банка России³², который указывал, что легализация криптовалюты может привести к финансированию преступности. Также Банк России придерживается позиции о том, что рынок криптовалюты обладает многими признаками финансовой пирамиды. Таким образом, законодательное регулирование криптовалюты в России весьма туманно и неэффективно. Вряд ли можно предполагать, что криптовалюта выступит в качестве экономической основы для российских метавселенных.

Официальной и единственной валютой в России является рубль. Внимание автора настоящей работы привлекло положение о тестировании концепции цифрового рубля. В августе 2023 г. Центральным Банком России было выпущено Положение, посвященное платформе цифрового рубля³³, регулирующего общий порядок проведения эксперимента с цифровым рублем. Концепция цифрового рубля разрабатывалась с декабря 2021 г. Это привело и массовому распространению научных публикаций, посвященных цифровому рублю. К примеру, Т. В. Дерюгина на основе анализа российского законодательства приходит к выводу, что правовая природа цифровой валюты и цифрового рубля различна (Дерюгина, 2022).

С этим положением стоит согласиться. В соответствии с принятым законопроектом³⁴, посвященным внедрению цифрового рубля, цифровой рубль не является цифровой валютой. При использовании термина «валюта» речь должна идти о такой как средстве платежа. Известно, что первоочередная сущность денег сводится к средству платежа. На основании этого можно говорить о том, что законодательный смысл цифровой валюты сводится к следующему: цифровая валюта есть деньги, которыми можно расплачиваться только при определенных условиях. Для описания сущности цифрового рубля законодателем используется цифровая форма денег. Нельзя не заметить некоторое смешение понятий, из-за чего возможна некоторая путаница в законодательстве.

Несмотря на существующие недостатки законодательства, стоит признать, что тестирование цифрового рубля может отразиться на дальнейшем развитии концепта метавселенных в России. Разумеется, сейчас пока рано говорить даже о примерных направлениях развития финансово-правовой политики России в области метавселенных, но перспективы для их дальнейшего формирования на современном этапе развития российской экономики есть.

Заключение

Сегодня мы наблюдаем формирование нового этапа в развитии сети Интернет, который связан с развитием инновационных иммерсивных виртуальных пространств – метавселенных. Анализ статистических данных показал степень развитости и популярности первых прототипов метавселенных, которые, по всей видимости, имеют большое будущее. Возрастающий рост внимания отдельных государств к тематике

³² Прошунин, М. М., Татчук, М. А. (2014). Финансовый мониторинг (противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма): учебник. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта.

³³ Положение Банка России № 820-П от 03.08.2023. (2023). Гарант.ру. <https://clck.ru/39CcLQ>

³⁴ Законопроект № 270838-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части формирования правовых основ для внедрения цифрового рубля)». <https://clck.ru/39CcPF>

метавселенных с целью развития собственного социально-экономического потенциала и закрепления международных лидерских позиций по уровню цифрового развития наталкивает на необходимость планирования финансово-правовой политики в данной области.

Финансово-правовое развитие законодательства о метавселенных напрямую зависит от регулирования правового режима криптовалюты в конкретной стране. В зависимости от этого обстоятельства можно оценить перспективы имплантации криптовалюты в качестве экономической основы для метавселенных. Несомненными лидерами в этом направлении являются ОАЭ, где созданы все необходимые условия для создания собственных метавселенных. Отдельного внимания заслуживают положения MiCA, которые будут применяться на территории ЕС с 2024 г. Стоит отметить, что ЕС уделяет особое внимание перспективам регуляции общественных отношений в метавселенной, однако планов по созданию собственных платформ в ЕС пока нет. Противоположным образом дело обстоит в Южной Корее, где успешно реализуется проект метагорода, но правовой режим криптовалюты до сих пор не определен.

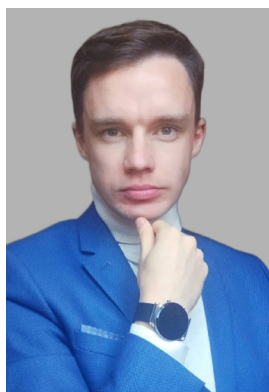
Вместе с тем существует ряд стран, являющихся лидерами в области цифровой экономики, но не признающих криптовалюту как легитимное средство платежа. Для таких стран характерно использование национальной цифровой валюты центрального банка. Безусловным лидером здесь является Китай, где с 2021 г. успешно тестируется модель цифрового юаня. Более того, власти Китая всерьез заинтересованы в создании своих национальных метавселенных. Вероятнее всего, по этому пути движется и Россия. Тематика развития метавселенных в России только начинает обсуждаться в науке и практике. С августа 2023 г. Банком России осуществляется тестирование третьей формы рубля – цифрового рубля. Можно предположить, что в перспективе цифровой рубль выступит в качестве финансовой основы для российских метавселенных.

Список литературы

- Архипов, В. В. (2013). Виртуальное право: основные проблемы нового направления юридических исследований. *Известия высших учебных заведений. Правоведение*, 2, 93–114. <https://elibrary.ru/qbkcoff>
- Дерюгина, Т. В. (2022). Цифровая валюта и цифровой рубль: к вопросу о правовой новации. *Цивилист*, 1(37), 8–11. <https://elibrary.ru/uxvdmu>
- Кучеров, И. И., & Хаванова, И. А. (2017). Налоговые последствия использования альтернативных платежных средств (теоретико-правовые аспекты). *Вестник Пермского университета. Юридические науки*, 1(35), 66–72. EDN: <https://elibrary.ru/ynbrqd>. DOI: <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2017-35-66-72>
- Миронова, С. М. (2009). Правовые основы финансового контроля: проблемы и перспективы развития. *Финансовое право*, 4, 6–9. <https://elibrary.ru/kdrnnn>
- Понкин, И. В. (2023). Кибер-мета-вселенная: правовой взгляд. *International Journal of Open Information Technologies*, 11(1), 118–127. <https://elibrary.ru/cuhrzx>
- Савельев, А. И. (2014). Правовая природа виртуальных объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх. *Вестник гражданского права*, 1, 127–150. <https://elibrary.ru/smtixj>
- Сидоренко, Э. (2023). Цифровая валюта центральных банков экономические сценарии и прогнозы. *Международные процессы*, 19(2), 151–165. EDN: <https://elibrary.ru/eafgwe>. DOI: <https://doi.org/10.17994/IT.2021.19.2.65.8>
- Трощинский, П. В. (2021). Цифровая экономика современного Китая: особенности правового регулирования. В сб. *Трансформация национальной социально-экономической системы России, тренд цифровые технологии: материалы III Международной научно-практической конференции, Москва, 4 декабря 2020 г.* (с. 345–349). Москва. <https://elibrary.ru/jvrlts>

- Филипова, И. А. (2023). Метавселенные: как их развитие повлияет на работников и работодателей. *Ежегодник трудового права*, 13, 45–64. <https://doi.org/10.21638/spbu32.2023.103>
- Янковский, Р. М. (2020). Криптовалюты в российском праве: суррогаты, «иное имущество» и цифровые деньги. *Право. Журнал Высшей школы экономики*, 4, 43–77. EDN: <https://elibrary.ru/dllnyf>. DOI: <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2020.4.43.77>
- Angeles, J. C. (2023). Los guardianes de acceso al metaverso. (Re)pensando el Derecho de la competencia de la Unión Europea. *Cuadernos De Derecho Transnacional*, 15, 275. <https://doi.org/10.20318/cdt.2023.7541>. (In Spain).
- Ball, M. (2022). *The metaverse: and how it will revolutionize everything*. New York: Liveright Publishing, W.W. Norton & Company.
- Bossu, W., Itatani, M., Margulis, C., Rossi, A., Weenink, H., & Yoshinaga, A. (2020). *Legal aspects of central bank digital currency: Central bank and monetary law considerations*. <https://doi.org/10.5089/9781513561622.001>
- Cheng, P. (2023). Decoding the rise of Central Bank Digital Currency in China: designs, problems, and prospects. *Journal of Banking Regulation*, 24(2), 156–170. <https://doi.org/10.1057/s41261-022-00193-5>
- de Almeida, G. G. F. (2023). Cities and Territorial Brand in The Metaverse: The Metaverse SEOUL Case. *Sustainability*, 15(13), 10116. <https://doi.org/10.3390/su151310116>
- Duranske, B. T. (2008). *Virtual law: Navigating the legal landscape of virtual worlds*. Chicago: American Bar Association.
- Hendaoui, A., Limayem, M., & Thompson, C. W. (2008). 3D social virtual worlds: research issues and challenges. *IEEE Internet Computing*, 12(1), 88–92. <https://doi.org/10.1109/MIC.2008.1>
- Jafari, S., Vo-Huu, T., Jabiyev, B., Mera, A., & Farkhani, R. M. (2018). *Cryptocurrency: A challenge to legal system*. Reza, Cryptocurrency: A Challenge to Legal System. <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3172489>
- Kasiyanto, S., & Kilinc, M. R. (2022). The legal conundrums of the metaverse. *Journal of Central Banking Law and Institutions*, 1(2), 299–322. <https://doi.org/10.21098/jcli.v1i2.25>
- Moorthy, D. (2018). A study on rising effects of cryptocurrency in the regulations of Malaysian legal system. *International Journal of Business, Economics and Law*, 15(4), 35–41.
- Reuveni, E. (2007). On virtual worlds: copyright and contract law at the dawn of the virtual age. *Indiana Law Journal*, 82(2), Art. 2.
- Riley, J. (2021). The current status of cryptocurrency regulation in China and its effect around the world. *China and WTO Review*, 7(1), 135–152. <http://dx.doi.org/10.14330/cwr.2021.7.1.06>
- Tauda, G. A., Omara, A., & Arnone, G. (2023). Cryptocurrency: Highlighting the Approach, Regulations, and Protection in Indonesia and European Union. *Bestuur*, 11(1), 1–25. <https://doi.org/10.20961/bestuur.v11i1.67125>
- Teichmann, F. M. J., Boticiu, S. R., & Sergi, B. S. (2023). The EU MiCA Directive—chances and risks from a compliance perspective. *Journal of Money Laundering Control*, 27(2), 275–283. <https://doi.org/10.1108/jmlc-02-2023-0030>
- Wang, H., Ning, H., Lin, Y., Wang, W., Dhelim, S., Farha, F., Ding, J., & Daneshmand, M. (2023). A Survey on the Metaverse: The State-of-the-Art, Technologies, Applications, and Challenges. *IEEE Internet of Things Journal*, 10(16), 14671–14688. <https://doi.org/10.1109/JIoT.2023.3278329>
- Wang, Y., Su, Z., Zhang, N., Xing, R., Liu, D., Luan, T. H., & Shen, X. (2022). A survey on metaverse: Fundamentals, security, and privacy. *IEEE Communications Surveys & Tutorials*, 25(1), 319–352. <https://doi.org/10.1109/comst.2022.3202047>

Сведения об авторе

Ситников Максим Сергеевич – аспирант кафедры конституционного и муниципального права, Волгоградский государственный университет

Адрес: 400062, Россия, г. Волгоград, пр. Университетский, 100

E-mail: c_i_c_e_r_o@mail.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7769-0295>

WoS Researcher ID: <https://www.webofscience.com/wos/author/record/JEZ-2565-2023>

Google Scholar ID: <https://scholar.google.com/citations?user=7w60M80AAAAJ>

Конфликт интересов

Автор сообщает об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование

Исследование не имело спонсорской поддержки.

Тематические рубрики

Рубрика OECD: 5.05 / Law

Рубрика ASJC: 3308 / Law

Рубрика WoS: OM / Law

Рубрика ГРНТИ: 10.21.61 / Правовые основы расчетов и денежного обращения. Основы валютного законодательства

Специальность ВАК: 5.1.2 / Публично-правовые (государственно-правовые) науки

История статьи

Дата поступления – 15 октября 2023 г.

Дата одобрения после рецензирования – 25 октября 2023 г.

Дата принятия к опубликованию – 15 марта 2024 г.

Дата онлайн-размещения – 20 марта 2024 г.

Research article

UDC 34:004:347.73:336.1

EDN: <https://elibrary.ru/yxcjno>

DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.11>

Financial and Legal Development of Social Relations Using Digital Currencies in Metaverses

Maksim S. Sitnikov

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Keywords

blockchain,
Central Bank,
cryptocurrency,
digital currency,
digital ruble,
digital sovereignty,
digital technologies,
financial law,
legislation,
metaverse

Abstract

Objective: based on the analysis of financial and legal policy of certain jurisdictions, to determine the initial prospects of financial and legal development of social relations in metaverse using digital currencies.

Methods: the research is based on the system of cognitive tools: first of all, formal-legal, comparative-legal, statistical methods, and the method of legal forecasting, which help to interpret the legal norms and financial-legal policy of various jurisdictions, assess the degree of current development of legislation on regulation of technologies in virtual worlds, and formulate ideas about the financial-legal regulation of public relations using digital currencies in the metaverse.

Results: the study reveals that modern legislation on metaverses is at the initial stage of its formation, as in developed jurisdictions metaverse is still considered only as a future technology. The author shows the degree of popularity of the metaverse first prototypes and the growing attention of some states to the metaverse in order to develop their socio-economic potential and consolidate international leadership in digital development. The paper points out the shortcomings of the metaverse definitions developed in doctrine and practice, and long proposes the author's definition. It is argued that in order to fully integrate metaverse technology into a certain country, whose policy is focused on achieving (maintaining) a high rating in terms of the economy digital transformation, it is necessary to determine the currency that will be legitimately used in the metaverse in future. A conclusion is made that it is necessary to plan financial and legal policy in this area, which will largely depend on the legal regime of cryptocurrency in a particular country. It is argued

© Sitnikov M. S., 2024

This is an Open Access article, distributed under the terms of the Creative Commons Attribution licence (CC BY 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>), which permits unrestricted re-use, distribution and reproduction, provided the original article is properly cited.

that further development of the metaverse concept in Russia will depend on the results of testing the digital ruble.

Scientific novelty: the paper is one of the first devoted to the convergence of metaverse and financial law, which proposes a concept for establishing full-fledged legality of digital currency in the metaverse depending on the attitude of a particular country to decentralized finance. Along with popular definitions formulated in doctrine and practice, the author presents their own interpretation of the metaverse, indicating its essential features.

Practical significance: the conclusions and proposals obtained can be used to improve the mechanisms of financial and legal regulation of social relations under the emerging metaverse concept. The presented ideas are important for further research of various financial and legal aspects of metaverses' development and functioning.

For citation

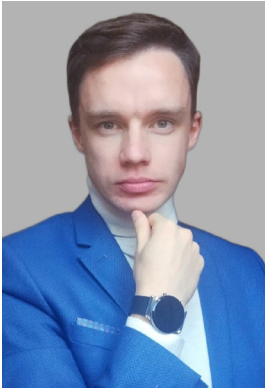
Sitnikov, M. S. (2024). Financial and legal development of social relations using digital currencies in metaverses. *Journal of Digital Technologies and Law*, 2(1), 200–220. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.11>

References

- Angeles, J. C. (2023). Los guardianes de acceso al metaverso. (Re)pensando el Derecho de la competencia de la Unión Europea. *Cuadernos De Derecho Transnacional*, 15, 275. <https://doi.org/10.20318/cdt.2023.7541>. (In Spain).
- Arkhipov, V. V. (2013). Virtual law: main problems of the new direction of legal studies. Proceedings of Higher Educational Institutions. *Pravovedenie*, 2, 93–114. (In Russ.).
- Ball, M. (2022). *The metaverse: and how it will revolutionize everything*. New York: Liveright Publishing, W.W. Norton & Company.
- Bossu, W., Itatani, M., Margulis, C., Rossi, A., Weenink, H., & Yoshinaga, A. (2020). *Legal aspects of central bank digital currency: Central bank and monetary law considerations*. <https://doi.org/10.5089/9781513561622.001>
- Cheng, P. (2023). Decoding the rise of Central Bank Digital Currency in China: designs, problems, and prospects. *Journal of Banking Regulation*, 24(2), 156–170. <https://doi.org/10.1057/s41261-022-00193-5>
- de Almeida, G. G. F. (2023). Cities and Territorial Brand in The Metaverse: The Metaverse SEOUL Case. *Sustainability*, 15(13), 10116. <https://doi.org/10.3390/su151310116>
- Deryugina, T. V. (2022). The digital currency and the digital ruble: to the question of the legal innovation. *Tsivilist*, 1(37), 8–11. (In Russ.).
- Duranske, B. T. (2008). *Virtual law: Navigating the legal landscape of virtual worlds*. Chicago: American Bar Association.
- Filipova, I. A. (2023). Metaverses: how their development will affect workers and employers. *Russian Journal of Labour & Law*, 13, 45–64. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/spbu32.2023.103>
- Hendaoui, A., Limayem, M., & Thompson, C. W. (2008). 3D social virtual worlds: research issues and challenges. *IEEE Internet Computing*, 12(1), 88–92. <https://doi.org/10.1109/MIC.2008.1>
- Jafari, S., Vo-Huu, T., Jabiyev, B., Mera, A., & Farkhani, R. M. (2018). *Cryptocurrency: A challenge to legal system*. Reza, *Cryptocurrency: A Challenge to Legal System*. <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3172489>
- Kasiyanto, S., & Kilinc, M. R. (2022). The legal conundrums of the metaverse. *Journal of Central Banking Law and Institutions*, 1(2), 299–322. <https://doi.org/10.21098/jcli.v1i2.25>
- Kuchеров, I. I., & Khavanova, I. A. (2017). Tax Consequences of Using Alternative Means of Payment (Theoretical and Legal Aspects). Perm University Herald. *Juridical Sciences*, 35, 66–72. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2017-35-66-72>
- Mironova, S. M. (2009). Legal bases of financial control: problems and prospects of development. *Finansovoe pravo*, 4, 6–9. (In Russ.).

- Moorthy, D. (2018). A study on rising effects of cryptocurrency in the regulations of Malaysian legal system. *International Journal of Business, Economics and Law*, 15(4), 35–41.
- Ponkin, I. (2023). Metaverse: Legal Perspective. *International Journal of Open Information Technologies*, 11(1), 118–127. (In Russ.).
- Reuveni, E. (2007). On virtual worlds: copyright and contract law at the dawn of the virtual age. *Indiana Law Journal*, 82(2), Art. 2.
- Riley, J. (2021). The current status of cryptocurrency regulation in China and its effect around the world. *China and WTO Review*, 7(1), 135–152. <http://dx.doi.org/10.14330/cwr.2021.7.1.06>
- Savelyev, A. I. (2014). Legal nature of virtual objects purchased for real money in multiplayer online games. *Civil Law Review*, 1, 127–150. (In Russ.).
- Sidorenko, E. (2021). Digital currency of central banks economic scenarios and forecasts. *International Trends*, 19(2), 151–165. (In Russ.). <https://doi.org/10.17994/IT.2021.19.2.65.8>
- Tauda, G. A., Omara, A., & Arnone, G. (2023). Cryptocurrency: Highlighting the Approach, Regulations, and Protection in Indonesia and European Union. *Bestuur*, 11(1), 1–25. <https://doi.org/10.20961/bestuur.v11i1.67125>
- Teichmann, F. M. J., Boticiu, S. R., & Sergi, B. S. (2023). The EU MiCA Directive—chances and risks from a compliance perspective. *Journal of Money Laundering Control*, 27(2), 275–283. <https://doi.org/10.1108/jmlc-02-2023-0030>
- Troshchinskiy, P. V. (2021). Digital economy of modern China: features of legal regulation. In *Transformation of the national social and economic system of Russia, the trend of digital technologies. Works of the 3rd International scientific-practical conference, Moscow, December 4, 2020* (pp. 345–349). Moscow. (In Russ.).
- Wang, H., Ning, H., Lin, Y., Wang, W., Dhelim, S., Farha, F., Ding, J., & Daneshmand, M. (2023). A Survey on the Metaverse: The State-of-the-Art, Technologies, Applications, and Challenges. *IEEE Internet of Things Journal*, 10(16), 14671–14688. <https://doi.org/10.1109/JIOT.2023.3278329>
- Wang, Y., Su, Z., Zhang, N., Xing, R., Liu, D., Luan, T. H., & Shen, X. (2022). A survey on metaverse: Fundamentals, security, and privacy. *IEEE Communications Surveys & Tutorials*, 25(1), 319–352. <https://doi.org/10.1109/comst.2022.3202047>
- Yankovskiy, R. M. (2020). Cryptovalues in the Russian Law: surrogates, “other property” and digital money. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, 4, 43–77. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2020.4.43.77>

Author information

Maksim S. Sitnikov – postgraduate student, Department of Constitutional and Municipal Law, Volgograd State University

Address: 100 Universitetskiy pr., 400062 Volgograd, Russian Federation

E-mail: c_i_c_e_r_o@mail.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7769-0295>

WoS Researcher ID: <https://www.webofscience.com/wos/author/record/JEZ-2565-2023>

Google Scholar ID: <https://scholar.google.com/citations?user=7w60M80AAAAJ>

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Financial disclosure

The research had no sponsorship.

Thematic rubrics

OECD: 5.05 / Law

PASJC: 3308 / Law

WoS: OM / Law

Article history

Date of receipt – October 15, 2023

Date of approval – October 25, 2023

Date of acceptance – March 15, 2024

Date of online placement – March 20, 2024

Научный обзор

УДК 34:004:347.9:655.535.257

EDN: <https://elibrary.ru/idviewc>

DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.12>

Исследования инноваций и цифровой трансформации в правосудии: систематический обзор

Педро Мигель Алвес Рибейро Коррейя

Коимбрский университет, Коимбра, Португалия

Сандра Патрисиа Маркес Перейра

Коимбрский университет, Коимбра, Португалия

Жоао Абреу де Фариа Билхим

Лиссабонский университет, Лиссабон, Португалия

Ключевые слова

государственное управление,
государственный сектор,
инновации в правосудии,
метод PRISMA,
методология исследования,
систематический обзор,
сравнительные исследования,
цифровая трансформация,
электронное правосудие,
юридическая наука

Аннотация

Цель: составление карты исследований в сфере инноваций и цифровой трансформации правосудия, опубликованных в период с 2001 по 2022 г., в соответствии со следующими четырьмя вопросами: (1) какие типы инноваций и цифровых трансформаций внедряются в область правосудия в настоящее время; (2) каковы цели внедрения инноваций и цифровых трансформаций в области правосудия; (3) каковы предпосылки, определяющие появление инноваций и цифровой трансформации в области правосудия; (4) каковы результаты внедрения инноваций и цифровой трансформации в область правосудия.

Методы: представленный в работе систематический обзор источников (научных статей, материалов конференций, монографий и организационных документов) проведен в соответствии с протоколом PRISMA (Preferred Reporting Items for Systematic Reviews and Meta-Analyses (Предпочтительные элементы отчетности для систематических обзоров и мета-анализов). Отобранные по критериям «научная область», «тема», «дизайн исследования», «год публикации» и ключевым словам «государственное управление», «государственный сектор», «электронное правосудие», «цифровая трансформация», «инновации» источники анализировались и оценивались по пяти основным аспектам:

 Контактное лицо

© Коррейя П. М. А. Р., Перейра С. П. М., Билхим Ж. А. де Ф., 2024

Статья была первоначально опубликована на португальском языке в Annals of the Administration of Justice Meeting – EnAJUS 2023 (Pereira, et al, 2023). <https://www.enajus.org.br/anais/assets/papers/2023/sessao-3/inovacao-e-transformacao-digital-na-justica-uma-revisao-sistematica-de-literatura.pdf>

Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал при условии, что оригинальная работа упомянута с соблюдением правил цитирования.

(1) определение инноваций; (2) типы инноваций; (3) цели инноваций; (4) предпосылки инноваций; (5) результаты инноваций.

Результаты: адаптация и применение к области исследования правосудия разработанной Vries et al. (2015) эвристической модели изучения инноваций в государственном секторе. Проведенная адаптация эвристической модели позволила сформировать следующие направления анализа: контекстуальные предпосылки в области правосудия; институциональные предпосылки в области правосудия; характеристики инноваций и цифровой трансформации в области правосудия; индивидуальные предпосылки в области правосудия; типы инноваций и цифровой трансформации в правосудии; результаты процесса инноваций и цифровой трансформации в правосудии.

Научная новизна: представлен комплексный взгляд на литературу в области инноваций и цифровой трансформации в правосудии на основе адаптации подхода к проведению систематических исследований литературы в области социальных наук, что позволило выявить пробелы и определить направления дальнейших изысканий в заданной области, включая активизацию сравнительно-правовых исследований, расширение методологической базы, опору на теории государственного управления и др.

Практическая значимость: полученные результаты позволяют сформировать эвристическую карту инноваций и цифровых трансформаций в правосудии, создают предпосылки (контекстуальные, институциональные и индивидуальные) и основу для будущих эмпирических исследований в области правосудия, анализа, оценки и совершенствования государственной политики в области инноваций и цифровой трансформации в данной сфере.

Для цитирования

Коррейя, П. М. А. Р., Перейра, С. П. М., Билхим, Ж. А. де Ф. (2024). Исследования инноваций и цифровой трансформации в правосудии: систематический обзор. *Journal of Digital Technologies and Law*, 2(1), 221–250. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.12>

Содержание

Введение

1. Методология проведения систематических (обзорных) исследований
2. Эвристическая модель изучения инноваций и цифровых трансформаций в области правосудия

Заключение

Список литературы

Введение

Цель исследования – предложить всесторонний обзор инноваций и цифровых трансформаций в области правосудия и определить пути изучения этих явлений. Были поставлены четыре исследовательских вопроса: 1. Какие типы инноваций и цифровых трансформаций в области правосудия внедряются в настоящее время? 2. Каковы цели внедрения инноваций и цифровых трансформаций в области правосудия? 3. Каковы

предпосылки, влияющие на процесс появления инноваций и цифровой трансформации в области правосудия? 4. Каковы результаты процесса инноваций и цифровой трансформации в области правосудия?

В ходе систематического обзора литературы было проанализировано 140 научных статей, материалов конференций, книг и организационных документов, посвященных инновациям и цифровой трансформации в сфере правосудия, опубликованных в период с 2001 по 2022 г. Эти исследования были рассмотрены на основе эвристической модели инноваций в государственном секторе, разработанной Vries et al. (2015), в которой рассматриваются пять основных аспектов, а именно: 1) определение инноваций; 2) типы инноваций; 3) цели инноваций; 4) предпосылки инноваций; 5) результаты инноваций.

Наше исследование нацелено на развитие юридической науки по трем основным направлениям. Первое из них – методологическое – обеспечивает комплексное и систематическое понимание инноваций и цифровой трансформации в сфере правосудия. Второе направление – концептуальное – служит пониманию того, как концепции, связанные с инновациями и трансформацией, операционализируются и измеряются в области правосудия. Третий вклад касается предпосылок процесса инноваций и трансформации, что позволяет составить карту этих факторов. Наконец, адаптация эвристической модели инноваций в государственном секторе, разработанной Vries et al. (2015), к области правосудия позволяет предложить модель инноваций и цифровой трансформации в этой сфере, включающую предпосылки (контекстуальные, институциональные и индивидуальные), характеристики инноваций и цифровой трансформации, типы инноваций и цифровой трансформации, а также результаты различных процессов инноваций и цифровой трансформации в правосудии.

1. Методология проведения систематических (обзорных) исследований

Целью данной работы является составление карты исследований, посвященных инновациям и цифровой трансформации в правосудии. Для этого был проведен систематический обзор литературы в соответствии с протоколом PRISMA (Preferred Reporting Items for Systematic Reviews and Meta-Analyses, «Предпочтительные объекты для систематических обзоров и метаанализа») (Page et al., 2021). В работе применен тот же подход, что и в других систематических обзорах литературы в области социальных наук, таких как Vries et al. (2015) и Scognamiglio et al. (2023).

Согласно протоколу PRISMA, для отбора работ использовались четыре критерия (Cooper, 2016): 1) научная область; 2) тема; 3) дизайн исследования; 4) год публикации. Включенные в настоящее исследование работы относятся к научной области государственного управления с акцентом на правосудие. Тема определялась по присутствию в названии, аннотации или ключевых словах таких терминов, как «государственное управление», «государственный сектор», «электронное правосудие», «цифровая трансформация», «инновации». Что касается дизайна исследования, то рассматривались как эмпирические, так и теоретические работы, в том числе использующие анкетирование, метод кейсов, эксперименты, обзоры литературы, систематические обзоры, а также другие виды исследовательского дизайна. Годы публикации ограничивались периодом с 2001 по 2022 г.

Прежде всего мы провели поиск по Clarivate Web of Science, Scopus и Google Scholar с использованием ключевых слов «государственное управление», «государственный сектор», «электронное правосудие», «цифровая трансформация», «инновации». В результате мы отобрали более 3000 научных работ. Затем был проведен поиск статей в научных журналах по теме государственного управления и отобрана 41 статья для возможного включения в анализ. Поиск по материалам специализированных организаций дал еще девять документов, которые вошли в исследование. Рассмотрение релевантных цитат из научных статей позволило добавить 52 источника. Еще 11 исследований было выявлено на заключительном этапе отбора.

Всего было изучено 3514 научных источников. На основании критериев приемлемости, исключения дубликатов документов, несоответствующих тем и статей не на английском, португальском или испанском языках мы получили 140 исследований для контент-анализа (рис. 1). Из них 30 работ были опубликованы с 2001 по 2011 г., а 110 – с 2012 по 2022 г. Из общего числа отобранных источников 73 представляют собой научные статьи (52 %), 37 – главы книг (26 %), 16 – материалы конференций (11 %), 9 источников – организационные документы (6 %) и 6 – книги (4 %) (табл. 1). Все работы снабжены идентификатором ID (табл. 2). Затем отобранные исследования классифицировались в соответствии с показателями, разработанными Vries et al. (2015). Эвристическая модель каждого показателя включает подразделы, которые объясняются в разделе «Результаты».

Рис. 1. Диаграмма по методу PRISMA

Источник: составлено авторами на основе (Page et al., 2021).

Таблица 1. Характеристики анализируемых работ

Характеристики	N (%)	ID работы
Дата публикации (N = 140)		
2001–2011	30(21 %)	3, 20, 21, 23, 27, 31, 42, 47, 48, 52, 56, 61, 62, 66, 76, 77, 78, 89, 90, 91, 94, 100, 102, 107, 117, 118, 120, 128, 129, 133
2012–2022	110(79 %)	1, 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 22, 25, 26, 28, 29, 30, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 43, 44, 45, 46, 49, 50, 51, 53, 54, 55, 57, 58, 59, 60, 63, 64, 65, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 92, 93, 95, 96, 97, 98, 99, 101, 103, 104, 105, 106, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 119, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 130, 131, 132, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140
Тип публикации (N = 140)		
Научная статья	73(52 %)	5, 7, 9, 10, 15, 16, 17, 18, 19, 26, 30, 31, 32, 43, 44, 45, 49, 51, 53, 54, 55, 56, 58, 60, 61, 63, 64, 66, 68, 72, 73, 74, 75, 79, 80, 81, 82, 84, 85, 86, 87, 89, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 100, 101, 104, 105, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 115, 119, 120, 122, 124, 125, 126, 130, 131, 132, 134, 138, 139
Книга	6(4 %)	11, 23, 24, 57, 69, 77
Глава	37(26 %)	2, 3, 4, 6, 8, 12, 14, 21, 22, 25, 29, 33, 42, 46, 48, 59, 62, 65, 67, 70, 71, 76, 78, 83, 88, 90, 91, 103, 114, 116, 117, 118, 121, 123, 129, 136, 140
Материалы конференции	16(11 %)	1, 13, 20, 27, 28, 47, 50, 52, 98, 99, 102, 106, 128, 133, 135, 137
Организационный документ	9(6 %)	34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 127

Таблица 2. Публикации, включенные в исследование, их ID и тип публикации

ID	Автор, год публикации	Тип публикации
1	(Abdulvaliev, 2017)	Материалы конференции
2	(Adeleye et al., 2022)	Глава
3	(Adler & Henman, 2009)	Глава
4	(Ahmed et al., 2020)	Глава
5	(Ahmed et al., 2021)	Научная статья
6	(Andrade et al., 2012)	Глава
7	(Arias & Maçada, 2020)	Научная статья
8	(Axpe, 2021)	Глава
9	(Bănică, 2020)	Научная статья
10	(Bex et al., 2017)	Научная статья
11	(Bochenek et al., 2022)	Книга
12	(Borisova & Afanasiev, 2019)	Глава
13	(Cano et al., 2015)	Материалы конференции
14	(Cano et al., 2017)	Глава
15	(Carboni & Velicogna, 2012)	Научная статья
16	(Carullo, 2015)	Научная статья
17	(Chatfield & Reddick, 2020)	Научная статья
18	(Chawinga et al., 2020)	Научная статья
19	(Clarival et al., 2020)	Научная статья
20	(Contini & Cordella, 2004)	Материалы конференции
21	(Contini & Cordella, 2009)	Глава
22	(Contini & Lanzara, 2014)	Глава

Продолжение табл. 2

ID	Автор, год публикации	Тип публикации
23	(Contini & Lanzara, 2009)	Книга
24	(Cordella & Contini, 2020)	Книга
25	(Covelo de Abreu, 2019)	Глава
26	(Creutzfeldt, 2021)	Научная статья
27	(De Rugeris, 2010)	Материалы конференции
28	(Deligiannis & Anagnostopoulos, 2017)	Материалы конференции
29	(Di Natale & Cordella, 2022)	Глава
30	(Dillon & Beresford, 2014)	Научная статья
31	(Doty & Erdelez, 2002)	Научная статья
32	(Dumoulin & Licoppe, 2016)	Научная статья
33	(Ermakova & Frolova, 2022)	Глава
34	(CEPEJ, 2016) ¹	Организационный документ
35	(CEPEJ, 2019a) ²	Организационный документ
36	(CEPEJ, 2019b) ³	Организационный документ
37	(CEPEJ, 2019c) ⁴	Организационный документ
38	(CEPEJ, 2021a) ⁵	Организационный документ
39	(CEPEJ, 2021b) ⁶	Организационный документ
40	(CEPEJ, 2021c) ⁷	Организационный документ
41	(CEPEJ, 2021d) ⁸	Организационный документ
42	(Fabri, 2009)	Глава
43	(Fabri, 2018)	Научная статья
44	(Fabri, 2021)	Научная статья
45	(Fernandes et al., 2018)	Научная статья
46	(Fernando et al., 2014)	Глава
47	(Fersini et al., 2010)	Материалы конференции
48	(Filho & Veronese, 2009)	Глава
49	(Frade et al., 2020)	Научная статья

- ¹ European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ). (2016). Guidelines on how to drive change towards Cyberjustice. Council of Europe.
- ² European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ). (2019a). European Ethical Charter on the Use of Artificial Intelligence in Judicial Systems and their Environment. Council of Europe.
- ³ European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ). (2019b). Breaking up Judges' Isolation: Guidelines to Improve the Judge's Skills and Competences, Strengthen Knowledge Sharing and Collaboration, and Move Beyond a Culture of Judicial Isolation. Council of Europe.
- ⁴ European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ). (2019c). Toolkit for supporting the implementation of the Guidelines on how to drive change towards Cyberjustice. Council of Europe.
- ⁵ European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ). (2021a). Revised Roadmap for Ensuring an Appropriate Follow-Up of the CEPEJ Ethical Charter on the Use of Artificial Intelligence in Judicial Systems and Their Environment. Council of Europe.
- ⁶ European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ). (2021b). Guidelines on Electronic Court Filing (e-filing) and Digitalisation of Courts. Council of Europe.
- ⁷ European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ). (2021c). 2022–2025 CEPEJ Action Plan: "Digitalisation for a Better Justice". Council of Europe.
- ⁸ European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ). (2021d). Guidelines on Videoconferencing in Judicial Proceedings. Council of Europe.

Продолжение табл. 2

ID	Автор, год публикации	Тип публикации
50	(Francesconi, 2014)	Материалы конференции
51	(Freitas & Medeiros, 2015)	Научная статья
52	(Gascó & Jiménez, 2011)	Материалы конференции
53	(Gibson, 2016)	Научная статья
54	(Greenwood & Bockweg, 2012)	Научная статья
55	(Greenwood & Brinkema, 2015)	Научная статья
56	(Henning & Ng, 2009)	Научная статья
57	(Kengyel & Nemessányi, 2012)	Книга
58	(Kettiger & Lienhard, 2021)	Научная статья
59	(Kettiger et al., 2019)	Глава
60	(Kiršienė, 2022)	Научная статья
61	(Kiškis & Petrauskas, 2004)	Научная статья
62	(Kitoogo & Bitwayiki, 2010)	Глава
63	(Konina, 2020)	Научная статья
64	(Kovalenko & Bernaziuk, 2018)	Научная статья
65	(Kramer et al., 2018)	Глава
66	(Lodge, 2005)	Научная статья
67	(Lourenço et al., 2020)	Глава
68	(Loutocký, 2022)	Научная статья
69	(Lunardi & Clementino, 2022)	Книга
70	(Lupo, 2015)	Глава
71	(Lupo, 2019)	Глава
72	(Lupo & Bailey, 2014)	Научная статья
73	(Lupo & Carnevali, 2022)	Научная статья
74	(Lyon et al., 2015)	Научная статья
75	(Viktora, 2022)	Научная статья
76	(Martínez, 2009)	Глава
77	(Martínez & Abat, 2009)	Книга
78	(McMillan, 2009)	Глава
79	(Meyer, 2014)	Научная статья
80	(Minbaleev & Evsikov, 2022)	Научная статья
81	(Morison & Harkens, 2019)	Научная статья
82	(Murillo & Zuniga, 2013)	Научная статья
83	(Nikolaychenko & Nikolaychenko, 2019)	Глава
84	(Oktal et al., 2016)	Научная статья
85	(Olugasa, 2020)	Научная статья
86	(Olugasa & Davies, 2022)	Научная статья
87	(Pangalos et al., 2014)	Научная статья
88	(Poblet et al., 2009)	Глава
89	(Politis et al., 2008)	Научная статья
90	(Potter et al., 2009)	Глава
91	(Poulet, 2009)	Глава
92	(Rattan & Rattan, 2021)	Научная статья
93	(Reiling, 2020)	Научная статья
94	(Reiling, 2011)	Научная статья
95	(Reiling, 2012)	Научная статья

Окончание табл. 2

ID	Автор, год публикации	Тип публикации
96	(Reiling, 2017)	Научная статья
97	(Reiling & Contini, 2022)	Научная статья
98	(Rocha, 2021)	Материалы конференции
99	(Romdoni et al., 2022)	Материалы конференции
100	(Rooze, 2010)	Научная статья
101	(Rosa et al., 2013)	Научная статья
102	(Rugeriis, 2010)	Материалы конференции
103	(Rusakova & Frolova, 2022)	Глава
104	(Sanders, 2021)	Научная статья
105	(Sandoval-Almazan & Gil-Garcia, 2020)	Научная статья
106	(Santuber et al., 2022)	Материалы конференции
107	(Sarantis & Askounis, 2009)	Научная статья
108	(Seepma et al., 2021)	Научная статья
109	(Shahbazov, 2019)	Научная статья
110	(Shi et al., 2021)	Научная статья
111	(Silveira & Covelo de Abreu, 2018)	Научная статья
112	(Sousa et al., 2022)	Научная статья
113	(Taal et al., 2019)	Научная статья
114	(Themeli, 2022)	Глава
115	(Karasev et al., 2021)	Научная статья
116	(Tokarev et al., 2019)	Глава
117	(Trochev, 2009)	Глава
118	(Tyler, 2009)	Глава
119	(Valeev & Nuriev, 2019)	Научная статья
120	(van den Hoogen, 2008)	Научная статья
121	(Velicogna, 2014)	Глава
122	(Velicogna, 2017)	Научная статья
123	(Velicogna, 2018)	Глава
124	(Velicogna et al., 2013)	Научная статья
125	(Velicogna et al., 2020)	Научная статья
126	(Voigt, 2018)	Научная статья
127	(Vucheva et al., 2020)	Организационный документ
128	(Vuyst & Fairchild, 2006)	Материалы конференции
129	(Wallace, 2009)	Глава
130	(Wallace, 2017)	Научная статья
131	(Wallace, 2019)	Научная статья
132	(Wallace & Laster, 2021)	Научная статья
133	(Wallace & Rowden, 2009)	Материалы конференции
134	(Warren, 2014)	Научная статья
135	(Wienrich et al., 2022)	Материалы конференции
136	(Yavuz et al., 2022)	Глава
137	(Yu, 2021)	Материалы конференции
138	(Yu & Xia, 2020)	Научная статья
139	(Zelesnikow, 2017)	Научная статья
140	(Zelesnikow & Esteban de la Rosa, 2021)	Глава

2. Эвристическая модель изучения инноваций и цифровых трансформаций в области правосудия

Эвристическая модель изучения инноваций в государственном секторе была предложена Vries et al. (2015). В настоящей работе мы попытались адаптировать ее к области правосудия. Для этого мы рассмотрели темы и параметры, касающиеся определений, типов, целей, предпосылок и результатов инноваций. Проведенная адаптация этих параметров позволила сформировать следующие направления анализа: 1) контекстуальные предпосылки в области правосудия; 2) институциональные предпосылки в области правосудия; 3) характеристики инноваций и цифровой трансформации в области правосудия; 4) индивидуальные предпосылки в области правосудия; 5) типы инноваций и цифровой трансформации в правосудии; 6) результаты процесса инноваций и цифровой трансформации в правосудии. Таким образом, проведен анализ указанного феномена в конкретном секторе государственного управления – в области правосудия (рис. 2).

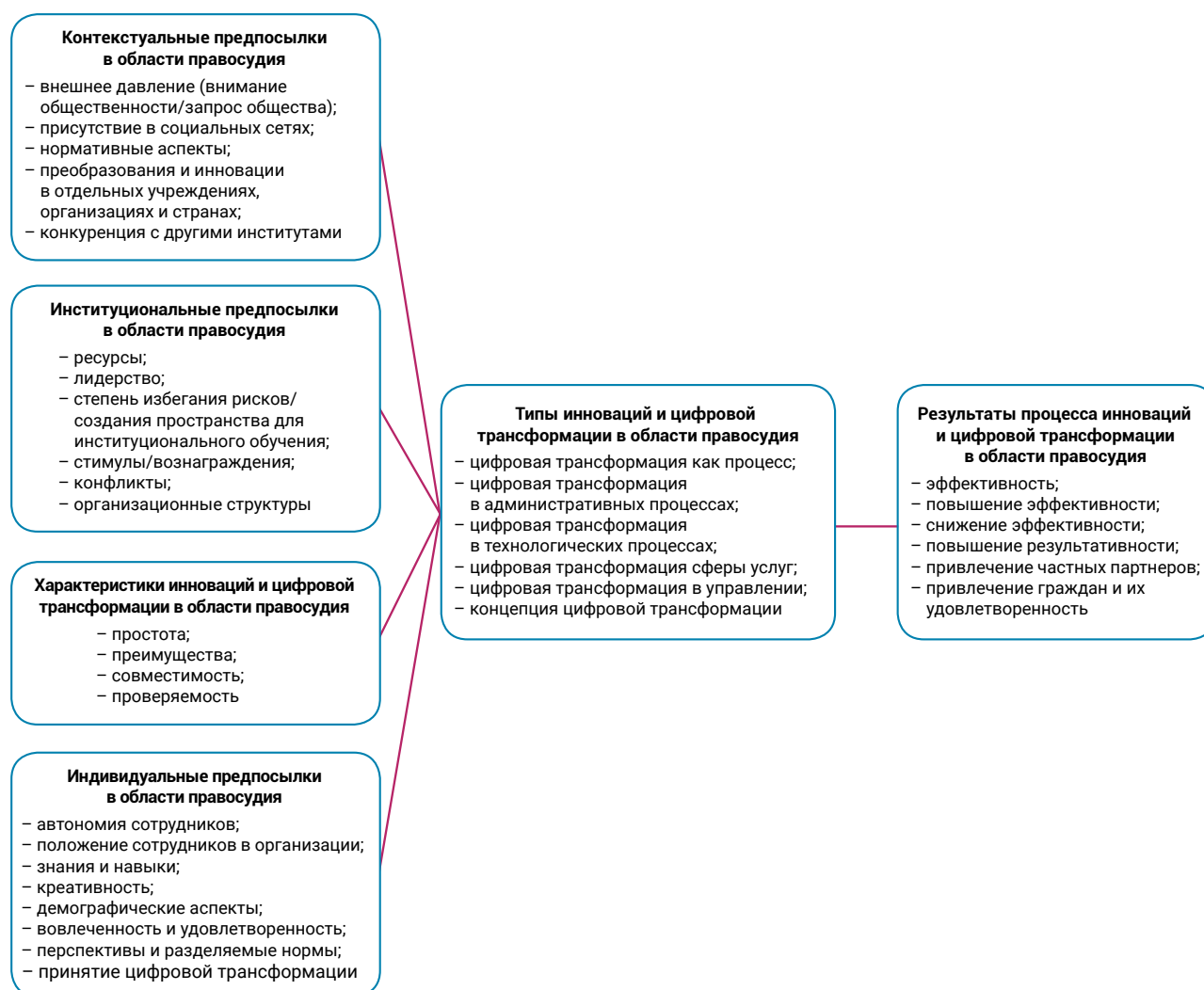

Рис. 2. Модель инноваций и цифровой трансформации в области правосудия

Источник: на основе материалов Vries et al. (2015)

Рассматриваемые контекстуальные предпосылки в области правосудия связаны с внешним давлением, вниманием общественности, присутствием в социальных сетях, нормативными аспектами, осуществлением преобразований и инноваций в отдельных учреждениях, организациях и странах, а также с возможной конкуренцией с другими институтами. Рассматриваемые институциональные предпосылки в области правосудия относятся к ресурсам, лидерству, избеганию рисков и созданию пространства для институционального обучения. Что касается характеристик инноваций и цифровой трансформации в области правосудия, то они включают простоту, преимущества, совместимость и проверяемость. Среди индивидуальных предпосылок в области правосудия рассмотрены автономия сотрудников, их должность в организации, знания и навыки, креативность, соответствующие демографические аспекты, вовлеченность и удовлетворенность, перспективы, разделяемые нормы, а также принятие цифровой трансформации. Типы инноваций и цифровой трансформации в области правосудия, определенные в рассматриваемой эвристической модели, включают цифровую трансформацию как процесс, цифровую трансформацию в административных процессах, цифровую трансформацию в технологических процессах, цифровую трансформацию сферы услуг, цифровую трансформацию в управлении и концепцию цифровой трансформации. Наконец, результаты процесса инноваций и цифровой трансформации в области правосудия включают аспекты эффективности, результативности, партнерских взаимоотношений, вовлеченность граждан, а также их удовлетворенность цифровыми услугами в области правосудия.

Исследования, включенные в данный обзор, были упорядочены и распределены по каждому из измерений инноваций и цифровой трансформации в сфере правосудия. Некоторые публикации были включены в более чем одно измерение инноваций и цифровой трансформации в области правосудия (табл. 3).

Таблица 3. Аспекты инноваций и цифровой трансформации в области правосудия

Аспект	N (%)	ID работы
Контекстуальные предпосылки в области правосудия	17 (12 %)	11, 14, 23, 24, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 57, 59, 61, 83, 129
Институциональные предпосылки в области правосудия	24 (17 %)	11, 15, 23, 25, 27, 29, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 51, 59, 63, 69, 73, 75, 90, 103, 108
Характеристики инноваций и цифровой трансформации в области правосудия	18 (13 %)	1, 2, 5, 11, 13, 16, 17, 18, 24, 28, 52, 67, 72, 74, 110, 111, 134, 137
Индивидуальные предпосылки инноваций и цифровой трансформации в области правосудия	18 (13 %)	4, 7, 11, 18, 19, 32, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 69, 79, 84, 87
Типы инноваций и цифровой трансформации в области правосудия	62 (44 %)	1, 2, 3, 4, 5, 7, 8, 10, 12, 14, 18, 20, 24, 30, 31, 33, 34, 37, 39, 41, 42, 44, 45, 46, 47, 50, 51, 57, 61, 66, 68, 74, 76, 82, 84, 85, 86, 87, 88, 90, 93, 96, 97, 99, 104, 106, 113, 116, 119, 120, 121, 122, 127, 130, 131, 132, 133, 135, 136, 138, 139, 140
Результаты процесса инноваций и цифровой трансформации в области правосудия	30 (21 %)	1, 2, 5, 6, 7, 18, 19, 21, 25, 32, 43, 44, 53, 70, 71, 73, 76, 79, 80, 82, 84, 96, 99, 103, 113, 115, 118, 136, 137, 139

Примечание: общее количество работ N = 140 (100 %) – некоторые работы были включены в несколько аспектов инноваций и цифровой трансформации в области правосудия.

Типам инноваций и цифровой трансформации в сфере правосудия посвящены 62 публикации (44 % всех анализируемых источников). Результаты процесса инноваций и цифровой трансформации в области правосудия отражены в 30 публикациях (21 %). Институциональных предпосылок в области правосудия касаются 24 источника (17 %). Каждый из двух аспектов: индивидуальные предпосылки и характеристики инноваций и цифровой трансформации в области правосудия рассмотрены в 18 исследованиях (по 13 % на каждый аспект). Наконец, контекстуальным предпосылкам в области правосудия посвящены 17 публикаций, что соответствует 12 % источников, отобранных для данного обзора.

Заключение

Дедуктивный подход к исследованию позволил адаптировать модель, разработанную Vries et al. (2015), к теме инноваций и цифровой трансформации в области правосудия.

Цель данного исследования заключалась в том, чтобы выработать комплексное представление об инновациях и цифровой трансформации в области правосудия, наметить релевантные направления для будущих изысканий. Авторы проанализировали 140 источников по инновациям и цифровой трансформации в сфере правосудия, опубликованных в период с 2001 по 2022 г., используя эвристическую схему инноваций в государственном секторе, разработанную Vries et al. (2015).

С учетом поставленных вопросов были выявлены различные инновации и цифровые трансформации, охватывающие процессы в целом, административные процессы, технологические процессы, юридические услуги, управление системой правосудия, а также концептуальные инновации. Главными целями этих инноваций являются обеспечение большей простоты, доступности, выгоды, участия, вовлеченности и удовлетворенности населения (Cordella & Contini, 2020). Что касается предпосылок, то здесь выделяются контекстуальные факторы, учитывающие специфику сферы правосудия, институциональные и индивидуальные факторы; при этом особое внимание уделено принятию преобразований всеми заинтересованными лицами. Однако необходимо с осторожностью интерпретировать полученные результаты, поскольку в исследованиях упоминаются также результаты, направленные на эффективность, результативность, скорость, доступность, качество, развитие партнерства с акцентом на вовлеченность и удовлетворенность граждан.

В работе Yavuz et al. (2022) были определены четыре направления исследований в сфере электронного правосудия. Первое связано с факторами успеха и рисков при его внедрении. Второе касается оценки эффектов от реализации проектов в этой области. Третье направление рассматривает удовлетворенность граждан, имеющийся опыт и совершенствование электронного правосудия для удовлетворения потребностей общества. Четвертое посвящено оценке веб-сайтов с точки зрения их количества, качества, безопасности, доступности, открытости и вовлеченности граждан.

Наше исследование вносит вклад в юридическую науку по нескольким направлениям. Его значение для методологии состоит в том, что проведен систематический обзор, выявлен широкий круг источников по изучаемой теме. Концептуальный вклад направлен на понимание того, как понятия, связанные с инновациями и трансформациями, операционализируются и измеряются в сфере правосудия. Кроме того, работа позволяет осмыслить предпосылки процесса инноваций и трансформаций. Наконец, научный вклад заключается в адаптации эвристической модели инноваций в государственном секторе, выдвинутой Vries et al. (2015), к области правосудия.

Подход, опробованный в данной работе, должен быть продолжен и углублен, особенно в отношении методологии исследования.

В заключение можно предложить четыре направления будущих исследований инноваций и цифровой трансформации в области правосудия: 1) целесообразно применить более разнообразную методологию, включая смешанные методы; 2) необходимо углублять теоретическое обоснование исследования с опорой на теории государственного управления; 3) важно проводить сравнительные исследования между странами для понимания различных путей и последствий инноваций и цифровой трансформации в секторе правосудия и 4) необходимы анализ и оценка государственной политики в области инноваций и цифровой трансформации в области правосудия.

Список литературы

- Abdulvaliev, A. (2017). Court, internet technologies and their role in ensuring the well-being of society. In *Responsible Research and Innovation Proceedings of the International Conference "Responsible Research and Innovation"* (RRI 2016), 07-10 November, 2016, Tomsk Polytechnic University. <http://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2017.07.02.2>
- Adeleye, J. T., Ahmed, R. K., Nyman-Metcalf, K., & Draheim, D. (2022). E-Court Transition Process: Identifying Critical Factors and Recommendations for Developing Countries. In A. V. Chugunov, M. Janssen, I. Khodachek, Y. Misnikov, & D. Trutnev (Eds.), *Electronic Governance and Open Society: Challenges in Eurasia. EGOSE 2021. Communications in Computer and Information Science*, 1529. Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-031-04238-6_23
- Adler, M., & Henman, P. (2009). Justice beyond the courts: The implications of computerisation for procedural justice in social security. In A. Martínez, & P. Abat (Eds.), *E-Justice: Using Information Communication Technologies in the Court System* (pp. 65–86). IGI Global. <https://doi.org/10.4018/978-1-59904-998-4.ch005>
- Ahmed, R. K., Muhammed, K. H., Pappel, I., & Draheim, D. (2020). Challenges in the Digital Transformation of Courts: A Case Study from the Kurdistan Region of Iraq. In *2020 Seventh International Conference on eDemocracy & eGovernment (ICEDEG)* (pp. 1–6). <https://doi.org/10.1109/ICEDEG48599.2020.9096801>
- Ahmed, R. K., Muhammed, K. H., Pappel, I., & Draheim, D. (2021). Impact of e-court systems implementation: a case study. *Transforming Government: People, Process and Policy*, 15(1), 108–128. <https://doi.org/10.1108/TG-01-2020-0008>
- Andrade, A., Joia, L. A., & Kamlot, D. (2012). E-government in the judiciary system: Assessing the correlation between IT investment and the efficiency of courts of justice in Brazil. In K. J. Bwalya & S. F. Zulu (Eds.), *Handbook of Research on E Government in Emerging Economies: Adoption, E-Participation, and Legal Frameworks* (pp. 158–178). IGI Global. <https://doi.org/10.4018/978-1-4666-0324-0.ch008>
- Arias, M. I., & Maçada, A. C. G. (2020). Judiciaries' modernisation through electronic lawsuits: Employees' perceptions from the Brazil and Argentina federal justice services. *Information Development*, 37(2). <https://doi.org/10.1177/0266666920910489>
- Axpe, M. R. V. (2021). Ethical Challenges from Artificial Intelligence to Legal Practice. In H. Sanjurjo González, I. Pastor López, P. García Bringas, H. Quintián & E. Corchado (Eds.), *Hybrid Artificial Intelligent Systems. HAIS 2021 (Lecture Notes in Computer Science, 12886)*. Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-86271-8_17
- Bănică, R. A. (2020). Digitization of justice in the context of the COVID-19 pandemic and the implications of digitalization on constitutional rights. *Revista de Drept Constituțional*, 2, 11–30. <https://doi.org/10.47743/rdc-2020-2-0001>
- Bex, F., Prakken, H., van Engers, T., & Verheij, B. (2017). Introduction to the special issue on Artificial Intelligence for Justice. *Artificial Intelligence and Law*, 25(1), 1–3. <https://doi.org/10.1007/s10506-017-9198-5>
- Bochenek, A. C., Haddad, C. H. B., & Cantuária, E. da S. R. (Eds.). (2022). *Gestão, Redes e Design Organizacional*. Escola Nacional de Formação e Aperfeiçoamento de Magistrados – Enfam.
- Borisova, V. F., & Afanasiev, S. F. (2019). Realia and prospects of civil e-justice legal regulation. In E. Popkova (Ed.), *Ubiquitous computing and the internet of things: Prerequisites for the development of ICT* (pp. 403–410). Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-030-13397-9_47

- Cano, J., Jimenez, C. E., Hernandez, R., et al. (2015). New tools for e-justice: legal research available to any citizen. In L. Terán & A. Meier (Eds.), *Proceedings of 2015 Second International Conference on eDemocracy & eGovernment (ICEDEG)* (pp. 108–111). IEEE. <https://doi.org/10.1109/ICEDEG.2015.7114455>
- Cano, J., Pomed, L., Jiménez-Gómez, C. E., & Hernández, R. (2017). Open Judiciary in High Courts: Securing a Networked Constitution, Challenges of E-Justice, Transparency, and Citizen Participation. In *Achieving Open Justice through Citizen Participation and Transparency* (pp. 36–54). <https://doi.org/10.4018/978-1-5225-0717-8.ch003>
- Carboni, N., & Velicogna, M. (2012). Electronic Data Exchange within European Justice: A Good Opportunity? *International Journal for Court Administration*, 4(3), 104–120. <https://doi.org/10.18352/ijca.90>
- Carullo, G. (2015). Services in the Field of Law within the Internal Market: Promoting e-Justice through Interoperability. *Laws*, 5(1), 1. <https://doi.org/10.3390/laws5010001>
- Chatfield, A. T., & Reddick, C. G. (2020). Collaborative network governance framework for aligning open justice and e-justice ecosystems for greater public value. *Social Science Computer Review*, 38(3), 252–273. <https://doi.org/10.1177/0894439318771968>
- Chawinga, W. D., Chawinga, C., Kapondera, S. K., Chipeta, G. T., Majawa, F., & Nyasulu, C. (2020). Towards e-judicial services in Malawi: Implications for justice delivery. *The Electronic Journal of Information Systems in Developing Countries*, 86, e12121. <https://doi.org/10.1002/isd2.12121>
- Clarinal, A., Simonofski, A., Vanderose, B., & Dumas, B. (2020). Public displays and citizen participation: A systematic literature review and research agenda. *Transforming Government: People, Process and Policy*, 15(1), 1–35. <https://doi.org/10.1108/TG-12-2019-0127>
- Contini, F., & Cordella, A. (2004). Information System and Information Infrastructure Deployment: The Challenge of the Italian eJustice Approach. *European Conference on Information Systems 2004 Proceedings*, 40.
- Contini, F., & Cordella, A. (2009). Italian justice system and ICT: Matches and mismatches between technology and organisation. In A. Martínez & P. Abat (Eds.), *E-Justice: Using information communication technologies in the court system* (pp. 117–134). IGI Global. <https://doi.org/10.4018/978-1-59904-998-4.ch008>
- Contini, F., & Lanzara, G. F. (2014). Introduction: The challenge of interoperability and complexity in european civil proceedings online. In F. Contini & G. F. Lanzara (Eds.), *The circulation of agency in e-justice: Interoperability and infrastructures for European transborder judicial proceedings* (pp. xiii–xxi). Springer.
- Contini, F., & Lanzara, G. F. (Eds.). (2009). *ICT and Innovation in the Public Sector: European Studies in the Making of E-Government*. Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1057/9780230227293>
- Cooper, H. (2016). *Research Synthesis and Meta-Analysis: A Step-by-Step Approach* (fifth edition). Sage.
- Cordella, A., Contini, F. (2020). *Digital Technologies for Better Justice: A Toolkit for Action*. Inter-American Development Bank. <http://dx.doi.org/10.18235/0002297>
- Covelo de Abreu, J. (2019). The Role of Artificial Intelligence in the European e-Justice Paradigm – Suiting Effective Judicial Protection Demands. In P. Moura Oliveira, P. Novais, & L. Reis. (Eds.), *Progress in Artificial Intelligence. EPIA 2019. Lecture Notes in Computer Science*, 11804. Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-30241-2_26
- Creutzfeldt, N. (2021). Towards a digital legal consciousness? *European Journal of Law and Technology*, 12(3).
- De Rugeris, G. (2010). *The Online Criminal Trial in Italy Seeks an Identity*. In *Proceedings of the 10th European Conference on e-Government* (pp. 492–499). Academic Publishing Limited.
- Deligiannis, A. P., & Anagnostopoulos, D. (2017). Towards Open Justice: ICT Acceptance in the Greek Justice System: The Case of the Integrated Court Management System for Penal and Civil Procedures (OSDDY/PP). In *Proceedings of the 7th International Conference for E-Democracy and Open Government, CeDEM 2017* (Art. No. 8046275, pp. 82–91). <https://doi.org/10.1109/cedem.2017.26>
- Di Natale, L. J., & Cordella, A. (2022). Digitising the Judicial Sector: A Case Study of the Dutch KEI Programme. In R. Krimmer et al., *Electronic Participation. ePart 2022. Lecture Notes in Computer Science*, 13392. Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-031-23213-8_9
- Dillon, M. P., & Beresford, D. (2014). Electronic Courts and the Challenges in Managing Evidence. A View from Inside the International Criminal Court. *International Journal for Court Administration*, 6(1), 29–36. <https://doi.org/10.18352/ijca.132>
- Doty, P., & Erdelez, S. (2002). Information micro-practices in Texas rural courts: Methods and issues for e-government. *Government Information Quarterly*, 19(4), 369–387. [https://doi.org/10.1016/S0740-624X\(02\)00121-1](https://doi.org/10.1016/S0740-624X(02)00121-1)
- Dumoulin, L., & Licoppe, C. (2016). Videoconferencing, New Public Management, and Organizational Reform in the Judiciary. *Policy & Internet*, 8(3), 313–333. <https://doi.org/10.1002/poi3.124>
- Ermakova, E. P., & Frolova, E. E. (2022). Using Artificial Intelligence in Dispute Resolution. In A. O. Inshakova, E. E. Frolova (Eds.), *Smart Technologies for the Digitisation of Industry: Entrepreneurial Environment. Smart Innovation, Systems and Technologies*, 254. Springer. https://doi.org/10.1007/978-981-16-4621-8_11

- Fabri, M. (2009). The Italian style of e-justice in a comparative perspective. In A. Martínez & P. Abat (Eds.), *E-Justice: Using Information Communication Technologies in the Court System* (pp. 1–19). IGI Global. <https://doi.org/10.4018/978-1-59904-998-4.ch001>
- Fabri, M. (2018). Pitfalls in Data Gathering to Assess Judiciaries. *International Journal for Court Administration*, 9(3), 67–75. <https://doi.org/10.18352/ijca.278>
- Fabri, M. (2021). Will COVID-19 Accelerate Implementation of ICT in Courts? *International Journal for Court Administration*, 12(2), 2. <https://doi.org/10.36745/ijca.384>
- Fernandes, R. V. de C., Rule, C., Ono, T. T., & Cardoso, G. E. B. (2018). The expansion of online dispute resolution in Brazil. *International Journal for Court Administration*, 9(2), 20–30. <https://doi.org/10.18352/ijca.255>
- Fernando, P., Gomes, C., & Fernandes, D. (2014). The Piecemeal Development of an e-Justice Platform: The CITIUS Case in Portugal. In F. Contini, & G. Lanzara (Eds.), *The Circulation of Agency in E-Justice*. Law, Governance and Technology Series, 13. Springer, Dordrecht. https://doi.org/10.1007/978-94-007-7525-1_6
- Fersini, E., Messina, V., Toscani, D., et al. (2010). Semantics and machine learning for building the next generation of judicial court management systems. In K. Liu & J. Filipe (Eds.), *Proceedings of the International Conference on Knowledge Management and Information Sharing* (Vol. OIC3K, pp. 51–60), Valencia, Spain. <https://doi.org/10.5220/0003099300510060>
- Filho, R. F., & Veronese, A. (2009). Electronic justice in Brazil. In A. Martínez & P. Abat (Eds.), *E-Justice: Using information communication technologies in the court system* (pp. 135–151). IGI Global. <https://doi.org/10.4018/978-1-59904-998-4.ch009>
- Frade, C., Fernando, P., & Conceição, A. F. (2020). The performance of the courts in the digital era: The case of insolvency and restructuring proceedings. *International Insolvency Review*, 29(3), 346–359. <https://doi.org/10.1002/iir.1390>
- Francesconi, E. (2014). An Interoperability Approach for Enabling Access to e-Justice Systems across Europe. In *Electronic Government and the Information Systems Perspective: Third International Conference, EGOVIS 2014*, Munich, Germany, September 1–3, 2014. Proceedings.
- Freitas, C. S. de, & Medeiros, J. J. (2015). Organizational Impacts of the Electronic Processing System of the Brazilian Superior Court of Justice. *JISTEM – Journal of Information Systems and Technology Management*, 12(2), 317–332. <https://doi.org/10.4301/S1807-17752015000200007>
- Gascó, M., & Jimenez-Gomez, C. E. (2011). Interoperability in the justice field: Variables that affect implementation. In M. Klun, M. Decman & T. Jukic (Eds.), *Proceedings of the 11th European Conference on eGovernment* (pp. 272–279). Academic Publishing Limited.
- Gibson, J. (2016). Social Media and the Electronic “New World” of Judges. *International Journal for Court Administration*, 7(2), 1–9. <https://doi.org/10.18352/ijca.199>
- Greenwood, J. M., & Bockweg, G. (2012). Insights to Building a Successful E-filing Case Management Service: U.S. Federal Court Experience. *International Journal for Court Administration*, 4(2), 2–10. <https://doi.org/10.18352/ijca.74>
- Greenwood, J. M., & Brinkema, J. (2015). E-Filing Case Management Services in the US Federal Courts: The Next Generation: A Case Study. *International Journal for Court Administration*, 7(1), 3–17. <https://doi.org/10.18352/ijca.179>
- Henning, F., & Ng, G. (2009). The challenge of collaboration—ICT implementation networks in courts in The Netherlands. *Transylvanian Review of Administrative Sciences*, 5(28), 27–44.
- Karasev, A. T., Savoskin, A. V., & Meshcheryagina, V. A. (2021). On the Effectiveness of the Digital Legal Proceedings Model in Russia. *Mathematics*, 9(2), 125. <https://doi.org/10.3390/math9020125>
- Kengyel, M., & Nemessányi, Z. (Eds.). (2012). *Electronic technology and civil procedure: New paths to justice from around the world*. Springer. <https://doi.org/10.1007/978-94-007-4072-3>
- Kettiger, D., & Lienhard, A. (2021). Swiss Courts Facing the Challenges of COVID-19. *International Journal for Court Administration*, 12(2), 5. <https://doi.org/10.36745/ijca.380>
- Kettiger, D., Lienhard, A., Langbroek, Ph., & Fabri, M. (2019). Court Management: A Young Field of Public Management. In E. Ongaro (Ed.), *Public Administration in Europe. Governance and Public Management* (pp. 309–315). https://doi.org/10.1007/978-3-319-92856-2_28
- Kiršienė, J., Amilevičius, D., & Stankevičiūtė, D. (2022). Digital Transformation of Legal Services and Access to Justice: Challenges and Possibilities. *Baltic Journal of Law & Politics*, 15(1), 141–172. <https://doi.org/10.2478/bjlp-2022-0007>
- Kiškis, M., & Petrauskas, R. (2004). ICT adoption in the judiciary: Classifying of judicial information. *International Review of Law, Computers & Technology*, 18(1), 37–45. <https://doi.org/10.1080/13600860410001674724>
- Kitoogo, F. E., & Bitwayiki, C. (2010). e-Justice implementation at a national scale: The Ugandan case. In A. Villafiorita, R. Saint-Paul & A. Zorer (Eds.), *E-infrastructures and e-services on developing countries* (pp. 40–49). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-642-12701-4_5

- Konina, A. (2020). Technology-Driven Changes in an Organizational Structure: The Case of Canada's Courts Administration Service. *International Journal for Court Administration*, 11(2), 6. <https://doi.org/10.36745/ijca.326>
- Kovalenko, N., & Bernaziuk, I. (2018). Topical issues of financing electronic legal proceedings in Ukraine. *Baltic Journal of Economic Studies*, 4(5), 100–104. <https://doi.org/10.30525/2256-0742/2018-4-5-100-104>
- Kramer, X. E., van Gelder, E., & Themeli, E. (2018). e-Justice in the Netherlands: the Rocky Road to Digitised Justice. In M. Weller & M. Wendland (Eds.), *Digital Single Market: Bausteine eines Rechts in der Digitalen Welt* (pp. 209–235). Tübingen: Mohr Siebeck. <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3167543>
- Lodge, J. (2005). eJustice, Security and Biometrics: the EU's Proximity Paradox. *European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice*, 13(4), 533–564. <https://doi.org/10.1163/157181705774662607>
- Lourenço, R. P., Fernando, P., & Gomes, C. (2020). From eJustice to Open Judiciary: An Analysis of the Portuguese Experience. In *Open Government: Concepts, Methodologies, Tools, and Applications* (pp. 1161–1186). <https://doi.org/10.4018/978-1-5225-9860-2.ch055>
- Loutocký, P. (2022, May 31). Possible approaches towards the architecture of online courts and their potential in the decision-making process. *Jusletter IT*. <https://doi.org/10.38023/f37d20de-4f8c-4421-afaa-0d914636f226>
- Lunardi, F. C., & Clementino, M. B. M. (Eds.). (2021). *Inovação Judicial: Fundamentos e Práticas para uma Jurisdição de Alto Impacto*. Brasília: Escola Nacional de Formação e Aperfeiçoamento de Magistrados – Enfam.
- Lupo, G. (2015). Evaluating e-Justice: The Design of an Assessment Framework for e-Justice Systems. In K. Benyekhlef, J. Bailey, J. Burkell, & F. Gélinas (Eds.), *eAccess to Justice* (pp. 53–94). University of Ottawa Press.
- Lupo, G. (2019). Assessing e-Justice smartness: A new framework for e-Justice Evaluation Through Public Values. In M. P. Rodriguez Bolivar (Ed.), *Setting Foundations for the Creation of Public Value in Smart Cities* (pp. 77–113). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-319-98953-2_4
- Lupo, G., & Bailey, J. (2014). Designing and implementing e-Justice Systems: Some Lessons Learned from EU and Canadian Examples. *Laws*, 3(2), 353–387. <https://doi.org/10.3390/laws3020353>
- Lupo, G., & Carnevali, D. (2022). Smart Justice in Italy: Cases of Apps Created by Lawyers for Lawyers and Beyond. *Laws*, 11(3), 51. <https://doi.org/10.3390/laws11030051>
- Lyon, F., Gyateng, T., Pritchard, D., Vaze, P., Vickers, I., & Webb, N. (2015). Opening access to administrative data for evaluating public services: The case of the Justice Data Lab. *Evaluation*, 21(2), 232–247. <https://doi.org/10.1177/1356389015577507>
- Martínez, A. (2009). E-justice in Spain. In A. Martínez & P. Abat (Eds.), *E-justice: Using information communication technologies in the court system* (pp. 98–116). IGI Global. <https://doi.org/10.4018/978-1-59904-998-4.ch007>
- Martínez, A., & Abat, P. (2009). *E-justice: Using information communication technologies in the court system*. IGI Global. <https://doi.org/10.4018/978-1-59904-998-4>
- McMillan, J. E. (2009). The potential of computerized court case management to battle judicial corruption. In A. Martínez & P. Abat (Eds.), *E-justice: Using information communication technologies in the court system* (pp. 57–64). IGI Global. <https://doi.org/10.4018/978-1-59904-998-4.ch004>
- Meyer, N. (2014). Social Media and the Courts: Innovative Tools or Dangerous Fad? A Practical Guide for Court Administrators. *International Journal for Court Administration*, 6(1), 2–28. <https://doi.org/10.18352/ijca.136>
- Minbaleev, A. V., & Evsikov, K. S. (2022). Alternative dispute resolution in digital government. *RBADR*, 4(7), 119–146. <https://doi.org/10.52028/rbadr.v4i7.8>
- Morison, J., & Harkens, A. (2019). Re-engineering justice? Robot judges, computerised courts and (semi) automated legal decision-making. *Legal Studies*, 39(4), 618–635. <https://doi.org/10.1017/lst.2019.5>
- Murillo, R., & Zuniga, R. (2013). Could Innovation also Emerge from the Public Sector? Creating an ISO-like Judiciary Quality Management Standard. *International Journal for Court Administration*, 5(2), 10–30. <https://doi.org/10.18352/ijca.16>
- Nikolaychenko, O., & Nikolaychenko, V. V. (2019). Transformation of the procedural obligations of the court under electronic justice conditions. In E. G. Popkova (Ed.), *Ubiquitous computing and the internet of things: Prerequisites for the development of ICT* (pp. 379–385). Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-030-13397-9_44
- Oktal, O., Alpu, O., & Yazici, B. (2016). Measurement of internal user satisfaction and acceptance of the e-justice system in Turkey. *Aslib Journal of Information Management*, 68(6), 716–735. <https://doi.org/10.1108/AJIM-04-2016-0048>

- Olugasa, O. (2020). Utilising Technology in Making the Nigerian Administration of Criminal Justice Act Effective for Criminal Trials. *International Journal for Court Administration*, 11(2), 5. <https://doi.org/10.36745/ijca.332>
- Olugasa, O., & Davies, A. (2022). Remote Court Proceedings in Nigeria: Justice Online or Justice on the Line. *International Journal for Court Administration*, 13(2), 2. <https://doi.org/10.36745/ijca.448>
- Page, M. J., McKenzie, J. E., Bossuyt, P. M., Boutron, I., Hoffmann, T. C., Mulrow, C. D., Shamseer, L., Tetzlaff, J. M., Akl, E. A., Brennan, S. E., Chou, R., Glanville, J., Grimshaw, J. M., Hróbjartsson, A., Lalu, M. M., Li, T., Loder, E. W., Mayo-Wilson, E., McDonald, S., ... Moher, D. (2021). The PRISMA 2020 statement: an updated guideline for reporting systematic reviews. *Research Methods & Reporting*, 372(71), 1–9. <https://doi.org/10.1136/bmj.n71>
- Pangalos, G., Salmatzidis, I., & Pagkalos, I. (2014). Using IT to Provide Easier Access to Cross-Border Legal Procedures for Citizens and Legal Professionals – Implementation of a European Payment Order e-CODEX pilot. *International Journal for Court Administration*, 6(2), 43–52. <https://doi.org/10.18352/ijca.137>
- Pereira, S., Correia, P., & Bilhim, J. (2023). Inovação e Transformação Digital na Justiça: uma Revisão Sistemática de Literatura. *Anais do Encontro de Administração da Justiça – EnAJUS 2023*. <https://goo.su/UOQBye>
- Poblet, M., Vallbé, J. J., Casellas, N., & Casanovaset, P. (2009). Judges as IT users: The iuriservice example. In A. Martínez & P. Abat (Eds.), *E-justice: Using information communication technologies in the court system* (pp. 38–56). IGI Global. <https://doi.org/10.4018/978-1-59904-998-4.ch003>
- Politis, D., Donos, G., Christou, G., Giannakopoulos, P., & Papapanagiotou-Leza, A. (2008). Implementing E-justice on a national scale: Coping with balkanization and socio-economical divergence. *Journal of Cases on Information Technology*, 10(2), 41–59. <https://doi.org/10.4018/jcit.2008040104>
- Potter, S., Farrelly, P., & Begg, D. (2009). The e-court roadmap: Innovation and integration an Australian case study. In A. Martínez & P. Abat (Eds.), *E-justice: Using information communication technologies in the court system* (pp. 165–185). IGI Global. <https://doi.org/10.4018/978-1-59904-998-4.ch011>
- Poullet, Y. (2009). The Belgian case: Phenix or how to design E justice through privacy requirements and in full respect of the separation of powers. In A. Martínez & P. Abat (Eds.), *E-justice: Using information communication technologies in the court system* (pp. 186–195). IGI Global. <https://doi.org/10.4018/978-1-59904-998-4.ch012>
- Rattan, J., & Rattan, V. (2021). The COVID-19 Crisis – the New Challenges Before the Indian Justice and Court Administration System. *International Journal for Court Administration*, 12(2). <https://doi.org/10.36745/ijca.391>
- Reiling, A. D. (2020). Courts and Artificial Intelligence. *International Journal for Court Administration*, 11(2), 8. <https://doi.org/10.36745/ijca.343>
- Reiling, D. (2011). Understanding IT for Dispute Resolution. *International Journal for Court Administration*, 3(2), 34–44. <https://doi.org/10.18352/ijca.61>
- Reiling, D. (2012). Technology in Courts in Europe: Opinions, Practices and Innovations. *International Journal for Court Administration*, 4(2), 11–20. <https://doi.org/10.18352/ijca.75>
- Reiling, D. (2017). Beyond court digitalization with ODR. *International Journal for Court Administration*, 8(2), 1–6. <https://doi.org/10.18352/ijca.225>
- Reiling, D., & Contini, F. (2022). E-Justice Platforms: Challenges for Judicial Governance. *International Journal for Court Administration*, 13(1), 6. <https://doi.org/10.36745/ijca.445>
- Rocha, C. (2021). Success Factors for e-Justice Adoption. In *ISLA 2021 Proceedings*, 12 (pp.1–6).
- Romdoni, M., Lussak, A., & Darmawan, I. (2022). Success Factors for Using E-Court in Indonesian Courts. *Proceeding of International Academic Symposium of Social Science 2022*, 82(1), 58. <http://dx.doi.org/10.3390/proceedings2022082058>
- Rooze, E. (2010). Differentiated Use of Electronic Case Management Systems. *International Journal for Court Administration*, 3(1), 50–60. <https://doi.org/10.18352/ijca.53>
- Rosa, J., Teixeira, C., & Pinto, J. S. (2013). Risk factors in e-justice information systems. *Government Information Quarterly*, 30(3), 241–256. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2013.02.002>
- Rusakova, E. P., & Frolova, E. E. (2022). Current Problems of Digital Justice in the BRICS Countries. In A. O. Inshakova & E. E. Frolova (Eds.), *Smart Technologies for the Digitisation of Industry: Entrepreneurial Environment. Smart Innovation, Systems and Technologies*, 254. Springer. https://doi.org/10.1007/978-981-16-4621-8_12
- Sanders, A. (2021). Video-Hearings in Europe Before, During and After the COVID-19 Pandemic. *International Journal for Court Administration*, 12(2), 3. <https://doi.org/10.36745/ijca.379>
- Sandoval-Almazan, R., & Gil-Garcia, J. R. (2020). Understanding e-Justice and Open Justice Through the Assessment of Judicial Websites: Toward a Conceptual Framework. *Social Science Computer Review*, 38(3), 334–353. <https://doi.org/10.1177/0894439318785957>

- Santuber, J., Abou Refaie, R., & Meinel, C. (2022). Interrogating e-Justice: Lessons from Digitalizing Courts in Chile. In *Conference EGOV-CeDEM-ePart 2022*, September 6–8, 2022, Linköping University, Sweden (Hybrid). <https://ceur-ws.org/Vol-3399/paper5.pdf>
- Sarantis, D., & Askounis, D. (2009). Electronic criminal record in Greece: Project management approach and lessons learned in public administration. *Transylvanian Review of Administrative Sciences*, 5(25), 132–146.
- Scognamiglio, F., Sancino, A., Caló, F., Jacklin-Jarvis, C., & Rees, J. (2023). The public sector and co-creation in turbulent times: A systematic literature review on robust governance in the COVID-19 emergency. *Public Administration*, 101(1), 53–70. <https://doi.org/10.1111/padm.12875>
- Seepma, A. P., de Blok, C., & Van Donk, D. P. (2021). Designing digital public service supply chains: Four country-based cases in criminal justice. *Supply Chain Management*, 26(3), 418–446. <https://doi.org/10.1108/SCM-03-2019-0111>
- Shahbazov, I. (2019). Exploring the attitudes of university students and criminal justice professionals towards electronic monitoring in Azerbaijan: A focus group study. *International Journal of Law, Crime and Justice*, 58, 44–55. <https://doi.org/10.1016/j.ijlcj.2019.06.003>
- Shi, C., Sourdin, T., & Li, B. (2021). The Smart Court – A New Pathway to Justice in China? *International Journal for Court Administration*, 12(1), 4. <https://doi.org/10.36745/ijca.367>
- Silveira, A., & de Abreu, J. C. (2018). Interoperability solutions under Digital Single Market: European e-Justice rethought under e-Governance paradigm. *European Journal of Law and Technology*, 9(1). <https://ejlt.org/index.php/ejlt/article/view/590>
- Sousa, M., Kettiger, D., & Lienhard, A. (2022). E-justice in Switzerland and Brazil: Paths and Experiences. *International Journal for Court Administration*, 13(2), 3. <https://doi.org/10.36745/ijca.368>
- Taal, S., Kolitsi, Z., Velicogna, M., Groustra, J., & Steigenga, E. (2019). Connecting the European e-Justice Community: Towards a New Governance Model for e-CODEX. *Public Sciences & Policies*, 5(1), 33–51. <https://doi.org/10.33167/2184-0644.CPP2019.VVN1/pp.33-51>
- Themeli, E. (2022). The Frontiers of Digital Justice in Europe. In X. Kramer, J. Hoevenaars, B. Kas, & E. Themeli (Eds.), *Frontiers in Civil Justice* (pp. 102–120). <https://doi.org/10.4337/9781802203820.00013>
- Tokarev, D. A., Usanova, V. A., Kagalnikskova, N., & Sandalova, V. A. (2019). Development of E-justice in Russia: Modernization of legal regulation and deepening of scientific research. In E. Popkova (Ed.), *Ubiquitous computing and the internet of things: Prerequisites for the development of ICT* (pp. 215–222). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-13397-9_25
- Trochev, A. (2009). Courts on the Web in Russia. In A. Martínez & P. Abat (Eds.), *E-Justice: Using information communication technologies in the court system* (pp. 196–203). IGI Global. <https://doi.org/10.4018/978-1-59904-998-4.ch013>
- Tyler, M. H. C. (2009). Online dispute resolution. In A. Martínez & P. Abat (Eds.), *E-Justice: Using information communication technologies in the court system* (pp. 87–96). IGI Global. <https://doi.org/10.4018/978-1-59904-998-4.ch006>
- Valeev, D. K., & Nuriev, A. G. (2019). Unity of judicial power: Development of elements of electronic justice. *Revista Turismo: Estudos e Práticas*, 2, 1–5.
- van den Hoogen, R. (2008). Will E-Justice still be Justice? Principles of a Fair Electronic Trial. *International Journal for Court Administration*, 1(1), 65–73. <https://doi.org/10.18352/ijca.128>
- Velicogna, M. (2014). Coming to Terms with Complexity Overload in Transborder e-Justice: The e-CODEX Platform. In F. Contini & G. Lanzara (Eds.), *The Circulation of Agency in E-Justice*. Springer. https://doi.org/10.1007/978-94-007-7525-1_13
- Velicogna, M. (2017). In search of smartness: The EU e-justice challenge. *Informatics*, 4(4), 38. <https://doi.org/10.3390/informatics4040038>
- Velicogna, M. (2018). E-Justice in Europe: From National Experiences to EU Cross-Border Service Provision. In L. Alcaide Muñoz & M. Rodríguez Bolívar (Eds.), *International E-Government Development*. Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-3-319-63284-1_3
- Velicogna, M., Errera, A., & Derlange, S. (2013). Building e-Justice in Continental Europe: The TeleRecours Experience in France. *Utrecht Law Review*, 9, 38–59. <https://doi.org/10.18352/ulr.211>
- Velicogna, M., Steigenga, E., Taal, S., Schmidt, A. (2020). Connecting EU jurisdictions: Exploring how to open justice across member states through ICT. *Social Science Computer Review*, 38(3), 274–294. <https://doi.org/10.1177/0894439318786949>
- Viktora, M. (2022). Innovative Leadership-a Missing Puzzle in the Economic Administration of the Judiciary in the Czech Republic. *International Journal for Court Administration*, 13(3), 3. <https://doi.org/10.36745/ijca.438>

- Voigt, S. (2018). Innovate – Don't Imitate! – ENCJ Research Should Focus on Research Gaps. *International Journal for Court Administration*, 9(3), 47–53. <https://doi.org/10.18352/ijca.279>
- Vries, H., Bekkers, V., & Tummers, L. (2015). Innovation in the Public Sector: A Systematic Review and Future Research Agenda. *Public Administration*, 94(1), 146–166. <https://doi.org/10.1111/padm.12209>
- Vucheva, M., Rocha, M., Renard, R., & Stasinopolous, D. (2020). *Study on the use of innovative technologies in the justice field*. <https://doi.org/10.2838/585101>
- Vuyt, B., & Fairchild, A. (2006). The Phenix project: A case study of e-justice in Belgium. In M. S. Fox & B. Spencer (Eds.), *ICEC'06: Proceedings of the 8th International Conference on Electronic Commerce: The New e-Commerce: Innovations for Conquering Current Barriers, Obstacles and Limitations to Conducting Successful Business on the Internet* (pp. 327–333). ACM. <https://doi.org/10.1145/1151454.1151509>
- Wallace, A. (2009). E-justice: An Australian perspective. In A. Martínez & P. Abat (Eds.), *E-justice: Using information communication technologies in the court system* (pp. 204–228). IGI Global. <https://doi.org/10.4018/978-1-59904-998-4.ch014>
- Wallace, A. (2017). The Impact of Technology on Courts. *International Journal for Court Administration*, 8(2), 1. <https://doi.org/10.18352/ijca.236>
- Wallace, A. (2019). Ten Questions for Dory Reiling – Developing IT for Courts. *International Journal for Court Administration*, 10(1), 1–3. <https://doi.org/10.18352/ijca.293>
- Wallace, A., & Laster, K. (2021). Courts in Victoria, Australia, During COVID: Will Digital Innovation Stick? *International Journal for Court Administration*, 12(2), 9. <https://doi.org/10.36745/ijca.389>
- Wallace, A., & Rowden, E. (2009). Gateways to Justice: The Use of Videoconferencing Technology to Take Evidence in Australian Courts. In *Proceedings of the 9th European Conference on e-Government*. University of Westminster Business School, London, England.
- Warren, M. (2014). Open justice in the technological age. *Monash University Law Review*, 40(1), 45–58.
- Wienrich, C., Fries, L., & Latoschik, M. (2022). Remote at Court: Challenges and Solutions of Video Conferencing in the Judicial System. In G. Salvendy, J. Wei (Eds.), *Proceedings of the 3rd International Conference on Design, Operation and Evaluation of Mobile Communications. 24th International Conference on Human-Computer Interaction (HCII)*. https://doi.org/10.1007/978-3-031-05014-5_8
- Yavuz, N., Karkin, N., & Yildiz M. (2022). E-Justice: A Review and Agenda for Future Research. In Y. Charalabidis, L. S. Flak & G. V. Pereira (Eds.), *Scientific Foundations of Digital Governance and Transformation: Concepts, Approaches and Challenges* (pp. 385–414). https://doi.org/10.1007/978-3-030-92945-9_15
- Yu, J. (2021). Citizen adoption of e-justice services: An empirical research in China. In *AISS'2021: Proceedings of the 3rd International Conference on Advanced Information Science and System*, November 26–28, 2021, Sanya, China. Association for Computing Machinery. <https://doi.org/10.1145/3503047.3503061>
- Yu, J., & Xia, J. (2020). E-justice evaluation factors: The case of smart court of China. *Information Development*, 37(4). <https://doi.org/10.1177/0266666920967387>
- Zelevnikow, J. (2017). Can Artificial Intelligence and Online Dispute Resolution enhance efficiency and effectiveness in Courts. *International Journal for Court Administration*, 8(2), 30–45. <https://doi.org/10.18352/ijca.223>
- Zelevnikow, J., & Esteban de la Rosa, F. (2021). Artificial Intelligence as a New Component of the Justice System: How it creates New Possibilities, but has Limitations especially with regards to Governance. In F. E. de la Rosa, J. M. Gil Ruiz, L. M. Hinojosa Martínez, A. Orti Vallejo, S. A. Sánchez Lorenzo, & J. Vals Prieto (Eds.), *Justice, Trade, Security, and Individual Freedoms in the Digital Society* (pp. 59–101).

Информация об авторах

Педро Мигель Алвес Рибейро Коррейя – PhD в области социологии (специализация в области государственного управления), приглашенный доцент, факультет права, Коимбрский университет

Адрес: 3004-528 Португалия, г. Коимбра, Патио да Универсидаде

E-mail: pcorreia@fd.uc.pt

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3111-9843>

Scopus Author ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=58223408400>

WoS Researcher ID: <https://www.webofscience.com/wos/author/record/B-2753-2015>

Google Scholar ID: <https://scholar.google.hu/citations?user=KABKPUAAAAJ>

Сандра Патрисиа Маркес Перейра – соискатель степени PhD, магистр в области государственного управления (специализация в области управления правосудием), ассистент преподавателя, факультет права, Коимбрский университет

Адрес: 3004-528 Португалия, г. Коимбра, Патио да Универсидаде

E-mail: smpereira@fd.uc.pt

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7374-3847>

Scopus Author ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=55929186300>

WoS Researcher ID: <https://www.webofscience.com/wos/author/record/X-3842-2019>

Google Scholar ID: <https://scholar.google.hu/citations?user=JkKwoIYAAAAJ>

Жоао Абреу де Фариа Билхим – PhD в области социологии (специализация в области социологии организаций), профессор в отставке, Лиссабонский университет

Адрес: 1649-004, Португалия, г. Лиссабон, Сиададе Университариа, Аламеда да Универсидаде

E-mail: j.bilhim@sapo.pt

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9419-0009>

Scopus Author ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57200310364>

WoS Researcher ID: <https://www.webofscience.com/wos/author/record/AAM-9835-2021>

Google Scholar ID: <https://scholar.google.hu/citations?user=gil6ICgAAAAJ>

Вклад авторов

Коррейя Педро Мигель Алвес Рибейро, Перейра Сандра Патрисиа Маркес, Билхим Жоао Абреу де Фариа внесли равный вклад в разработку концепции, методологии, валидацию, формальный анализ, проведение исследования, подбор источников, написание обзора, редактирование текста, визуализацию, руководство и управление проектом.

Конфликт интересов

Авторы сообщают об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование

Работа выполнена при поддержке Национального фонда Португалии посредством Фонда науки и технологий (Fundação para a Ciência e a Tecnologia) в рамках проекта UIDB/04643/2020.

Тематические рубрики

Рубрика OECD: 5.05 / Law

Рубрика ASJC: 3308 / Law

Рубрика WoS: OM / Law

Рубрика ГРНТИ: 10.31.91 / Гражданско-процессуальное право отдельных стран

Специальность ВАК: 5.1.3 / Частно-правовые (цивилистические) науки

История статьи

Дата поступления – 5 января 2024 г.

Дата одобрения после рецензирования – 20 января 2024 г.

Дата принятия к опубликованию – 15 марта 2024 г.

Дата онлайн-размещения – 20 марта 2024 г.

Review

UDC 34:004:347.9:655.535.257

EDN <https://elibrary.ru/idviewc>

DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.12>

Research of Innovation and Digital Transformation in Justice: A Systematic Review

Pedro Miguel Alves Ribeiro Correia ✉

University of Coimbra, Coimbra, Portugal

Sandra Patrícia Marques Pereira

University of Coimbra, Coimbra, Portugal

João Abreu de Faria Bilhim

University of Lisbon, Lisboa, Portugal

Keywords

comparative research,
digital transformation,
e-justice,
innovation in justice,
legal studies
PRISMA method,
public administration,
public sector,
research methodology,
systematic review

Abstract

Objective: To develop a mapping of studies on innovation and digital transformation in the justice sector, publishes from 2001 to 2022. Five research questions were defined: 1) How to define innovation and digital transformation introduced in the justice sector? 2) What types of innovations and digital transformations are implemented in the justice sector? 3) What are the objectives of introducing innovation and digital transformation in the justice sector? 4) What are the antecedents that influence the process of innovation and digital transformation in the justice sector? 5) What are the results of the innovation and digital transformation process in the justice sector?

Methods: The systematic review of sources (scientific articles, conference proceedings, monographs and institutional documents) presented in this paper was conducted in accordance with the PRISMA (Preferred Reporting Items for Systematic Reviews and Meta-Analyses) protocol. Selected by “research field”, “topic”, “research design”, “year of publication” and the keywords “public administration”, “public sector”, “e-justice”, “digital transformation”, and “innovation”, the sources were analyzed and evaluated according to five main aspects: (1) definition of innovation; (2) types of innovation; (3) objectives of innovation; (4) antecedents of innovation; and (5) results of innovation.

✉ Corresponding author

© Correia P. M. A. R., Pereira S. P. M., Bilhim J. A. de F., 2024

Paper originally published, in Portuguese, in the Annals of the Administration of Justice Meeting – EnAJUS 2023 (Pereira, et al., 2023). <https://www.enajus.org.br/anais/assets/papers/2023/sessao-3/inovacao-e-transformacao-digital-na-justica-uma-revisao-sistemica-de-literatura.pdf>

This is an Open Access article, distributed under the terms of the Creative Commons Attribution licence (CC BY 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>), which permits unrestricted re-use, distribution and reproduction, provided the original article is properly cited.

Results: The heuristic model for studying innovation in the public sector developed by Vries et al. (2015) was adapted and applied to the research field of justice. The adaptation of the heuristic model allowed forming the following areas of analysis: contextual antecedents in justice; institutional antecedents in justice; characteristics of innovation and digital transformation in justice; individual antecedents in justice; types of innovation and digital transformation in justice; results of the process of innovation and digital transformation in justice.

Scientific novelty: a comprehensive review of the literature in the field of innovation and digital transformation in justice is presented by adapting the approach to conducting systematic studies of the literature in the social sciences. It helped to identify gaps and define directions for further research in the given field, including the activation of comparative legal research, expansion of the methodological base, reliance on the theories of public administration, etc.

Practical significance: the obtained results allow forming a heuristic map of innovation and digital transformation in justice, create antecedents (contextual, institutional and individual) and the basis for future empirical research in the field of justice, analysis, evaluation and improvement of public policy in the field of innovation and digital transformation in this area.

For citation

Correia, P. M. A. R., Pereira, S. P. M., & Bilhim, J. A. de F. (2024). Innovation and Digital Transformation in Justice: A Systematic Literature Review. *Journal of Digital Technologies and Law*, 2(1), 221–250. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.12>

References

- Abdulvaliev, A. (2017). Court, internet technologies and their role in ensuring the well-being of society. In *Responsible Research and Innovation Proceedings of the International Conference «Responsible Research and Innovation»* (RRI 2016), 07-10 November, 2016, Tomsk Polytechnic University. <http://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2017.07.02.2>
- Adeleye, J. T., Ahmed, R. K., Nyman-Metcalf, K., & Draheim, D. (2022). E-Court Transition Process: Identifying Critical Factors and Recommendations for Developing Countries. In A. V. Chugunov, M. Janssen, I. Khodachek, Y. Misnikov, & D. Trutnev (Eds.), *Electronic Governance and Open Society: Challenges in Eurasia. EGOSE 2021. Communications in Computer and Information Science*, 1529. Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-031-04238-6_23
- Adler, M., & Henman, P. (2009). Justice beyond the courts: The implications of computerisation for procedural justice in social security. In A. Martínez, & P. Abat (Eds.), *E-Justice: Using Information Communication Technologies in the Court System* (pp. 65–86). IGI Global. <https://doi.org/10.4018/978-1-59904-998-4.ch005>
- Ahmed, R. K., Muhammed, K. H., Pappel, I., & Draheim, D. (2020). Challenges in the Digital Transformation of Courts: A Case Study from the Kurdistan Region of Iraq. In *2020 Seventh International Conference on eDemocracy & eGovernment (ICEDEG)* (pp. 1–6). <https://doi.org/10.1109/ICEDEG48599.2020.9096801>
- Ahmed, R. K., Muhammed, K. H., Pappel, I., & Draheim, D. (2021). Impact of e-court systems implementation: a case study. *Transforming Government: People, Process and Policy*, 15(1), 108–128. <https://doi.org/10.1108/TG-01-2020-0008>

- Andrade, A., Joia, L. A., & Kamlot, D. (2012). E-government in the judiciary system: Assessing the correlation between IT investment and the efficiency of courts of justice in Brazil. In K. J. Bwalya & S. F. Zulu (Eds.), *Handbook of Research on E Government in Emerging Economies: Adoption, E-Participation, and Legal Frameworks* (pp. 158–178). IGI Global. <https://doi.org/10.4018/978-1-4666-0324-0.ch008>
- Arias, M. I., & Maçada, A. C. G. (2020). Judiciaries' modernisation through electronic lawsuits: Employees' perceptions from the Brazil and Argentina federal justice services. *Information Development*, 37(2). <https://doi.org/10.1177/0266666920910489>
- Axpe, M. R. V. (2021). Ethical Challenges from Artificial Intelligence to Legal Practice. In H. Sanjurjo González, I. Pastor López, P. García Bringas, H. Quintián & E. Corchado (Eds.), *Hybrid Artificial Intelligent Systems. HAIS 2021* (Lecture Notes in Computer Science, 12886). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-86271-8_17
- Bănică, R. A. (2020). Digitization of justice in the context of the COVID-19 pandemic and the implications of digitalization on constitutional rights. *Revista de Drept Constituțional*, 2, 11–30. <https://doi.org/10.47743/rdc-2020-2-0001>
- Bex, F., Prakken, H., van Engers, T., & Verheij, B. (2017). Introduction to the special issue on Artificial Intelligence for Justice. *Artificial Intelligence and Law*, 25(1), 1–3. <https://doi.org/10.1007/s10506-017-9198-5>
- Bochenek, A. C., Haddad, C. H. B., & Cantuária, E. da S. R. (Eds.). (2022). *Gestão, Redes e Design Organizacional*. Escola Nacional de Formação e Aperfeiçoamento de Magistrados – Enfam.
- Borisova, V. F., & Afanasiev, S. F. (2019). Realia and prospects of civil e-justice legal regulation. In E. Popkova (Ed.), *Ubiquitous computing and the internet of things: Prerequisites for the development of ICT* (pp. 403–410). Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-030-13397-9_47
- Cano, J., Jimenez, C. E., Hernandez, R., et al. (2015). New tools for e-justice: legal research available to any citizen. In L. Terán & A. Meier (Eds.), *Proceedings of 2015 Second International Conference on eDemocracy & eGovernment (ICEDEG)* (pp. 108–111). IEEE. <https://doi.org/10.1109/ICEDEG.2015.7114455>
- Cano, J., Pomed, L., Jiménez-Gómez, C. E., & Hernández, R. (2017). Open Judiciary in High Courts: Securing a Networked Constitution, Challenges of E-Justice, Transparency, and Citizen Participation. In *Achieving Open Justice through Citizen Participation and Transparency* (pp. 36–54). <https://doi.org/10.4018/978-1-5225-0717-8.ch003>
- Carboni, N., & Velicogna, M. (2012). Electronic Data Exchange within European Justice: A Good Opportunity? *International Journal for Court Administration*, 4(3), 104–120. <https://doi.org/10.18352/ijca.90>
- Carullo, G. (2015). Services in the Field of Law within the Internal Market: Promoting e-Justice through Interoperability. *Laws*, 5(1), 1. <https://doi.org/10.3390/laws5010001>
- Chatfield, A. T., & Reddick, C. G. (2020). Collaborative network governance framework for aligning open justice and e-justice ecosystems for greater public value. *Social Science Computer Review*, 38(3), 252–273. <https://doi.org/10.1177/0894439318771968>
- Chawinga, W. D., Chawinga, C., Kapondera, S. K., Chipeta, G. T., Majawa, F., & Nyasulu, C. (2020). Towards e-judicial services in Malawi: Implications for justice delivery. *The Electronic Journal of Information Systems in Developing Countries*, 86, e12121. <https://doi.org/10.1002/isd2.12121>
- Clarinal, A., Simonofski, A., Vanderose, B., & Dumas, B. (2020). Public displays and citizen participation: A systematic literature review and research agenda. *Transforming Government: People, Process and Policy*, 15(1), 1–35. <https://doi.org/10.1108/TG-12-2019-0127>
- Contini, F., & Cordella, A. (2004). Information System and Information Infrastructure Deployment: The Challenge of the Italian eJustice Approach. *European Conference on Information Systems 2004 Proceedings*, 40.
- Contini, F., & Cordella, A. (2009). Italian justice system and ICT: Matches and mismatches between technology and organisation. In A. Martínez & P. Abat (Eds.), *E-Justice: Using information communication technologies in the court system* (pp. 117–134). IGI Global. <https://doi.org/10.4018/978-1-59904-998-4.ch008>
- Contini, F., & Lanzara, G. F. (2014). Introduction: The challenge of interoperability and complexity in european civil proceedings online. In F. Contini & G. F. Lanzara (Eds.), *The circulation of agency in e-justice: Interoperability and infrastructures for European transborder judicial proceedings* (pp. xiii–xxi). Springer.
- Contini, F., & Lanzara, G. F. (Eds.). (2009). *ICT and Innovation in the Public Sector: European Studies in the Making of E-Government*. Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1057/9780230227293>
- Cooper, H. (2016). *Research Synthesis and Meta-Analysis: A Step-by-Step Approach* (fifth edition). Sage.
- Cordella, A., Contini, F. (2020). *Digital Technologies for Better Justice: A Toolkit for Action*. Inter-American Development Bank. <http://dx.doi.org/10.18235/0002297>
- Covelo de Abreu, J. (2019). The Role of Artificial Intelligence in the European e-Justice Paradigm – Suiting Effective Judicial Protection Demands. In P. Moura Oliveira, P. Novais, & L. Reis. (Eds.), *Progress in Artificial Intelligence. EPIA 2019. Lecture Notes in Computer Science*, 11804. Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-30241-2_26

- Creutzfeldt, N. (2021). Towards a digital legal consciousness? *European Journal of Law and Technology*, 12(3).
- De Rugeris, G. (2010). *The Online Criminal Trial in Italy Seeks an Identity*. In *Proceedings of the 10th European Conference on e-Government* (pp. 492–499). Academic Publishing Limited.
- Deligiannis, A. P., & Anagnostopoulos, D. (2017). Towards Open Justice: ICT Acceptance in the Greek Justice System: The Case of the Integrated Court Management System for Penal and Civil Procedures (OSDDY/PP). In *Proceedings of the 7th International Conference for E-Democracy and Open Government, CeDEM 2017* (Art. No. 8046275, pp. 82–91). <https://doi.org/10.1109/cedem.2017.26>
- Di Natale, L. J., & Cordella, A. (2022). Digitising the Judicial Sector: A Case Study of the Dutch KEI Programme. In R. Krimmer et al., *Electronic Participation. ePart 2022. Lecture Notes in Computer Science*, 13392. Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-031-23213-8_9
- Dillon, M. P., & Beresford, D. (2014). Electronic Courts and the Challenges in Managing Evidence. A View from Inside the International Criminal Court. *International Journal for Court Administration*, 6(1), 29–36. <https://doi.org/10.18352/ijca.132>
- Doty, P., & Erdelez, S. (2002). Information micro-practices in Texas rural courts: Methods and issues for e-government. *Government Information Quarterly*, 19(4), 369–387. [https://doi.org/10.1016/S0740-624X\(02\)00121-1](https://doi.org/10.1016/S0740-624X(02)00121-1)
- Dumoulin, L., & Licoppe, C. (2016). Videoconferencing, New Public Management, and Organizational Reform in the Judiciary. *Policy & Internet*, 8(3), 313–333. <https://doi.org/10.1002/poi3.124>
- Ermakova, E. P., & Frolova, E. E. (2022). Using Artificial Intelligence in Dispute Resolution. In A. O. Inshakova, E. E. Frolova (Eds.), *Smart Technologies for the Digitisation of Industry: Entrepreneurial Environment. Smart Innovation, Systems and Technologies*, 254. Springer. https://doi.org/10.1007/978-981-16-4621-8_11
- Fabri, M. (2009). The Italian style of e-justice in a comparative perspective. In A. Martínez & P. Abat (Eds.), *E-Justice: Using Information Communication Technologies in the Court System* (pp. 1–19). IGI Global. <https://doi.org/10.4018/978-1-59904-998-4.ch001>
- Fabri, M. (2018). Pitfalls in Data Gathering to Assess Judiciaries. *International Journal for Court Administration*, 9(3), 67–75. <https://doi.org/10.18352/ijca.278>
- Fabri, M. (2021). Will COVID-19 Accelerate Implementation of ICT in Courts? *International Journal for Court Administration*, 12(2), 2. <https://doi.org/10.36745/ijca.384>
- Fernandes, R. V. de C., Rule, C., Ono, T. T., & Cardoso, G. E. B. (2018). The expansion of online dispute resolution in Brazil. *International Journal for Court Administration*, 9(2), 20–30. <https://doi.org/10.18352/ijca.255>
- Fernando, P., Gomes, C., & Fernandes, D. (2014). The Piecemeal Development of an e-Justice Platform: The CITIUS Case in Portugal. In F. Contini, & G. Lanzara (Eds.), *The Circulation of Agency in E-Justice*. Law, Governance and Technology Series, 13. Springer, Dordrecht. https://doi.org/10.1007/978-94-007-7525-1_6
- Fersini, E., Messina, V., Toscani, D., et al. (2010). Semantics and machine learning for building the next generation of judicial court management systems. In K. Liu & J. Filipe (Eds.), *Proceedings of the International Conference on Knowledge Management and Information Sharing* (Vol. OIC3K, pp. 51–60), Valencia, Spain. <https://doi.org/10.5220/0003099300510060>
- Filho, R. F., & Veronese, A. (2009). Electronic justice in Brazil. In A. Martínez & P. Abat (Eds.), *E-Justice: Using information communication technologies in the court system* (pp. 135–151). IGI Global. <https://doi.org/10.4018/978-1-59904-998-4.ch009>
- Frade, C., Fernando, P., & Conceição, A. F. (2020). The performance of the courts in the digital era: The case of insolvency and restructuring proceedings. *International Insolvency Review*, 29(3), 346–359. <https://doi.org/10.1002/iir.1390>
- Francesconi, E. (2014). An Interoperability Approach for Enabling Access to e-Justice Systems across Europe. In *Electronic Government and the Information Systems Perspective: Third International Conference, EGOVIS 2014*, Munich, Germany, September 1–3, 2014. Proceedings.
- Freitas, C. S. de, & Medeiros, J. J. (2015). Organizational Impacts of the Electronic Processing System of the Brazilian Superior Court of Justice. *JISTEM – Journal of Information Systems and Technology Management*, 12(2), 317–332. <https://doi.org/10.4301/S1807-17752015000200007>
- Gascó, M., & Jimenez-Gomez, C. E. (2011). Interoperability in the justice field: Variables that affect implementation. In M. Klun, M. Decman & T. Jukic (Eds.), *Proceedings of the 11th European Conference on eGovernment* (pp. 272–279). Academic Publishing Limited.
- Gibson, J. (2016). Social Media and the Electronic “New World” of Judges. *International Journal for Court Administration*, 7(2), 1–9. <https://doi.org/10.18352/ijca.199>
- Greenwood, J. M., & Bockweg, G. (2012). Insights to Building a Successful E-filing Case Management Service: U.S. Federal Court Experience. *International Journal for Court Administration*, 4(2), 2–10. <https://doi.org/10.18352/ijca.74>

- Greenwood, J. M., & Brinkema, J. (2015). E-Filing Case Management Services in the US Federal Courts: The Next Generation: A Case Study. *International Journal for Court Administration*, 7(1), 3–17. <https://doi.org/10.18352/ijca.179>
- Henning, F., & Ng, G. (2009). The challenge of collaboration—ICT implementation networks in courts in The Netherlands. *Transylvanian Review of Administrative Sciences*, 5(28), 27–44.
- Karasev, A. T., Savoskin, A. V., & Meshcheryagina, V. A. (2021). On the Effectiveness of the Digital Legal Proceedings Model in Russia. *Mathematics*, 9(2), 125. <https://doi.org/10.3390/math9020125>
- Kengyel, M., & Nemessányi, Z. (Eds.). (2012). *Electronic technology and civil procedure: New paths to justice from around the world*. Springer. <https://doi.org/10.1007/978-94-007-4072-3>
- Kettiger, D., & Lienhard, A. (2021). Swiss Courts Facing the Challenges of COVID-19. *International Journal for Court Administration*, 12(2), 5. <https://doi.org/10.36745/ijca.380>
- Kettiger, D., Lienhard, A., Langbroek, Ph., & Fabri, M. (2019). Court Management: A Young Field of Public Management. In E. Ongaro (Ed.), *Public Administration in Europe. Governance and Public Management* (pp. 309–315). https://doi.org/10.1007/978-3-319-92856-2_28
- Kiršienė, J., Amilevičius, D., & Stankevičiūtė, D. (2022). Digital Transformation of Legal Services and Access to Justice: Challenges and Possibilities. *Baltic Journal of Law & Politics*, 15(1), 141–172. <https://doi.org/10.2478/bjlp-2022-0007>
- Kiškis, M., & Petrauskas, R. (2004). ICT adoption in the judiciary: Classifying of judicial information. *International Review of Law, Computers & Technology*, 18(1), 37–45. <https://doi.org/10.1080/13600860410001674724>
- Kitoogo, F. E., & Bitwayiki, C. (2010). e-Justice implementation at a national scale: The Ugandan case. In A. Villaflorida, R. Saint-Paul & A. Zorer (Eds.), *E-infrastructures and e-services on developing countries* (pp. 40–49). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-642-12701-4_5
- Konina, A. (2020). Technology-Driven Changes in an Organizational Structure: The Case of Canada's Courts Administration Service. *International Journal for Court Administration*, 11(2), 6. <https://doi.org/10.36745/ijca.326>
- Kovalenko, N., & Bernaziuk, I. (2018). Topical issues of financing electronic legal proceedings in Ukraine. *Baltic Journal of Economic Studies*, 4(5), 100–104. <https://doi.org/10.30525/2256-0742/2018-4-5-100-104>
- Kramer, X. E., van Gelder, E., & Themeli, E. (2018). e-Justice in the Netherlands: the Rocky Road to Digitised Justice. In M. Weller & M. Wendland (Eds.), *Digital Single Market: Bausteine eines Rechts in der Digitalen Welt* (pp. 209–235). Tübingen: Mohr Siebeck. <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3167543>
- Lodge, J. (2005). eJustice, Security and Biometrics: the EU's Proximity Paradox. *European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice*, 13(4), 533–564. <https://doi.org/10.1163/157181705774662607>
- Lourenço, R. P., Fernando, P., & Gomes, C. (2020). From eJustice to Open Judiciary: An Analysis of the Portuguese Experience. In *Open Government: Concepts, Methodologies, Tools, and Applications* (pp. 1161–1186). <https://doi.org/10.4018/978-1-5225-9860-2.ch055>
- Loutocký, P. (2022, May 31). Possible approaches towards the architecture of online courts and their potential in the decision-making process. *Jusletter IT*. <https://doi.org/10.38023/f37d20de-4f8c-4421-afaa-0d914636f226>
- Lunardi, F. C., & Clementino, M. B. M. (Eds.). (2021). *Inovação Judicial: Fundamentos e Práticas para uma Jurisdição de Alto Impacto*. Brasília: Escola Nacional de Formação e Aperfeiçoamento de Magistrados – Enfam.
- Lupo, G. (2015). Evaluating e-Justice: The Design of an Assessment Framework for e-Justice Systems. In K. Benyekhlef, J. Bailey, J. Burkell, & F. Gélinas (Eds.), *eAccess to Justice* (pp. 53–94). University of Ottawa Press.
- Lupo, G. (2019). Assessing e-Justice smartness: A new framework for e-Justice Evaluation Through Public Values. In M. P. Rodriguez Bolivar (Ed.), *Setting Foundations for the Creation of Public Value in Smart Cities* (pp. 77–113). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-319-98953-2_4
- Lupo, G., & Bailey, J. (2014). Designing and implementing e-Justice Systems: Some Lessons Learned from EU and Canadian Examples. *Laws*, 3(2), 353–387. <https://doi.org/10.3390/laws3020353>
- Lupo, G., & Carnevali, D. (2022). Smart Justice in Italy: Cases of Apps Created by Lawyers for Lawyers and Beyond. *Laws*, 11(3), 51. <https://doi.org/10.3390/laws11030051>
- Lyon, F., Gyateng, T., Pritchard, D., Vaze, P., Vickers, I., & Webb, N. (2015). Opening access to administrative data for evaluating public services: The case of the Justice Data Lab. *Evaluation*, 21(2), 232–247. <https://doi.org/10.1177/1356389015577507>
- Martínez, A. (2009). E-justice in Spain. In A. Martínez & P. Abat (Eds.), *E-justice: Using information communication technologies in the court system* (pp. 98–116). IGI Global. <https://doi.org/10.4018/978-1-59904-998-4.ch007>
- Martínez, A., & Abat, P. (2009). *E-justice: Using information communication technologies in the court system*. IGI Global. <https://doi.org/10.4018/978-1-59904-998-4>

- McMillan, J. E. (2009). The potential of computerized court case management to battle judicial corruption. In A. Martínez & P. Abat (Eds.), *E-justice: Using information communication technologies in the court system* (pp. 57–64). IGI Global. <https://doi.org/10.4018/978-1-59904-998-4.ch004>
- Meyer, N. (2014). Social Media and the Courts: Innovative Tools or Dangerous Fad? A Practical Guide for Court Administrators. *International Journal for Court Administration*, 6(1), 2–28. <https://doi.org/10.18352/ijca.136>
- Minbaleev, A. V., & Evsikov, K. S. (2022). Alternative dispute resolution in digital government. *RBADR*, 4(7), 119–146. <https://doi.org/10.52028/rbadr.v4i7.8>
- Morison, J., & Harkens, A. (2019). Re-engineering justice? Robot judges, computerised courts and (semi) automated legal decision-making. *Legal Studies*, 39(4), 618–635. <https://doi.org/10.1017/lst.2019.5>
- Murillo, R., & Zuniga, R. (2013). Could Innovation also Emerge from the Public Sector? Creating an ISO-like Judiciary Quality Management Standard. *International Journal for Court Administration*, 5(2), 10–30. <https://doi.org/10.18352/ijca.16>
- Nikolaychenko, O., & Nikolaychenko, V. V. (2019). Transformation of the procedural obligations of the court under electronic justice conditions. In E. G. Popkova (Ed.), *Ubiquitous computing and the internet of things: Prerequisites for the development of ICT* (pp. 379–385). Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-030-13397-9_44
- Oktal, O., Alpu, O., & Yazici, B. (2016). Measurement of internal user satisfaction and acceptance of the e-justice system in Turkey. *Aslib Journal of Information Management*, 68(6), 716–735. <https://doi.org/10.1108/AJIM-04-2016-0048>
- Olugasa, O. (2020). Utilising Technology in Making the Nigerian Administration of Criminal Justice Act Effective for Criminal Trials. *International Journal for Court Administration*, 11(2), 5. <https://doi.org/10.36745/ijca.332>
- Olugasa, O., & Davies, A. (2022). Remote Court Proceedings in Nigeria: Justice Online or Justice on the Line. *International Journal for Court Administration*, 13(2), 2. <https://doi.org/10.36745/ijca.448>
- Page, M. J., McKenzie, J. E., Bossuyt, P. M., Boutron, I., Hoffmann, T. C., Mulrow, C. D., Shamseer, L., Tetzlaff, J. M., Akl, E. A., Brennan, S. E., Chou, R., Glanville, J., Grimshaw, J. M., Hróbjartsson, A., Lalu, M. M., Li, T., Loder, E. W., Mayo-Wilson, E., McDonald, S., ... Moher, D. (2021). The PRISMA 2020 statement: an updated guideline for reporting systematic reviews. *Research Methods & Reporting*, 372(71), 1–9. <https://doi.org/10.1136/bmj.n71>
- Pangalos, G., Salmatzidis, I., & Pagkalos, I. (2014). Using IT to Provide Easier Access to Cross-Border Legal Procedures for Citizens and Legal Professionals – Implementation of a European Payment Order e-CODEX pilot. *International Journal for Court Administration*, 6(2), 43–52. <https://doi.org/10.18352/ijca.137>
- Pereira, S., Correia, P., & Bilhim, J. (2023). Inovação e Transformação Digital na Justiça: uma Revisão Sistemática de Literatura. *Anais do Encontro de Administração da Justiça – EnAJUS 2023*.
- Poblet, M., Vallbé, J. J., Casellas, N., & Casanovaset, P. (2009). Judges as IT users: The iuriservice example. In A. Martínez & P. Abat (Eds.), *E-justice: Using information communication technologies in the court system* (pp. 38–56). IGI Global. <https://doi.org/10.4018/978-1-59904-998-4.ch003>
- Politis, D., Donos, G., Christou, G., Giannakopoulos, P., & Papapanagiotou-Leza, A. (2008). Implementing E-justice on a national scale: Coping with balkanization and socio-economical divergence. *Journal of Cases on Information Technology*, 10(2), 41–59. <https://doi.org/10.4018/jcit.2008040104>
- Potter, S., Farrelly, P., & Begg, D. (2009). The e-court roadmap: Innovation and integration an Australian case study. In A. Martínez & P. Abat (Eds.), *E-justice: Using information communication technologies in the court system* (pp. 165–185). IGI Global. <https://doi.org/10.4018/978-1-59904-998-4.ch011>
- Poullet, Y. (2009). The Belgian case: Phenix or how to design E justice through privacy requirements and in full respect of the separation of powers. In A. Martínez & P. Abat (Eds.), *E-justice: Using information communication technologies in the court system* (pp. 186–195). IGI Global. <https://doi.org/10.4018/978-1-59904-998-4.ch012>
- Rattan, J., & Rattan, V. (2021). The COVID-19 Crisis – the New Challenges Before the Indian Justice and Court Administration System. *International Journal for Court Administration*, 12(2). <https://doi.org/10.36745/ijca.391>
- Reiling, A. D. (2020). Courts and Artificial Intelligence. *International Journal for Court Administration*, 11(2), 8. <https://doi.org/10.36745/ijca.343>
- Reiling, D. (2011). Understanding IT for Dispute Resolution. *International Journal for Court Administration*, 3(2), 34–44. <https://doi.org/10.18352/ijca.61>
- Reiling, D. (2012). Technology in Courts in Europe: Opinions, Practices and Innovations. *International Journal for Court Administration*, 4(2), 11–20. <https://doi.org/10.18352/ijca.75>
- Reiling, D. (2017). Beyond court digitalization with ODR. *International Journal for Court Administration*, 8(2), 1–6. <https://doi.org/10.18352/ijca.225>

- Reiling, D., & Contini, F. (2022). E-Justice Platforms: Challenges for Judicial Governance. *International Journal for Court Administration*, 13(1), 6. <https://doi.org/10.36745/ijca.445>
- Rocha, C. (2021). Success Factors for e-Justice Adoption. In *ISLA 2021 Proceedings*, 12 (pp.1–6).
- Romdoni, M., Lussak, A., & Darmawan, I. (2022). Success Factors for Using E-Court in Indonesian Courts. *Proceeding of International Academic Symposium of Social Science 2022*, 82(1), 58. <http://dx.doi.org/10.3390/proceedings2022082058>
- Rooze, E. (2010). Differentiated Use of Electronic Case Management Systems. *International Journal for Court Administration*, 3(1), 50–60. <https://doi.org/10.18352/ijca.53>
- Rosa, J., Teixeira, C., & Pinto, J. S. (2013). Risk factors in e-justice information systems. *Government Information Quarterly*, 30(3), 241–256. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2013.02.002>
- Rusakova, E. P., & Frolova, E. E. (2022). Current Problems of Digital Justice in the BRICS Countries. In A. O. Inshakova & E. E. Frolova (Eds.), *Smart Technologies for the Digitisation of Industry: Entrepreneurial Environment. Smart Innovation, Systems and Technologies*, 254. Springer. https://doi.org/10.1007/978-981-16-4621-8_12
- Sanders, A. (2021). Video-Hearings in Europe Before, During and After the COVID-19 Pandemic. *International Journal for Court Administration*, 12(2), 3. <https://doi.org/10.36745/ijca.379>
- Sandoval-Almazan, R., & Gil-Garcia, J. R. (2020). Understanding e-Justice and Open Justice Through the Assessment of Judicial Websites: Toward a Conceptual Framework. *Social Science Computer Review*, 38(3), 334–353. <https://doi.org/10.1177/0894439318785957>
- Santuber, J., Abou Refaie, R., & Meinel, C. (2022). Interrogating e-Justice: Lessons from Digitalizing Courts in Chile. In *Conference EGOV-CeDEM-ePart 2022*, September 6–8, 2022, Linköping University, Sweden (Hybrid). <https://ceur-ws.org/Vol-3399/paper5.pdf>
- Sarantis, D., & Askounis, D. (2009). Electronic criminal record in Greece: Project management approach and lessons learned in public administration. *Transylvanian Review of Administrative Sciences*, 5(25), 132–146.
- Scognamiglio, F., Sancino, A., Caló, F., Jacklin-Jarvis, C., & Rees, J. (2023). The public sector and co-creation in turbulent times: A systematic literature review on robust governance in the COVID-19 emergency. *Public Administration*, 101(1), 53–70. <https://doi.org/10.1111/padm.12875>
- Seepma, A. P., de Blok, C., & Van Donk, D. P. (2021). Designing digital public service supply chains: Four country-based cases in criminal justice. *Supply Chain Management*, 26(3), 418–446. <https://doi.org/10.1108/SCM-03-2019-0111>
- Shahbazov, I. (2019). Exploring the attitudes of university students and criminal justice professionals towards electronic monitoring in Azerbaijan: A focus group study. *International Journal of Law, Crime and Justice*, 58, 44–55. <https://doi.org/10.1016/j.ijlcrj.2019.06.003>
- Shi, C., Sourdin, T., & Li, B. (2021). The Smart Court – A New Pathway to Justice in China? *International Journal for Court Administration*, 12(1), 4. <https://doi.org/10.36745/ijca.367>
- Silveira, A., & de Abreu, J. C. (2018). Interoperability solutions under Digital Single Market: European e-Justice rethought under e-Governance paradigm. *European Journal of Law and Technology*, 9(1). <https://ejlt.org/index.php/ejlt/article/view/590>
- Sousa, M., Kettiger, D., & Lienhard, A. (2022). E-justice in Switzerland and Brazil: Paths and Experiences. *International Journal for Court Administration*, 13(2), 3. <https://doi.org/10.36745/ijca.368>
- Taal, S., Kolitsi, Z., Velicogna, M., Groustra, J., & Steigenga, E. (2019). Connecting the European e-Justice Community: Towards a New Governance Model for e-CODEX. *Public Sciences & Policies*, 5(1), 33–51. <https://doi.org/10.33167/2184-0644.CPP2019.VVN1/pp.33-51>
- Themeli, E. (2022). The Frontiers of Digital Justice in Europe. In X. Kramer, J. Hoevenaars, B. Kas, & E. Themeli (Eds.), *Frontiers in Civil Justice* (pp. 102–120). <https://doi.org/10.4337/9781802203820.00013>
- Tokarev, D. A., Usanova, V. A., Kagalnitskova, N., & Sandalova, V. A. (2019). Development of E-justice in Russia: Modernization of legal regulation and deepening of scientific research. In E. Popkova (Ed.), *Ubiquitous computing and the internet of things: Prerequisites for the development of ICT* (pp. 215–222). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-13397-9_25
- Trochev, A. (2009). Courts on the Web in Russia. In A. Martínez & P. Abat (Eds.), *E-Justice: Using information communication technologies in the court system* (pp. 196–203). IGI Global. <https://doi.org/10.4018/978-1-59904-998-4.ch013>
- Tyler, M. H. C. (2009). Online dispute resolution. In A. Martínez & P. Abat (Eds.), *E-Justice: Using information communication technologies in the court system* (pp. 87–96). IGI Global. <https://doi.org/10.4018/978-1-59904-998-4.ch006>
- Valeev, D. K., & Nuriev, A. G. (2019). Unity of judicial power: Development of elements of electronic justice. *Revista Turismo: Estudos e Práticas*, 2, 1–5.
- van den Hoogen, R. (2008). Will E-Justice still be Justice? Principles of a Fair Electronic Trial. *International Journal for Court Administration*, 1(1), 65–73. <https://doi.org/10.18352/ijca.128>

- Velicogna, M. (2014). Coming to Terms with Complexity Overload in Transborder e-Justice: The e-CODEX Platform. In F. Contini & G. Lanzara (Eds.), *The Circulation of Agency in E-Justice*. Springer. https://doi.org/10.1007/978-94-007-7525-1_13
- Velicogna, M. (2017). In search of smartness: The EU e-justice challenge. *Informatics*, 4(4), 38. <https://doi.org/10.3390/informatics4040038>
- Velicogna, M. (2018). E-Justice in Europe: From National Experiences to EU Cross-Border Service Provision. In L. Alcaide Muñoz & M. Rodríguez Bolívar (Eds.), *International E-Government Development*. Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-3-319-63284-1_3
- Velicogna, M., Errera, A., & Derlange, S. (2013). Building e-Justice in Continental Europe: The TeleRecours Experience in France. *Utrecht Law Review*, 9, 38–59. <https://doi.org/10.18352/ulr.211>
- Velicogna, M., Steigenga, E., Taal, S., Schmidt, A. (2020). Connecting EU jurisdictions: Exploring how to open justice across member states through ICT. *Social Science Computer Review*, 38(3), 274–294. <https://doi.org/10.1177/0894439318786949>
- Viktora, M. (2022). Innovative Leadership-a Missing Puzzle in the Economic Administration of the Judiciary in the Czech Republic. *International Journal for Court Administration*, 13(3), 3. <https://doi.org/10.36745/ijca.438>
- Voigt, S. (2018). Innovate – Don't Imitate! – ENCJ Research Should Focus on Research Gaps. *International Journal for Court Administration*, 9(3), 47–53. <https://doi.org/10.18352/ijca.279>
- Vries, H., Bekkers, V., & Tummers, L. (2015). Innovation in the Public Sector: A Systematic Review and Future Research Agenda. *Public Administration*, 94(1), 146–166. <https://doi.org/10.1111/padm.12209>
- Vucheva, M., Rocha, M., Renard, R., & Stasinopolous, D. (2020). *Study on the use of innovative technologies in the justice field*. <https://doi.org/10.2838/585101>
- Vuyst, B., & Fairchild, A. (2006). The Phenix project: A case study of e-justice in Belgium. In M. S. Fox & B. Spencer (Eds.), *ICEC'06: Proceedings of the 8th International Conference on Electronic Commerce: The New e-Commerce: Innovations for Conquering Current Barriers, Obstacles and Limitations to Conducting Successful Business on the Internet* (pp. 327–333). ACM. <https://doi.org/10.1145/1151454.1151509>
- Wallace, A. (2009). E-justice: An Australian perspective. In A. Martínez & P. Abat (Eds.), *E-justice: Using information communication technologies in the court system* (pp. 204–228). IGI Global. <https://doi.org/10.4018/978-1-59904-998-4.ch014>
- Wallace, A. (2017). The Impact of Technology on Courts. *International Journal for Court Administration*, 8(2), 1. <https://doi.org/10.18352/ijca.236>
- Wallace, A. (2019). Ten Questions for Dory Reiling – Developing IT for Courts. *International Journal for Court Administration*, 10(1), 1–3. <https://doi.org/10.18352/ijca.293>
- Wallace, A., & Laster, K. (2021). Courts in Victoria, Australia, During COVID: Will Digital Innovation Stick? *International Journal for Court Administration*, 12(2), 9. <https://doi.org/10.36745/ijca.389>
- Wallace, A., & Rowden, E. (2009). Gateways to Justice: The Use of Videoconferencing Technology to Take Evidence in Australian Courts. In *Proceedings of the 9th European Conference on e-Government*. University of Westminster Business School, London, England.
- Warren, M. (2014). Open justice in the technological age. *Monash University Law Review*, 40(1), 45–58.
- Wienrich, C., Fries, L., & Latoschik, M. (2022). Remote at Court: Challenges and Solutions of Video Conferencing in the Judicial System. In G. Salvendy, J. Wei (Eds.), *Proceedings of the 3rd International Conference on Design, Operation and Evaluation of Mobile Communications. 24th International Conference on Human-Computer Interaction (HCII)*. https://doi.org/10.1007/978-3-031-05014-5_8
- Yavuz, N., Karkin, N., & Yildiz M. (2022). E-Justice: A Review and Agenda for Future Research. In Y. Charalabidis, L. S. Flak & G. V. Pereira (Eds.), *Scientific Foundations of Digital Governance and Transformation: Concepts, Approaches and Challenges* (pp. 385–414). https://doi.org/10.1007/978-3-030-92945-9_15
- Yu, J. (2021). Citizen adoption of e-justice services: An empirical research in China. In *AISS'2021: Proceedings of the 3rd International Conference on Advanced Information Science and System*, November 26–28, 2021, Sanya, China. Association for Computing Machinery. <https://doi.org/10.1145/3503047.3503061>
- Yu, J., & Xia, J. (2020). E-justice evaluation factors: The case of smart court of China. *Information Development*, 37(4). <https://doi.org/10.1177/0266666920967387>
- Zelevnikow, J. (2017). Can Artificial Intelligence and Online Dispute Resolution enhance efficiency and effectiveness in Courts. *International Journal for Court Administration*, 8(2), 30–45. <https://doi.org/10.18352/ijca.223>
- Zelevnikow, J., & Esteban de la Rosa, F. (2021). Artificial Intelligence as a New Component of the Justice System: How it creates New Possibilities, but has Limitations especially with regards to Governance. In F. E. de la Rosa, J. M. Gil Ruiz, L. M. Hinojosa Martínez, A. Orti Vallejo, S. A. Sánchez Lorenzo, & J. Vals Prieto (Eds.), *Justice, Trade, Security, and Individual Freedoms in the Digital Society* (pp. 59–101).

Authors information

Pedro Miguel Alves Ribeiro Correia – PhD in Social Sciences (Specialty in Public Administration), Invited Associate Professor, Faculty of Law, University of Coimbra
Address: Pátio da Universidade, 3004-528 Coimbra, Portugal

E-mail: pcorreia@fd.uc.pt

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3111-9843>

Scopus Author ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=58223408400>

WoS Researcher ID: <https://www.webofscience.com/wos/author/record/B-2753-2015>

Google Scholar ID: <https://scholar.google.hu/citations?user=KABKPUAAAAJ>

Sandra Patrícia Marques Pereira – PhD student, Master in Public Administration (Specialty in Justice Administration), Assistant Lecturer, Faculty of Law, University of Coimbra

Address: Pátio da Universidade, 3004-528 Coimbra, Portugal

E-mail: spmpereira@fd.uc.pt

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7374-3847>

Scopus Author ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=55929186300>

WoS Researcher ID: <https://www.webofscience.com/wos/author/record/X-3842-2019>

Google Scholar ID: <https://scholar.google.hu/citations?user=JkKwoIYAAAAJ>

João Abreu de Faria Bilhim – PhD in Social Sciences (Specialty in Sociology of Organizations), Retired Full Professor, University of Lisbon

Address: Cidade Universitária, Alameda da Universidade, 1649-004 Lisboa, Portugal

E-mail: j.bilhim@sapo.pt

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9419-0009>

Scopus Author ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57200310364>

WoS Researcher ID: <https://www.webofscience.com/wos/author/record/AAM-9835-2021>

Google Scholar ID: <https://scholar.google.hu/citations?user=gil6lCgAAAAJ>

Author's contributions

Pedro Miguel Alves Ribeiro Correia, Sandra Patrícia Marques Pereira and João Abreu de Faria Bilhim equally contributed into conceptualization, methodology, validation, formal analysis, investigation, selection of resources, writing a review, editing, visualization, supervision, and project administration.

Conflict of interest

The authors declares no conflict of interest.

Financial disclosure

This work is supported by Portuguese national funds through FCT–Fundação para a Ciência e a Tecnologia, under project UIDB/04643/2020.

Thematic rubrics

OECD: 5.05 / Law

PASJC: 3308 / Law

WoS: OM / Law

Article history

Date of receipt – January 5, 2024

Date of approval – January 20, 2024

Date of acceptance – March 15, 2024

Date of online placement – March 20, 2024

